

**Министерство просвещения Российской Федерации
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Региональное отделение Русского географического общества
в Республике Башкортостан**

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРОСВЕТИТЕЛИ ЕВРАЗИИ

Уфа 2020

УДК 80/81
ББК 92
В 92

Выдающиеся просветители Евразии [Текст] / сост. Р.Р. Баязитова.
– 2-е изд., доп. – Воронеж: Изд-во АртПринт, 2020. – 347 с.

Научно-популярное издание включает материалы о наиболее известных просветителях алтайского, башкирского, бурятского, венгерского, казахского, каракалпакского, крымскотатарского, кыргызского, мордовского, ногайского, русского, таджикского, татарского, тувинского, туркменского, удмуртского, узбекского, хакасского, хантыйского, чувашского, якутского народов.

Издание будет полезно всем, интересующимся деятельностью просветителей и проблемами искусствоведения, литературоведения, педагогики, фольклористики, этнографии, языкознания.

Редколлегия:

Р.Р. Баязитова (Уфа, Россия),
С.К. Бердагулова (Нур-Султан, Казахстан),
Н.У. Шаяхметов (Нур-Султан, Казахстан).

Рецензенты:

Президент Международной академии КОНКОРД, профессор
Г.В. Томский (Франция),
доктор философских наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы
А.Х. Давлеткулов (Россия)

ISBN 978-5-6044681-5

©Изд-во БГПУ, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евразия... Крупнейший материк на планете Земля, протянувшийся на 16 тысяч километров с востока на запад и на 8 тысяч километров с севера на юг. Континент с самыми высокими горами и самыми большими долинами, омываемый четырьмя океанами. Родина древнейших цивилизаций, формировавших всю историю человечества. Евразия – наша Родина.

За время своего существования бескрайние просторы Евразийского материка многое повидали: великие переселения народов, бесконечные войны, выдающиеся научные открытия, проникновенные народные мелодии и нескончаемые философские рассуждения о добре и зле, о свободе, о смысле жизни.

Особенностью истории континента в XIX-XX веках является просветительство. Просветительство – это целая эпоха в историко-культурном развитии народов, связанная с развитием философской и общественной мысли. Деятельность просветителей поражает не столько своей разносторонностью, сколько служением своему народу, всему человечеству и каждому человеку. Как у всякого подлинного таланта, творчество просветителей космополитично. Жизнь этих великих людей является ярким примером содружества, их творения получили широчайшее распространение по всему континенту. Именно поэтому, зачастую «своими» просветителями многие народы Евразии называют одних и тех же гениев.

Просветители несли особую миссию – они были вестниками свободы и глашатаями истины. Составители алфавитов, основатели письменной литературы, зачинатели музыкального искусства и живописи – все это Просветители, которые подобно горящему факелу освещали путь, направляя свои народы к знаниям. Вообще, стремление к познанию, основанное на свободомыслии и человеколюбии, целиком пронизывает их творчество и охватывает такие отрасли знаний, как филология, история, социология, философия, педагогика, психология. Наряду с прекрасными поэтическими творениями, прозаическими текстами, драматическими произведениями просветители оставили прекрасные учебники и учебные пособия. Мастера словесного искусства и великие мыслители-гуманисты своим творчеством заложили фундамент научных исследований в области литературоведения, фольклористики, языкознания, этнографии и многих других наук.

Учитывая значимость личности и творческого наследия выдающихся представителей народов Евразии в образовательной сфере и культуре, творческий коллектив преподавателей Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы и Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева подготовил научно-

популярное издание о наиболее известных просветителях алтайского, башкирского, бурятского, венгерского, казахского, каракалпакского, крымскотатарского, кыргызского, мордовского, ногайского, русского, таджикского, татарского, тувинского, туркменского, удмуртского, узбекского, хакасского, хантыйского, чувашского, якутского народов.

Надеемся, что данное издание внесет вклад в познание творческого наследия выдающихся личностей, познакомит с их жизнью, раскроет невероятные грани мужества, стойкости, преданности и таланта. В представленных материалах отражены не только жизнь и творчество самих просветителей, определена их роль в развитии общества, но и содержатся сведения об ученых, исследовавших их жизнь и деятельность, о произведениях литературы и искусства, посвященных созданию образа видных деятелей эпохи просветительства. Кроме того, проведена попытка систематизации сведений об увековечивании их памяти в музеях, в названиях учреждений, общественных организаций и т. д. Статьи написаны на богатом местном материале и представляют различные стороны жизни и творчества великих личностей, передают особенности эпохи и национальный колорит. Представленные источники и литература демонстрируют популярность творчества просветителей, позволяют судить о возрастающем интересе и признании наследия выдающихся личностей.

Научно-популярное издание, подготовленное учеными разных стран, будет полезно всем интересующимся деятельностью просветителей и проблемами искусствоведения, литературоведения, педагогики, фольклористики, этнографии, языкознания.

Салават Сагитов, ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, председатель Башкирского отделения Русского географического общества

Розалия Баязитова, старший научный сотрудник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, кандидат исторических наук, доцент

АКМУЛЛА

(1831–1895)

Отдельные тюркские народы России рано вступили на путь капиталистического развития и уже в первой половине XIX века выдвинули из своей среды крупных идеологов просветительства. Башкиры встали на этот путь в середине XIX столетия. Во второй половине XIX века, после упразднения кантонной системы управления в 1865 году, начинается новый этап в развитии просветительства Башкортостана. Этот период с полным на то основанием может быть назван эпохой башкирского просвещения, который охватывает вторую половину XIX столетия и начало XX века. Наиболее известными деятелями башкирского просвещения были М. Биксурин, А. Куватов, М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов и др.

К тому времени среди башкирской интеллигенции были прогрессивно настроенные, с передовыми по тому времени взглядами деятели, которые стремились к усвоению русской культуры, созданию и развитию на ее примере своей национальной культуры, мечтали о преобразовании религиозно-схоластических мектебов и медресе в светские. Они делали первые шаги по разработке проблем, связанных с историей, литературой, языком и устно-поэтическим творчеством родного народа, что в определенной мере подготовило благоприятную почву и дало ощутимый толчок для развития просветительских идей в литературе и общественной жизни башкир.

Творческая деятельность М. Акмуллы и М. Уметбаева, которая наиболее полно отразила философские, общественно-политические, эстетические, морально-этические и педагогические взгляды своего времени, явилась для башкирского просветительства периодом расцвета.

Их имена по праву можно поставить в один ряд с именами таких выдающихся мыслителей, как К. Насыри, Ч. Валиханов, А. Кунанбаев, И. Яковлев и других.

Выдающийся башкирский просветитель и мыслитель Мифтахетдин Акмулла широко известный у башкир, казахов, татар, узбеков, туркмен и каракалпаков большое внимание в своем творчестве уделил нравственно-этической проблематике.

Осмысливая окружающую действительность через призму нравственных оценок, Акмулла делал широкие философские обобщения. В назидательно-дидактических стихах поэта, близких по смыслу к рубаятам Омара Хаяма, видно высокое уважение к человеку, сочувствие его судьбе, а его поучения говорят о желании помочь людям, страдающим от материального и духовного порабощения.

Акмулла – псевдоним, настоящее имя – Камалетдинов Мифтахетдин Камалетдинович, родился 14 декабря 1831 г. в башкирской деревне Туксанбай Кульиль-Минской волости Белебеевского уезда, Оренбургской губернии (ныне Миякинский район Башкортостана).

Мифтахетдин родился в семье Туксанбайского указного мурлы Камалетдина. По архивным данным установлено, что родной отец Акмуллы Камалетдин сын Искужи, мать – Бибиуммугульсум дочь Салимьяна, оба башкиры вотчинники.

С достижением школьного возраста Мифтахетдин начинает ходить в медресе соседнего села Ябалактамак, где получает начальное образование, затем некоторое время учится сначала в деревне Менеузтамак у Габдрахман хазрета, позднее – в деревне Аняс Карамалинской волости у Ахметши-хазрета. Порядки в медресе, основанное на схоластике и религиозном фанатизме, не нравятся ему, и он уходит в Стерлибаш, где некоторое время получает уроки у поэта Шамсетдина Заки. Беспокойную, ищущую, жадную к знаниям натуру Мифтахетдина не удовлетворяет и знаменитое для того времени Стерлибашевское медресе.

С тех пор начинается его скитальческая жизнь. Вскоре юноша отправляется в Оренбург (деревня Новые Каргалы под Оренбургом), а оттуда – в Зауралье, становится шакирдом медресе в городе Троицке. Там Мифтахетдин продолжает свою учебу. Как и многие шакирды, летом он учителем в ближайших казахских кишлаках и зарабатывает деньги на зиму. Кроме догм религии, канонов шариата, преподаваемых в медресе, Мифтахетдин в свободное время самостоятельно изучает персидский и арабский языки, увлеченно читает восточных классиков. В эти же годы Мифтахетдин обнаруживает в себе способности к ремеслу, и труд столяра,

плотника, лудильщика, портного, труд мастера на все руки становится его любимым занятием.

После завершения учебы в Троицке Акмулла еще несколько лет учительствует в казахских степях и через 13 лет возвращается в родную деревню. Но не суждено было ему осесть в отцовском доме. Он много повидал, много достиг путем самообразования. Все эти годы явились для него своеобразной школой жизни, школой становления его беспокойного характера. И, видимо, Камалетдин-хазрет не в состоянии был понять бунтарский характер своего сына, окрыленность его мыслей. При этом, оставаясь дома, вполне зрелый парень, как это полагалось в период кантонного управления Башкирии, должен был отбывать службу в составе башкирского казачьего войска.

Мифтахетдин очень рано, еще будучи малышом, лишился матери. Отец был беден, имел большую семью. В одном из писем поэт поименно передает привет девяти старшим братьям, пятерым младшим и одной сестре. Все эти дети жили и росли в одном отцовском доме, носили одну и ту же одежду, переходящую от старшего к младшим.

«Мифтахетдин» в переводе с арабского означает «хранитель ключа». Трудно сказать, какой ключ имел в виду Камалетдин – служитель культа, дав такое имя своему сыну. Но можем смело утверждать: мальчику было дано правильное имя – Мифтахетдин хранил в своей душе ключ к башкирской поэзии.

Отец надеялся воспитать из сына такого же религиозного фанатика, как и он сам. Но, выучив Коран наизусть, он не нашел в нем ответов на мучающие его вопросы... Отцовские религиозные идеалы входят в неразрешимое противоречие с материалистическими взглядами сына. Таким образом, происходит разрыв с отцом. Пройдут годы, а близость между отцом и сыном так и не установится.

С обидой на отца, взяв в его отсутствие коня и телегу, Мифтахетдин уехал из родного дома. Его телега была оборудована так, что в одном специальном отделе хранились книги и рукописи, в другом – столярные и прочие инструменты. Мастера на все руки и поэта-сэсна часто видели на юге Башкирии, в аулах и на летних пастбищах. На сабантуях он состязался с известными сэснами в искусстве поэтической импровизации, читал свои стихи перед народом.

Акмулла, впервые после Салавата Юлаева, обращается к своему народу со словами «мои башкиры», горячо призывал его к просвещению, к знанию. Пронизанные этими пламенными идеями чувства, боль, надежды он изливает в стихотворении «Мои башкиры»:

Мои башкиры, учиться надо, учиться,
Много невежд среди нас, образованных мало.
Как боимся мы дикого медведя на Урале,
Так невежества, брата, надо бояться.

Еще в годы обучения в медресе Мифтахетдин зачитывался в оригинале произведениями поэтической классики и философскими трактатами Востока. Глубокий интерес проявлял он к русскому языку и к передовой русской культуре. И, вобрав в себя все богатство башкирской устной и письменной поэзии, усвоив ее многовековые традиции, а уже в зрелые годы, приобщившись к творчеству казахских акынов, Мифтахетдин выработал черты поэта и мыслителя, синтезировавшего в своей творческой практике достижения философской мысли и культуры Востока и Запада, выступал он как поэт-новатор, поэт-гуманист, выразивший в своих стихах наиболее прогрессивные идеи и взгляды той эпохи.

Акмулла как никто другой понимал душу народа, его нужды и чаяния, его потребность в участии и сочувствии. И он неизменно нес народу тепло и сострадание своего великого сердца, правду своих убеждений. Его душа была исполнена болью и страданиями простых людей, и столь же жгучей ненавистью к миру богатеев, с которыми ему тоже приходилось постоянно сталкиваться. Один из них – казахский бай Батуч оклеветал его и на четыре года засадил в Троицкую тюрьму. Но и в застенках тюрьмы Акмулла сохранил крепость духа и создал широко известные произведения, среди которых особое место занимает стихотворение «Место мое – в зиндане». Здесь поэт рисует свою жизнь не только на фоне борьбы, идущей в обществе между правдой и ложью, добром и злом, верностью и предательством. Оно написано в виде письма к своим казахским друзьям:

Привет вам посылает странник Акмулла,
Писавший правду для народа ваш мулла,
Привет степям просторным от меня,
Осужденного по навету врагов.
Весь пожелтел я, глядячи в окно,
Душа моя терпенье потеряла.
Исангельды, Батуча был учителем,
В ответ неблагодарность заслужил.
В печальных думах похудел я, высох,
Слова не достигают никого.
Тираны истязают мою душу,
Но странник терпением высок.

Стихи Акмуллы, написанные из Троицкой тюрьмы, свидетельствуют о том, что лишение свободы резко повысило классовое самосознание поэта, без того довольно развитое, способствовало более четкому формированию его отношения к общественной действительности, – пишет А.И. Харисов.

Одна из привлекательнейших граней философских воззрений Акмуллы – его представление о человеке настоящем, или, как мы теперь говорим, личности. Тогда этот вопрос приобрёл исключительное значение.

Каким должен быть человек, лишённый возможности с оружием в руках бороться за свою свободу, брошенный на дно жизни – перед десятком трудно преодолимых преград? Одним словом, какими качествами должен обладать человек в невыносимых условиях той жизни, какой она стала для башкирского народа в XIX веке?

Подробный ответ на этот сакраментальный вопрос Акмулла даёт в своём стихотворении «Наставления». В нём поэт буквально по пальцам перечисляет качества, которыми должен обладать человек истинный. Характерно, что он не называет самые броские, общепринятые определения, по которым судили силу и храбрость джигита, отвагу воина, красоту девушки... Он обращается к качествам глубоко этического порядка, которыми может и должен обладать каждый человек, независимо от физического совершенства и общественного ранга. На первое место Акмулла ставит совестьливость; на второе – добропорядочность, честь; на третье – разум; на четвёртое – благодарность, т.е. умение быть благодарным всему и всем за добро, внимание, чуткость, в том числе и самой природе, породившей и взлелеявшей человека; на пятом месте у него – терпение, ибо только терпеливый человек может достичь поставленной цели, преодолеть все тернии и преграды судьбы. А ведь ещё современники Акмуллы, народные сэсны, продолжали восхвалять совершенно иные добродетели – мужскую удаль, жестокость к врагу на поле битвы, сноровку в похищении девушки. А тут – совестьливость, доброты!

Идейная направленность поэзии М. Акмуллы обусловлена его просветительским мировоззрением. О чем бы он ни писал, его внимание всегда было уделено вопросам нравственности, воспитания, просвещения и культурного обновления. Основа культурного развития – это образование, нравственная чистота. Поэтому в его поэзии резкой критике подвергаются феодальная отсталость, средневековая схоластика; сторонники изживших себя архаических явлений в обществе изображаются в самых чёрных и отталкивающих тонах, они приравниваются к свинье, вечно купающейся в грязи, сравниваются с мухой, прилипшей к гнойной ране:

Подойдешь ближе, он как мех кузнечный,
Облить тебя грязью может, очистить – нет.
Коснешься невзначай – будто бочка с дегтем,
Лишь очернить он может, обелить – нет.

А татарский реформатор Шигабетдин Марджани и другие поборники общественного обновления всячески восхваляются, возвышаются до идеального совершенства – они уподобляются фонарю, светящему в темноте, источнику света и тепла – Солнцу, Полярной звезде, указывающей дорогу всем путникам:

Братец мой, шлю тебе привет с просьбою:

Оглянись – Марджани вровень с Звездой Полярною;
Без него ты заблудишься, потеряв направление;
Сойдешь с пути в темноте непременно.

Поэт проводит идею о несовместимости добра и зла, утверждает вечное противоборство между тьмой и светом.

Поэта иногда одолевают сомнения в возможности нравственного очищения сородичей, вызванные разочарованиями в жизни, мрачными раздумьями о смысле человеческого бытия, одиночеством в атмосфере непонимания.

Открытое и смелое бичевание поэтом существующих порядков и пороков того времени свидетельствует о его гражданском мужестве в защиту человеческого достоинства и судьбы своего народа. И эта сила его стихов бессмертна, потому что она основана на высших морально-этических ценностях. И сегодня его стихи также актуальны, как более века назад. Грозным предупреждением звучат и сегодня его слова, обращённые к тем, кому нет дела до народа, до его бед и судеб:

Но зато вы мастера живой интриги.

Что вам совесть! – тут она подобна фиге.

В схватке той любой из вас подобен зверю,

Только бы отломить от всей ковриги.

Данное изречение вполне можно использовать в качестве лозунга для борьбы с коррупцией, организованной преступностью, беспределом чиновников, безответственностью бизнеса и власти.

Акмулла резко выступает против ретроградов школьного обучения, ратующих за телесное наказание, слепую зубрежку; призывает к чуткому и внимательному отношению к детям, к простоте и доступности предмета. Здесь он выступает не просто как просветитель, но и как педагог, разрабатывающий принципы и, если угодно, методику преподавания любых дисциплин. Разве не об этом свидетельствуют следующие строки:

Не шарахайтесь прочь от ученых людей,

В них – потребность великая ваша.

Воздавайте им должное! Только злодей

И глупец им на двери укажет.

Муллы! Палки отбросьте свои и хлысты,

Будьте с детской душой осторожны!

От серьезных наук не бегите в кусты,

Все другое – и пусто, и ложно.

Читая стихи Акмуллы, постигаешь его воззрения на жизнь, воспитание, мораль, этику и эстетику, которые несомненно отразили не только личные позиции Акмуллы, но и позиции самых передовых людей его времени; эти позиции именно в его стихах нашли самое совершенное и законченное выражение. Вот почему поэзия Акмуллы имеет столь широкое общественно-политическое значение и звучание. Строки его

щедро начинены мыслью, которая передана в образной, ярко-метафорической манере, и потому звучат как законченные афоризмы. Акмулла любит давать советы, назидания, наставления, но они не высокомерно поучительны – они учат и помогают как советы доброго старшего друга.

Не беда, хоть заблудился – лишь бы шел своим путем,

Лишь бы за свои ошибки не винил других потом.

А начнешь валить на прочих то, в чем по уши виновен,

Гнев людской тебя достанет справедливым острием.

Дурного и слабого знак –

Смятение и страх перед силой.

Преступно стоять, если враг

Бесчестит родимых и милых.

Акмулла воистину неисчерпаем в мудрости и полете афористической мысли. Иногда смысл его стихов не сразу доходит до читательского сознания.

Огромна роль Акмуллы в демократизации литературного языка. Сильно тюркизированному, насыщенному арабизмами и фарсизмами литературному языку того времени он предпочитал живую разговорную речь народа – новое, жизненно-реальное содержание поэзии потребовало соответствующую форму. Действительно, развитие искусства на демократической основе стало возможным лишь благодаря просветительской идеологии, что, в свою очередь, не могло не наложить отпечатка на литературный язык как на главное средство выражения поэтической мысли.

Большинство своих произведений, получивших впоследствии широкое распространение в устной форме, Акмулла создавал на башкирском и казахском языках. До Октябрьской революции его книги выходили в Казани на татарском языке, но и в них часто встречаются отдельные башкирские и казахские слова и словосочетания, идиоматические выражения и сравнения, не говоря уже о традиционных образах башкирского и казахского фольклора. Это лишний раз убеждает нас в том, насколько Акмулла близок был к реальной действительности, языку, обычаям и культурным традициям народов, среди которых вырос и провел свою скитальческую жизнь.

М. Акмулла был поистине поэтом-новатором. Его яркий талант, самобытная, полная сарказма поэзия были первой мощной волной, ударившейся о скалы доселе непреступных, но уже одряхлевших феодальных порядков, религиозного фанатизма и средневековой схоластики, уродливых, архаичных форм общественных отношений. Он первым возвестил башкирский край и казахские степи о наступлении новых времен и остался верным, неутомимым глашатаем новых идей – идей пробуждения от векового сна, идей всеобщего обновления. Поэтому

его поэзия одухотворена страстным желанием помочь своему народу преодолеть недуги беспросветного существования, увидеть, познать самого себя, желанием просветить его.

Акмулла был поистине народным поэтом. Его прекрасные поэтические творения, передаваясь из поколения в поколение и в рукописной, и особенно в устной форме, поныне служат предметом вдохновения и эстетического наслаждения.

Просветительские идеи, литературно-художественные традиции Акмуллы оставили глубокий, неизгладимый след в башкирской литературе. Его поэзию можно считать поэтической школой. Многие известные башкирские, некоторые татарские и казахские поэты, пришедшие в поэзию после Акмуллы, испытали его благотворное влияние.

Имя его стоит в одном ряду с выдающимися деятелями национальных культур и просвещения, таких, как Шевченко и Бердах, Абай и Насыри, Махтумкули и Ахундов.

Источники и литература

1. Асфандияров А.З. К биографии поэта // Акмулле – 150 лет. Статьи и материалы, посвященные юбилею поэта. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984.
2. Валиев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. – Уфа: Китап, 1995.
3. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
4. Недосекина А.Г. Морально-эстетические категории поэзии Мифтахетдина Акмуллы. – Уфа: БГПУ, 2014.
5. Султанов Ф.В. Слово о Мифтахетдине Акмулле // Акмулле – 150 лет. Статьи и материалы, посвященные юбилею поэта. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984.
6. Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX вв.). – Уфа: Китап, 2007.
7. Шакуров Р., Шафиков Г. Миякинский район – родина Акмуллы. Научно-справочное издание // Авторы-составители Р.М. Валиахметов, Р.З. Шакуров. – Уфа: «Скиф», 2006.
8. Шарипова З.Я. Творческая личность Акмуллы в свете восточной художественной традиции // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 4(74).

©Давлеткулов А.Х.

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

(1841–1889)

Выдающийся педагог-просветитель, писатель, этнограф, общественный деятель казахского народа Ибрай Алтынсарин родился 20 октября 1841 года в Аркарагайской волости (ныне Затобольский район) Костанайской области в зажиточной семье. С 1844 года после смерти отца Ибрай воспитывается у деда Балгожи. В 1857 году с золотой медалью окончил школу при Оренбургской пограничной комиссии. Работал писарем у своего деда, бия Балгожи, переводчиком в Оренбургском областном правлении. В 1864 году И. Алтынсарин назначается учителем школы в Оренбургском укреплении под Тургаем.

В 1879 году был назначен инспектором школ Тургайской области. Одно из направлений яркой деятельности Ибрая – организация ремесленных, сельскохозяйственных школ. Он завещал принадлежащие ему земли сельскохозяйственной школе Тургая. И. Алтынсарин является основоположником женского образования в Казахстане. В городе Иргиз им была открыта школа-интернат для казахских девочек. Основанная им в Троицке, затем переведенная в Оренбург учительская школа была передовым учебным заведением своего времени. И. Алтынсарин использовал опыт русской демократической учебной системы, наследие Ушинского, Тихомирова, Толстого.

Для русско-казахских школ Ибрай Алтынсарин написал два учебных пособия – «Киргизская хрестоматия» и «Основное руководство по обучению киргиз русскому языку». Эти книги предназначались для

казахских детей, обучающихся на русском языке. «Киргизская хрестоматия» способствовала вытеснению арабской графики.

И. Алтынсарин, стремившийся принести как можно больше пользы родному народу, планировал заниматься педагогической работой, в которой видел свое призвание. После долгих хлопот и трудностей ему удалось в 1860 году покинуть Оренбург и перевестись в город Тургай, но и здесь местные царские власти долго не давали возможности Ибраю Алтынсарину посвятить себя любимому учительскому делу, определяя его то помощником судьи, то судьей, то помощником начальника, то и. о. начальника уезда. Только в 1865 году удалось, наконец, перейти на педагогическую работу. В дальнейшем, почти 20 лет, он занимал руководящие должности в системе народного просвещения.

На посту инспектора по народному образованию в Тургайском уезде он проявил себя выдающимся организатором, талантливым педагогом, известным писателем-просветителем и крупным общественным деятелем. «Школы – это главные пружины образования киргизов, казахов, – писал Ибрай Алтынсарин, – ... на них, и в особенности на них надежда, в них же и будущее киргизского (казахского) народа». Поборник просветительства, Ибрай Алтынсарин считал святым долгом образованного человека нести знания детям.

Начав свою просветительско-педагогическую деятельность, И. Алтынсарин часто выезжал в аулы, разъяснял местному населению значение и цели, пользу светского образования, организовывал сбор средств для строительства школ. При нем открылись русско-казахские школы в Тургае, Илецкой заците, Иргизе, Актюбинске. Он добился открытия первой женской школы. «На нашу долю, – писал он, – теперь выпало самое тяжелое, ответственное время, когда все надо еще создавать, вводить эти нововведения в темную среду и освещать все, насколько хватит у нас сил и умения... Вот и таскаюсь я по степям, выпрашивая деньги у обществ и разных общественных уездных и областных волостей». По его инициативе было открыто 7 начальных школ, 4 двухклассных училища для детей-казахов, в том числе первые школы для казашек с преподаванием в них предметов на родном и русском языках. В 1883 году в Орске была открыта казахская учительская семинария.

И. Алтынсарин не только создавал светские народные школы, но и научно разрабатывал для них дидактические принципы обучения и воспитания детей, писал учебные и методические пособия. Всю свою жизнь И. Алтынсарин посвятил просвещению родного народа. «Народ казахский сам по себе представляет благодатную почву для образования», – писал он.

И. Алтынсарин был убежденным сторонником содружества русского и казахского народов. Он пропагандировал демократическую русскую литературу, использовал опыт русских педагогов-писателей К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого. И. Алтынсарину как просветителю присущ культ знания и вера

во всеспасительность знания для развития общества и каждой человеческой индивидуальности. Современники, следившие за литературной деятельностью Ибрая Алтынсарина, уже при жизни смогли оценить, насколько она отвечает потребностям народа. В числе заслуг помимо собственного литературного творчества – составление хрестоматии на родном языке, которые назывались «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Киргизская хрестоматия» (1879). В этих книгах использовался новый казахский алфавит, созданный на основе русской графики. Во вступительной статье к «Киргизской хрестоматии» И.Алтынсарин писал: «... Книг общеобразовательного содержания почти не имеется ни на одном из азиатских языков, мы вынуждены искать подобные руководства на ближайшем русском языке. Вследствие чего мы сочли за более удобное, напечатать настоящую хрестоматию русскими буквами, чтобы она прямо соответствовала своей цели, т.е. служила непосредственным путеводителем к более ученым и общепользным книгам, не противореча последним ни своим содержанием, ни алфавитом».

В своем поэтическом творчестве И. Алтынсарин, прежде всего, пропагандировал значение народного образования, обращался к молодежи с призывом приобретать знания. Необходимость образования во времена И.Алтынсарину нужно было доказывать. Трудно было не только открыть школу, но и набрать учеников. И.Алтынсарин пишет стихи, обращенные к детям, в которых он призывает их учиться. Самое известное из них – «Давайте, дети, учиться!» В нем говорится о пользе науки, знаний в жизни человека.

Веками кочевник считал, что все его богатство – скот. Но гораздо прочнее другое, истинное богатство – знания. В этом Алтынсарин стремился убедить молодежь. Только знания могут сделать человека всемогущим, счастливым. В стихотворении «Строит дивные дворцы...» поэт также внушает читателям мысль о необходимости борьбы за знания, которые вывели бы казахов в ряды цивилизованных народов.

Алтынсарин-поэт мастерски рисовал и картины родной природы. Наверное, нет ни одного настоящего поэта, который не восхищался бы своеобразными законами гармонии, красками и звуками природы. Алтынсарину-поэту бесконечно близка степная природа. Особенно его волнует степь весной. В стихотворении «Весна» картины природы неотделимы от картин народной жизни. Панорама ожившей степи с «благодатью земной», с «далью голубой», когда в «росном тепле испарений бескрайний простор уже покрывается свежей душистой травой», дополняется задушевным описанием радостной встречи вечно живущего с весной.

Куланы, сайгаки в просторах весенней земли,
Заскачут, довольные тем, что опять расцвели
Высокие травы. И на воду чистых озер
Опустятся с криками лебеди и журавли.
А в час, когда солнце слепит человеческий взор,

Манящий мираж задрожит в лучезарной дали.

Весна приносит радость людям. Зоркий глаз Алтынсарина замечает и резвящихся малых детей «на бархате трав молодых», и снарядившийся в путь караван, и женщин «с веселыми шутками», и расставание влюбленных на заре. Вместе с тем, Алтынсарин – не просто тонкий наблюдатель природы, умеющий давать красочные зарисовки. Это поэт-философ, задумывающийся над смыслом жизни, вечным ее обновлением. Природа в глазах поэта – великий целитель, она вносит в жизнь умиротворенность. Алтынсарин с восторгом воспринимает жизнь, верит в то, что она разумна и прекрасна. Это можно почувствовать не только в стихотворении «Весна», но в и другом его знаменитом стихотворении «Река». С одной стороны, это конкретный образ реки, по берегам которой растут сочные травы и пасутся стада, а в светлых струях режутся косяки рыб, с другой, – это символ вечно текущей жизни:

Сотни стад не сумеют реки замутиль,

И ничем невозможно ей путь преградить!

Художественная конкретность пейзажа, проникновенное описание природы, воздействие ее на чувства человека, с его думами, жизнью и заботами свидетельствуют о реалистической манере изображения автором действительности.

Кроме стихотворений, И. Алтынсарин писал рассказы, в которых также выражены демократические, гуманистические, просветительские идеи автора. В них в социальном аспекте он рисует картины быта и нравов казахской жизни 60-70-х годов XIX века. В рассказах «Сын бая и сын бедняка», «Кипчак Сейткул», «Юрта и деревянный дом», «Невежество», «Вред лжи» и других ставятся важные проблемы общественной жизни: социальное неравенство, преимущество оседлого образа жизни, вред невежества, польза знаний и науки. В рассказе «Сын бая и сын бедняка» повествуется о том, как два мальчика-ровесника, случайно оставшиеся на месте старого кочевья, разыскивали откочевавший аул. Рассказывая об их приключениях, Алтынсарин показывает характеры этих мальчиков, обусловленные их социальным положением, образом жизни, воспитанием, навыками и привычками. Рассказ «Сын бая и сын бедняка» преследует педагогические цели: он учит и наставляет. Алтынсарин стремится не к сложности, а к ясности и простоте характеров. Но эти характеры не абстрактны, они подсказаны реальной жизнью. Жизненная точность, легко напрашивающиеся дидактические выводы – все это сделало рассказ «Сын бая и сын бедняка» популярным не только среди казахских школьников, но и среди русских читателей. Еще в 1890 году в журнале «Родник» был напечатан этот рассказ в русском переводе.

В 70-е годы, в пору расшатывания устоев патриархально-феодалного уклада в степи, казахские бедняки начинают переходить к оседлости, заниматься земледелием. Алтынсарин поддерживает их. В рассказе «Кипчак Сейткул» труженик Сейткул глубоко ненавидит баев, ищет избавления от них.

Он и его бедные сородичи поселяются в долине речки и занимаются земледелием. С теплотой описывает Алтынсарин совместный труд земледельцев, показывает, как укреплялось содружество бедняков, как оно все больше и больше притягивало к себе других: «... беднота из кочевого населения присоединялась к Сейткулу. По прошествии пяти-шести лет число хозяйств, руководимых им, дошло до четырехсот». Успехи Сейткула и его друзей Алтынсарин объясняет их исканиями, тем, что они приобщились к земледелию и торговле. Как и в рассказе «Сын бая и сын бедняка», Алтынсарин прославляет трудолюбие – человек труда нигде не пропадет, и счастье найдет его. В рассказе «Кипчак Сейткул» Алтынсарин использует свой излюбленный прием – антитезу. Труженику Сейткулу противопоставлен его старший брат, стремившийся разбогатеть воровством и грабежом чужого скота. В конце концов, он был убит. Автор подчеркивает мысль о том, что добро, добытое насильем и грабежом, не идет впрок.

Алтынсарин был разносторонним человеком. Его научный интерес включал и занятия этнографией. В марте 1868 г. Алтынсарин выступал на заседании Оренбургского отдела РГО с чтением своего «Очерка обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства». Статья получила всеобщее одобрение и вскоре была опубликована. Публикация Алтынсарина интересна не только точно зафиксированными бытовыми подробностями, богатым этнографическим материалом, но и злободневным осуждением некоторых архаичных устаревших казахских свадебных обычаев, бытовавших в то время.

Значительное место в творчестве казахского просветителя занимает его эпистолярное наследие, его активная и долговременная переписка с Н.Н. Ильминским, В.В. Григорьевым, А. Мазохиним, В.В. Катаринским, Ф.Ф. Соколовым и др. Литературные и научные труды просветителя, вся его кипучая деятельность были проникнуты духом народности.

Наряду с Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым, Ибрай Алтынсарин является одним из основоположников публицистики. Основатель истории казахской журналистики Х.Н. Бекхожин обосновал данный факт, но во время господства идеологических догм подход к разностороннему творчеству Алтынсарина был минимально упрощен. Нельзя рассматривать жизнь и деятельность Алтынсарина в отрыве от его времени. Просвещение мыслилось им как составная часть прогресса, без которого было невозможно развитие всей нации. Развитие образованности не могло идти без создания собственной печати и книгоиздания. Вместе с тем блага цивилизации несли для казахского народа явно выраженные отрицательные стороны, в частности, стремление принудительной оседлости кочевников и изъятии лучших пахотных и пастбищных земель. Формируясь в течение столетий, у казахов выкристаллизовалась собственная культура, популяризатором которой выступал и Алтынсарин. К сожалению, общественно-политическая обстановка того времени не представляла собой благодатную почву для развития

национальных культур, и поэтому мы в настоящее время воздаем должное первым казахским просветителям и публицистам, которые доступными средствами способствовали ее сохранению и укреплению. Знания, идеалы и опыт, появившиеся в устном народном творчестве, стали фиксироваться в письменности. В силу того, что еще не существовало периодики на казахском языке, Алтынсарину приходилось писать на русском языке. Он оставил разножанровое творческое наследие, которое позже во многом предопределило развитие казахской публицистики. Перечитывая труды просветителя, необходимо отметить одно из важнейших качеств публицистики – непосредственное обращение к читателю, определенные воззрения на актуальные события, которые он мог разделять или иметь на них собственную точку зрения. Особенность публицистики Алтынсарина проявляется в выборе темы для выступлений и ее разработка. Большинство статей, вышедших из под его пера, являются нравственно-педагогическую оценку актуальной действительности. Не зря исследователи творчества Алтынсарина сравнивают его с заслугами Ломоносова для России.

Публицистика Алтынсарина отличается глубокой простотой, четким пониманием вещей, образностью мыслей и стройностью языка. Его произведения можно отнести к истокам нравственно-педагогической публицистики Казахстана. И. Алтынсарин является зачинателем казахского литературного языка. Он понял, что уникальность любого языка состоит в его неповторимости, формировании собственной стройной системы. Оценив мощь и силу печатного слова, будучи инспектором школ Тургайской области, он ходатайствует перед всеми инстанциями об издании казахских газет.

Являясь ярчайшим представителем в когорте дореволюционной казахской общественной и научной мысли, Алтынсарин заложил фундамент этнопублицистики.

Эпистолярное наследие Ибрая Алтынсарина является собой уникальное сочетание квинтэссенции многовековой мудрости и педагогики степи и зачатки печатной публицистики, плоды которых столь востребованы на настоящем этапе. Событие, не зафиксированное в слове, могло навсегда исчезнуть из исторической памяти, в то время как устное народное творчество донесло до нас отголоски величайших событий и деяний предков. Выступления Алтынсарина на страницах «Оренбургского листка» подтверждают многообразие его творческой личности педагога, просветителя, исследователя и публициста. В условиях гнета царизма это было огромным достижением, вместе с тем данный факт еще раз подчеркивает сущность колониального господства, которое не позволяло талантливым людям полностью реализовать себя во всех ипостасях, приобщить к лучшим благам цивилизации своих соплеменников. По сути для расцвета публицистического таланта Алтынсарина не существовало даже необходимых предпосылок: практически неграмотное население, отсутствие собственных изданий и типографий, верховенство имперской идеологии. Поэтому созданная

Алтынсариним «Киргизская хрестоматия» заменяла ему газетные и журнальные странички, служила светочем для просвещения казахов. В принятом толковании ее по праву можно считать одним из праисточников казахской публицистики, поскольку именно в ней разработаны такие актуальные темы конца позапрошлого века, как классовые различия в обществе, вопросы кочевничества и оседлости, пропаганда просвещенности и гуманизма. Его эпистолярная публицистика – образец на многие столетия для развития отечественной журналистики. Комплексность и специализация публицистики позволяет заново и в новом масштабе оценить творческий потенциал Алтынсарина, использовать его знания и подходы к анализу действительности на этапе современности и в будущем.

Видный просветитель и педагог, поэт и переводчик, создатель первых образцов казахской реалистической прозы, И. Алтынсарин был одним из тех, кто приобщил казахскую степь к миру высоких культурных ценностей.

В целях увековечения памяти выдающегося просветителя в СССР его имя было присвоено Аркалыкскому педагогическому институту, Убаганской средней школе Алтынсаринского района. В честь И. Алтынсарина названы район в Костанайской области, проспект в городе Алматы, Рудненский социально-гуманитарный колледж в Костанайской области, Алматинская гимназия № 159, средняя школа № 1 в городе Капчагай. В 2007 году Министерством образования и науки Республики Казахстан была учреждена ведомственная награда – Нагрудный знак «Ибрая Алтынсарин». В мае 2013 года в городе Кентау открыт памятник Ибраю Алтынсарину.

Источники и литература

1. Алтынсарин И. Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1978.
2. Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 1. – Алма-Ата, 1972.
3. Алтынсарин И. Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1974.
4. Джумагулов К. Ибрая Алтынсарин. – Ташкент, 1975.
5. Ирмуханов Б.Б. Исторические воззрения мыслителей XX века. – Алматы, 1999.
6. Рыщанова У.М. Ибрая Алтынсарин: выдающийся казахский педагог-просветитель (к 170-летию И. Алтынсарина) // К информационному обществу: использование информационно-коммуникационных технологий – новые возможности для библиотек: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / Мин-во культуры, общественных и внешних связей Оренбург. обл., ГУК «Оренбургская областная УНБ им. Н. К. Крупской». – Оренбург, 2011.
7. Рыщанова У.М. Использование наследия Ибрая Алтынсарина в современном музейном пространстве (на примере Костанайского областного мемориального музея Ибрая Алтынсарина) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – №4(36).
8. Ситдыков А.С. Педагогические идеи и просветительская деятельность И. Алтынсарина. – Алма-Ата, 1949.
9. Фетисов М.И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. – Алма-Ата, 1959.

©Дукенбаева З.О.

ИШЕНААЛЫ АРАБАЕВ

(1882–1938)

В начале XX века на территории Туркестанского округа были мусульманские школы-медресе, которые существовали еще со средних веков. В свое время выходцы из этих учебных заведений не редко становились поэтами, философами, мыслителями. И в то же время в малом количестве на данной территории открывались русско-туземные школы, формировался новый слой общества – представители буржуазии, начали появляться люди, которые по-новому мыслили и рассуждали, стремились к изменениям и новшествам, знаниям и просвещению. В числе первых просветителей кыргызского народа были личности, которые выучились грамотности в таких школах нового типа – школах-медресе, это Алдаш Жээнике уулу Абдраим Чункелеев, Ыбрайым Абдрахманов, Касым Тыныстанов, Төрөкул Айтматов, Ишенаалы Арабаев и другие. Именно эти люди встали во главе первой кыргызской интеллигенции. Они показали себя не только просветителями, но и стояли у истоков создания молодой страны, внесли огромный вклад в общественно-политическую, культурную жизнь.

Приводятся разные данные по месту рождения Ишенаалы Арабаева. По одним данным, он родился в 1882 году в Кочкорском районе в с. Кун-Батыш, по другим – в с. Катаган Джумгалского района Тянь-Шанской области, по третьим, в с. Сулук Пишпекского уезда. Рано оставшись без отца, он прошел тяжелые жизненные испытания. Грамоте учился у муллы. Не получив ожидаемых результатов, учебу продолжил в школе нового типа г. Каракол. Заметив способности молодого юноши, учитель Заир

Таиров посоветовал продолжить учебу в России. Ишенаалы не удалось поступить в школу-медресе, куда сам планировал, но ему удалось попасть в турецкую гимназию, где его посадили в третий класс, а затем в медресе «Хусаиния». В 22–23 года Ишенаалы учился в г. Уфе, в известном тогда всему тюркскому миру учебном заведении «Галия». Это медресе по меркам того времени давало качественное знание. Программа обучения включала историю и философию ислама, Коран, историю жизни пророка Мухаммеда, арабский, персидский, русский, татарские языки, математику, физику, химию, биологию, педагогику, психологию, дидактику и т.д. Уровень преподавания соответствовал вузовскому образованию. Уже тогда молодой Ишенаалы бесплатно обучал грамоте детей бедняков и накопил педагогический опыт. В 1911 году совместно с юношей-казахом Х. Сарсакеевым разработали совместный первый букварь или «Обучение скоростному чтению» для казахских и кыргызских детей («Алипбээ жакы төтө окуу»). Букварь отличался легкостью и простотой, поэтому быстро завоевал славу среди кыргызов и казахов. В 1911 году в Казани издал с собственным предисловием одну из первых книг на кыргызском языке – поэму видного акына-письменника и мыслителя Молдо Кылыча «Кысса Зилзала» («Землетрясение»).

И. Арабаев стоял у истоков кыргызской письменности, так, в 1912 году в Оренбурге он издает «Основы правописания». Дополненное и переработанное учебное пособие И. Арабаева по кыргызскому языку переиздается в 1925 году. В период борьбы за ликвидацию неграмотности большую роль сыграл его букварь для взрослых. В те же годы он создает учебные пособия для начальных классов по арифметике, природоведению, переводит на кыргызский язык начальный курс географии, значительное количество общественно-политической литературы. Со слов Тыныбека, он записал отрывок «Семетей». После поражения национально-освободительного движения в 1916 году бежал в Китай, откуда вернулся в 1917 году и был одним из организаторов политической партии «Алаш», куда входили представители кыргызской интеллигенции, такие как Касым Тыныстанов, Абдыкерим Сыдыков, Жусуп Абдрахманов, Иманалы Айдарбеков, Баялы Исакеев, Төрөкул Айтматов и казахской интеллигенции, как Ахмет Байтурсунов, Эликан Бөкөйханов, Мухамеджан Тынышпаев, Мустафа Шокай, Жусупбек Аймаутов, Миржакып Дулатов, Газымбек Биримжанов, Магжан Жумабаев, Султанбек Кожанов.

В 1918–1922 годах был членом Жети-Отузского ревкома, делегатом IX съезда Советов России. Он ратовал за восстановление кыргызской национальной государственности в форме Кыргызской автономии в составе Российской Федерации. После установления Советской власти продолжил деятельность ученого-просветителя. В 1922 году работал корреспондентом газеты «Гилчи» («Лингвист») в Алма-Ате. В 1922–1924 годах работал в Наркомате Туркестанской АССР. Ишенаалы Арабаев

продолжал запись трилогии «Манас». Перевел биографию В.Ленина на кыргызский язык. Наряду с просветительской деятельностью И. Арабаев занимается и политикой. В 1933 году он был арестован и обвинен в участии в политическом деле «Социал-туранской партии» и национализме, 10 мая 1938 года расстрелян в г.Ташкенте. 9 июля 1958 года Ишеналы Арабаев был реабилитирован.

Неоценима заслуга Ишенаалы Арабаева перед кыргызским народом. Создатель первого алфавита, основатель типографического дела, первый кыргызский публицист-журналист навеки останется в сердцах и памяти кыргызского народа. Имя Ишенаалы Арабаева присвоено Кыргызскому государственному университету.

Источники и литература

1. Арабаев Ишеналы // Иссык-Куль. Нарын: Энциклопедия. – Фрунзе, 1991.
2. Асанов У.А., Джуманазарова А.З., Чоротегин Т.К. Кыргызская наука в лицах: Краткий исторический и био-библиографический свод / Отв. ред. У.А.Асанов. – Бишкек: Центр госязыка и энциклопедии, 2002.
3. Слово Кыргызстана от 11 июня 1992 г.
4. Слово кыргызстана от 19 октября 2012 г.
5. Слово Кыргызстана от 14 марта 2012 г.
6. Урстанбеков Б.У., Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы: Кыскача энциклопедиялык сөздүк: Мектеп окуучулары үчүн. – Фрунзе: Кыргыз Совет Энциклопедиясынын Башкы Редакциясы, 1990.

©Асирдинова Т.Ж.

ЮРИЙ АРАНЧЫН

(1926–1997)

Одним из крупных и выдающихся ученых, выросших в стенах Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), талантливым руководителем института, видным общественным и государственным деятелем является Юрий Лудужапович Аранчын – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Тувинской АССР, действительный член Академии социальных наук.

Юрий Лудужапович родился 21 декабря 1926 года в местности Чыргаланды Тес-Хемского хошуна Тувы в семье аратов-скотоводов Луду Ивана Санчаевича и Оюон Мапак Конгуловны, как указано в личном листке по учету кадров, хранящемся в архиве института. Родные братья и сестры: Кунчун Николай Лудужапович (старший брат), Увангур Кара-Кыс Ивановна, Луду Геннадий Иванович, Комбу Клара Ивановна – младшие сестры и младший брат. Жена – Салзынмаа Елизавета Боракаевна и дети: Аранчын Белек-кыс Юрьевна, Аранчын Владимир Юрьевич, Аранчын Михаил Юрьевич.

Ю.Л. Аранчын в 1947 году с серебряной медалью закончил Кызыльскую среднюю школу № 2 и поступил на восточный факультет Ленинградского государственного университета. В 1952 году он – обладатель красного диплома по специальности «историк-востоковед», начал свой путь в науку младшим научным сотрудником ТНИИЯЛИ. С этого момента судьба Юрия Лудужаповича Аранчына тесно переплелась с

деятельностью института, общественной и политической жизнью самого молодого субъекта Советского Союза – Тувинской автономной областью, в дальнейшем – Тувинской АССР¹.

Время жизни и трудовой деятельности Юрия Лудужаповича пришлось на новый исторический этап развития тувинского общества, связанный с социально-экономическими преобразованиями, переходу к новому образу жизни, устремлениям и идеалам. Он был преданным гражданином советского государства, верным последователем коммунистической партии и крупным ученым, проработавшим в ТНИИЯЛИ 40 лет, 27 из которых (с 1967 по 1994 гг.) возглавлял Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, будучи его директором.

Институт с первых дней своей работы решал самые серьезные задачи, стоявшие перед республикой. О государственной значимости деятельности ТНИИЯЛИ свидетельствует тот факт, что его работа координировалась и анализировалась комиссией Госкомитета Совета министров РСФСР по научно-исследовательским работам. Так, в 1964 году результаты работы ТНИИЯЛИ обсуждались на заседании Госкомитета и Секции общественных наук Президиума АН СССР. Комиссия положительно оценила работу института и отметила, что значение научной работы ТНИИЯЛИ выходит за рамки республики, что он стал центром развития национальной науки и культуры Тувы. Совместным постановлением Госкомитет и Секция общественных наук определили основные направления научных исследований ТНИИЯЛИ. По общесоюзному координационному плану институту было поручено создание работ по истории местной партийной организации, очерка тувинской литературы, нового быта тувинской деревни, изучение национально-государственного строительства республики, национальных отношений и этнических процессов и мн. др. Реализацию поставленных задач ТНИИЯЛИ осуществлял под руководством Ю.Л. Аранчына.

Юрий Лудужапович сумел продолжить начинания своих предшественников-руководителей, Чадамба Леонида Борандаевича и Николая Алексеевича Сердобова по укреплению материально-технической базы института, подготовке высококвалифицированных специалистов, разработке новых научных направлений и исследований, по совершенствованию структуры и деятельности ТНИИЯЛИ. За годы его работы институт достиг современного уровня. К первым секторам, стоявшим у истоков гуманитарной науки в Туве: сектору языка и письменности, сектору истории и этнографии, сектору фольклора и литературы, сектору экономики (организован в 1954 г.) добавились в 1982 году сектор социологии, в 1985 году – сектор культуры, а

сектор фольклора – в 1990 году стал отдельным подразделением в структуре ТНИИЯЛИ.

Были продолжены начатые в 1950 годы научные исследования в области языкознания: по созданию описательной грамматики тувинского языка, лексикографические работы, а также по усовершенствованию орфографии и терминологии. Прделана огромная работа по подготовке и изданию словарей: русско-тувинского, тувинско-русского, орфографического, русско-тувинского словарей сельскохозяйственных, географических и общественно-политических терминов. Институт систематически проводил лингвистические обзоры материалов периодической печати, радио и телевидения, результаты которых обсуждались в редакциях. Это сыграло важную роль в повышении культуры тувинской речи, в разработке и унификации терминологии, укреплении орфографического режима и норм тувинского литературного языка. Велись исследования памятников древнетюркской письменности, диалектов и говоров тувинского языка, закономерностей его развития, а также проблем взаимодействия тувинского языка с русским и монгольским языками, с языками тюркского корня. В ТНИИЯЛИ трудились выдающиеся исследователи языка: А.А. Пальмбах, Г.Ф. Бабушкин, М.Д. Биче-оол, А.К. Делгер-оол, Ш.Ч. Сат, С.Ф. Сегленмей, Я.Ш. Хертек, З.Б. Чадамба, А.Э.-Г. Уланова, Б.С. Сонам, Б. И. Татаринцев, Д.А. Монгуш, К.Б. Март-оол, К.А. Бичелдей, М.Б. Марган-оол и др.

Историками, археологами, этнографами: Л.В. Гребневым, Х.М. Сейфулиным, Н.А. Сердобовым, Ю.Л. Аранчыном, М.Х. Маннай-оолом, С.И. Вайнштейном, В.Ч. Очуром, О.А. Толгар-оолом, Я.И. Сунчугашевым, И.У. Самбу, В.А. Дубровским, А.Д. Грачом, Н.М. Моллеровым, С.Ч. Донгак, М.В. Монгуш и др. проводились исследования по истории Тувы с древнейших времен до наших дней. Подготовлен целый ряд трудов по археологии и этнографии Тувы, этногенезу тувинцев, историко-этнографической интерпретации фольклора, истории хозяйства, культуры, социально-экономических отношений, национально-освободительной борьбы, гражданской и великой отечественной войн, переводу аратов на оседлость и формированию нового образа жизни, истории ТНРП и др. В 1964 году вышла в свет, подготовленная совместно с учеными институтов Истории, Археологии и Этнографии АН СССР, «История Тувы» в 2-х томах, позднее переизданная на тувинском языке.

Системное изучение археологических памятников Тувы, начатое в 1950-е гг. С.И. Вайнштейном и А.Д. Грачом, продолжилось под руководством М.Х. Маннай-оола, в течение 25 лет возглавлявшего археологическую экспедицию ТНИИЯЛИ (1960-1985 гг.). Исследован широкий круг археологических памятников, относящихся к различным периодам древней и средневековой истории Тувы в Сут-Холе, Дзун-Хемчике, Тес-Хеме, Эрзине, Улуг-Хеме, Пий-Хеме, Танды и Оворе.

¹ Тувинская Народная Республика в 1944 году вошла в состав СССР.

Особое место занимают памятники скифского времени. Раскопки кургана Аржан–I, проведенные в 1971–1974 гг. М.Х. Маннай-оолом совместно с М.П. Грязновым, получили мировую известность, дав уникальный материал для постановки и изучения вопроса о происхождении скифо-сибирского «звериного» стиля.

В 1986–1993 гг. археологическую экспедицию ТНИИЯЛИ возглавлял И.У. Самбу. Проведена работа по выявлению и паспортизации археологических памятников, включенных в «Свод археологических памятников Республики Тыва» (1994 г.).

Такие известные ученые и писатели, как А.К. Калзан, Д.С. Куулар, М.А. Хадаханэ, Ю.Ш. Кюнзегеш, О.К. Саган-оол, С.Б. Пюрбю, Г.О. Туденов, Ч.Ч. Куулар, О.К. Дарыма, М.П. Татаринцева, С.М. Орус-оол, З.Б. Самдан, Б.К. Будуп и др. занимались исследованиями в области фольклористики и литературоведения. Сектор изучал историю, процессы и закономерности в развитии тувинской литературы, собирал и опубликовывал лучшие произведения фольклора. Подготовлены три выпуска очерков по истории тувинской литературы (1953, 1964, 1975). Сотрудниками сектора литературы и фольклора написаны монографии по различным жанрам тувинской литературы: драматургии, прозе и поэзии. Совместно с Союзом писателей Тувинской АССР сектор периодически проводил семинары для молодых прозаиков, поэтов, критиков и обсуждал произведения местных авторов.

С 1953 г. институт проводит слеты сказителей и певцов, 7 из них организованы под руководством Ю.Л. Аранчына. Ежегодно осуществлялись полевые работы с информантами, научные командировки, экспедиции. Он заложил фундамент фольклористических исследований в ТНИИЯЛИ, изучения фольклорного наследия и введения в научный оборот уникальных образцов устного народного творчества тувинцев. Исключительная заслуга Юрия Лудужаповича в подготовке тувинских томов двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

С 1982 г. Ю.Л. Аранчын, прекрасно владевший тувинским, монгольским, русским языками, непосредственно руководил работой над изданием томов «Тувинские народные сказки» (состав. Самдан З.Б.), и «Тувинские героические сказания» (состав. Орус-оол С.М.), положив начало изданию текстов разных жанров тувинского фольклора из серии «Аас чогаалынын тураскаалдары» («Памятники фольклора»). Всего вышло в свет более 40 сборников тувинского фольклора: сказок, героического эпоса, песен и обрядовой поэзии, пословиц и поговорок, благопожеланий, мифов и легенд.

Ученые экономисты ТНИИЯЛИ принимали участие в разработке планов развития народного хозяйства республики и отдельных его отраслей, в экономическом обосновании различных программ, проводили

экономические конференции и семинары. В секторе работали В.В. Осипова, В.П. Солдатов, П.А. Шахунова, Б.Н. Лиханов, В.А. Соколов, А.П. Глотов, Г.М. Тапханаков, К.О. Шактаржик. Сектором подготовлена коллективная монография «Экономика Тувинской АССР» (1973 г.). Для проведения экономических исследований сектор широко практиковал привлечение квалифицированных специалистов, работавших в сельскохозяйственных, плановых, статистических и других органах.

Исследования изменений в социальной структуре тувинского общества, этносоциальных и миграционных процессов осуществлялись сотрудниками сектора социологии, в котором работали В.А. Забелина, З.В. Анайбан, Ф.И. Копеев, М.С. Кыргыз, С.Ю. Смирнова, О.М. Хомушку. Результатом научных исследований сектора стало издание монографий «Городское население Тувинской АССР (опыт социологического исследования)» (1981 г.), «Социологическая характеристика городского населения Тувинской АССР» (1982 г.).

Созданный Ю.Л. Аранчыном сектор культуры решал задачи по изучению традиционной культуры народов Тувы, вопросы развития современных видов искусства. Сотрудники сектора А.К. Калзан, З.К. Кыргыз, Т.Б. Будегечиева, М.П. Татаринцева, А.К. Кужугет, В.Ю. Сузукей подготовили целый ряд монографий: «Культура Тувы: традиция и современность» (1989 г.), Кыргыз З.К. «Песенная культура тувинского народа» (1992 г.), В.Ю. Сузукей «Тувинские традиционные музыкальные инструменты» (1989), «Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музицирования тувинцев» (1993), Т.Б. Будегечиева «Художественное наследие тувинцев» (1995 г.) и др.

С первых лет работы института начала формироваться его научная библиотека. Большая заслуга в комплектовании книжного фонда, упорядоченного в алфавитном и систематическом каталоге библиотекаршей В.К. Сластеновой, Н.С. Хертек, много лет посвятивших себя библиотечному делу. Добившись строительства пристройки для размещения библиотеки ТНИИЯЛИ, Ю.Л. Аранчын способствовал дальнейшему совершенствованию библиографической деятельности в институте. Рукописные материалы, хранившиеся в библиотеке, были выделены в отдельный рукописный фонд. В сер. 1980-х гг. институт приобретает личную библиотеку В.М. Надеяева, насчитывающей около 9 тыс. единиц хранения. К этому времени книжный фонд библиотеки, укомплектованный по профилю института, насчитывал более 100 тыс. экземпляров книг (без учета периодических изданий). В том числе: фонд редких изданий составляют около 400 экземпляров. Среди них имеются работы известных исследователей XIX в.: Г.Е. Грумм-Гржимайло, Д. Каррутерса, Н.Ф. Катанова, П. Крылова, С. Липовцева, П.С. Палласа, А. Позднеева, Н.Н. Поппе, Г.Н. Потанина, В.В. Радлова, К. Риттера и др.

Фонд периодических изданий – это более 30 000 экземпляров газет и журналов, начиная с 1930-х годов издания.

В Рукописном фонде института хранятся уникальные материалы по языку, истории, фольклору, литературе и культуре тувинцев: рукописи, ксилографы, книги, брошюры, газеты, журналы, карты и фотографии периода ТНР; аудио- и видеозаписи, этнографические материалы, в том числе буддийские и шаманские атрибуты и т.п. Материалы представлены на различных языках: на тувинском (на латинице и кириллице), монгольском (старомонгольском письменном, на «ясном» письме ойратов, кириллице), тибетском, русском, бурятском, немецком и английском языках.

Хранятся личные архивы К.Д. Аракчаа, А.Ш. Баира, А.К. Делгер-оола, В.И. Дулова, А.К. Калзана, Д.С. Куулара, М.В. Монгуш, В.М. Наделяева, А.А. Пальмбаха, С.Б. Пюрбю, О.К. Саган-оола, И.Г. Сафьянова, Х.М. Сейфуллина, Н.А. Сердобова, С.С. Сюрюн-оола, С.К. Тока, Я.Ш. Хертека, Ю.Л. Аранчына и др. С 1953 г. выходит периодическое издание института – «Ученые записки».

Большое значение Ю.Л. Аранчын уделял научным связям с институтами АН СССР, научными учреждениями СО РАН, а также институтами Калмыкии, Якутии, Бурятии, Горного Алтая и Хакасии.

В 1955–1960, 1962, 1977, 1978, 1982 гг. во многих районах Тувы работала археологическая экспедиция МГУ под руководством Л.Р. Кызласова, исследовавшая разновременные археологические памятники.

1957–1963 и 1965 гг. работала Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР под общим руководством профессора Л.П. Потапова (начальник археологического отряда А.Д. Грач, начальник второго археологического отряда С.И. Ванштейн, затем В.П. Дьяконова).

В 1959–1963 гг. развернула свои исследования одна из крупнейших в стране Саяно-Тувинская археологическая экспедиция ИА АН под руководством А.Д. Грача, а затем С.Н. Астахова (начальники отрядов А.М. Мандельштам, И.У. Самбу, В.Г. Длужневская, Д.Г. Савинов, Ю.И. Трифонов, М.Х. Маннай-оол, В.А. Семенов), изучавшая различные археологические памятники, расположенные в зоне водохранилища Саянской ГЭС в Центральной Туве. Институт издал также работы крупных ученых историков: В.И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX вв.», А.Д. Грача «Древнетюркские изваяния Тувы», Л.П. Потапова «Очерк народного быта тувинцев».

В 70-ых годах проведена большая работа Д.Д. Васильевым по подготовке «Корпуса тюркских рунических памятников бассейна Енисея», который вышел в свет в 1983 г. В 1987–1990 гг. С.Н. Астахов открыл на левом берегу р. Торгалыг древнепалеолитическое местонахождение.

Ученые Тувы являются авторами разделов и статей в коллективных работах институтов АН СССР: «Закономерности развития национальных языков народов СССР в советскую эпоху» (Д.А. Монгуш, Ш.Ч. Сат), многотомной «Истории советской многонациональной литературы» (А.К. Калзан, Д.С. Куулар), «Диалекты тюркских языков» (З.Б. Чадамба), «Краткая литературная энциклопедия» (Д.С. Куулар) и др.

В 1974 году по линии Тувинского отделения Общества советско-монгольской дружбы Ю.Л. Аранчын вместе с ученым-лингвистом Д.А. Монгушом побывал в Убсунурском и Кобдоском аймаках МНР. Владея монгольским языком, он активно содействовал широкому развитию тувинско-монгольских связей.

В 1977–1979 гг. под руководством академика В.И. Бойко проведены совместные исследования сотрудников института с Институтом философии СО РАН по социологии. Под руководством Юрия Лудужаповича было налажено сотрудничество с Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», национальных словарей издательства «Энциклопедия», Тувинским книжным издательством, Союзом писателей, обществом «Знание», Статуправлением, Госпланом, Национальным Музеем Республики Тыва, отделом книготорговли, редакциями республиканских газет.

Ю.Л. Аранчын был прекрасным оратором, обладавшим блестящей памятью. До сих пор жители республики помнят его просветительские выступления перед населением, школьниками. Благодаря своим глубоким знаниям, рассказывая об истории, этнографии, археологии, культуре родного края, тувинском языке, он всегда оставлял неизгладимые впечатления, прививая интерес к истории и любовь к малой родине.

Подводя итоги выше сказанному, хочется отметить научный вклад Ю.Л. Аранчына, как крупного специалиста по новой и новейшей истории Тувы. Он является автором более 90 статей и нескольких монографий, разделов и глав в коллективных трудах. Многие годы был ответственным редактором «Ученых записок» ТНИИЯЛИ и коллективных трудов. Понимание специфики научной деятельности позволило Ю.Л. Аранчыну успешно руководить, развивать и укреплять деятельность института.

Дальновидность взглядов Юрия Лудужаповича Аранчына проявилась в том, что он на многие годы вперед сумел определить актуальные направления исследований. Например, в области тувинской филологии:

- усиление исследований территориальных диалектов и говоров тувинского языка, их взаимодействие с литературным языком, создание диалектологического атласа;

- продолжение изучения проблем двуязычия, общественных функций тувинского и русского языков, внесения органам государственной власти

обоснованных рекомендаций в области практического осуществления языковой политики;

- изучение стилей литературного языка, языка отдельных писателей и наиболее характерных произведений тувинской литературы, усиление работы по научно обоснованному совершенствованию тувинской письменности, контроль за соблюдением орфографических и других норм литературного языка в печатных изданиях и местных радио- и телепередач;

- систематически издавать фольклорные сборники;
- изучение истории тувинской литературы.

В области истории и экономики:

- расширить круг исследований по новейшему периоду истории

Тувы;

- полнее учитывать требования практики в конкретно историческом изучении хозяйственного и культурного развития республики;

- с помощью общественности развернуть массовый сбор материалов по истории населенных пунктов, предприятий, организовать издание отдельных брошюр и коллективных исследований по истории города Кызыла;

- проводить социологические обследования;

- расширить археологические исследования с целью исследования этногенеза тувинцев и средневекового периода, практиковать совместные и комплексные исследования антропологов, археологов, этнографов и языковедов;

- усилить охрану и изучение камнеписных археологических памятников, создать археологический атлас;

- усилить изучение этнической истории тувинцев XVII века;

- издать хрестоматию по истории Тувы для преподавания в вузе;

- обратить особое внимание на разработку проблем экономической истории и конкретной экономики.

В память о Юрие Людужаповиче, начиная с 2007 года ТИГИ (Тувинский институт гуманитарных исследований – преемник ТНИИЯЛИ) раз в два года проводит «Аранчыновские чтения», одним из организаторов которых выступает Фонд им. Ю.Л. Аранчына.

Таким образом, советский период в развитии Тувы совпал с развитием и укреплением ТНИИЯЛИ, как научного центра, большую роль в развитии которого сыграл Юрий Людужапович Аранчин. Почти за тридцатилетний период руководства институтом он заложил прочный фундамент будущего гуманитарной науки в Туве.

Источники и литература

1. Аранчин Ю.Л. Институт за четверть века // Ученые записки. Вып.15. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971.

2. Отчет о научной и научно-организационной деятельности Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве РТ за 2008 год. Планы НИР на 2009 год. / ТИГИ при Правительстве РТ; сост. К.А. Бичелдей, М.Б. Кунгаа, М.М.-Б. Харунова. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009.

3. Сейфулин Х.М. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории // Ученые записки. Вып.5. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971.

4. ТНИИЯЛИ – ТИГИ. От прошлого к настоящему /ТИГИ; сост. А.К. Кужугет. – Красноярск: «Платина», 2004.

5. Толгар-оол О.А. К 25-летию ТНИИЯЛИ // Ученые записки. Вып. 14. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1970.

©Харунова М.М.-Б.

МУХАММЕДКУЛИ АТАБАЕВ

(1885–1916)

Мы вслед за некоторыми другими учеными также утверждаем, что богобоязливый джадидизм, возникший на ниве мусульманского образования как прогрессивное движение, охвативший уже в начале XX века многие стороны общественной жизни туркменского и других тюркских народов, в отличие от последующего за ним безбожного социализма, наметил своей целью не классовую борьбу, а эволюционное развитие общества и нации, создание и укрепление новой государственности на основе не узкоклассовых интересов, а общенациональных приоритетов. Правы и те, которые поддерживают нас в вопросе о том, что учебно-образовательные методы, использованные в мектебах и медресе Центральной Азии в средние века, способствовали появлению на небосводе мировой науки ярких звезд – знаменосцев прогресса на земле (Хоразми, Бируни, Фараби, Ибн Сина и др.), а в конце XIX и начале XX вв. те же методы стали своеобразным препятствием (если не тормозом) в деле скорейшего усвоения подрастающими поколениями народов Центральной Азии достижений мировой науки и культуры. Первыми борцами за обновление системы образования были мусульманские просветители, которых называли муллами-джадидами («новаторами»).

В отличие от мулл-кадимистов («консерваторов»), которые получили свое образование, в основном освоив литературу только на арабской графике, джадиды занимались еще и книгами, изданными на латинице и кириллице, поэтому последние могли усваивать достижения европейской

науки и культуры. Одним из таких деятелей был туркменский джадид-прогрессист Мухаммедкули Атабаев (1885–1916), который, как и другие джадида-просветители начала прошлого столетия, был человеком глубоко верующим. Почти все публикации М. Атабаева заканчиваются небольшими молитвами Аллаху, просьбой о помощи Всемогущего в осуществлении стоящих перед народом целей и задач по обновлению культурной жизни. Несмотря на это, в исследованиях, осуществленных в советский период, туркменские просветители считались чуть ли не марксистами, а термина «джадида» в отношении просветителей не использовали, имея в виду его антибольшевистский характер, приобретенный после событий октября 1917 года.

Основу изданного наследия Мухаммедкули Атабаева составляют его небольшие по объему и глубокие по содержанию статьи, которые были опубликованы в «Закаспийской туземной газете», изданной в Ашхабаде в 1914–1917 гг. под редакцией инспектора народных училищ Закаспийской области Ивана Александровича Беляева (1882–1920), бывшего студента профессора-тюрколога П.М. Мелиоранского (1868–1906) по Петербургскому университету. М. Атабаев в своей первой статье, озаглавленной «Туркменскому народу» и вышедшей в первом номере этой газеты от 14 декабря 1914 года, восхищается самим фактом начала издания впервые в истории периодического издания на туркменском языке.

В статьях «Обучение и старометодные туркменские школы» (9 января), «Новое правило обучения грамоте» (13 января), «Вновь открытая туркменская школа» (23 января), «Отстают ли во всех отношениях туркмены от других народов?» (6 февраля), «Как открывались школы среди туркмен» (31 марта) он особенно усердно пропагандировал новые методы (усул-и джадид) в деле обучения подрастающего поколения грамоте, призывал приобщению девочек, наряду с мальчиками, к основам научных знаний и различным полезным профессиям. В публикациях «Калым, или существовала ли торговля людьми у туркмен» (24 февраля), «Талант туркменских женщин» (14 марта), «Счастливы ли многоженцы» (27 марта) М. Атабаев не только защищал право туркменок на образование, но беспощадно осуждал калым, который фактически лишал их возможности свободного выбора судьбы. В статье «Какие одежды носят туркмены» (7 апреля), как и подразумевается из самого ее названия, автор призывал туркмен одеваться по-современному и модно, используя при этом новые ткани.

Исследователь из США доктор Виктория Клемент (Victoria Clement) на основе использования выявленных и проанализированных в работах академика Мурадгелди Соегова материалов и источников, а также работ некоторых других ученых, допускает мысль, что джадидизм в новейшей истории духовного развития туркменского народа (и других среднеазиатских народов) является переходным периодом от

мусульманского мировоззрения к социализму, которая, по нашему мнению, заслуживает внимания, но еще требует дополнительных доказательств, нуждается в детализации и конкретизации по регионам.

Наши наблюдения также показывают, что джадидское течение в истории туркменской литературы возникло на том хронологическом промежутке, который находится между классическим и советским (как тогда называли пролетарским) периодами ее развития. С появлением произведений писателей-джадидов в туркменской литературе формировалось новое литературно-философское направление – критический реализм, ярким представителем которого является М. Атабаев.

Эти и другие подобные обстоятельства настоятельно диктуют будущим русскоязычным исследователям ознакомиться с сочинениями писателей-джадидов, а в крайнем случае, хотя бы текстами их точных переводов. Что касается оригиналов статей писателя-джадида Мухаммедкули Атабаева, которые были опубликованы на туркменском языке арабской вязью на страницах «Закаспийской туземной газеты» в конце 1914 и первой половине 1915 гг., впервые были нами переведены на латинский алфавит и представлены на суд современных читателей в журнале «Garagum» («Каракумы») за 2008 год. [Турецкие переводы статей М. Атабаева были обнародованы через интернет в 2009 году].

Исходя из обоснованных выше потребностей, мы в качестве приложения предлагаем читателям переведенные нами на русский язык некоторые статьи Мухаммедкули Атабаева. Непосредственно за названием каждой статьи второй строкой в скобках курсивом указаны даты появления их в газетной полосе. Наши краткие пояснения в тексте статей также даны в квадратных скобках. Отдельные статьи воспроизводятся с незначительными сокращениями, которые в соответствующих местах текста обозначены условным знаком в виде <...>.

Художественные методы и приемы, использованные М. Атабаевым в своих небольших по объему статьях для критики недостатков, существовавших в туркменском обществе того периода, являются гиперболическими. Пользуясь подобными приемами, задевая чувство собственного достоинства передовых представителей туркмен, писатель-джадид хотел как можно быстрее мобилизовать народ на искоренение этих недостатков и недугов.

Источники и литература

1. Соегов М. Туркменские гуманитарии начала XX века: писатель-просветитель и его единомышленники // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1–3 декабря 2017 г.). – Махачкала, 2017.

2. Соегова А. Джадиды и кадемысты: Противоположность взглядов // Наука и техника в Туркменистане. – 2000. – № 4. (на туркм. яз.).

3. Соегова А.М. О джадидском (новаторском) периоде в истории развития литературы тюркских народов (К вопросу о взаимосвязи и взаимодействии литератур) // Наука и образование эпохи нового Возрождения в мировой научно-образовательной системе. – Ашхабад, 2009.

4. Соегова А.М. Писатель Мухаммедкули Атабай-оглы // Garagum («Каракумы»). – 2008. – № 10. (на туркм. яз.).

5. Соегова А.М. Заслуги представителей джадидского движения в изучении туркменского фольклора в первые десятилетия XX века // Национальный фольклор народов Центральной Азии и проблемы духовного обновления общества. – Нукус, 2008.

6. Соегова А.М. О джадидском периоде в истории развития туркменской литературы // Наука и техника в Туркменистане. – 1999. – № 3. (на туркм. яз.).

7. Соегова А.М. О драматических событиях из истории туркменского джадидизма // Вопросы тюркологии. – 2011. – № 7.

8. Статьи Мухаммедкули Атабай-оглы // Garagum («Каракумы»). – 2008. – № 10. (на туркм. яз.).

9. Clement V. Призывы к реформам в Закаспии: туркменские последователи джадидизма и последующие их работы. – URL: <http://caa-network.org/archives/6324> (дата обращения: 22.12.2015).

10. Clement V. Jadid Influences among Turkmen in the late-Tsarist period // Towards a Social History of Turkmenistan, 1860-1960: Research Trends in Ethnography and History. A two-day conference at the International Institute of Social History, Amsterdam, in cooperation with the Department of European Studies, University of Amsterdam and VU University, Amsterdam. 27 October 2011. – URL: <http://media.leidenuniv.nl/legacy/conference-turkmenistan.pdf> (дата обращения: 15.12.2017).

11. Clement V. Rewriting the “Nation”: Turkmen Literacy, Language, and Power, 1904–2004. Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of The Ohio State University. By Victoria Clement, M.A. The Ohio State University. 2005. – 223 p. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?(дата обращения: 21.10.2015).

12. Söyegov M. 1910’lu Yıllar: Az Bilinen Türkmen Ceditçi Yazar ve Makaleleri // Zeitschrift für die Welt der Türken (ZfWT), Vol. 1, No 1 (2009). – Sayfa: 93–106. URL: <http://www.dieweltdertuerken.org/index.php/ZfWT/article> дата обращения: 05.09.2019).

©Соегова А.М.

МУХАММЕДКУЛИ АТАБАЕВ

ОБУЧЕНИЕ И СТАРОМЕТОДНЫЕ ТУРКМЕНСКИЕ ШКОЛЫ

(9 января 1915 года)

С начала создания Всемогушим мироздания образование, наука, профессии и другие разные дела развивались с каждым днём. Науки развиваются и не стоят на одном месте.

Все народы учатся друг у друга новым ремёслам и наукам, восполняя недостатки, вместе с этим, желают превзойти друг друга. Но наши туркмены не любят размышлять и говорят: «Если человек имея завтрак, думает об ужине, это грех». Мы высокомерно относимся к другим народам, называем одних «курдами», других «татами». Но, братья мои, не обижайтесь. Говорят:

«Кто лицемерит, тому не видать рая». Мы, туркмены, отстаём от всех народов. Мы отстаём от них во всём. Народы, которые мы охаиваем, преуспели во всём.

Народу больше, чем пропитание, необходимо образование, наука. Без науки никакие деяния не смогут осуществиться. Посмотрите, сравните, разные профессии, науки появляются у грамотных, образованных правителей, и их государство сильнее государств всех остальных правителей.

Аллах Всемогущий в первых сурах Корана повелевает: «Мухаммед, учись, познавай всё!» Поэтому учиться является долгом для нас. Но как с лёгкостью научить детей грамматике. Вот в чём дело.

В наших (старометодных) туркменских мектебах (школах) порядок обучения остался со времён Адама, ничего не поменялось, и дети за четыре-пять лет не умеют писать и читать. Однако по новой методике дети за год обучаются письму и чтению. Если до этого не умели читать, дети по новому обучению, учатся писать, то они могут легко читать разные книги и (даже) священный Коран.

Обучение по-новому методу даётся намного легче. В соответствии с этим методом учитель Алиев и другие написали и выпустили хорошие книги. В школах других народов обучение ведётся с помощью этих книг. Но у нас нет такого и мальчики с утра до вечера с большим рвением читают «элип», «бий», «тий» [название арабских букв, за три-четыре года не обучаются ничему. По этой причине из наших туркмен 10 человек из 100 не имеют образования.

В большинстве наших сёл не имеется ни одного человека, который мог бы читать и если получают письма, идут в другое село за человеком, который сможет прочесть. По причине нашей необразованности торговля и другие прибыльные дела в руках других народов и во всех делах мы отстаём от них.

Братья мои, давайте не будем такими! Не будем стоять на одном месте. Давайте идти вперёд. И сейчас самое время. Со временем, Иншаллах [дай Аллах], и мы станем на путь развития, и сможем стать наряду с другими народами. Говорят: «Тише едешь дальше будешь». Дело в том, что не надо стоять на одном месте, а надо (постоянно) идти вперёд.

НОВОЕ ПРАВИЛО ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ

(13 января 1915 года)

При произношении каждого слова изо рта выходят (т. е. произносятся) соответствующие звуки. Эти звуки воспроизводятся на письме (посредством букв). «Элип», «бий» (и другие буквы) – это название мусульманских (арабских) букв. Читаются буквы по-другому (т. е. не так, как их называют). Например, в имени «Атабай» сначала слышится «а», затем «т», потом опять «а», затем «б», снова «а», затем «й». На начальном, этапе обучения детей грамоте не следует называть буквы как «элип», «бий» (и другие).

При чтении и письменных упражнениях с детьми необходимо называть буквы теми звуками, для обозначения которых они используются. Учитель Алиев издал хорошую книгу на туркменском языке, которая составлена на основе этого нового правила (метода) обучения грамоте. Если обучать детей по этой книге, то они в течение двух месяцев смогут писать и читать. Вскоре смогут читать Священный Коран и другие книги.

Новое правило обучения у других народов появилось намного раньше, чем у туркмен. Поэтому у них больше образованных людей и торговля их страны и другие прибыльные профессии находятся у них в своих руках.

Разумеется, не все учащиеся школ и медресе становятся муллами (учёными). Многие попросту теряют время. Но обучаясь по новому правилу, многие, хотя бы научатся мусульманскому письму. Умение писать им пригодится.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ ТУРКМЕНСКАЯ ШКОЛА

(23 января 1915 года)

Когда я в Шагадаме [в последующем Красноводск, ныне Туркменбаши] пребывал в печальном настроении, мне рассказали о том, что: «В Челекене среди (туркмен) ёмудов больше 60 девушек и молодых женщин обучаются по новому правилу читать и писать». Сразу прошла моя печаль, улучшилось настроение, и я поспешил отправиться в Челекен. По прибытию я увидел, что это (действительно) так. В селе Челекен (ныне г. Хазар) туркмены открыли школу с новым правилом обучения письму и в этой открытой школе девочки 7 лет за пять-шесть месяцев могут писать и читать Священный Коран, Ровнак, Сопы (Аллаяр). Также они обучаются педагогике. Да благословить Всемогущий, да продолжится это дело до конца!

Люди Челекена понимают пользу образования. Для открытия этой школы, в которой я пребывал, они собрали двенадцать тысяч манат. В каждый месяц необходимо будет им выделять по две тысячи, и наняли они муллу-мусульманина для продолжения обучения по-новому правилу.

Во время открытия школы все люди объединившись, делали пожертвования, праздновали, веселились. В сёлах Челекена малые и взрослые изъявляют желание учиться, но (к сожалению) многие муллы их учат по-старому. По новому правилу можно научиться быстро и хорошо писать, и хорошо читать.

Боже Милостивый! Пусть среди наших туркмен Ахала, Мары и Теджена будут такие школы. Аминь, я Ребб-ул-алемин! [Да будет так, о Властелин всех миров!] (Перевела с туркменского Айна М. Соегова)

АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ

(1873–1938)

Ахмет Байтурсынов – великий сын казахского народа, духовный лидер нации, выдающийся просветитель, ученый-тюрколог, лингвист, реформатор орфографии казахского языка, создатель первых казахских учебников, поэт, публицист, основатель первой общенациональной газеты «Казах», видный общественный и политический деятель.

Ахмет Байтурсынов родился в январе 1873 года в местности Сарытубек, где река Жиланчик впадает в озеро Аккол (нынешняя территория Жанкельдинского района Костанайской области, Республики Казахстан). Потомок прославленного героя сражений XVII века с калмыцкими захватчиками батыра Аманжолы, знаменитого воина Умбетей-батыра Ахмет перенял от своих предков гордость, чувство собственного достоинства, независимость характера и суждений, способность пойти на смерть за свои убеждения.

Ахмет Байтурсынов обучался грамоте у аульных мулл. Родственники отдали его в Тургайское двухклассное русско-казахское училище. Окончив его, А. Байтурсынов отправляется в Оренбург для продолжения образования и поступает в четырёхлетнюю учительскую школу, основанную просветителем Ибраем Алтынсариним. В Оренбурге он испытывал большие финансовые трудности, но всё же окончил школу в 1895 году.

В 1895–1909 годах преподавал в аульных волостных училищах Актюбинска, Кустанайского и Каркаралинского уездов.

Активная политическая деятельность А. Байтурсынова началась в годы его заведования Каркаралинским русско-казахским училищем, тогда же состоялась его судьбоносная встреча с представителями передовой казахской интеллигенции А. Букейхановым и М. Дулатовым. Вместе с ними в 1905 году он участвует в написании знаменитой петиции на имя царя с требованиями политических свобод, которую подписали 14 тысяч человек. За участие в ее составлении Байтурсынов с июля 1909 по февраль 1910 г. был заключен в Семипалатинскую тюрьму, затем выслан в Оренбург «без права проживания в пределах киргизских степей в течение двух лет» и с 1910 по 1917 годы находился под негласным надзором полиции. Занимался журналистикой, этнографией, переводил русскую классику. В 1909 году в Петербурге был опубликован его сборник переводов крыловских басен – «Қырық мысал», а в 1911 году в Оренбурге вышла в свет первая книга стихов А. Байтурсынова «Маса» («Комар»). Стоя у истоков казахского языкознания, он разработал научную терминологию грамматики, создал новый казахский алфавит. Идеи, высказанные еще в 1914–1915 годах в пособии по языку «Тіл құрал» в послереволюционные годы были развиты в «Новой азбуке», пособии для учителей «Баяншы», в работах «Теория словесности», «Очерки литературы», «Язык – средство общения».

С 1913 по 1918 годы Ахмет Байтурсынов был редактором общенациональной газеты «Казах», на страницах которой создавались идейные предпосылки казахской конституционно-демократической партии «Алаш», организационно оформившейся в июле 1917 года. Автором программы партии и одним из ее лидеров был А. Байтурсынов, активно отстаивающий на I Всекиргизском съезде идею независимого автономного государства. В декабре 1917 года на II Всекиргизском съезде, объявившем автономию «Алаш-Орда» и сформировавшем правительство, Байтурсынов становится членом правительства, руководителем комиссии по организации учебного дела. Впоследствии, понимая невозможность победы партии «Алаш», не желая братоубийственной войны и надеясь на обещания большевиков справедливо решить проблемы казахского народа, в 1919 году он идет на сотрудничество с Советской властью, вступает в РКП(б). Делегат Всероссийского съезда Советов, член Военно-революционного комитета по управлению киргизским краем, а затем Народный комиссар просвещения Кир. АССР, член Каз. ЦИК, сотрудник газеты ЦК Компартии Туркестана «Ак жол», Академического центра Казахстана он всегда стоял на страже интересов казахского народа, был в числе тех, кто подписался под «Добавлениями к тезисам Ленина по национальному и колониальному вопросам», предостерегая от грубого, насильственного решения набравших проблем. После исключения из компартии (1921 г.) в связи с якобы новыми фактами антисоветской деятельности, А. Байтурсынов отходит от политики. Занимаясь с 1922 года исключительно научно-педагогической деятельностью, он становится председателем научно-литературной комиссии при Наркомпросе.

Огромной популярностью пользовались созданные им учебные пособия по родной речи, учебники для системы ликбезов, иллюстрированный букварь, литературоведческие статьи. Делегат V съезда Советов Казахстана (1925 г.) Ахмет Байтурсынов был инициатором возвращения казахскому народу его исторического названия, убедительно доказав делегатам съезда правильность наименования страны Казахская АССР. До 1929 года он работал преподавателем вузов Алма-Аты и Ташкента, был участником I тюркологического съезда в Баку, съезда работников народного просвещения в Казани.

В июне 1929 года он был арестован по обвинению в националистической антисоветской деятельности, приговорен к расстрелу, два года провел в Бутырской тюрьме г. Москвы в ожидании казни, в январе 1931 года замененной ссылкой на 10 лет в Архангельскую область. Тогда же в Томскую область была выслана его супруга с дочерью Шолпан. Только в 1934 году по ходатайству Международного Красного Креста, он получает возможность вернуться в Алма-Ату, воссоединиться с семьей. Пошатнувшееся здоровье, невозможность как политически неблагонадежному устроиться на работу, материальная нужда омрачили его последние годы.

Неизменной спутницей жизни Ахмета Байтурсынова была его любимая жена. Родилась она в 1878 году в Челябинской области. Будучи учительницей в русско-казахской школе в с. Аулиеколь (в ста километрах от Костаная), познакомилась с Ахметом Байтурсыновым. В этом же 1896 году они обвенчались в мечети города Троицка. С этого времени Александра Ивановна начала исповедовать ислам. Муж с согласия жены дал ей другое имя – Бадрисафа Мухамедсадыккызы. Совместная жизнь началась в Костанаяе. В связи со ссылкой в 1929 году А. Байтурсынова в Архангельск Бадрисафа, как жена врага народа, вместе с дочерью Шолпан была отправлена в 1931 году в ссылку в Томскую область. Затем их разъединили – Шолпан оставили в Томске, а Бадрисафу отправили в Западную Сибирь, на лесоповал в деревню Жуково. В 1934 году они вернулись на родину. В 1937 году, когда вновь был арестован и расстрелян А. Байтурсынов, Бадрисафу также арестовали и отправили в ссылку в Свердловскую обл. По возвращении в Костанай беспомощная Бадрисафа была помещена в больницу для инвалидов. Она стала жертвой сталинских репрессий, жизнь её трагически оборвалась на территории Костанайской области.

После очередной провокации в октябре 1937 года А. Байтурсынов был вновь арестован и 8 декабря 1938 года расстрелян как «классовый враг» по обвинению в связи с террористической организацией – тюркской народной партией. 4 ноября 1988 года Верховный суд Казахстана реабилитировал А. Байтурсынова за отсутствием в его действиях состава преступления.

Ахмет Байтурсынов был блестящим литератором, педагогом, лингвистом. В 1920 годы Ахмет Байтурсынов возглавлял Академический центр республики, был профессором филологии первого в истории казахского народа государственного университета. Байтурсынов создаёт учебные пособия по родной речи, учебники для системы ликбезов, иллюстрированный букварь, выдержавший в 1920-е годы несколько изданий.

Известно, что арабское письмо при использовании его без обозначения гласных реально представляет определенные неудобства для тюркских языков. А. Байтурсынов предложил оригинальный проект реформирования арабского алфавита. Его идея сводилась к тому, чтобы при каждом слове отмечать признак переднего или заднего ряда добавлением знака, аналогичного знаку скрипичного или басового ключа в нотной записи, что существенно экономило число вновь вводимых знаков для гласных и примиряло с арабской графикой. В своей статье «Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР» знаменитый лингвист, профессор САГИ Е.Д. Поливанов назвал этот проект «гениальным». «Нет сомнения, – писал Поливанов, – что если бы вопрос о казахском письме... мог бы решаться «вне времени и пространства» – без необходимости считаться с графикой соседних народностей..., то казахская школа вполне могла бы удовлетвориться «орфографией» 1924 года». Но проекту Байтурсынова не суждено было долго жить, началась политическая чехарда с латинизацией (1928) и кириллизацией (1940) тюркских языков в СССР.

Безусловно, А. Байтурсынов – один из основателей казахского алфавита, наиболее точно передающего все звуки казахского языка. Феномен алфавита А. Байтурсынова признан на мировом уровне. Его уникальность в том, что количество букв в нем меньше, чем количество звуков. Для этого Ахмет Байтурсынов изгнал из употребления 12 арабских букв, не нужных и вносивших путаницу. Таким образом, А. Байтурсынов реформировал казахское письмо на основе арабской графики, дав возможность пользоваться ею миллионам казахов, живущих за границей. Новый алфавит, получивший название «Жаңа Емле» («Новая орфография»), до сих пор применяется казахами, живущими в Китае, Афганистане, Иране.

Ахмет Байтурсынов внес большой вклад в развитие казахской литературы и письменности. В частности, наиболее известны его басни, вошедшие в сборники «Сорок басен» и «Маса», вышедшие, соответственно, в 1909 и 1911 годах. А. Байтурсынов провел большую работу по собиранию и изданию образцов казахского устного народного творчества. Он написал вступительную статью и комментарии к поэме «Ер Саин», опубликованной в 1923 году, выпустил книги «23 причитания» (1926) и «Литературоведение» (1926), последняя из которых является первым научным исследованием по истории казахской литературы.

Ахмету Байтурсынову принадлежат тезисы «О терминологии в тюркских языках», опубликованные в 1926 году он написал ряд учебников

для обучения казахских детей родному языку. Среди них: «Учебное пособие» (1912), «Пособие по языку» (1914), «Азбука» (1924), «Новая азбука» (1926–1928), и методическое пособие «Баяншы» (1926).

«Мы могли бы забыть, да вот история не может допустить забвения Ахана за дела и преданность выбранному политическому пути; за то, что сделала газета «Қазақ» казахам, плакавшим кровавыми слезами в 1916 году; за открытие казахских школ; за предельное внимание к родному языку; за литературное наследие: «Сорок басен», «Муху». Это знают все люди. С этим никто не спорит. Ахан один из тех людей, чей вклад в дело казахского общества не оценим. Один из плодов его деятельности – идущая за ним молодежь, которая идет в открытые им школы. Молодая казахская литература считает его своим основателем. Перо Ахана сыграло свою целительную роль», – писал Мухтар Ауэзов, сравнивая Байтурсынова с пчелой, мед которой является целебным для людей.

Еще при жизни Ахмета Байтурсынова одним из первых о его творчестве написали статьи на русском языке его соратники, наши земляки Миржақып Дулатов и Елдес Омарулы.

«В результате научно-педагогических трудов Ахмета Байтурсынова мы имеем киргизскую (казахскую) азбуку, фонетику, синтаксис и этимологию киргизского языка, теорию словесности и историю культуры. Этим кропотливым трудом Ахмет Байтурсынов поднял киргизскую словесность на высокую ступень и заложил прочный фундамент для национальной школы и родной литературы», – писал М. Дулатов.

«Ахмета Байтурсынова знает вся киргизская степь, его все уважают, любят и как будто высоко ценят его талант. Но его недооценивают. Его мы знаем и ценим как поэта, публициста, общественного деятеля, педагога, но он почему-то не укладывается в нашем мозгу как ученый, сделавший весьма ценные открытия в области киргизской грамматики...». Такими словами начинается статья Елдеса Омарулы «Ученая деятельность А.Б. Байтурсынова», написанная в Оренбурге 28 января 1923 года. Автор рассказывает о великой роли и значении ученого в создании нового алфавита, реформах новых звуковых методов обучения грамоте, открытии законов фонетики и о заслугах Ахмета Байтурсынова в области этимологии казахского языка.

Ахмет Байтурсынов стоял у истоков науки о казахском языке и литературоведения. В двадцатые годы на основе арабской графики, учитывая особенности казахского языка, он создал азбуку, написал ряд трудов по проблемам грамматики, морфологии, фонетики, методике обучения, проделал большую работу по развитию казахской литературы и культуры. Он впервые дал высокую оценку Абаю, назвав его главным поэтом казахского народа, обратил внимание и на творчество наших великих земляков Нуржана Наушабаева, Аксулу Орысбайкызы, а в книге «Әдебиет танытқыш» («Литературоведение») привел примеры ораторских высказываний Наурызбай бия, Акмуллы, Жанибека, Магжана и других.

В 2001 году были изданы научно-биографические сборники «Ұлттың ұлы ұстазы: Научно-биографический сборник, посвященный Ахмету Байтурсынову» (сост. В.К. Кузембаева. – Алматы: Центральная научная библиотека, 2001. – 305 с.), также «Великий учитель нации: посвящается Ахмету Байтурсынову» (сост. В.К. Кузембаева. – Алматы: Центральная научная библиотека, 2001. – 262 с.). В сборники вошли годы жизни и творчества А. Байтурсынова, избранные труды, исследования и воспоминания, а также хронологический указатель трудов о жизни и творчестве А. Байтурсынова

В 2006 году Имаханбетова Райхан Сахыбековна защитила кандидатскую диссертацию по специальности: «10.01.02 – филология» на тему: «Творческая биография и научное наследие Ахмета Байтурсынова». В данной работе исследовано творческое и научное наследие Ахмета Байтурсынова. Определены основные даты творческой и научной биографии ученого, государственного деятеля, лидера политической партии Алаш. Установлена хронологическая последовательность времени написания и издания основных трудов А. Байтурсынова – поэтических, лингвистических, литературоведческих и публицистических. Систематизировано творческое наследие ученого в соответствии с архивными источниками, дана научная оценка его литературоведческому творчеству.

Монография Райхан Имаханбетовой, изданная в 2010 году, «Человек века: творческая биография А. Байтурсынова» посвящена творческой биографии великого ученого. Новаторство ее заключается в том, что впервые был применен системный подход к творческому наследию ученого-реформатора XX столетия. Здесь впервые проанализированы ранее неизвестные работы А. Байтурсынова, выявлены и исправлены неточные данные о его жизни.

В этом же году был переиздан сборник стихотворений Ахмета Байтурсынова, переведенный на русский язык, и размышления о них: «Яркий носитель духа человечности». Книга впервые была издана в 1997 году, автор – Мухамет-Халел Сулейманов. В сборник вошли переводы избранных стихов поэта и статья, в которой автор анализирует путь общественного деятеля. Переводы М.-Х. Сулейманова являются первой и единственной на сегодня попыткой донести до русскоязычного читателя идеи казахского просветителя.

Имя ученого, реформатора, выдающегося деятеля Казахстана Ахмета Байтурсынова было реабилитировано лишь в 1988 году.

В 1993 году дом №60 по улице Космонавтов в Алматы (ныне это улица носит имя Ахмета Байтурсынова), из которого когда-то выселили семью «врага народа», разрешили превратить в музей.

Экспозиция музея занимает четыре комнаты. Экспонаты собирали, как говорится, с миру по нитке. Директор музея Райхан Имаханбетова, посвятившая многие годы сохранению памяти ученого, скромно отметила:

«У нас не такой богатый дом-музей, как, например, у других представителей казахской интеллигенции, потому что у Ахмета Байтурсынова была очень сложная жизнь». Просто-напросто из-за постоянных переездов и отбывания сроков, личных вещей лидера «Алаш Орды», основателя первого демократического издания в республике газеты «Қазақ», практически не сохранилось.

В 1990 году Институту языкознания было присвоено имя видного государственного деятеля, просветителя и основоположника казахского языкознания Ахмета Байтурсынова. Институт языкознания имени Ахмета Байтурсынова – научная организация Казахстана, специализирующаяся на фундаментальных и прикладных исследованиях проблем казахского языкознания, тюркологии.

Основными направлениями научной деятельности института являются разработка капитальной академической грамматики казахского языка, подготовка и издание многотомных толковых, терминологических, орфографических, двуязычных, многоязычных словарей, а также пропаганда достижений и результатов исследований по казахскому языкознанию. В институте ведутся исследования по грамматике, лексикологии, фонетике, культуре речи, ономастике, терминологии казахского языка, а также по прикладной лингвистике, этнолингвистике и истории литературного казахского языка.

Ахмету Байтурсынову установлены памятники в Костаное (2000) и Шымкенте (2004). Именем А. Байтурсынова названы улицы во многих городах Казахстана. Его имя носит Костанайский государственный университет. В 2005 году была выпущена почтовая марка Казахстана, посвященная Байтурсынову.

Вся жизнь Ахмета Байтурсынова была пронизана пламенной заботой о самоопределении казахов, развитии культуры, образования и науки, сохранении в веках самобытного народного творчества, самого духа нации. Не случайно М. Ауэзов еще в 1923 году, учитывая неопределимые заслуги Байтурсынова перед казахским народом, назвал его «вождем казахской интеллигенции».

Источники и литература

1. Ахмет Байтұрсынұлы: Зерттеу-эссе. – Алматы: «Арда», 2007.
2. Великий учитель нации: Посвящается Ахмету Байтурсынову. /Сост. В.К. Кузембаева. – Алматы: Центральная научная библиотека, 2001.
3. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. – М.: РОСПЭН, 2008.
4. Ұлттың ұлы ұстазы: Научно-биографический сборник, посвященный Ахмету Байтурсынову /Сост. В.К. Кузембаева. – Алматы: Центральная научная библиотека, 2001.
5. Шаяхмет А. Светило казахского народа// www.adebiportal.kz

©Каленова Т.С.

ДОРЖИ БАНЗАРОВ

(1822–1855)

Современный этап развития евразийских этносов, сформированных на духовно-нравственных традициях «кочевой» цивилизации, характеризуется пересмотром истории бурятского народа как органической составляющей части монголо-тюркского номадного этномира, имеющего огромное научно-культурное, религиозное наследие, представленное целым пластом научных и литературных трудов выдающихся ученых-востоковедов в области истории монгольской Ойкумены, буддийской богословской философии, шаманизма: Доржи Банзарова, Галсана Гомбоева, Гомбожапа Цыбикова, Цыбена Жамцарано, Агвана Доржиева и других, вошедших в ряд крупнейших российских просветителей XIX – начала XX в.

Труды этих подвижников явились основой образовательного регионального развития евразийско-азиатского нациестроительства, очерченного огромной территорией проживания, разнообразным этническим составом населения, своеобразными многовековыми религиозно-культурными традициями, кочевым и полукочевым образом жизни, заложенным как у монголов, так и тюрков в период их перехода от первобытности и варварства к «кочевой» цивилизации на просторах Евразии. Альтернативные проблемы выбора дальнейшего цивилизационного развития российских этносов в начале XXI в., напрямую связанные с радикальными переменами, произошедшими в евразийском геополитическом духовно-экологическом пространстве в последние десятилетия, обуславливают необходимость нового, более

углубленного и комплексного подхода к изучению этнокультурного, экокультурного и культурно-религиозного наследия тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

Исторически и научно обоснованное лидирующее положение в отечественной плеяде просветителей монголо-тюркского этномира, изучавших особенности исторического развития бурят-монгольских народов, занимает феномен подвижника европейской науки, первого выпускника Казанского университета с академическим образованием среди бурят Доржи Банзарова (1822–1855). Бурятский ученый родился 1822 г. в улусе Ичетуй в семье отставного пятидесятника Ашебагатского казачьего полка Банзара Боргонова. Он был пятым сыном в семье, и его нарекли Доржи (Алмаз). В 1833 г. Доржи окончил Николаево-Атамановское училище, с 1833 по сентябрь 1835 г. учился в Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе. Выдающийся американский монголовед мирового уровня Роберт Рупен отмечал: «Ряд обстоятельств, сложившихся в Кяхтинско-Троицкосавском районе (центре концентрации казаков), придавали ему специфический характер. Там в уникальной атмосфере просвещенности и интеллектуальности возникла благоприятная ситуация. Особая бурятская группа, официально классифицировавшаяся как «казаки», а не инородцы, могла посещать русские школы. Большой процент образованных бурят происходил из казачьих семей». В 1835 г. Доржи в числе четырех бурятских мальчиков вместе с ламой-воспитателем Г. Никитуевым был отправлен в Казань для продолжения учебы в гимназии. 25 января 1836 г. он был принят в первый класс I Казанской гимназии. За период учебы в гимназии Доржи проявил блестящие способности, в совершенстве овладел, кроме родного и русского языков, монгольским, маньчжурским, калмыцким, тибетским и немецким языками. Хорошо разбирался в латинском, тюркском, французском и английском языках. В 1842 г. Совет гимназии за отличные успехи в учебе наградил Д. Банзарова золотой медалью. В сентябре 1842 г. Д. Банзаров поступил на философский факультет Казанского университета, имевший восточный разряд, который успешно окончил 5 июня 1846 г. В стенах этого высшего учебного заведения с 1842 по 1846 г. он сформировался как академический ученый из числа инородцев под руководством своего учителя и наставника, организатора первой в мире кафедры монгольского языка, основоположника научного монголоведения в России, профессора Осипа Михайловича Ковалевского и его соратника Александра Васильевича Попова. Обучаясь на восточном отделении философского факультета Казанского университета, Д. Банзаров написал для своих соплеменников «Всеобщую географию» и «Грамматику монгольского языка», перевел на монгольский язык с французского «Странствования китайского буддиста IV в. по имени Фа-Сян», с маньчжурского «Путешествие Тулишена Аюб хана». Первые публикации

молодого ориенталиста были восторженно встречены в кругах востоковедов. Его статья «Белый месяц. Празднование Нового года у монголов» была опубликована в «Казанских губернских ведомостях» в № 30 за 1846 г.

Защита диссертации на степень кандидата татаро-монгольской словесности Доржи Банзаровым в 1846 г. завершилась публикацией основного научного труда «Черная вера, или Шаманство у монголов» в «Ученых записках Казанского университета» (1846, кн. 3, с. 52–120). В своей выпускной работе Д. Банзаров критически проанализировал сочинения, написанные на русском, монгольском, маньчжурском, китайском, тибетском, тюркском, немецком, французском языках. Тема диссертации была сложная и неразработанная. Ни сами монголы, ни русские и западные ориенталисты не имели ясного и полного представления о шаманской вере. В наши дни бурятский ученый Б.С. Санжиев писал: «В отличие от Гумбольдта Банзаров в своей диссертации выступил как атеист с материалистическим воззрением: «Черная вера монголов» произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы: внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, явления того и другого – вот что было источником черной веры... Из этих двух сил, которые руководят народом в стремлении его к верованию, природа сильнее действует на младенствующего человека». В трудах Д. Банзарова впервые в светской российской и мировой науке были отражены знания о древнейшей системе религиозных верований азиатских народов – шаманизме, ныне определяемой как тэнгэризм или тэнгрианство, как синкретической религии монотеистического типа в Евразии. В наши дни анализу подвергается большое фольклорное, эпическое наследие древнейших верований монголоязычного мира, записанных с изустной традиции номадных центральноазиатских, бурят-монгольских сказителей-улигершинов.

В 1846 г. Д. Банзаровым был составлен «Маньчжурско-русско-монгольский словарь», более 25 работ, в том числе 16 опубликованных, которые по своему содержанию и методу исследования стоят целых томов. 5 из них представляют собой сообщения, прочитанные на немецком языке на высоком собрании историко-филологического отделения Академии наук. Особое место в научных трудах Д. Банзарова занимает исследование такого памятника, как «Чингисов камень». Этот памятник древнемонгольской письменности представлял собой плоскую гранитную плиту и был найден на берегу реки Кыркыра – одного из притоков Амура, там, где находился дворец князя Исунке, сына брата Чингис-хана Хасара. В настоящее время «Чингисов камень» находится в Эрмитаже.

По окончании Казанского университета, согласно положению о казацком сословии и 25-летней воинской службе, Доржи Банзаров не мог сразу приступить к научной и чиновничьей деятельности. Поэтому он был

вынужден в 1847–1849 гг., период выхода из казачьего сословия, что рассматривалось только императором Николаем I и на заседании Госсовета, проживать в Петербурге, но все же его не освободили полностью от казачьего сословия. Петербургский период был лучшей порой в жизни Д. Банзарова, он занимался научной деятельностью в Этнографическом и Азиатском музеях, Петербургской АН наравне с выдающимися востоковедами, с которыми он познакомился: Х.Д. Френом, Н. Я. Бичуриным (отцом Иакинфом), В.В. Григорьевым, П.С. Савельевым, И.Я. Шмидтом, О.Я. Ковалевским и другими, сделался «львом» общества ориенталистов. В этот период он был избран членом-корреспондентом Русского археологического общества.

28 октября 1849 г. бывший ректор Казанского университета, помощник попечителя Казанского учебного округа, действительный статский советник Н.И. Лобачевский утвердил Д. Банзарова в ученой степени кандидата татаро-монгольской словесности на основе указа Сената о дозволении его на службу и протоколов Совета университета от 5 июня 1846 г. и предложил Совету университета составить диплом на означенную степень.

Затем после освобождения (неполного) в 1850–1855 гг. от казачьего сословия Д. Банзаров был отправлен служить в Иркутск. 12 апреля 1850 г. молодой человек приступил к обязанностям чиновника по особым поручениям, которые его тяготили, при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском. В одном из своих писем И.Н. Березину Д. Банзаров писал: «Я живу одним жалованием, хотя на руках у меня бывают такие дела, от которых другие толстеют; я же от них худею». 19 апреля 1853 г. высочайшим приказом Банзаров Доржи был произведен в титулярные советники. Этот чин давал возможность претендовать на дворянское звание. В этот период Д. Банзаров опубликовал труд «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племяннике Чингис-хана» (1851), посвященный интерпретации надписи на «Чингисовом камне». В 1851 г. он был избран членом-корреспондентом Сибирского отдела Русского географического общества, выполнял разнообразные поручения ВСОРГО. Как отмечала одна из первых советских монголоведов-историографов мирового масштаба Н.П. Шастина, ссылаясь на Иркутские повествования (1661–1917 гг.: в 2 т. / авт.-сост. А. К. Чернигов. Иркутск: Советская историческая энциклопедия; М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 2. БААЛ - ВАШИНГТОН. 1962), «в 1855 г. в Иркутске в возрасте 33 лет умер Доржи Банзаров, первый бурятский учёный и общественный деятель. Д. Банзаров создал ряд талантливо написанных исследований в области истории, филологии и философии. Все свои работы Доржи Банзаров разрабатывал на уровне новейших воззрений передовой мировой науки. Этому способствовало то, что Д. Банзаров знал до десятка иностранных языков, включая

французский, немецкий, английский, т. е. он прекрасно знал современное ему состояние западноевропейской науки и литературы. Всё это помогло ему сделать самостоятельные шаги в науке».

Д. Банзаров интересовался внутри и внешнегосударственными социально-политическими проблемами, приветствовал революционные события 1848 г. в Европе. Он был страстным патриотом своей родины и горячо верил в светлое будущее как бурят, так и великого русского народа. Беспредельно любя свой народ, Д. Банзаров в то же время не был национально ограниченным. Он с огромным уважением относился к русской культуре, оказавшей решающее влияние на его мировоззрение, жизнь и деятельность. Доржи Банзаров мечтал стать одним из богатырей национально-освободительной борьбы бурятского народа за своё счастье, свободу и независимость. На крутом повороте мировой истории Доржи Банзаров был в лагере А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, великих русских демократов-просветителей 19-го столетия. В 1853–1854 гг. Д. Банзаров познакомился и встречался с декабристом Н.А. Бестужевым в Иркутске и Селенгинске. Вопреки неверно сложившейся в советской историографии точке зрения, что Д. Банзаров не занимался в Иркутске наукой, профессор Б.С. Санжиев отмечает 9 положений, которые он выделил в качестве опровержения данного представления. В 1855 г. в конце февраля – начале марта Банзаров Доржи скоропостижно скончался в Иркутске. О внезапной смерти Д. Банзарова генерал-губернатор Восточно-Сибирского генерал-губернаторства граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский послал срочное сообщение в столицу. В то же время по Высочайшему рескрипту в последний путь «титулярного советника» и «чиновника по особым поручениям» должен был сопровождать сам генерал-губернатор.

Коллега и старший товарищ Доржи Банзарова Павел Степанович Савельев, видный русский археолог, востоковед, член-корреспондент Петербургской академии, председатель Российского археологического общества наук, ставший биографом бурят-монгольского ученого, в своей первой брошюре «О жизни и трудах Доржи Банзарова», написанной уже в 1855 г., отмечал: «Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большее внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров». Давая оценку его главного труда «Черная вера, или Шаманство у монголов», П.С. Савельев опубликовал в 1856 г. письма Д. Банзарова (Труды восточного отделения Археологического общества. Т. 3) с приложением его портрета, снятого дагерротипным способом в 1848 г. во время его шестимесячного пребывания в Петербурге. Как высоко звучит сегодня оценка П.С. Савельевым научного подвига молодого ученого Доржи Банзарова: «Так верно, светло, философски понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет назад – дитя

природы, росший среди родных степей. Какая разница между этим разумным «воззрением на шаманство и взглядом покойного отца Иакинфа (имеется в виду Иакинф Бичурин), который довольствовался извлечением из маньчжурского устава описания обрядов и штата китайских шаманов. Можно подумать, что два писателя о шаманстве имели в виду различную публику, и один писал для Европы, а другой для Пекина, и при том монгол смотрел как европеец, а европеец – как монгол». Известный русский востоковед В.В. Григорьев, близко знавший молодого Д. Банзарова, отмечал, что «он мог надеть с честью докторский колпак в любом европейском университете».

В сентябрьском номере журнала «Современник» в 1855 г. была опубликована рецензия Н.А. Некрасова на брошюру П.С. Савельева. Он писал, что эта брошюра знакомит читателя «с весьма замечательной личностью». Также обратил внимание на тяжелые условия жизни ученого, ибо эти условия не позволили Банзарову продолжать научную деятельность. Н.А. Некрасов писал: «После жизни в Петербурге и Казани в кругу ученого сословия жизнь в Иркутске не была благоприятной для развития дарований и деятельности Банзарова». Характерным отражением высокого научного и просветительского подвига Доржи Банзарова был ряд статей в столичных журналах и газетах, многих потрясла его смерть в возрасте 33 лет. Молодой Н. Г. Чернышевский на страницах «Отечественных записок» отмечал, что в лице Банзарова «...современная наука лишилась одного из полезнейших возделывателей, одного из остроумнейших исследователей». Статьи, посвященные памяти Доржи Банзарова, были размещены в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Московитянин», «Библиотека для чтения» и др. В столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» так писали о нём: «Доржи Банзаров – личность чрезвычайно любопытная во многих отношениях, одно из редких показательных явлений в учёном мире. О Банзарове и трудах его почти вовсе не было говорено до сих пор, а кроме того, этот молодой учёный, хотя по своему таланту и званиям имел полное право претендовать на видное место в кругу наших учёных, но по причине кратковременности своей жизни и строгой, чтобы не сказать сухой, специальности той области науки, в которой трудился, ещё не успел приобрести известность в публике. Его известность, его решительное влияние на науку, полная определённая характеристика его деятельности, всё это пока оставалось ещё в будущем; от этого будущего наука ждала многого...». Таким образом, еще в середине XIX в. была дана высокая оценка научной деятельности Д. Банзарова. Однако после ряда статей, изданных в 1855–1856-х гг., не появилось ни одной публикации о Банзарове на протяжении последующих 35 лет. Только в 1891 г. известный русский литературовед С.А. Венгеров в своем «Критико-библиографическом словаре русских писателей и ученых» поместил статью о Д. Банзарове.

Личность Доржи Банзарова была отмечена в академическом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (82 т. и 4, доп. СПб., 1890–1907. Статья о бурятском ученом «Банзаров, Доржи»). В конце XIX в. известный исследователь Центральной Азии, облавщик, общественный деятель, сибирский историк Григорий Николаевич Потанин, высоко оценив «Черную веру...» Д. Банзарова, поражаюсь той скудости источников, которыми пользовался ее автор. Закономерной явилась характеристика, данная работе Д. Банзарова Г.Н. Потаниным: «Черная вера, или Шаманство у монголов» – до сих пор одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве».

Как отмечал один из идеологов евразийской теории второй половины XX в. Л.Н. Гумилёв в разделе «Древнемонгольская религия» (Доклады ВГО. Л., 1968. Вып. 5), «в 1891 г. Доржи Банзаров описал взгляды монгольских, вернее бурятских, современных ему язычников, снабдив сочинение большим количеством исторических экскурсов, и в заключение сделал вывод, «что так называемая шаманская религия, по крайней мере у монголов, не могла произойти от буддизма или какой-либо другой веры». По его мнению, «черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы: внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека и явления того и другого, вот что было источником черной веры».

В 1947 г. имя Доржи Банзарова было присвоено Бурятскому государственному педагогическому институту, ныне – Бурятскому государственному университету. В 1957 г. перед зданием института был установлен памятник работы скульптора А.И. Тимина. Именем Доржи Банзарова названы улицы в городах: Улан-Удэ, Иркутск, Кяхта и Казань, селе Кырен (районном центре Тункинском районе Республики Бурятия). В год 170-летия (1992 г.) был установлен памятный камень недалеко от родового гнезда Доржи Банзарова. Кроме многочисленных изданий отдельных трудов Д. Банзарова в последнее время было дважды опубликовано «Собрание сочинений» Д. Банзарова – к столетию со дня смерти (Банзаров Д. Собр. соч. / отв. ред. Г.Д. Санжеев; подготовка к печати и примеч. Г.Н. Румянцева). В декабре 2007 г. администрация Джидинского района учредила премию имени Доржи Банзарова для особо одарённых, талантливых учащихся района, добившихся высоких результатов в различных областях деятельности. 24 января 2008 г. постановлением правительства Республики Бурятия имя Доржи Банзарова присвоено Нижне-Ичѣтуйской средней общеобразовательной школе Джидинского района. 11 июня 2010 г. в рамках празднования 75-летия Джидинского района на месте родовой усадьбы первого бурятского ученого установлен памятник работы скульптора Г.Г. Васильева. 27 декабря 2018 г. приказом №1294 Минобрнауки России Бурятскому государственному университету присвоено имя Доржи Банзарова. Это

решение было поддержано коллективом университета, научным сообществом и общественниками.

Источники и литература

1. Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Убаши-Хунтайджи и его войны с ойратами / пер. лампы Галсана Гомбоева. – СПб., 1858.
2. Банзаров Д. Собрание сочинений / отв. ред. Г.Д. Санжеев; подготовка к печати и примеч. Г.Н. Румянцева (имеется биографич. очерк и библиография лит-ры о Банзарове) / Ин-т востоковедения; Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-т культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений / отв. ред. Д. Б. Улымжиев, предисл. В. Ц. Найдакова; РАН. Сиб. отд-ние. Бурят. ин-т обществ. наук. 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.
4. Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов. Изд. Потанина. 1891. С. XVIII. См. также: Географические известия. – СПб., 1848.
5. Банзаровские чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Д. Банзарова. – Улан-Удэ, 1992.
6. Батуев Б.Б., Батуева И.Б. Очерк истории селенгинских бурят. – Улан-Удэ: Сибирь, 1994.
7. Венгерова С. А. Критико-биографический словарь. – СПб., 1891. Т. 2.
8. Выдающиеся бурятские деятели Изд. 2-е. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2009. Т. 1., 2010. Т. 2.
9. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства // Банзаров Д. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Изд-во БИОН, 1997.
10. Дугаров В.Д. Взаимоотношения России и Монголии XVII–XIX вв. (вопросы историографии). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004.
11. Дугаров В.Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX – нач. XX в. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2008.
12. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014.
13. К столетию со дня смерти Д. Банзарова // Материалы научной сессии и статьи. – Улан-Удэ, 1955.
14. Ким Н.В. Доржи Банзаров (биографический очерк) // Казанская гимназия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; Сибирь, 1992.
15. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVII–XX вв.) // Игумнов А. В. Начало иркутского монголоведения. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014.
16. Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII — начало XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001.
17. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии: кол. монография / рук. проекта и отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2016.
18. Петров Л.А. Д. Банзаров. Первый бурят-монгольский ученый. – Улан-Удэ, 1943.
19. Петров Л.А. Доржи Банзаров – первый бурятский ученый // Исторический журнал. – 1944. – № 10–11.
20. Савельев П.С. О жизни и трудах Доржи Банзарова // Труды восточного отделения Императорского археологического общества. – СПб., 1856. Ч. 2;

21. Санжиев Б.С. Доржи Банзаров: изучение научного наследия (к 170-летию со дня рождения). – Иркутск: Иркутская областная типография, 1992.

22. Улымжиев Д., Шофман А. Гомбоев Галсан // Российские монголоеды (XVII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1997.

23. Улымжиев Д.Б. Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863). К 175-летию со дня рождения. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. пед. ин-та, 1993.

24. Улымжиев Д.Б. Воспитанник Казанского университета, первый бурятский ученый Доржи Банзаров (1822–1855) // Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. пед. ин-та, 1994.

25. Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. пед. ин-та, 1994.

26. Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара. – М., 1981.

27. Чимитдоржиев Ш.Б. Выдающиеся бурятские деятели (XVII – нач. XX в.) // Бурятское учительство в XVIII–XIX вв. – Улан-Удэ, 2001. Ч. 1, вып. 2.

28. Шофман А.С. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1966.

©Дугаров В.Д., Номогоева В.В.

МАХМУДХОДЖА БЕХБУДИ

(1875–1919)

На рубеже XIX–XX вв. в Средней Азии интенсивно развивается общественно-политическое мышление. Наиболее прогрессивные представители узбекского народа объединяются в рамках нового направления – джадидизм. В основе этого термина лежит арабское понятие о новом, т.е. учение о новом, движение к новому. Джадиды представляют собой наиболее развитую в мировоззренческом плане часть национальной интеллигенции, трезво оценившую положение народа и перспективы дальнейшего развития отечества. Они прекрасно понимали, что обстановка крайней нищеты тёмных и невежественных масс, застой социально-политической жизни, раздробленность и феодальная междоусобица, колониальный гнёт стали значительным тормозом прогресса и грозили полным вымиранием самобытности нации. Они смогли сплотить свои усилия в рамках «Объединения джадидов» и во имя утверждения прогресса стали энергично действовать в направлениях, определяющих их цель: развитие образования нового содержания и методологии, становление национальных средств информации, формирование национального театра (как одного из этих средств), обновление жанровой и идейной основы литературы, пропаганда всеми доступными средствами идеологии национального возрождения. Деятельность джадидов особого эффекта достигла в начале XX в. и дала определенные плоды в сфере формирования духовности узбекского народа. Школы нового стиля, журналы и газеты, национальный театр и первый университет стали

результатами их самоотверженной работы. Их имена были символами национальной независимости и достоинства, прогресса и просвещения. Лидерами джадидского движения в Узбекистане явились такие яркие личности, как Махмудходжа Бехбуди, Мунавваркори Абдурашидханов, Абдулла Авлони, Абдурауф Фитрат.

Махмудхожа Бехбуди, несомненно, был из первых джадидов разработчиков идейной основы движения к новому мышлению и образу жизни. Он родился в селении Бахшитепа под Самаркандом 19 января 1875 г. Его отец Бехбудхожа Салиходжа-оглы был выходцем из Туркестана и, по некоторым сведениям, потомком известного поэта и мыслителя, бога слова Ахмада Яссави, а мать родом из Хорезма. Будущий просветитель рано (в 1894 г.) потерял отца, и его воспитанием стал заниматься дядя по матери казий Мухаммад Сиддик. Уже с 18 лет Бехбуди зарабатывает себе на жизнь сначала в должности секретаря суда, а затем казия и муфтия.

Большое влияние на формирование мировоззрения Бехбуди оказал известный учёный и общественный деятель Исмаилбек Гаспринский, который в 1892 г. обращается к генерал-губернатору Н.О. Розенбаху с письменным предложением о реконструкции туркестанских школ в духе джадидизма, а через год сам приезжает в Ташкент. Исмаилбек Гаспринский посетил древние города Самарканд и Бухару, где встречался с местной интеллигенцией и проповедовал идеи джадидизма. Бехбуди посчастливилось быть рядом со своим учителем в эти дни и многому научиться у него.

1899–1900 гг. Бехбуди посвящает хаджу, дабы увидеть мир своими глазами. Вернувшись из паломничества он вместе с друзьями и единомышленниками открывает новые джадидские школы, где преимущество отдаётся светскому, а не богословскому образованию. Для обучающихся этих школ он пишет учебники «Трактат об основах грамотности», «Трактат по географии», «Трактат по географии Руси», а также учебники по истории и теории ислама.

В 1903–1907 гг. он путешествует по России, посещает Москву, Петербург, Нижний Новгород, Уфу, Казань. В августе 1907 г. участвует в курултае – съезде мусульман России, посвященном проблемам их культуры и жизни. Бехбуди возглавляет туркестанскую делегацию, выступает на совещании с большим докладом, где высказывает своё видение вопроса и свои конкретные предложения. Он был уверен, что просвещение нации не должно ограничиваться школами нового образца, а должно расширяться за счёт создания широкой сети средств массовой информации и пропаганды.

Вернувшись на родину, Бехбуди активно принимается за создание театра как средства пропаганды, а также сети газет и журналов на узбекском языке. Он пишет драму «Падаркуш» («Отце убийца»), которую с разрешения тифлиского цензора удалось издать лишь в 1913 г. с

эпиграфом «Посвящается юбилею Бородинской битвы и освобождению России от ига французов». Таковы были особенности времени, когда полностью отсутствовала свобода слова, особенно для жителей колоний, а Туркестанская колония была самой бесправной в рамках Российской империи. Премьера первой национальной трагедии состоялась 15 января 1914 г. в Самарканде, а затем в Ташкенте (27 февраля 1914 г.). Театральная группа «Турон» исполнила «Падаркуш» на сцене театра «Колизей» (ныне здание Торговой биржи). Постановку спектакля предваряла лекция Мунавваркори Абдурашидхонова о значении театра в духовной жизни общества. Этот день (28 февраля 1914 г.) был признан историческим, ибо спектакль стал событием огромного значения для прогрессивной общественности. В течение 1914–1916 гг. труппа «Турон» гастролирует по всей Ферганской долине, и драма «Падаркуш» просвещает массы, призывая к прогрессу в мышлении, обладанию современными знаниями. Трагедия невежественного юноши, убившего своего отца и не осознающего глубины происходящего, ослеплённого вседозволенностью и извращённостью, потрясала узбекского зрителя.

Однако Бехбуди не ограничился театром – он активно занимается и издательскими делами. Вместе с единомышленниками он выпускает газету «Самарканд» (на узбекском и фарси) и журнал «Ойна» («Зеркало»). Газета выходила дважды в неделю, журнал еженедельно. Это было иллюстрированное издание, публиковавшееся одновременно на узбекском, персидском и русском языках. Вскоре «Ойна» получила распространение на Кавказе, в Турции, Иране, Татарстане, Индии.

В мае 1914 г. Бехбуди вновь отправился в поездку по странам Ближнего Востока. Поездом из Байрам-али через Северный Кавказ в Ростов и Одессу, откуда 8 июня прибывает в Стамбул. Он посещает Иерусалим, Бейрут, Яффу, Порт-Саид и многие другие крупные города, где находит интересные знакомства и получает массу информации. Всё это затем в форме «Записок» публикуется в журнале «Ойна», который приобретает все большее значение в общественной жизни Туркестана. На своих страницах он решает проблемы нации, её прав и законов, истории, языка, литературы, освещает события, происходящие в мире, публикует полемические и просветительские статьи. Бехбуди придерживался твёрдых принципов неприятия насилия, а потому социалистическое учение о революционном изменении строя он отрицал. Революция и большевизм были восприняты им как продолжение колониальной политики в её «пролетарской» форме. Вместе с единомышленниками он активно включается в дело отстаивания национальной независимости, самоопределения и самостоятельности узбекского народа. На этом пути его ждали самые трудные и сложные испытания.

В 1917 г. с 16 по 23 апреля, в Ташкенте проходил курултай мусульман Туркестана, на повестке дня которого стоял вопрос о

дальнейшей судьбе отечества. Бехбуди выступает с пламенным призывом объединить все силы во имя великой цели – свободного и независимого Туркестана. С тем же призывом он обратился к делегатам V чрезвычайного съезда мусульман в ноябре того же года в Коканде. В результате этого съезда было объявлено о создании Туркестанской автономии. Бехбуди был в числе вдохновителей и создателей проекта самостоятельного пути развития мусульманского региона. Однако это шло вразрез с интересами большевиков, и в результате острого военного противостояния 20 февраля 1918 г. Кокандская автономия пала.

Бехбуди, потрясённый исходом – убито 10 000 человек и сожжено 180 кишлаков, возвращается в Самарканд. Здесь он не находит ни поддержки, ни единомышленников. Будучи в оппозиции к советской власти, Бехбуди не видит выхода в сложившейся ситуации. В состоянии тяжелейшей депрессии он покидает весной 1919 г. Самарканд, направляясь в Шахрисабз, где был арестован и брошен в зиндан в г. Карши. Спустя несколько дней после ареста Бехбуди по указу каршинского правителя Тогайбека был казнён. О гибели Бехбуди в Самарканде узнали лишь год спустя и в апреле 1920 г. весь Туркестан был погружен в траур. В память об одном из талантливейших сынов отечества город Карши переименовали в Бехбуди. Однако с усилением диктатуры пролетариата учение джадидов все более и более осуждалось как антисоветское и контрреволюционное, в 1927 г. городу было возвращено его историческое название, а имя Бехбуди забыто. Только в последнее десятилетие XX в. память народа вновь возродила имена своих сыновей, некогда погибших во имя его независимости. Махмудходжа Бехбуди – в числе их, он вновь обрёл значимость и авторитет.

Источники и литература

1. Андреев Г. Самаркандский журнал «Ойна» («Зеркало») и его редактор-издатель Махмуд Ходжи Бехбуди // Газета «Туркестанские ведомости». – 1915. – 17 сентября.
2. Бегали Қосимов. Миллий уйғониш (Национальное возрождение). – Ташкент: «Маънавият», 2002. (на узб. языке)
3. Проблемы просвещения в мировой литературе. – М.: Наука, 1965.
4. Пясковский А.А. Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. – М., 1958.
5. Самойлович А. Драматическая литература сартов // Вестник Императорского Общества востоковедения. – 1916. – №5.
6. Светила духовности (Крупнейшие деятели науки и культуры Средней Азии IX – начала XX в. / Редактор-составитель академик АН РУз М.М.Хайруллаев. – Ташкент: изд-во «Фан» Академии наук Республики Узбекистан. – 2003.

© Кадыров М.

МИРСАЛИХ БИКСУРИН

(1819–1903)

К середине XIX в. в среде башкирских писателей и ученых начинают выделяться те, у которых четче проявляются идеи духовного обновления родного народа, национальные черты. Ярким примером этого является многогранное творчество преподавателя восточных языков Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, сотрудника Русского географического общества и действительного члена его Оренбургского отделения генерала Мирсалиха Биксурина (1819–1903).

Мирсалих родился в 1819 году в Оренбурге в семье обер-офицера Мурсалима Биксурина, представителя башкирского рода Кялчер-Табын. В 1838 году он успешно окончил Оренбургское Неплюевское военное училище, получив чин коллежского регистратора – самого младшего гражданского чина 14 класса, дающего до 1845 года в России право считаться дворянином, «за отличные успехи в учебе и примерное поведение», и был определен переводчиком восточных языков в Оренбургскую пограничную комиссию. В 1844–1878 годах М. Биксурин работает в Неплюевском кадетском корпусе (бывшем военном училище) преподавателем арабского, персидского, временами башкирского, татарского и казахского языков. Одновременно он преподает письменный литературный язык тюрки, а позже и русский и казахский языки в школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии в течение всего времени его существования (1850–1869). «За отличные и полезные занятия с воспитанниками» 1869 году его наградили орденом святой Анны II степени.

В 1856, 1866–1867 и 1871–1873 годах М.Биксурина приходилось временами прерывать педагогическую деятельность и в качестве переводчика принимать участие в военных походах русской армии в Среднюю Азию, а также ехать в Санкт-Петербург в составе «депутации от жителей Туркестанской области» в качестве главного переводчика. В 1879 году он выходит в отставку. В 1880 году ему был присвоен высший гражданский чин действительного статского советника и одновременно военное звание генерала-майора.

В годы работы в различных учебных заведениях, административных учреждениях М. Биксурин завоевал широкую известность как способный педагог и крупный знаток восточных языков, большой учёный и писатель, публицист, неустанно борющийся за просвещение народа не только в Оренбургском крае, но и за его пределами, был удостоен разных высоких чинов. Кроме ордена святой Анны II степени он был награжден бронзовой медалью на ленте Владимира «В память о войне 1853–1855 годов» (1856), орденами святого Станислава III и II степеней (1864, 1866), святого Владимира

IV и III степеней (1867, 1873). За активное участие в общественной жизни родного края, за заслуги по изучению материальной и духовной культуры, языков восточных народностей был избран членом-сотрудником (членом-корреспондентом) Русского географического общества, также полноправным членом, то есть, академиком Оренбургского отделения этого общества. Он являлся одним из самых активных членов по организации в 1887 году в Оренбурге Научной архивной комиссии. Долгие годы исполнял должность председателя этой комиссии. Ученый-литератор был избран также полноправным членом (академиком) данной организации. В период работы в Оренбурге М.Биксурин тесно общался с такими башкирскими учеными-писателями и педагогами как М. Иванов, С. Кукляшев и М. Уметбаев, сблизился с такими русскими учеными и писателями как В.В. Григорьев, В.В. Вельяминов, С.Н. Федоров, общался также с генералом Г.Ф. Генсом, кантонными начальниками Ишмухаметом и Фахретдином Уметбаевыми, с Абдуллой Давлетшиным, Альмухаметом Куватовым, который после получения образования в университете был удостоен степени кандидата, личность широко известная, выступавшая с предложениями просветительского содержания по усовершенствованию общественных порядков в Башкортостане.

М. Биксурин уделял большое внимание и воспитанию достойных продолжателей его дела, личностей, которые бы как и он сам, беззаветно трудились на благо родного народа, за будущее родной земли и общей Родины России. У него получали уроки и воспитание ставшие в будущем известными во всем тюркском мире и России славные сыны Башкортостана как Мухаметсалим Уметбаев и Абубакир Диваев, который по направлению официальных властей работал на различных должностях в Туркестанском крае (Средней Азии) и внес огромный вклад в просвещение и изучение духовной культуры родственных тюркских народов – казахов, киргизов и узбеков, достиг звания профессора. М. Биксурин был также учителем-наставником ставшего в будущем известным сыном казахского народа, ученым, публицистом и общественным деятелем Ибрагима Алтынсарина. Впоследствии М. Уметбаев напишет оду – стихотворный мактуб в честь своего наставника «Учителю Мирсалиху Биксурина», где назовет его большим мыслителем в саду знаний. Эта незаурядная личность, завоевавшая большой авторитет среди своих современников и учеников, оставившая неизгладимый след в истории не только башкирского, но и других близкородственных тюркских народов, умер 7 марта 1903 года в возрасте 84 лет и похоронен на мусульманском кладбище города Оренбурга.

Творческая деятельность М.Биксурина многогранна. Он живо интересовался проблемами общественного развития, вопросами культуры и литературы, истории и языка. Как и М. Иванов и С. Кукляшев, он также работал над составлением научно-литературного сборника. Его труд «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского

языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов (казахов. — Г.К.)» издавался дважды (Казань, 1859; 1869) (Второе дополненное издание книги выходит под названием «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана и с русско-татарско-персидскими словами, расположенным по предметам, разговорам и прописями»). В нем М. Биксурин по сути продолжил мысли и творческие принципы своих предшественников – М. Иванова и С. Кукляшева. Например, в первой главе книги, где речь идет об алфавитах и правилах правильного чтения арабского, персидского, татарского, башкирского, киргизского языков, последние три языка он относит к татарской языковой группе. В главе «Слова о человеке и его частях тела» также речь идет об «Оренбургском башкирском, татарском, киргизском наречиях». В дальнейшем он, приводя примеры пословиц и поговорок с арабского и персидского языков для перевода, переводил их на те же три «наречия» «татарского языка» и сравнивал их между собой.

Таким образом, под понятием «татарский язык» М. Биксурин, как и его коллеги по кадетскому корпусу, имеет в виду группу языков тюркских народов, проживающих в Волго-Уральском регионе. На основании тщательного изучения тенденций социально-исторического и культурного развития общества М. Биксурин приходит к мысли о том, что одной из причин отсталости народа является национальная обособленность, национальная ограниченность. Поэтому дальнейшее развитие культуры и литературы башкир и других тюркских народов он тесно связывал с освоением достижений восточной и западной, особенно передовой русской литературы и при создании своего труда исходил именно с этой точки зрения.

Как лингвист, одним из верных путей быстрого и глубокого овладения любым языком М. Биксурин считал изучение его в комплексе, в неразрывной связи с другими языками. В своем «Начальном руководстве...» многие основные положения фонетического и грамматического строя башкирского, татарского и казахского языков он разбирает в сопоставлении с арабским, персидским и русским и в качестве иллюстративного материала часто привлекает образцы фольклора и произведения письменной литературы, созданные на этих языках, а в конце учебника помещает небольшие русско-арабско-персидско-башкирско-казахский и русско-персидско-татарский словари, составленные по тематическому принципу. В них содержатся 53 слова «башкирского наречия». Значительную часть учебника занимают русские, персидские и татарские тексты, преподнесенные в форме вопросов и ответов. В этом отношении он впервые предпринял сравнительно-сопоставительное изучение неродственных языков не только в башкирской лингвистике, но и во всей тюркологии.

Следует сказать, в своей книге Мирсалих Биксурин впервые в истории российской гуманитарной науки использует понятия башкиры, башкирский язык и на башкирском языке издает произведение под названием «Сказка о смелом царе», освещающее один из эпизодов распространения в свое время среди русских сказания о Петре I. Позже в «Ученых записках Казанского университета» (кн.3, 1861) при его содействии публикуется уже башкирская сказка «Три сына» с сохранением особенностей кизилского говора башкирского языка. Все эти публикации были первыми попытками создания башкирского национального литературного языка на основе общенародного разговорного языка, дающие «основание считать М. Биксурина одним из зачинателей новой башкирской письменности». Не случайно еще в то время к ним обращались видные российские востоковеды. Так, «Сказка о смелом царе» была включена в «Турецкую хрестоматию» (Казань, 1876) профессора И. Березина. Значение изданных М. Биксуриным произведений как источника по изучению разговорного языка башкир в середине XIX века отметил известный тюрколог Н. Ильминский.

В книге М. Биксурина бросается в глаза и его литературоведческая способность. Он стремился подойти к произведениям башкирской письменной и устной литературы дифференцированно, исходя из их жанрово-стилевой природы. В своем учебнике он расположил их по отдельным группам: стихотворения-байты (двустушия), сказания и новеллы представлены как произведения письменной литературы, а сказки, пословицы и поговорки – как образцы фольклора.

Знакомство с творческим наследием М. Биксурина показывает, что он был не только широкоэрудированным ученым и педагогом, но и талантливым публицистом. Свидетельством тому является сборник его статей и очерков «Туркестанская область» (Казань, 1872). В нем он, критикуя религиозный фанатизм, схоластическую систему обучения, выступает за обучение мусульманских девочек наравне с мальчиками, распространение среди народных масс светских знаний, внедрение достижений науки в промышленность и сельское хозяйство. По его мнению, «развитие торговли, укрепление и расширение экономических и культурных связей между народами... являются одним из главных факторов в повышении уровня их культуры и благосостояния. М. Биксурин поднялся до понимания обусловленности общественных отношений социально-экономическим развитием общества. Он выступает за капиталистическое развитие, призывает подготовить народ к восприятию новых общественных отношений, для чего, по его мнению, необходимо усилить культурно-просветительскую работу, пропаганду светских знаний».

Здесь попутно следует сказать об одном интересном факте: свою книгу «Туркестанская область» М. Биксурин подарил великому русскому писателю

Л.Н. Толстому во время его приезда в сентябре 1876 года в Оренбург с целью сбора материалов для написания романа, «местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского». Познакомил Л.Н. Толстого со своим переводчиком, крупным знатоком восточных языков, истории и духовной культуры края М. Биксуриным генерал-губернатор Оренбургской губернии Н.А. Крыжановский. Книга башкирского ученого-педагога, переводчика, публициста с дарственной надписью «Его сиятельству графу Толстому в память приезда в Оренбург от автора» хранится в библиотеке Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Обозревая вкратце творческую деятельность и М. Биксурина, можно сказать, что в его трудах отразились тенденции общественно-политических, этических и эстетических взглядов периода появления в башкирском крае первых ростков капитализма. Он выступает за капиталистическое развитие общества, усиление экономических и культурных связей народов. Свой многогранный талант ученый-энциклопедист и публицист посвятил служению родному башкирскому и другим родственным тюркским народам. Его творческие поиски носили просветительский характер. Особенно велика его роль в демократизации письменного литературного языка. Многогранное научно-литературное творчество М. Биксурина, по-сути, явилось основной отправной точкой для дальнейшего развития башкирской национальной культуры.

Источники и литература

1. Биксурин М. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов. – Казань, 1859. (на письм. тюрк. яз.).
2. Биксурин М. Туркестанская область. – Казань, 1872.
3. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
4. Кунафин Г.С. Башкирская литература первой половины XIX века // История башкирской литературы. Т.1. С древнейших времен до начала XX века. – Уфа: Китап, 2012.
5. Кунафин Г.С. Башкирская просветительская литература (Башкорт мәғрифәтселек эзәбиәте). – Уфа: Китап, 2019 (на башк. яз.).
6. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана XIX – начала XX века. – Уфа: Гилем, 2018.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 томах. – М: ГИХЛ, 1928 – 1958. – Т. 17.
8. Уметбаев М. Ядкар (Подарок на память). – Казань, 1897 (на письм. тюрк. яз.).
9. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 1754, оп. 1, ед.хр. 68.

©Кунафин Г.С.

МИХАИЛ БОГДАНОВ

(1878–1919/1920)

В начале XX в. среди бурят выделилась интеллигенция, взявшая на себя функции выражения и защиты этнических интересов, поиска оптимальных путей развития своего народа, управления стихийного движения массы против существующего порядка. Одним из ярких представителей стал Михаил Николаевич Богданов. За свою недолгую жизнь он испытал влияние различных философских и политических течений: народнического, буржуазно-либерального, марксистского, областнического и т.д. Основой взглядов Михаила Николаевича служила просветительская идеология, он выступал в роли выразителя интересов народа, защитника его прав и свободы. Он активно участвовал во многих событиях общественно-политической жизни, оказал существенное влияние на ход её развития и содержание, а также внес большой вклад в дело становления государственности в Бурятии. М.Н. Богданов был разносторонне талантливым человеком, поэтому трудно отделить в нем политика, просветителя, ученого.

М.Н. Богданов родился 14 мая 1878 г. в улусе Укыр Идинского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии в Первом шаралдаевском роде племени Булагат, в зажиточной семье. Он начал образование в Иркутском городском училище, продолжил его в Казанском учительском институте. Университетское образование получил в Томске, Петербурге, затем в Берлине и Цюрихе. В качестве вольнослушателя он ходил только на нужные для него лекции известных профессоров: истории,

этнографии, юриспруденции и философии права. В Томске М.Н. Богданов примкнул к движению областничества, как и областники, он считал, что земство и автономия позволят перейти к более справедливому общественному строю. Пребывание в Европе завершило формирование будущего политического деятеля, ученого и публициста.

В 1905 г. М.Н. Богданов возвращается домой в родной Укыр. В Иркутскую губернию он вернулся готовым защитником интересов своего народа. Обучение в западных университетах сделало его европоцентристом, что наглядно проявилось в публицистических статьях. М.Н. Богданов оказался в эпицентре борьбы бурят против земельно-административных реформ 1900–1901 гг. Для того, чтобы защитить свои интересы, буряты начинают объединяться. От улусных и родовых совещаний и сугланов переходят к созыву съездов. В Забайкалье в течение первой половины 1905 г. прошли четыре съезда. В Иркутской губернии прошли уездные съезды, улусные собрания и частные совещания. Первым съездом, в работе которого принял участие М.Н. Богданов, стал Балаганский съезд бурят, состоявшимся в июле 1905 г., на котором присутствовали представители 10 ведомств из 12. М.Н. Богданов был избран секретарем. Открывая заседание председатель ознакомил присутствующих с целями и задачами съезда, М.Н. Богданов выступил с докладом о сущности земского самоуправления. Выступление на съезде и разработка проекта положили начало общественно-политической деятельности М.Н. Богданова, публикация в газете «Сибирь» информации о Балаганском съезде – публицистической деятельности.

21–26 августа 1905 г. в г. Иркутске прошел общегубернский бурятский съезд. Большинство делегатов были крупные кулаки, промышленники, бывшие тайши, представители родовой аристократии, настоятель аларского дацана. Секретарем съезда был избран М.Н. Богданов. Теоретически подготовленный, владеющий ораторским искусством, на Иркутском съезде он впервые обратил на себя внимание и в бурятских, и в русских общественных кругах. Избираясь секретарем, М.Н. Богданов фактически руководил съездами. М.Н. Богданов подготовил Проект самоуправления северо-байкальских бурят, основой которого должно стать земство. На всех съездах бурят, и Иркутской губернии, и Забайкальской области были приняты примерно одинаковые резолюции: введение автономного самоуправления, возвращение всех земель, обязательное всеобщее обучение детей, свободу языка, совести, собраний, союзов, объединение бурят Иркутской губернии и Забайкальской области для решения общих дел.

Решения съездов были отвергнуты царским правительством, лишь забайкальским бурятам было разрешено особое представительство во 2-ой Государственной думе. Предбайкальские буряты приняли решение участвовать в выборах в составе крестьянской курии Иркутской губернии.

Ими был выдвинут М.Н. Богданов. Но он не прошел, так как среди крестьян буряты были в меньшинстве.

Осенью 1905 г. Михаил Николаевич уехал в Петербург. Там он начал исследование по истории своего народа и обратился к публицистике, как к одному из способов защиты интересов бурят. Находясь в Петербурге, Михаил Николаевич размещал статьи в журнале «Сибирские вопросы», издававшим известным меценатом иркутянином В.П. Сукачевым. Неизвестно, когда М.Н. Богданов вернулся домой, но в 1906 г. он опубликовал статью «Сибирское земство и инородцы», в которой изложил свои мысли о пользе земства для бурятского народа.

Наиболее яркой, вошедшей в историю этнической истории бурят, стала дискуссия Михаила Николаевича с Цыбенем Жамцарано. Свои мысли оба излагали на страницах периодической печати, тем самым они формировали общественно-политическую мысль бурят. Поводом для полемики стало стремление Ц. Жамцарано и А. Доржиева использовать религиозный фактор для национального объединения. Ц. Жамцарано считал, что благодаря буддизму буряты смогут сохранить национальную целостность и солидарность. В статье «Бурятское возрождение» М.Н. Богданов выступил с критикой идеи Ц. Жамцарано.

Западные буряты не успели создать свою письменность до прихода русских, а распространение русской культуры и православной религии на их территории не позволило это сделать в дальнейшем. Совершенно иная ситуация складывалась в Забайкалье, где был перенят у монголов уйгурский алфавит и сформировалась собственная письменность. Создание бурятской письменности очень беспокоило национальную интеллигенцию, ведь в ней основа сохранения этнической целостности. М.Н. Богданов полагал, что иркутским бурятам рациональнее использовать латинские буквы, в противовес предложению А. Доржиева, связанному с сохранением «монголо-бурятских национальных особенностей». «Автор этих строк, – писал М.Н. Богданов, – был бы очень рад за свой народ, если бы осуществились на деле все мечты и грезы его идейных противников и о возрождении бурятского языка, о создании бурятской литературы, науки и культуры. Но он с грустью должен констатировать тот факт, что буряты проспали свое время, что теперь ушло уже время изолированных национальных групп, миновала эпоха натурального хозяйства, торговый обмен стал одним из самых важных факторов жизни, и общественное разделение труда пошло настолько далеко, что и писатель-художник и ученый работают исключительно на рынок». Оценка М.Н. Богданова, что «буряты проспали свое время» стала основополагающей в критике оппонентов его времени и современных исследователей. Развернувшаяся дискуссия вышла за рамки специального алфавита для иркутских бурят и приобрела глобальные масштабы. М.Н. Богданов выступил за сохранение традиционной религии бурят –

шаманизма. Впоследствии лидеры национального движения, как пишет исследователь Ю.С. Ширапов: «Выход из создавшегося положения бурятская интеллигенция видела в европеизации различных сторон жизни своего народа, не отрекаясь при этом от национальной культуры», т.е. согласились с М.Н. Богдановым.

В конце 1907 г. М.Н. Богданов возвращается в Иркутск и принимает активное участие в общественно-политической жизни. Он все время учился, понимая, что только хорошее образование поможет в решении проблем, вставших перед бурятским народом. Одним из путей выхода из создавшегося положения М.Н. Богданов считал развитие кооперации. Профессиональное знание кооперации он получил в Петербурге, прослушав лекции о кооперации в университете Шанявского. Кроме учебы М.Н. Богданов, находясь в Петербурге, опубликовал ряд статей, посвященных землеотводным и землеустроительным работам в Иркутской губернии: «Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии», «Очерки бурятского хозяйства в Иркутской губернии», «Иркутские буряты и землеустройство», «Землеотводные операции и буряты Иркутской губернии» и др., опубликованные в 1907–1908 гг.

Земельная реформа 1900 г., затем реформа Столыпина (1906 г.) требовали незамедлительного решения, поскольку под угрозой находилось хозяйство бурят, а значит и выживание народа. Но для этого требовались профессиональные знания, что прекрасно понимал М.Н. Богданов. В этом ему помог друг и соратник Н.Н. Козьмин, пригласив в Минусинский уезд, где он занимался землеустроительными работами. В течение 1909–1913 гг. М.Н. Богданов вместе с Н.Н. Козьминым изучали хозяйство и землепользование минусинских хакасов, ими были выработаны нормы наделения земель скотоводческого и полу-скотоводческого населения, составлен и осуществлен план землеустройства. Работы были закончены после отъезда М.Н. Богданова в 1915 г.

В Минусинске он много писал, только в иркутской газете «Сибирь» были опубликованы 12 статей, большинство из них посвящено землеустройству, кроме этого он занимался изучением истории и этнографии хакасов. Михаил Николаевич посвятил ряд статей местному земледелию: «Сагайская степь», «Сагаи и качинцы», «Инородческое земледелие», «О водном законе для Сибири (из Минусинского уезда)», «Лесоустроительная эпопея. Сибирь», «Инородческое земледелие на юге Енисейской губернии» и т.д. Помимо того, в связи с землеустройством, он принял активное участие в урегулировании фактического пользования оросительными сооружениями, которые в основных частях были во владении богатых хозяев. На сходах им были проведены очень важные регулирующие постановления. Им же был составлен проект водного закона, регламентирующего водопользование.

В 1910 г. М.Н. Богданов выступил с двумя докладами о минусинских хакасах в Красноярском отделе Географического общества. Один доклад был на тему народной поэзии, другой – о происхождении «костей» или родовых делений. Здесь он показал себя исследователем со сложившимися основными взглядами и великолепным лектором.

В 1914 г. он возвращается в Забайкалье, работал инспектором мелкого кредита, затем переходит в кооперацию, одновременно работал помощником волостного писаря в Цугольской инородческой волости, уполномоченным по земельным делам в Забайкальской области. Здесь им была написана весьма обстоятельная докладная записка об основах поземельного устройства агинских и цугольских бурят. В Забайкалье М.Н. Богданов вступает в партию социал-революционеров.

Февраль 1917 г. круто изменил жизнь М.Н. Богданова, он полностью посвятил себя общественно-политическим делам. 6 марта 1917 г. в г. Чите по инициативе М.Н. Богданов и Э.Д. Ринчино был сформирован Временный организационный национальный комитет – первый в истории бурятского народа общенациональный орган управления (впоследствии Центральный Бурятский национальный комитет – Бурнацком). Комитету поручалось до созыва общенационального съезда представлять во всех общественных организациях. В частности представителем в Забайкальский комитет общественных организаций был избран М.Н. Богданов.

Глубокое знание земельных отношений позволило М.Н. Богданову участвовать в разрешении этого вопроса в масштабах области. 15–22 апреля 1917 г. в Чите прошел съезд представителей сельского населения Забайкальской области. Председателем съезда был избран представитель Агинской волости М.Н. Богданов. По земельному вопросу была принята резолюция, подготовленная М.Н. Богдановым: «(1) вся земля (недра и воды) должны быть изъяты из монопольного владения частных лиц и из торгового оборота и объявлена общим достоянием всех народов, живущих в России».

На первом общебурятском съезде, состоявшемся 23–25 апреля 1917 г. делегат от Агинской волости М.Н. Богданов был избран председателем съезда. По основному докладу, сделанному М.Н. Богдановым, был принят проект положения о национальной автономии. Съезд принял следующее решение: «выделить бурят в особые аймачные административно-хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...», также постановил ввести аймаки явочным порядком. Бурнацком провел работу по разделению территории, населенной бурятами на аймаки, хошуны и сомоны/булуки.

После съезда М.Н. Богданов был направлен Бурнацкомом в областные организации. Он имел влияние и авторитет среди всего населения области, об этом свидетельствует его избрание на областные должности. М.Н. Богданов стал первым бурятским губернатором: в мае

июне 1918 г. он исполнял обязанности Областного комиссара Временного правительства по Забайкалью. М.Н. Богданов избирался председателем областной Земской управы, председателем Забайкальского областного организационного комитета общественных организаций, председателем областного комитета общественной безопасности, председателем Бурятского национального комитета. Политическим триумфом М.Н. Богданов стало его избрание делегатом Учредительного собрания от всего бурятского народа.

Во время гражданской войны в Забайкалье Бурнацком, преобразованный в Бурнардуму, постепенно переходит под контроль походного атамана Г.М. Семёнова. М.Н. Богданов вышел из состава комитета, продолжал изо всех сил бороться: буряты не должны участвовать в гражданской войне. Это решение было вызвано неприятием политики есаула М.Г. Семенова, что и обрекло М.Н. Богданова на гибель.

Чтобы помочь бурятам избежать участия в гражданской войне он ищет пути спасения своих соплеменников за пределами России. В конце 1917 г. он и еще 6 человек отправляются в Баргу (Маньчжурия) в поисках земель, пригодных для заселения бурятами. В Китае они заключили договор с амбанем Хулун-Буира об отводе бурятам земель по долинам Шэнэхэн-гол, Эмин-гол и Хулгайта-гол на 90 лет. Летом 1918 г. туда прибыли первые 700 переселенцев.

В 1919 г. М.Н. Богданов полностью связывает свою жизнь с Забайкальем: он с семьей селится в Аге. Зимой 1920 г. (или в 1919 г.) он был арестован и убит по приказу Семёнова. Михаил Николаевич прожил всего 41 год, но многое успел сделать для своего народа.

М.Н. Богданов использовал публицистику в полной мере, его статьи и заметки публиковались в солидных журналах и газетах «Сибирь», «Восточное обозрение». «Сибирские вопросы», «Народное хозяйство» и других изданиях. Им написано около 50 статей. История бурятского народа стала делом жизни Михаила Николаевича, которому он посвятил себя с 1905 по 1913 г. Главным его трудом стала монография «Очерки истории бурят-монгольского народа», изданная после его гибели под редакцией Н.Н. Козьмина в Верхнеудинске в 1926 г. Он написал историю своего народа, охватывающую все стороны национальной жизни. Знание немецкого языка позволили ему использовать материалы и труды первых участников академических экспедиций профессоров Гмелина, Георги, Миллера, Палласа, Фишера и другие издания на немецком языке. Богданов М.Н. исследовал ключевые события в истории бурятского народа: расселение бурятских племен, присоединение бурятской земли к России, общественный строй и хозяйственный уклад, просвещение и духовную культуру бурят. Для полноты освещения истории с конца первого тысячелетия до начала XIX в. в монографию включены статья Н.Н. Козьмина и Б.Б. Барадина. Монография М.Н. Богданова впервые дает

научное исследование истории бурят, рассмотрев ее на длительном хронологическом фоне.

По оценке ученых М.Н. Богданов является основоположником исторического бурятоведения, автором десятков серьезнейших научных работ аналитического и обобщающего плана. Крупный сибирский публицист, ученый и общественный деятель М.Н. Богданов интересовался не одними проблемами бурятской жизни, но и вопросами сибирского, российского и мирового значения. Он помогал представителям многих народов – якутам, киргизам, калмыкам, хакасам.

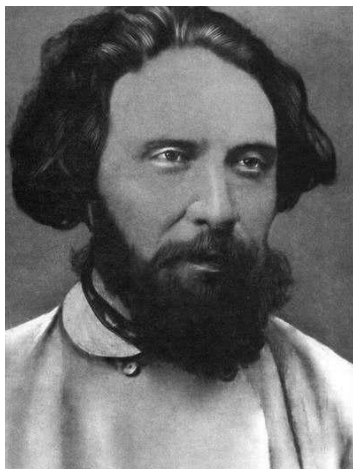
Жизнь и деятельность лидера национального движения, просветителя М.Н. Богданова, его духовное наследие – это история национально-исторического самопознания бурятского народа конца XIX – начала XX в. Высоко оценивая заслуги М.Н. Богданова в деле возрождения бурят, съезд представителей Прибайкальских бурят Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков еще в мае 1920 г. принял решение о сооружении памятника и издание полного труда Михаила Николаевича, но до сих пор его имя не увековечено.

Источники и литература

1. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Изд. 2-ое. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2009.
2. Богданов М.Н. Проект самоуправления северо-байкальских бурят. Отд. брошюра. – Иркутск: Изд. ВСОРГО, 1905.
3. Егунов Н.П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ, 1970.
4. Козьмин Н.Н. Михаил Николаевич Богданов (из личных воспоминаний) // Жизнь Бурятии. – 1925. – Март-апрель. – № 3-4.
5. М.Н. Богданов: жизнь и деятельность. Материалы круглого стола, посвященного 120-летию со дня рождения М.Н. Богданова. 18 мая 1999 г. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1999.
6. Михайлов Т.М. М.Н. Богданов // Национально-освободительное движение бурятского народа: тезисы и материалы докладов и сообщений. – Улан-Удэ, 1989.
7. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Издательство ОНЦ «Сибирь», 1994.
8. Санжиева Т.Е. М.Н. Богданов в Учредительном собрании (к 140-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – 2018. – Вып. 2.
9. Санжиева Т.Е. Забайкальский период деятельности М.Н. Богданова: поиски и решения // Приграничный регион в историческом развитии: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году единения рос. нации и 80-летию высш. пед. образования в Забайкалье: [в 3 ч.]. Чита: ЗаГУ, 2018. Ч. 2.
10. Цыбиков Б.Д. Уроки «франней демократии» (из биографии М.Н. Богданова). // Байкал. – 1994. – №4.
11. Ширапов Ю.С. Бурятская интеллигенция и религиозная традиция // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность: тезисы и материалы докладов республиканской научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1994.

©Санжиева Т.Е.

ГРИГОРИЙ ВЕРЕЩАГИН

(1851–1930)

Немало копий сломано в спорах о жизни и деятельности просветителей народов России. Не хватило на их светлые головы и благородные стремления всякого рода сопротивлений, гонений от современников – даже и ныне находятся охотники наводить тень на плетень, попытаться прославлять себя выявлением пятен на Солнце. Полемизируя главным образом с автором данных строк, выпустившим монографию «Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» и раскрывавшим эту выдающуюся личность в истории удмуртской культуры как одаренного учителя, просветителя, первого удмуртского ученого и писателя, доктор исторических наук Е.Ф. Шумилов в недавно выпущенном коллективном сборнике статей об этой личности утверждает: «Документы же доказывают, что именно в служении Богу (не науке, не народу и культуре? – В.В.) был высший смысл жизни и нравственный стержень деятельности этого литератора и просветителя».

На склоне своих лет Г.Е. Верещагин писал о себе: «Пятьдесят лет своей жизни я отдал науке». Этнографы В.Е. Владыкин и А.Е. Загребин справедливо писали: «Из верещагинских текстов берет свое начало удмуртская этнография, фольклористика, этнопсихология, литература, по сути дела, само профессиональное отношение к культуре своего народа». При этом добавляли: «И если Ломоносова называют русским университетом, Пушкин, как известно, – это «наше всё», то Григория

Егоровича Верещагина мы можем по праву назвать целым научно-исследовательским институтом удмуртского народа, и в этом его национальная и в то же время – интернациональная миссия».

В 1989 г. в Удмуртии торжественно отметили 100-летие национальной литературы, приурочив это событие к юбилею публикации стихотворения в жанре колыбельной песни «Чагыр, чагыр дыдыке...» – «Сизый, сизый голубочек...» на удмуртском языке и в авторском переводе на русский язык в этнографической монографии Г.Е. Верещагина «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», увидевшей свет в «Записках Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге в 1889 г. Хотя оно краеведом-этнографом было включено в его труд под видом народной песни, литературоведы и фольклористы, внимательно рассмотрев тематику, образную структуру, стиль произведения, типологию подобных публикаций в истории художественной словесности у ряда других нерусских народов России, пришли к убедительному выводу, что оно принадлежит перу самого Верещагина. Было признано, что «Чагыр, чагыр дыдыке...», в отличие от переводных письменных, а также опубликованных фольклорных текстов, является первым авторским печатным произведением в удмуртской литературе. Но уже в XXI в. исследователям удалось убедиться, что первыми оригинальными художественными текстами на удмуртском языке явились два стихотворения одического характера – «Мае сётид вичак ышемъслы тон, милемлы...» («Что дала ты нам, совершенно пропавшим...») и «Уг шедьтиськы таче зеч потон шумез [шумпотонэз]...» (Не нахожу такой хорошей радости...), опубликованных в коллективных сборниках (СПб, 1769; М, 1789) и прославлявших Екатерину Вторую – как императрицу («мать российских народов»), за ее поддержку православия, просветительские усилия, в том числе направленные на поддержку «инородческих» учебных заведений. До недавнего времени считалось, что они являются переводами с какого-то русского оригинала. Границы первых публикаций оригинальных художественных текстов на удмуртском языке отодвинулись, таким образом, на целый век назад. Тем не менее и сегодня нет оснований умалять историческое значение событий 1989 г., той роли Г.Е. Верещагина, которая стала решительным поворотным явлением в развитии письменной культуры народа и которая всё еще была громадным айсбергом, обнаруживающим себя лишь крайней частью своей верхушки. Несомненно, поворотным моментом в истории удмуртской литературы стал, в частности, и факт публикации стихотворения «Чагыр, чагыр дыдыке...». Если названные выше произведения XVIII в. основывались на традициях Российского просветительства, а вслед за этим наступил целый век постепенного освоения письменной речи на удмуртском языке, в основном в переводах с русского языка, к тому же большей частью религиозной направленности, то в конце XIX в.

удмуртская письменная литература, в лице того же Г.Е. Верещагина, нацеленная на светскую тематику, главным образом питалась уже за счет корней, уходящих в глубины собственных народных традиций.

Григорий Егорович Верещагин, первый удмуртский ученый и писатель (этнограф, фольклорист, поэт, прозаик, драматург, педагог, православный священник и миссионер) родился, как он сообщает в собственноручно написанной автобиографии, 30 сентября 1851 г. по старому стилю в селе Полом Глазовского уезда Вятской губернии (при этом в скобках заметим, что дата рождения указана им не совсем верно, обнаруженная недавно сотрудниками Госархива Удмуртии метрическая запись свидетельствует, что он и его брат-близнец Михаил родились 22 сентября 1851 г.).

В жизни и деятельности Г.Е. Верещагина возможно выделить пять основных периодов. Первые два из них – это годы детства и учебы в Сарапульском реальном училище, наименее изученная часть биографии ученого и писателя по настоящее время. Правда, по церковным метрическим книгам довольно четко выявлена родословная ветвь Верещагиных, начиная с первой половины XVIII в., с того времени, как Косма Осипов Верещагин (1727–1787), крестьянин села Полом Глазовского уезда Вятской губернии, и Акилина Максимовна Космина (1733–1811), дочь крестьянина села Полом, сочетались в браке в 1758 г. С тех пор прошло три поколения до того времени, когда в семье Егора (Георгия) Ивановича (1818–?) и Евдокии Ивановны (1814–1889) Верещагиных в числе девяти детей родились близнецы Михаил и Григорий. По свидетельству краеведов, семья Верещагиных водила близкие отношения со служителями церкви в Полеме, которые, как и везде бывало, являлись самыми образованными людьми в округе. По всей видимости, от них многое получил для себя любознательный мальчик Гриша. Он мог брать и книги из библиотеки, которая имела при церкви. Дав начальное образование, наставники посоветовали ему идти дальше учиться не в близлежащий город Глазов, а на другой конец нынешней Удмуртии, в известный купеческий город на Каме, поступать учиться в Сарапульское реальное училище, открывшееся в 1873 г., поскольку считали, что именно там их подопечный получит то, что ему понадобится в жизни. Как оказалось, они не ошиблись.

Сарапульское реальное училище было первым подобным учебным заведением во всей России и явилось для Г.Е. Верещагина незаменимой основой будущей плодотворной деятельности, дало те надежные корни, которые питали его будущее творчество.

Получив звание учителя начальных классов, Григорий Егорович приехал, как он называет, в Сосновский край – на территорию нынешнего Шарканского района Удмуртии. Учил детей и взрослых (организовывал воскресные чтения) в селах Сосновка, Шаркан, в деревне Ляльшур. В

последней из них до сих пор стоит дом, в котором 12 октября 1887 г. по ходатайству местной поземельной общины была открыта земская школа, первым учителем в которой и стал Г.Е. Верещагин.

Примечательно, что будущий действительный член Венгерской академии наук, двадцатипятилетний Бернат Мункачи, посетивший в целях изучения словесной культуры удмуртов места их проживания, с удивлением и восторгом писал о встрече с Г. Е. Верещагиным в 1885 г. в селе Шаркан Сарапульского уезда: «Он – прекрасный человек, удмурт из Полома, закончил лишь простую школу, затем в Шаркане стал писарем, сейчас помощник учителя. Однако такие отличные научные статьи пишет, что Петербургское научное общество наградило его серебряной медалью. Помимо этого – художник и поэт. За его стихи предлагали 2000 рублей, и он их не продал» (по данным самого Г.Е. Верещагина, это была весьма большая сумма. «Содержание семьи, состоящей примерно из 10 человек, считая детей с 7 лет, стоит в год около 200 руб.», – писал он в 1886 г.). Разделяя восторги венгерского ученого, всё же задаешься вопросом: такая ли уж простая школа была у Верещагина?

Первую крупную работу, этнографическую монографию «Вотяки Сосновского края» Г.Е. Верещагин создал в 1883 г. и выслал в Санкт-Петербург, в знаменитое в то время Императорское Русское географическое общество. Рукопись была принята более чем благосклонно. В том же году автору присудили серебряную медаль общества, а сама работа в виде отдельного самостоятельного выпуска «Записок» обнародована в 1884 и с некоторыми дополнениями – в 1886 г.

В жизни тридцатитрехлетнего провинциального сельского учителя-удмурта это событие имело поистине судьбоносное значение. Окрыленный успехом, он берется за подобную работу о другой локальной группе удмуртов. Так была создана вторая этнографическая монография – «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», выпущенная в Санкт-Петербурге в 1889 г., в которую и было включено знаменитое стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке...» и за которую автор получил вторую серебряную медаль, а в 1888 г. был избран членом-сотрудником данного научного общества.

Так произошел бурный взлет научной известности Г. Е. Верещагина. О его диалогии «Вотяки...» заговорили, на нее ссылались не только российские, но и зарубежные исследователи. Впоследствии он написал и опубликовал в Москве, Казани, Вятке, Сарапуле, Ижевске и других местах немало других монографий, статей, содержащих детальное описание быта, занятий, традиций, обрядов, религиозных верований и удмуртов, и русских Вятско-Прикамского края. Собранный им богатый этнографический, фольклорный и лингвистический материал и сегодня служит исходной базой многих исследований ученых-финноугроведов.

И всё же основным видом деятельности Г.Е. Верещагина в сосновский период было учительство. «Учителем он был

необыкновенным, подлинным новатором», – пишет о Верещагине Е.М. Куклина, главный краевед Ляльшура, в течение многих лет руководившая работой школьного краеведческого музея. Вопреки указаниям сверху, он учил детей на их родном, удмуртском языке. В своих публикациях Верещагин отмечал, что дети-удмурты сказанное учителем на их родном языке часто схватывают быстрее, чем ученики-русские.

С русской классической литературой учитель знакомил учеников также с помощью их родного языка. С этой целью он взялся, например, за перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина на удмуртский язык и, вдохновившись как поэт, создал на ее основе свою оригинальную поэму-сказку «Зарни чорыг» («Золотая рыбка»).

Г.Е. Верещагин пользовался огромным уважением среди жителей Сосновского края. К нему как к образованному и доброму человеку приходили крестьяне со всякого рода вопросами, в том числе и касающимися методов ведения хозяйства. Крестьяне часто доверяли ему и такие сведения о положении дел на своих и соседских земельных наделах, которые обычно скрывали, боясь чего-либо недоброго в отношении налогообложения. В результате учителю удалось в свободной, беллетризированной форме создать богатый фактическими сведениями труд по истории и современному для него состоянию Сосновского края экономико-социологический очерк «Общинное землевладение вотяков Сарапульского уезда» (1895), опубликованный в «Календаре и памятной книжке Вятской губернии на 1896 год». Зная, что учитель интересуется народными традициями, записывает различного рода приметы, поверья, а затем отсылает их в научные центры, крестьяне специально приходили к нему, приглашали на свои праздники. На основе подобного общения в учителе формировался и первый удмуртский ученый-краевед, и первый национальный писатель. Ярким доказательством этому может послужить, например, яркое, сюжетно выстроенное описание посещения автором праздника Гуждор (Начало лета) жителей деревни Кайсыгурт Сосновского края 27 апреля 1882 г.

Еще проживая в Ляльшуре, в 1895 г. Г.Е. Верещагин, признанный лучшим знатоком удмуртских традиционных обрядов, получил приглашение Сарапульского окружного суда участвовать на стороне защиты на заседаниях по обвинению крестьян села Старый Мултан в человеческом жертвоприношении своим богам. Сессия суда, состоявшаяся в Елабуге, как и первая, прошедшая в 1894 г. в Малмыже с серьезными нарушениями судопроизводства, завершилась осуждением удмуртов, и решение его вновь было кассировано Сенатом. Третья сессия суда по Мултанскому делу, где также участвовал Г.Е. Верещагин, прошла в Мамадыше в 1896 г. и завершилась полным оправданием обвинявшихся. По признанию В.Г. Короленко, с 1895 г. явившемся по сути организатором всей системы защиты клеветнически осужденных удмуртов, считал, что блестящая экспертиза Г.Е. Верещагина, противостоявшего в своих

показаниях эксперту-этнографу со стороны обвинения профессору Казанского университета И.Н. Смирнову, сыграла решающую роль в справедливом оправдательном приговоре суда.

Посещение Елабуги Верещагиным в 1895 г., по-видимому, явилось решающим толчком к его решению переехать жить в этот город. Краеведы объясняют данный шаг Григория Егоровича стремлением облегчить сыновьям Ивану (род. 1883) и Николаю (род. 1884) получить высшее образование. В Елабуге Григорий Егорович принял сан священнослужителя – стал дьяконом кладбищенской церкви. В 1900 г. Г.Е. Верещагин переехал в село Бураново Елабужского уезда Вятской губернии. Ему, не имевшему специального духовного образования, предоставили место службы в качестве священника в местной церкви. Начиная с Елабуги, обнаруживается новый период его жизнедеятельности, в течение которого он был в основном священнослужителем. Служа в церкви, отец Григорий одновременно преподавал Закон Божий в местной школе. Однако не оставлял батюшка также и исследовательскую работу.

Формирование и развитие многогранного дарования Г.Е. Верещагина как педагога, исследователя (этнографа, фольклориста) и литератора (поэта, прозаика, драматурга), как теперь выявляется, шло одновременно, параллельно друг другу. Однако писатель вызревал в нем гораздо дольше. Литература проросла внутри этнографии. Судя по рукописям, лишь пьесы он начал писать будучи уже в годах, в бурановский период деятельности, по-видимому, осознав, что через сцену наиболее доступен путь к почти поголовно неграмотному удмуртскому народу. Им создано около десяти пьес на удмуртском и русском языках, основой сюжетных построений которых также являются фольклор и этнография, пропитанные, как и в его русскоязычных поэмах «Загубленная жизнь», «Скоробогат-Кашей», идеей утверждения добрых народных традиций и осуждения человеческих пороков, во многом перекликающихся с нравственно-философскими исканиями Л.Н. Толстого.

Уже и в недрах этнографических очерков «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» проявляли себя элементы удмуртской художественной прозы. В бурановский период его жизнедеятельности также наблюдается подобная синкретичность. Разница заключается в том, что, если в сосновский период в его сочинениях доминировала научная, этнографическая направленность, то во многих произведениях, написанных в Бураново, обнаруживается явное стремление к художественной типизации, другими словами, тяга к характеристике общих, изо дня в день происходящих событий через обрисовку конкретного случая и конкретных людей с их индивидуально-личностной характеристикой. Это хорошо видно на примере таких сочинений, как портретные очерки «Камай» (удмуртский вариант «Мамат Камай») и «О Тукташе-сказителе» (удмуртский вариант «Тукташ»), по своей жанровой

структуре тяготеющие к рассказу, на основе которых впоследствии выростала повесть «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), в двух вариантах оставшаяся в рукописях и увидевшая свет уже в собрании сочинений ученого и писателя.

Мирские дела снова активно стали волновать Г.Е. Верещагина после того, как в 1920 г. была образована Удмуртская автономная область, когда потребовались его знания и талант в развитии новой культуры народа. Будучи священником и несмотря на свои годы, участвовал в работе Первого всероссийского съезда удмуртов (Елабуга, 1918 г.), совещании красноармейцев-удмуртов и удмуртских работников социалистической культуры (Сарапул, 1920 г.), с докладом о происхождении удмуртского народа выступил на первом съезде писателей Удмуртии (Ижевск, 1921 г.). Создал несколько вариантов русско-удмуртского и удмуртско-русского словарей, грамматику удмуртского языка, которые остались в рукописях и теперь уже изданы Удмуртским институтом истории, языка и литературы в рамках Собрания сочинений первого удмуртского ученого и писателя. Завершением этой большой и кропотливой работы лингвиста стала новаторская книга «Руководство к изучению вотского языка», изданная под псевдонимом. В ней впервые, как отмечается в предисловии, подписанном Вотским академическим центром, удмуртский язык рассматривается по своим законам бытования, а не русского, как бывало до этого. Чуть позднее, с явной заботой о книгах для чтения учащихся, стал вычленять из своих прежних этнографических трудов отдельные сюжеты и переводить их на удмуртский язык.

В первой половине 1920-х гг. Г.Е. Верещагин был весьма уважаемым человеком и в официальных кругах, и в среде интеллигенции Удмуртии. Всё перевернулось с началом сталинской диктатуры. Как и по всей стране, в Удмуртии началось гонение на краеведов. А Верещагин всей своей творческой сутью был Просветителем-Краеведом с большой буквы. Деятели науки, культуры, искусства стали делить на «новых» и «старых». Верещагин был «старым» и уже потому оказался неугодным. В 1927 г. его вынудили уйти со службы в церкви за сотрудничество с советской властью. Советская власть в пенсии отказала: священник! Он, оставшись без квартиры и средств к существованию, был вынужден из Бураново переехать в Ижевск, поселиться на кооперативной квартире вместе с семьей сына Николая. Но руководство кооператива стало выгонять его и оттуда. Смертельный удар застал Г.Е. Верещагина в горисполкоме, куда он в очередной раз пришел со своими просьбами о квартире. 27 августа 1930 г. его не стало. Ему было без малого 79 лет. Работал до последних дней. Сохранилась рукопись с пометкой «20 марта 1930 года».

Имя Г.Е. Верещагина постарались очень быстро забыть. Мало того, на многие годы он стал персоной нон грата для печати. Лишь в 1950-е гг., во времена «хрущевской оттепели» исследователи стали открывать его

заново. Верещагиноведение, зародившись в рамках этнографии, сегодня набирает силы и разветвляется по разным направлениям науки, свидетельством чему является и многотомное издание Собрания его сочинений, предпринимаемое Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Изучение жизни и творческого наследия первого удмуртского ученого и писателя всё еще остается весьма актуальным. Важной остается проблема рассмотрения жизнедеятельности этой выдающейся личности в рамках сравнительно-типологического изучения явлений национальных литератур России и особенно – в аспекте мировой компаративистики. В частности, в качестве репрезентативной фигуры в истории искусства слова народов с поздним литературогенезом. Некоторые подступы к этому уже имеются (Уваров 1968; Подарок Мункачи 1973; Домокош 1993 а, 1993 б ; Измайлова 1992; Юсуфов, 1996, 2005, с. 345 – 368; Ванюшев 2015; Domokos 1975, 1985). Их следует развивать.

Источники и литература

1. Ванюшев В.М. Возвращение Г.Е. Верещагина // Известия Уральского государственного университета. Сер.2, Гуманитарные науки. – 2010 б. – №2 (76).
2. Ванюшев В.М. Пуцек-Григорович, Екатерина Вторая и первые стихотворные публикации на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. – Ижевск, 2010 а.
3. Ванюшев В.М. Творческое наследие Г.Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография / Ванюшев В.М. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995.
4. Ванюшев В.М. Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г.Е. Верещагина: к вопросу о зарождении национальной литературы // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-литературный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2011.
5. Ванюшев В.М. Представитель позднего литературогенеза, или диалог с первым удмуртским ученым и писателем // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. Вып. 3 (143). – 2015.
6. Верещагин Г.Е. Руководство к изучению вотского языка / Удмурт. – Ижевск: Удкнига, 1924.
7. Верещагин Г.Е. (1908 – 1911) Колдуны и чернокнижники // Вятские епархиальные ведомости. – 1908. – № 39; Старые обычаи и верования вотяков // Этнографическое обозрение. – 1909. – № 4; Вотяки и их произведения устной словесности // Памятная книжка Вятской губернии на 1911 год. – Вятка, 1910; Вотские божеества // Православный собеседник. 1911. – № 23 и др.
8. Верещагин Г.Е. (1995 – 2011). Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 1: Вотяки Сосновского края – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995; Т. 2: Вотяки Сарапульского края Вятской губернии – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996; Т. 3. Кн. 1: Этнографические очерки. – Ижевск, 1998; Т. 3. Кн.2. Вып. 1: Этнографические очерки. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000; Т. 3. Кн. 2. Вып. 2: Очерки русских Вятского-Прикамского края. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т.4: Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т. 3. Кн.2: Русский

фольклор. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001; Т. 5: Литературные сочинения – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – На удм., рус. яз.; Т. 6. Кн.1: Труды по языкознанию.– Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002; Т. 6. Кн.2: Вотско-русский словарь [Удмуртско-русский словарь] – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006; Т. 6. Кн.3: Вотско-русский словарь [Удмуртско-русский словарь] – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. – На удм., рус. яз. – (Памятники культуры).

9. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Гр. Верещагина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб, 1889. Т. 14. Вып. 3.

10. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. Гр. Верещагина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб, 1889. Т. 14. Вып. 2.

11. Верещагин Г.Е. Моя биография // РФ УИИЯЛ УрО РАН, оп. 3, д. 252, л. 434 – 435.

12. Владыкин В.Е., Загребин А.Е. Торо удмуртской этнографии // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

13. Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей / Сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина; отв. ред. В.М. Ванюшев. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

14. Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993 а.

15. Домокош П. Формирование литератур малых народов / пер. с венг.–Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1993 б.

16. Domokos P. Az udmurt irodalom terhenete – Budapest, 1975. – На венг.яз. Domokos, P. A kiseb urali nepek irodalmanak kialakulasa. – Budapest, 1985. – На венг. яз.

17. Зайцева И.Н. О родословной Г.Е. Верещагина, восстановленной по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики // Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

18. Измайлова А.С. Письма друзей // Удмуртская правда. – 1992, 15 мая.

19. Короленко В.Г. Избранные письма. Т. 2. – М., 1932.

20. Куклина Е.М. Г.Е. Верещагин в деревне Ляльшур // Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. статей – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

21. Подарок Мункачи / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – На удм., венгр., рус. яз.

22. Уваров А.Н. Г. Верещагин за рубежом // Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора / Отв. ред. В.М. Ванюшев. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1978.

23. Шумилов Е.Ф. Пастор Овец Православных // Известия Удмуртской Республики. – 1992, 2 апреля.

24. Шумилов Е.Ф. Г.Е. Верещагин как миссионер и бикультурал // Г.Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. статей / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2014.

25. Юсуфов Р.Ф. Просветитель. Г.Е. Верещагин на культурологической карте России // Удмуртская правда. – 1996. 10 октября.

©Ванюшев В.М.

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ

(1851–1914)

С именем Исмаила Гаспринского связано возрождение культуры крымских татар, развитие периодической печати, реформирование системы образования. Его многогранная деятельность оказала решающую роль в формировании многих аспектов культуры, просвещения и национального самосознания тюркских народов России конца XIX – начала XX века.

Родился И. Гаспринский 8(20) марта 1851 г. в с. Авджиной (по иной версии с. Улу-Сала Ялтинского уезда) Ялтинского уезда Таврической губернии, в семье офицера русской службы Мустафы Али-оглу Гаспринского и его жены Фатма-Султан – дочери Темир-Гази Кантакузова, крымского мурзы. С 1861 по 1867 гг. обучался в Симферопольской мужской казенной гимназии, Воронежском кадетском корпусе, II Московской военной гимназии. Не окончив учебы, И. Гаспринский возвращается в Бахчисарай где, весной 1868 г. сдает все необходимые документы и экзамены для того, что бы получить звание учителя городских училищ. В марте 1870 г. получает Свидетельство «Симферопольской гимназии № 531», согласно которому начинает преподавательскую деятельность по специальности «преподаватель русского языка». В 1871 г. И. Гаспринский уезжает за границу. Во время своего путешествия посещает Францию, Алжир, Тунис, Египет, Грецию и Турцию, где изучает историю, быт и систему народного образования,

пишет заметки и статьи, направляя их для публикации в периодической печати С.-Петербурга, Москвы и Одессы.

В 1876 г. возвращается в родной Бахчисарай и включается в работу местного избирательного участка. В марте 1878 г. И. Гаспринский становится гласным Бахчисарайской городской Думы. А в конце ноября его избрали заместителем городского головы. С 13 февраля 1879 г. по 5 марта 1884 г. И. Гаспринский возглавлял органы местного самоуправления на посту городского головы. Деятельность И. Гаспринского в Бахчисарайской городской Думе на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX в. оставила заметный след в общественно-политической и культурной жизни бывшей столицы Крымского ханства.

С 1879 г. И. Гаспринский предпринимал неоднократные попытки создать собственное издательство. Известны его предложения о выпуске периодических изданий на крымскотатарском языке «Файдалы эглендже» (1879–1880) и «Закон» (1881). После долгой борьбы, с 10 апреля 1883 г. И. Гаспринскому разрешили издавать и редактировать первую крымскотатарско-русскую газету «Переводчик-Терджиман». Газета «Терджиман» является первой по значимости среди изданий просветителя и представляет собой своеобразную летопись, энциклопедию по изучению мусульманской жизни России. Газета «Терджиман» долгое время была единственным тюркоязычным периодическим изданием, ее считают старейшей мусульманской газетой Российской империи. И до сегодняшнего дня «Терджиман» является ценнейшим источником информации о положении тюрко-мусульманских народов в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Программа газеты предусматривала издание популярных статей по русскому законоведению, статьи по литературе, географии, истории, учебному делу и т.д. Так же в ней размещались частные объявления на русском и татарском языках. В кратких заметках и рекламных колонках были размещены сообщения о гастрольях, театральных премьерах. Много в «Терджимане» рецензий на последние книжные новинки и переводы на татарский язык произведений классиков мировой литературы. Кроме этого газета И. Гаспринского содержала распоряжения правительства, официальные объявления, распоряжения и постановления местной администрации, городских и земских учреждений края, извлекаемые из официальных изданий. И со всей хроникой общественной жизни российских мусульман тесно переплетались события мировой истории. А не редко целые разделы газеты служили неким каталогом, содержащим огромный массив информационного материала, знакомящего читателя с тем, что именно происходит за пределами границ его страны. Долгое время «Переводчик-Терджиман» был незаменимым для круга читателей незнакомого с русским языком, а так же не имевшего возможности узнавать о событиях в мире из других печатных изданий.

Через газету идеи И. Гаспринского распространялись во многих странах: в России (Татарстан, Башкортостан и др.), Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Азербайджана. Кроме того, «Терджиман» был довольно распространен в Персии, Китае, Турции, Египте, Болгарии, Франции, Швейцарии, США, Хивинском и Бухарском ханствах.

«Переводчик» просуществовал почти 35 лет и был закрыт 23 февраля 1918 г. Помимо этого знаменитого издания в бахчисарайской типографии издавались такие периодических изданий как «Миллет» («Нация»), «Алем-и-нисван» («Мир женщин»), «Ха-ха-ха», «Алем-и-субьян» («Мир детей»).

На протяжении всей жизни И. Гаспринский разрабатывал учебные пособия, издавал научно-популярную и художественную литературу. В его деятельности особое место занимает литературное творчество. И. Гаспринским было издано свыше 20 литературных произведений, самые знаменитые из которых были опубликованы в «Терджимане-Переводчике»: «Французские письма» (1884–1889), «Девушка-львица» (1893), «Таинственная страна» (1903), «Восход» (1906), и пр. И. Гаспринский явился родоначальником многих художественных и публицистических жанров не только в литературе крымских татар, но и в литературах других тюркских народов.

С именем И. Гаспринского связано основание и развитие просветительского движения народов исламского Востока – джадидизм, которое радикально изменило суть и структуру начального образования во многих мусульманских странах, придав ему более светский характер. Реформирование начальных школ началось с внедрением И. Гаспринским так называемого «нового метода» – звукового метода обучения грамоте. Джадидизм в Крыму обладал рядом специфичных особенностей, совсем не характерных для развития этого движения в других регионах Российской империи. Борьба за создание и развитие сети новометодных школ обычно шла путем законности, и дискуссия велась лишь в существующих правовых рамках, лишь изредка сходя с них. В последних случаях деятели национального просвещения все же пытались войти в легальную сферу, стремясь изменить законодательство путем убеждения чиновников и демонстрацией прогрессивных моментов в крымскотатарском образовании. Со своей стороны мусульманское духовенство достаточно быстро перешло на позиции джадидизма, поддерживая и развивая его основополагающие принципы в педагогике.

Важным направлением для издательства И. Гаспринского стала учебная печатная продукция, которая непосредственно содействовала распространению просвещения среди мусульман Крыма. Среди изданных И. Гаспринским для новометодных школ Крыма популярных учебных пособий на особом месте стоит знаменитый «Ходжа-и субьян» («Учитель детей»), ставший первым светским учебником для крымскотатарских

мектебе. «Ходжа-и субьян» был издан в 1884 г. На его обложке были написаны такие слова: «В невежестве детей ответственны их родители». До 1910 г. первая часть учебника переиздавалась 26 раз, а вторая – 12. Передовые педагогические идеи, которые заложены в учебнике, долгие годы оказывали влияние на сознание тюрко-татарских учителей России. Этот учебник послужил основой при составлении подобных учебников в Казани, Ташкенте, на Кавказе. «Ходжа-и субьян» представлял собой классическое учебное пособие для учащихся начального звена образования. Именно по этому учебнику крымскотатарские дети занимались на протяжении 30 лет, изучая азбуку по звуковому методу обучения грамоте. Кроме того, что «Ходжа-и субьян» был учебником для начальных новометодных школ, он так же был одобрен как учебник для земских министерских начальных школ и конфессиональных мектебов.

В 1894 г. был издан учебник «Къырает тюркий» («Турецкая хрестоматия») – хрестоматия для «детского чтения», являющаяся неким продолжением учебника «Ходжа-и субьян». Хрестоматия включала в себя материалы по арифметике, чтению, письменным упражнениям, географии и истории, которые все время перемежались. По своему содержанию «Къырает тюркий» дополнял «Ходжа-и субьян» поучительными рассказами по некоторым общеобразовательным предметам: арифметике, географии, истории, естествознанию, ботанике, зоологии. В условиях, когда в крымскотатарской школе не было ни одного официального учебника ни по одному предмету, «Къырает тюркий» представлял собой не просто хрестоматию, но своеобразный синтетический учебник для начальной школы на родном языке.

Среди методических пособий, изданных типографией газеты «Терджиман», стоит выделить «Рехбер муаллимин яки муаллимлер ёлдаши» («Руководство учителю или спутник учителей»), которое знакомило с основными принципами джадидизма. На страницах труда были освещены проблемы обучения в *мектебах «усул-и кадим»* (в школах предшествующих новометодным, где обучение велось по старым схоластическим методам). В первую очередь пособие давало ценные советы по организации научной работы учителя и вообще школы.

В 1889 г. И. Гаспринский издает «Джиан наме» («Страноведение»), в которой дает общее понятие о географии, географической карте, странах мира, народах живущих в различных частях света, традициях и обычаях. Книга практически стала пособием по географии, знакомя школьников с политической, экономической, физической картами мира.

Типографией газеты «Терджиман» были изданы обучающие пособия разных направлений: в 1882 г. «Мираат джедид» («Новое зеркало»), «Сальнаме-и-тюркий» («Краткая тюркская грамматика»); в 1885 г. пособие «Русие джогъграфиясы» («География России»), в 1892 г. «Беден-и инсан» («Анатомия»), в 1894 г. «Нумюне-и хаттат ве ресим» («Правила

правописания»), в 1897 г. «Мухтасир ильм-и эсап» («Научная математика»), в 1901 г. «Атласлы джогграфия». В 1897 г. вышла целая серия учебников по грамматике. Среди них: «Персидская грамматика», «Арабская грамматика», «Турецкая грамматика». Для обучения правильному и красивому почерку И. Гаспринский предлагал наборы дешевых каллиграфических тетрадей-прописей, которые широко использовались в начальных новометодных школах. Они помогали научиться правильно писать арабской вязью «способом наведения». Для обучения крупному письму рекомендовались тетради «Слюс», а для мелкого «Рик-а». Совершенствовать свое умение в написании персидских текстов помогала тетрадь «Талик».

И. Гаспринский был авторитетным общественным деятелем в среде тюркских народов Российской империи. С 1905 г. И. Гаспринский и его единомышленники создали мусульманскую либеральную организацию «Иттифак аль-муслимин» («Русия мусульманларнен иттифаке», «Союз российских мусульман»). Он был членом ЦК и непосредственно возглавил Крымское отделение. Осенью 1905 г. он и возглавляемое им отделение организации перешли на позиции «Союза 17 октября» – партии правого либерального направления. И. Гаспринский был активным участником всех съездов «Иттифак аль-муслимин» и председательствовал на I учредительном форуме.

В 1907 г. И. Гаспринский предложил создать в Каире Всемирный Мусульманский Конгресс, для объединения прогрессивных сил Востока на пути реформ и преобразований. Он должен был рассмотреть перспективы развития просвещения, культуры и вопросы экономического подъема народов, исповедующих ислам. В 1908 г. И. Гаспринский организовал в Египте издание газеты «Аль-Нахда» («Возрождение») на арабском языке. После выступления в Каире выдающегося крымскотатарского просветителя французский журнал «Revue du monde musulman» выдвинул его кандидатуру на соискание Нобелевской премии Мира. К сожалению, созыв Конгресса не состоялся.

За свою жизнь И. Гаспринский был награжден несколькими орденами и медалью. Среди них нужно отметить: бухарский «Золотой орден Восходящей Звезды» (III степени) – 1893 г.; турецкий «Меджидие» (IV степени) – 1894 г.; российская «Медаль Санкт-Петербургского русского Технического общества» (бронзовая) – 1897 г.; иранский «Льва и Солнца» (IV и III степени) – последняя в 1904 г.

И. Гаспринский скончался 11(23) сентября 1914 г. и был похоронен в Бахчисарае на территории кладбища при «Зынджырлы» медресе.

В советское время труды И. Гаспринского были запрещены, а изучение его деятельности ввиду обвинения в пантюркизме и панисламизме проходило в негативном ключе. После политической реабилитации крымских татар, депортированных из Крыма в 1944 г. табу с

имени И. Гаспринского было снято, исчезли идеологические штампы. В 1987 г. в журнале «Звезда Востока» была опубликована статья Л. И. Климовича «На службе просвещения», в которой давалась новая оценка жизни и деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя с большей долей объективности. Последующие годы интерес к личности И. Гаспринского возникает у исследователей, изучающих историю джадидизма и развития национальной периодической печати. На рубеже 1980–1990-х гг. изучением биографии просветителя активно занимается отечественный научный мир. Судя по публикациям, можно выделить три наиболее крупных центра: Татарстан, Турция и Крым. Первыми гасприноведами Крыма считаются И.А. Керимов и В.Ю. Ганкевич, посвятившие свою научную деятельность изучению различных аспектов жизни И. Гаспринского. Так, В. Ю. Ганкевич является автором первой академической биографии И. Гаспринского.

С 1990-х гг. в Крыму увековечивается память об И. Гаспринском. В 1999 г. было восстановлено надгробие на его разрушенной могиле, а в 2001 г. – заново начал свою работу Мемориальный музей просветителя. Его именем названы национальные библиотеки, школы, улицы; воздвигнуты памятники в Симферополе и Бахчисарае, мемориальные доски в различных городах и селах Республики Крым; проводятся юбилейные торжества; турниры; организуются телерадиопрограммы; учреждаются премии. С 2016 г. пропагандируя наследие И. Гаспринского, научное сообщество Республики Крым и Республики Татарстан начало разработку и издание полного собрания сочинений просветителя.

Источники и литература

1. Аблаев Э.А. Прогрессивные педагогические идеи крымских татар второй половины XIX – начала XX века.: на материале педагогического наследия И. Гаспринского: дисс... д-ра. пед. наук: 13.00.01. – Ташкент, 1991.
2. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). – Симферополь, 2000.
3. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь, 1998.
4. Давлет Н. Исмаил Гаспринский. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015.
5. Керимов И.А. Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883–1914. (кырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги). – Акъмесджит: Тарпан, 1999.
6. Lazzarini E.J. Ismail Bey Gasprinskii (Gaspirali): the Discourse of Modernism and the Russians// Tatars of the Crimea. Their Struggle. – Durham-London, 1988.

©Сейтмететова С.А.

МАЖИТ ГАФУРИ

(1880–1934)

Гуманистические послы, мечта о равенстве каждого человека от рождения и естественном его праве на счастье сопровождали человечество издревле. Комплекс идей, названный в науке Просветительством, окончательно сложился в Европе в конце XVII и начале XVIII веков. В России эпоха Просвещения занимает преимущественно вторую половину XVIII века, когда царское правительство активно способствовало развитию наук и искусств.

Охват просветительским светом жизнь многочисленных народов Российской империи было неравномерным. В силу сложившихся соответствующих общественно-политических обстоятельств, вызванных развитием капиталистических отношений в России, царизм был вынужден заниматься решением вопросов просвещения, в первую очередь, развития народного образования и на национальных окраинах. Многогранная просветительская деятельность передовых русских исследователей края и писателей, открытие Казанского университета, сети русско-башкирских школ, развитие печати и усиление межкультурных связей оказали огромное влияние на рост национального самосознания башкир. Начала формироваться национальная интеллигенция, в т. ч. ученые-просветители

и педагоги Оренбургского Неплюевского военного училища М. Иванов, С. Кукляшев и др., получившие светское образование того времени. Надо особо отметить научно-творческую деятельность генерала М. Биксурина, чей воспитанник М. Уметбаев впоследствии стал влиятельным государственным деятелем, занимавшимся всю свою жизнь практическими действиями по просвещению своего родного народа. В лице ученого-этнографа, лингвиста, фольклориста, публициста, переводчика, поэта М. Уметбаева обозначены новые тенденции, будущие проблески развития башкирского просветительства. Если научные взгляды М. Уметбаева развиваются под влиянием русской культуры, то его знакомство с миром, в том числе и мысли о литературе, формируются в границах исламского учения и восточных литературных традиций. Художественно описывая жизненные противоречия своего времени, горестное положение народа, уничтожение природного богатства башкир, поэт видит смысл жизни каждого в «служении стране и народу». В его поэзии впервые нашли явное выражение основные отличительные черты, присущие только башкирскому просветительству – это неразрывная связь судьбы народа с решением земельного вопроса.

Надо заметить, что для подавляющего большинства башкир единственным очагом приобщения к знаниям, как и предыдущие времена, были мектебе и медресе. С 80-х годов XIX века в политике царского правительства в отношении башкирских и татарских школ произошли существенные изменения, суть которых заключалась в том, что уменьшились гонения, был ослаблен неусыпный контроль за содержанием и проведением учебного процесса. Таким образом, национальные учебные заведения получили возможность существенно влиять на формирование мировоззренческих, в том числе и творческих взглядов своих воспитанников. В идейной основе башкирского просветительства прежде всего лежала философско-художественная мысль средневекового арабо-мусульманского Востока, где Знание было возведено в культ, а воспитание всесторонне образованного и воспитанного, истинно верующего человека – «адиба» рассматривалось как главная цель общества. В соответствии с этим обязательным считалось изучение основ ислама, обучение восточным языкам, мусульманской юриспруденции, математике, медицине, астрономии, географии и т.д. Помимо этого, в медресе, например, д. Муллакаево (в современном Баймакском районе), давались практически знания по ремеслам, по строительству, военному делу, также практические навыки литературного сочинительства, научных исследований, перевода и делопроизводства. К концу XIX века в Урало-Поволжье возникли высшие национальные учебные заведения – новометодные медресе в Стерлибашево, «Расулия» в Троицке, Муллакаевское медресе, «Марджания» и «Мухамадия» в Казани, «Галия» в Уфе и др., которые становились центрами культурно-просветительской, в том числе и

литературной, жизни. Их возглавляли выдающиеся педагоги-просветители, как З. Расули, Г. Сайиди, Х. Утяки, Тукаевы, Г. Баруди, Ш. Марджани, З. Камали и др., которые придавали большое значение обучению светским дисциплинам. Отдельные выпускники из башкир, как А.З. Валиди, А. Инан, М. Рамзи, благодаря своим научным трудам, приобрели мировую известность. В этот же ряд надо поставить не менее знаменитого религиозного деятеля, ученого-энциклопедиста, востоковеда, писателя-просветителя и журналиста Р. Фахретдинова. На каком поприще бы он не служил, вся его просветительская деятельность имела практический характер и была направлена на претворение в жизнь укоренившейся с древних времен идее воспитания благочестивого, образованного, нравственно совершенного человека. Отдавая дань восточной мудрости, Р. Фахретдинов в то же время не отвергает, а призывает овладевать передовыми в то время европейскими научными знаниями, чтобы развиваться вровень с мировыми цивилизациями.

Судя по жизнедеятельности вышеупомянутых выдающихся личностей, можно утверждать, что башкирские просветители во всех деяниях выступали в самых разных амплуа: и как литераторы, и как ученые, этнографы, фольклористы, языковеды, общественные деятели, педагоги, государственные служащие, ратовавшие и действующие за просвещение народа, за обучение на родных языках, за собиранье и изучение национального культурного наследия, за распространение научных знаний.

Традиционные мотивы и эстетика башкирского просветительства наиболее полно отражены в поэзии башкирского поэта-просветителя и сэсна М. Акмуллы. Его стихотворные произведения пронизаны призывами к овладению всевозможными знаниями, мотивами самосовершенствования. Устно-поэтическое творчество и письменная литература, сосуществовавшие в течение столетий параллельно, впервые в творчестве М. Акмуллы образовали единый художественно-эстетический сплав, представивший поэтическое Слово и предназначение самого Поэта в новом качестве. Смелая и уверенная в своей правоте Личность, вооруженная метким словом для защиты униженных и оскорбленных, восставшая против враждебных сил во имя справедливости, веры и знаний, нравственности – вот такой образ Поэта вырисовывается в произведениях Акмуллы. Просветительские мотивы поэзии М. Акмуллы было подхвачено последующим поколением поэтов – С. Якшигуловым, Н. Юмрани, Ш. Тамьяни и др.

В исследованиях башкирской литературы начала XX века отмечается, что из всех поэтов этой поры именно на М. Гафури «самое благотворное воздействие оказало творчество башкирского поэта Акмуллы». К примеру обратимся к знаменитому произведению Акмуллы «Наздания», структура чего построена на трактовке семи слов, как «вера,

душа, разум, благодарность, воспитанность, терпеливость» и т.д., после которого следует именно назидания о необходимости высокой нравственности, призывы к каждому человеку – верить в бога, чистить душу, учиться. Стих «Легкопроизносимые слова» М.Гафури, на первый взгляд, написан точно также: лишь слова другие. Набор понятий «совесть, вера, добро, братство, равенство, справедливость, сила», прежде всего, означает назидание не индивидууму, а сообществу людей, где решает судьбу не слова, а конкретные дела:

Но не от слов грядущее зависит –
От наших дел зависит и трудов...

Из-за такого сходства структуры, тематики, идейно-эстетического содержания того или иного стиха почитатели поэзии порой путались в определении авторства – Акмуллы или Гафури. Это не удивительно: ведь самые первые произведения М. Гафури написал в годы учебы в медресе «Расулия», где до своей гибели в 1895 году почти постоянно пребывал сам Акмулла – большой друг мудариса медресе Зайнуллы Расулева.

Среда мусульманского учебного заведения Мажиту Гафурову с рождения была знакома, так как он родился в д. Зилим-Караново Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне названный в его честь Гафурийский район Республики Башкортостан) в семье учителя медресе – Нургани хазрета. С детства будущий поэт рос в атмосфере почитания к религиозным обрядам и уважению к напечатанному слову, в стихии народных песен, душевных бесед о славных батырах – борцах за народное счастье. Безмятежное детство рано прервалось, и осиротевший в 13 лет подросток начал самостоятельную жизнь, добывая себе хлеб насущный. В поисках счастья и знаний в 1898 году он покинул родную деревню, через два года, преодолев 450-верстное расстояние через Уральские хребты, поступил в знаменитое медресе «Расулия» в Троицке. Учеба почти в течение пяти лет в медресе, которого впоследствии ученые с мировым именем назовут «главным центром обучения мусульман России», «одним из лучших академических институтов в мусульманском мире», и общение с преподавателем З. Расули, которого выдающийся русский востоковед В. Бартольд назвал «духовным королем своего народа», сыграли большую роль в становлении молодого шакирда как творческой личности. В отличие от многих других обучающихся там же юношей, Гафури успел к этому времени накопить огромный житейский опыт: трудился в золотых приисках, заводах, позже летом учительствовал в казахских степях. Везде он находился в гуще простых людей, видел воочию их страдания, делил их радости и невзгоды. Под воздействием увиденного и пережитого Гафури рано начал писать: в 1902 году – рассказ «Жизнь, пройденная в нищете», в 1904 году – поэму «Сибирская железная дорога, или Положение нации», которые тотчас были изданы в Казани. Рассказ о жизни деревенской семьи Нигматуллы и

Сарби был воспринят общественностью как новаторское сочинение, в центре которого образ бедноты, которая не знает пути улучшения своего положения, но задается вопросом «наступит ли конец их несчастиям?» В поэтическом произведении М. Гафури, описывая свои первые впечатления от знакомства с ездой на поезде, рассуждает, как типичный просветитель, сетует на отсталость своей нации, нравоучительно призывает к овладению знаниями, чтобы достичь прогресса. Таким образом, с самых первых книг, увидевших свет в 1904 году, тематика народной судьбы становится основным содержанием всего его творчества. В отличие от предыдущих просветителей М. Гафури в своем творчестве довольно быстро одолел период дидактических призывов к улучшению нравов, к абстрактному назиданию пользы знаний, оставаясь верным своему умозаключению – меньше слов, больше дела!

Будучи деятельной натурой М. Гафури не мог остаться в стороне от революционных событий, и в 1905 году уезжает в Казань, поступает в медресе «Мухамадия», посещает просветительские кружки, митинги, знакомится с революционно настроенными студентами, начинает активно печататься. В 1906 году поэт навсегда возвращается в Уфу. В эти годы поэзия М.Гафури обогатилась новой идеей непримиримой борьбы за счастливое будущее, за что попал под надзор полиции. Несмотря на притеснения царских властей, поэт продолжал писать и печататься, работая в типографии корректором. В целом, гражданская лирика дооктябрьского периода поэта-просветителя – это поэзия протеста против существовавшего тогда общественного строя, где беспощадно эксплуатировался трудовой человек. Февральскую революцию 1917 года, свергнувшую царское самодержавие, М. Гафури встретил «Стихами радости», образно назвав ее «утром свободы». В напечатанном к Первомаю стихе «Красное знамя» поэт выступает как глашатай Октябрьской социалистической революции:

Знамя боевое,
Озаряй планету!
Рвись вперед, рабочий, –
К новой жизни, к свету!

Боевой призыв поэта к бесстрашной борьбе за светлое будущее был услышан революционными массами: «Красное знамя» стал популярнейшей песней-маршем в пламенные дни Октября. Рождение этого стихотворения, затем выпуск одноименной книги ознаменовало начало совершенно нового периода в творчестве М. Гафури. Великий Октябрь и его влияние на судьбы народов России стала узловым темой, раскрытию чего он посвятил всю оставшуюся жизнь. В сложнейших социально-политических условиях в пору гражданского противостояния в Башкортостане он открыто выступил за советскую власть, называя, например, в стихотворении «Клятва» ее противников и своими «врагами»:

Я клятву дал, я знамя взял,
Мой красный стяг, со мною будь!
Руби врага, громи врага –
Таков мой справедливый путь!

Борьба за сохранение завоеваний Октября как священная защита Родины, и потому особой почести, по его мнению, достойны воины-победители. «Дай руку мне, я поцелую ее, как целую лицо друзей» поэтически обращался он к ним в стихотворении «Дай руку!». В творчестве М. Гафури после гражданской войны тема защиты Отчизны, воспевание величия Октября и его мирового значения оставалась актуальной. Торжество социалистических идей, рост могущества Советской страны его безмерно вдохновляют, наполняют чувством огромной гордости:

Я патриот. Мою Отчизну
Зовут Советскою страной.
Кто враг Советам, тот – мой враг,

Хотя б он был отец родной! – заявляет он в одноименном стихе. Пафосное описание патриотических чувств, чрезмерность его поэтических оценок революционных событий, восторженность новой действительностью вскоре меняются на вполне реалистические взгляды успокоившегося задумчивого поэта. В его стихах нашли отражение глубина и чистота внутреннего мира освобожденного человека – человека труда. Облагораживающему труду и на земле, и на индустриальных площадках поэт посвятил целые циклы стихов. В поэме «Эшсе» («Труженик») он в образе рабочего, которого нужда пригнала в город, раскрывает характерные до революции стороны жизни любого труженика, создающего богатства для эксплуататоров.

Поэт новаторски разрабатывал новые темы и мотивы на реалистической основе, опираясь на лучшие традиции досоветской демократической литературы и народного творчества. Это особенно ощутимо в принципах его поэтики. Он умело подчинял традиционные образы и формы новому содержанию, в то же время незаметно трансформируя их отдельные элементы. Эволюция его поэтического языка и стиля проявляется в обновлении лексических единиц – на смену арабизмам и фарсизмам, избыточных в ранних произведениях, приходят народные слова и неологизмы, возникшие в новой действительности. Постепенно меняется и техника стихотворчества: традиционной классический стих поэта органически стала сочетаться с особенностями народного стиха.

Как писал М.Гафури в своих программных стихах «Вырванные страницы» и «Песни неба», источником вдохновения для поэта является настоящая земная жизнь во всем ее разнообразии. В его творчестве последних лет наряду с политической лирикой и боевой публицистикой

большое место заняла лирика философских раздумий о времени и человеке, о глубокой духовной связи поколений, о дружбе народов, о мире и прогрессе человечества. Немало лирических стихов посвящены воспеванию красоты родной природы, красоты человеческих взаимоотношений, любви и дружбе, верности. В его произведениях вырисовывается величественный образ раскрепощенной женщины Востока.

Во второй половине 20-х годов М.Гафури активно работает в жанрах прозы. Надо сказать, поэзия и проза для него были одинаково доступны. В годы установления Советской власти он уделял много времени малым формам прозы – публицистике, статьям, рассказам для детей. Наиболее крупным по объему и совершенным с точки зрения художественности достижением писателя стали его произведения «Чернолики» (1927), «Ступени жизни» (1928), «На золотых приисках поэта» (1930). Основной темой этих повестей стало формирование нового человека в новых общественно-экономических условиях. Не жертвы прошлых тяжелых лет, а молодежь – свидетель событий мальчик Гали, шакирд на летних каникулах, новобранец Вахит – именно в них заложена главная идея данных повестей. Ступени становления настоящего человека, человека-борца за народное счастье повествуются писателем на широком фоне явлений динамично меняющейся действительности. В дореволюционной прозе, изображая отдельные стороны народного быта, М. Гафури глубоко переживал и выражал к ним непосредственное отношение. В поздней прозе писатель отходит от этого принципа и раскрывает образы своих героев, воссоздавая широкую историческую панораму борьбы за справедливость. Передача писателем литературного содержания в историческом плане, переход на реалистические принципы художественного отображения оказали существенное влияние на дальнейшее развитие всей башкирской, татарской и другие тюркские литературы. За три десятка лет в своем творчестве поэт, прозаик, драматург М.Гафури прошел три ступени писательского мировоззрения и литературной мысли – просветительство, критический реализм и социалистический реализм, служа становлению ранней башкирской советской литературы. Он был одним из зачинателей литературы для детей, написал либретто для первой оперы, драму «Красная звезда». В его произведениях ярко воплотились вековые традиции и дореволюционной башкирской литературы и новаторские черты зародившейся новой советской литературы.

За многогранные творческие достижения Мажит Гафури был удостоен в 1923 году звания первого Народного поэта Башкортостана. Как его поэзия, так и проза имели и имеют одинаковый успех среди читателей всего тюркского мира Страны Советов и современной Российской Федерации.

Источники и литература

1. Ахмадиев В.И. Связь поколений. –Уфа: Китап, 1985. (на башк.яз.).
2. Бикбаев Р.Т. Мажит Гафури // История башкирской литературы в 4-х тт. т.1. – Уфа: Китап. – 2012.
3. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
4. Насыров И. Шейх Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель-философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира // <https://bashkirica.com/news/576/>
5. Традиционная и современная культура Республики Башкортостан. Поэзия. – Уфа: Инеш, 2015.
6. Хамид Алгар. Последний великий шейх //Бельские просторы. – 2008. – №5.
7. Шарипова З.Я. Башкирская литературная мысль. – Уфа: Китап, 2008. (на башк. яз.).

© Шарипова З.Я.

БОРИС ГОЛОВИН

(1916–1984)

Профессор Борис Николаевич Головин (1916–1984 гг.), ученик академика В.В. Виноградова, вошел в историю отечественной лингвистики как автор первого в стране учебного курса «Основы культуры речи» (М.: «Высшая школа», 1980).

Б.Н. Головин понимал, что небрежное отношение носителей языка к речи не может не отразиться на самом языке; в свою очередь, «излагать свои мысли кое-как: значит и думать кое-как». Эту идею ученый развивал, читая лекции не только студентам Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где он возглавлял кафедру современного русского языка и общего языкознания. Б.Н. Головин часто выступал перед учителями общеобразовательных школ, перед чиновниками различных ведомств, перед сотрудниками редакций местных газет.

Б.Н. Головин уделял большое внимание развитию языка, происходящим в языке словообразовательным процессам. Он одним из первых в отечественной лингвистике стал рассматривать словообразовательное значение как особый вид языкового значения, соотносящийся с лексическим и грамматическим значениями. Он определил предметно-понятийную отнесенность базовых терминов словообразования, наметил систему единиц словообразования (словообразовательная пара, словообразовательный тип,

словообразовательный ряд, словообразовательные классы) и выявил специфику словообразовательного уровня русского языка.

Поскольку словообразование тесно связано с грамматикой, закономерным становится интерес Б.Н. Головина к грамматическим проблемам. Еще в 1955 году в статье «К вопросу о сущности грамматической категории» он раскрывает суть грамматического значения, определяет грамматическую категорию как объективно существующее в языке единство грамматического значения и средств его формального выражения, намечает типологию грамматических категорий. Эта статья заложила основы будущей грамматической теории Б.Н. Головина. Грамматический строй рассматривается как система грамматических, морфологических и синтаксических категорий, причем члены предложения впервые описываются как категории слов, занимающих в предложении независимую, полузависимую либо зависимую позиции. Такой подход позволяет осознать единство, целостность грамматики языка.

Глубокую связь морфологического и синтаксического уровней языка Б.Н. Головин увидел в существовании словосочетания как межуровневой морфолого-синтаксической единицы, являющей собой результат реализации морфологической (и лексической) синтагматики знаменательных слов. В учебном пособии «Основы теории синтаксиса современного русского языка» ученый изложил свою синтаксическую концепцию, свое понимание синтаксической парадигматики и синтагматики. Вместе с тем, Б.Н. Головин постоянно доказывал теоретическую убедительность многих традиционных синтаксических положений, неосмотрительно отвергнутых некоторыми лингвистами, подчеркивал, что новые направления в синтаксисе (коммуникативный, семантический синтаксис) не могут и не должны перечеркивать достижения А.А. Шахматова, А.М. Пешковского и других выдающихся отечественных языковедов.

Умея четко видеть тенденции развития лингвистики и возникающие перед исследователями актуальные задачи, ученый не раз оказывался среди первооткрывателей многих научных направлений. Так, глубокий интерес к функционированию языка, к использованию языковых единиц в разных сферах общения побудил Б.Н. Головина еще в конце 50-х годов обратиться к поискам новой методики лингвистических исследований. Он одним из первых понял важность и необходимость применения математических методов в языкознании и сумел доказать, что «союз статистики с традиционными методиками качественного анализа языка» закономерен, диктуется свойствами самого языка. Филолог по образованию, Б.Н. Головин обратился к изучению математической статистики и теории вероятностей и в 60-е годы разработал вероятностно-статистическую методику, позволяющую решить многие проблемы

лингвистической теории и практики. И в начале XXI века будет отмечена эта научная заслуга Б.Н. Головина.

Б.Н. Головин полагал, что языковые единицы и категории характеризуются вероятностью их использования, «степенью готовности к коммуникативному применению», а поскольку речь – последовательность языковых знаков в их коммуникативном применении, то «элементам речевой последовательности <...> объективно присущи частоты как выражение языковых вероятностей». Такое осмысление языка и речи позволило по-новому осветить проблему разграничения стилей языка и стилей речи, решить многие спорные вопросы, касающиеся природы функциональных стилей, их сходств и различий. Б.Н. Головин впервые высказал предположение, что функциональные стили языка различаются не столько «наборами» языковых единиц, сколько вероятностью использования одних и тех же единиц, причем активное участие в образовании стилей принимают не только лексемы, но и грамматические категории. Эта гипотеза была убедительно подтверждена многочисленными исследованиями, проведенными коллективом преподавателей и студентов Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского под руководством Б.Н. Головина, а также лингвистами Саратова, Перми и других городов. Таким образом, с именем профессора Головина связано особое направление в изучении стилей языка и стилей речи – стилостатистика.

Помимо стилологии, методика Б.Н. Головина нашла практическое применение и в ряде прикладных областей, в частности, она использовалась при составлении частотных словарей, для атрибуции литературных текстов.

Исследуя стили языка и речи, в том числе научный стиль, Б.Н. Головин вплотную подошел к проблемам терминологии и в 1972 году опубликовал программную статью «О некоторых проблемах изучения терминов». В ней было дано определение термина (впоследствии признанное лучшим), сформулированы основные научные принципы исследования терминов, указаны приемы и методики изучения терминологических систем, намечены направления терминологических исследований. В последующих работах по терминологии Б.Н. Головин выявил основные свойства термина, законы и условия функционирования терминов. К таким условиям он относил наличие дефиниции, позволяющей четко определить содержание и объем выражаемого термином понятия; строгое следование принятому определению, выявление терминологической полисемии, синонимии, омонимии. Б.Н. Головин говорил о необходимости соблюдения этих условий для взаимопонимания специалистов в процессе общения, а следовательно, для эффективности научной и любой другой профессиональной коммуникации. В трудах по терминологии отразились основные

положения общелингвистической концепции Б.Н. Головина: последовательное разграничение языкового и речевого аспектов (и, соответственно, разграничение терминов языка и терминов речи), различение языкового и внеязыкового значения, признание первичности объекта исследования и вторичности знания о нем, что предполагает осмысление предметной и понятийной отнесенности терминологических единиц, называющих и саму реалию, и специальное понятие о ней.

Можно с уверенностью сказать, что профессор Б.Н. Головин создал горьковскую (нижегородскую) школу терминоведения, развивающую «функциональное направление исследования терминов» и известную в нашей стране наряду с московской и Санкт-Петербургской школами.

На работы Б.Н. Головина продолжают ссылаться видные лингвисты страны – достаточно упомянуть «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной, а также словарь «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» под редакцией А.П. Сковородникова. Идеи Б.Н. Головина развивают его многочисленные ученики и последователи.

Талантливый ученый, Б.Н. Головин был замечательным лектором, который заражал своей любовью к языку не только студентов-филологов, но и людей, далеких от лингвистики. Он убедительно доказывал, что языковая культура – это составная часть историко-культурного пространства народов Евразии.

Источники и литература

1. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология. Выпуск 1(7). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.
2. Загидуллина М.В. Трансфер языковой концепции Б.Н. Головина в поле литературоведческих исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Выпуск 6 (2). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011.
3. Лаврова Н.Н., Рылов С.А. Научные идеи Б.Н. Головина и лингвистика XXI века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Выпуск 6 (2). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011.
4. Поцепня Д.М. Язык художественной литературы в концепции Б.Н. Головина // Теория языкознания и русистики: наследие Б.Н. Головина: Сб. статей по материалам международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Бориса Николаевича Головина. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта-Наука, 2003.

©Лаврова Н.Н.

АБДУЛ-ХАМИД ДЖАНИБЕКОВ

(1879–1955)

Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков (1879–1955) вошел в историю ногайской культуры начала XX века как ее прогрессивный преобразователь, новатор. Его имя и вклад в развитие культуры народа, в историю его просвещения остаются неотъемлемой и значимой их составляющей на всех последующих этапах духовной эволюции народа, включая современность.

Педагог, писатель, публицист, собиратель, издатель и исследователь ногайского фольклора и литературного наследия, создатель новой ногайской письменности, первой грамматики родного языка, первых букварей, книг для чтения, учебных пособий на ногайском языке, составитель первых русско-ногайских терминологических словарей, воспитатель учительских кадров для новой национальной школы – таковы грани деятельности А.-Х. Джанибекова, и именно такой универсальный ее характер во многом определил масштаб личности просветителя, его место в истории национальной культуры. Таким он предстает в оценках своих современников – писателей и известных педагогов, а также нынешних ученых-гуманитариев.

Безусловно, существуют объективные факторы, под влиянием которых в истории появляются личности, способные определять вектор развития целых культур. Одним из таких факторов, способствовавших формированию личности А.-Х. Джанибекова, стали события его ранней биографии. Он родился в Астрахани в 1879 г. (4/18 марта), в слободе Тиек (Царёв). Рождение было засвидетельствовано записью №7 в Яшел мечети

(Зелёная мечеть) имамом Абдрахманом Гумари (Умеровым). Отец Абдул-Хамида – Шаршемби – карагаш-ногаец из рода алтаяк, тамга (тавро) «ковш» («шоьмиш»), отделение рода мангыт Касаева колена – был человеком среднего достатка, занимался асламом – закупкой скота для продажи. Мать – Асия была из юртовских ногайцев Астрахани».

В слободе Тиек – Карагаш ауле прошел астраханский период жизни А.-Х. Джанибекова, время формирования его самосознания и мировоззрения. И, конечно, велико было влияние на этот процесс его наставника и учителя – ногайского просветителя Абдрахмана Умерова.

Обучаясь в его новометодном медресе «Низамия», прославленном научно-педагогическом центре тюрко-мусульманских народов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, Абдул-Хамид Джанибеков, как и другие выходцы из «гнезда Гумари» – будущие его коллеги по просветительской деятельности (Булат Салиев, Абдрахман Ниязов, Наджип Гасри (Ногайлы), Басыр Абдуллин), имел возможность значительно расширить для себя рамки стандартной программы религиозного образования. И это стало возможным благодаря тому, что Абдрахман Умеров – сторонник и проводник джадидистского учения И.Гаспринского, совершенствуя учебную программу «Низамия», опирался на его прогрессивные идеи и методы.

Еще совсем юному Джанибекову довелось постигать в «Низамия» не только основы религии, светских наук, но и учиться понимать и оценивать события общественной жизни. Поэтому он рано определился с выбором жизненного пути, и его кредо «Знание, только знание делает человека настоящим человеком» сформировалось в эту пору его жизни.

Пройдя две ступени конфессионального образования – мектеб и новометодное медресе, А.-Х.Джанибеков ожидаемо отказывается от карьеры служителя культа, и годы с 1901-го по 1920-й – самое насыщенное событиями время в своей биографии отдает учительской работе в начальных школах аулов Айсапай, Ясын-Соккан, Хожетай Сеитовской волости Красноярского уезда, села Яксатово Зацарёвской волости Астраханской губернии, а также в самой Астрахани, и преподает здесь, кроме родного и русского языка, общеобразовательные предметы – историю, географию. По собственному признанию А.-Х.Джанибекова, упомянутые годы были благоприятным временем для продолжения образования, для самообразования, накопления знаний в области истории, культуры своего народа. «Первые два-три года работы учителем часто беседовал со стариками, слушал их рассказы и предания... Затем стал записывать фольклор. С 1907 года начал знакомиться с научными трудами путешественников по ногайским населенным пунктам, ... стал планомерно записывать хронологию ногайского народа, родословие карагаш-ногайцев, ногайские тавра (тамги)... ».

Следует отметить и следующий объективный фактор: Астрахань рубежа XIX–XX вв., времени ускоренного развития капитализма в стране, была одним из центров активной общественно-политической и культурной жизни Российской империи. Поскольку прогресс запрашивал новый уровень образования и культуры в обществе, необходимо было в короткие сроки обеспечить общедоступность начальной школы по всей стране, в том числе и для нерусского населения.

В многонациональной интеллигентской среде не стихало недовольство ограничениями прав «инородцев» на изучение родных языков, и многие искали поддержки у разных политических партий, программы которых были близки к их пониманию задач национального просвещения. Так, РСДРП, провозгласившая равенство всех народов, культур и языков в многонациональной стране, стабильно получала наибольшую поддержку в национальных окраинах России.

По свидетельству ученика А.-Х.Джанибекова Валида Алиева, в годы подготовки в стране революции 1905 года, А.-Х.Джанибеков, будучи учителем-общественником, имея влияние на учащуюся молодежь Астрахани, распространял в этой среде ставшие ему близкими демократические идеи РСДРП, опираясь на свое убеждение, что через просвещение, знание можно изменить общество к лучшему. Он ратовал за изучение русского языка, как средства приобщения народа к русской, европейской культуре, при этом знание своего языка и культуры он считал незыблемым правом человека.

В 1910 году Абдул-Хамид Джанибеков, подвергшись полному испытанию при Иж-Бобьинском новометодном медресе, и успешно выдержав его, был удостоен звания учитель-мугаллим татарского начального училища, в удостоверение чего 31 августа того же года ему было выдано свидетельство с печатью указанного медресе.

Поскольку свидетельство Иж-Бобьинского медресе давало его выпускникам право преподавания русского языка в нерусских школах. А.-Х.Джанибеков с 1910 г. стал заведовать школой в Красноярском уезде Астраханской губернии и преподавать русский язык. В 1911 г. он ходатайствовал об открытии первой сетевой русскоязычной школы для нерусских учащихся, получив на то одобрение земства.

Годы учебы и первого десятилетия педагогической деятельности в родной Астрахани для А.-Х.Джанибекова были знаменательны его участием в культурно-просветительском движении джадидистов, поскольку он оставался приверженцем принципов новометодного обучения. Его известное кредо о роли знания в жизни человека притягивало к нему единомышленников (Г.Ибрагимов, Н. Гасри, Б.Абдуллин, Х.Умеров, А.Ниязи), с которыми он сотрудничал в редколлегиях прогрессивных губернских газет, одной из которых была «Идель» («Волга»), входившая в число наиболее популярных

периодических изданий Юга России. Издателем и редактором ее был наставник А.-Х. Джанибекова Абдрахман Умеров, и в 1907-1914 гг. газета печаталась на тюрки в его собственной типографии.

Процесс познания своего национального мира вызвал у А.-Х. Джанибекова желание открыться для себя большой мир, увидеть в нем себя и свой народ. Устойчивый интерес к русскому языку, посредством которого он планировал приобщиться к знаниям другого, более высокого уровня, впоследствии только укреплялся. В 1915 г. А.-Х. Джанибеков завершает обучение в Красноярском высшем начальном училище Астраханской губернии и получает свидетельство и звание учителя начальных училищ.

Но по-прежнему А.-Х. Джанибеков сохранял устойчивый интерес к истории и духовной культуре своего народа. Уже после событий 1917 года в Тиеке (Царёве), по инициативе А.-Х. Джанибекова был создан джен («кружок молодых ногайцев»). Целью этого собрания был объявлен систематический сбор и изучение ногайского фольклорного и краеведческого материала в целом. Тогда было сделано немало записей образцов народной и авторской поэзии, эпоса среди карагашских ногайцев, а также историко-этнографического материала. Молодых людей увлекало и литературное творчество. Написанная в этот период одна из первых этнографических пьес А.-Х. Джанибекова «Карагаш ногай тойы» («Карагаш-ногайская свадьба»), по утверждению ее автора, в 1918 г. ставилась на сцене Астраханского городского зимнего театра.

А.-Х. Джанибекову хотелось большего. «По разговорам в кружке я слышал о караногайцах Северного Кавказа, что они очень богаты народной поэзией и у меня появилось желание ехать к ним. В 1920 году, по приглашению отдела народного образования города Грозный, перевелся учителем в г. Грозный». А.-Х. Джанибеков отправляется с семьей на Северный Кавказ, к степным и кубанским ногайцам, которые, по его мнению, в большей степени, чем его астраханские соплеменники, сохранили родное наречие – ногайский язык, обычаи, знание традиций. Работая в Грозном, на Кубани, в Караногое, Ачикулаке – везде, где ему доводилось бывать, А.-Х. Джанибеков продолжал просветительскую деятельность, но при этом все так же не переставал учиться сам.

В 1921 году А.-Х. Джанибекова приглашает к сотрудничеству Северо-Кавказский институт краеведения, располагавшийся во Владикавказе, который фактически заложил основы структуры будущих научных учреждений Северного Кавказа. В рамках сотрудничества с этим институтом А.-Х. Джанибеков участвует в целом ряде научных экспедиций по сбору фольклорного и этнографического материала.

Самым знаменательным в жизни А.-Х. Джанибекова событием в этот период следует признать его участие в работе I-го Всесоюзного Тюркологического съезда, прошедшего с 26 февраля по 5 марта в Баку. А.-Х. Джанибеков, в числе своих коллег – делегатов съезда Г.-А. Юнусова

(Самарканд), Г.Саади (Казань), Н.Хакимова (Ташкент), выступил на ногайском языке в качестве содокладчика доктора филологии Н.И.Ашмарина.

По возвращении с форума Джанибеков писал: «Этот съезд дал мне много. Он усилил мою энергию для работы в области краеведческой работы. Здесь я близко познакомился с тюркологами: А.Н.Самойловичем, Н.И.Ашмариним, Г.Ф.Чурсиним, Б.В.Чобан-Заде и Г.С.Губайдуллиним».

По пути из Баку А.-Х. Джанибеков посещает Дагестанский научно-исследовательский институт, знакомится с его директором Д.М. Павловым. «Тов. Павлов предложил мне принять участие в караногайской этнографической экспедиции. Я с удовольствием согласился на это предложение и летом 1926 года поехал из Канглы в Караногай, где в продолжение двух месяцев по программе Дагестанского научно-исследовательского института изучал этнографию караногайцев, собирал фольклор и материалы для ногайско-русского словаря». Позже, уже в 30-х годах, А.-Х. Джанибеков организовывал такие экспедиции в ногайские аулы уже для ученых-тюркологов Н. Дмитриева, Н. Баскакова, Н. Смирновой. Об одной из них, состоявшейся в 1936 году, Н.А. Баскаков, впоследствии издавший свой труд «Ногайский язык и его диалекты» (1940 г.), выступивший редактором «Русско-ногайского словаря» (1957), «Ногайско-русского словаря» (1963), вспоминал: «В течение двух с половиной месяцев, в трудных условиях, без гостиниц и почти без транспорта, наша экспедиция побывала почти во всех ногайских аулах, где благодаря А.-Х. Джанибекову нас всегда встречали с исключительным гостеприимством. Он всегда был душой экспедиции и консультантом по научным, организационным вопросам. Венцом гостеприимства для нашей экспедиции было посещение семьи Абдул-Хамида Джанибекова в Ачикулаке, где он тогда жил. В его уютном доме члены экспедиции познакомились с многочисленными членам его семьи, которые теперь сами стали видными учеными...». Сам же Джанибеков объездил, а больше – исходил пешком, почти всю территорию Ногайской степи, пополняя свою рукописную «Сокровищницу слов», фиксируя уникальный краеведческий материал.

Автобиографический очерк А.-Х. Джанибекова «Мое жизнеописание» завершается на событиях его жизни 1926–1928 гг. О дальнейшей деятельности просветителя, в такой же степени плодотворной, становится известно в связи с написанной им к середине 30-х годов серии очерков по истории и культуре ногайцев, а также благодаря многочисленным документальным свидетельствам его обширной многогранной краеведческой, педагогической, редакторской, переводческой работы в Ачикулакском округе Дагестанской Республики.

«По предложению тов. Аюпова, бывшего заместителя Дагестанского Наркомпроса, с 1926 года перешел в ставку Ачикулак учителем. Поддерживая теснейшую связь с жителями аулов и опираясь на эту связь, первым делом я

организовал «Окружное методическое объединение ногайских учителей и кружок краеведения». На другой год этот кружок превратился в «Общество исследования и изучения Ачикулакского округа», председателем которого избрали меня», – пишет Джанибеков в своем очерке «Мое жизнеописание». Это было началом большой, содержательной работы по обеспечению прорыва в сфере образования и культуры ногайцев.

Педагогическую работу Джанибеков совмещал с организационной деятельностью по созданию в ногайских аулах Ачикулакского округа сети начальных школ, призванных снизить, а затем и ликвидировать неграмотность. По-прежнему очень остры были проблемы развития национального учительства, совершенствования и последовательного создания новых алфавитов (на арабике, латинице, кириллице), по написанию первых букварей для детей и взрослых, учебных пособий, книг для чтения, словарей, материал для которых также добывался собственными усилиями. Собранные образцы народной литературы А.-Х.Джанибеков переводил на русский язык, а на ногайский язык он переводил произведения русской классики. Во всех местах, куда постоянно направляли А.-Х.Джанибекова для налаживания работы в создаваемых уже в советское время начальных школах, он, как правило, выделял из среды владеющих грамотой и потенциалом молодых людей будущих учителей, готовил их к работе, снабжал необходимыми средствами обучения, делился опытом.

Среди его ближайших сподвижников, посвятивших себя народному образованию в Ногайской степи, были: М.Курманалиев, З.Кайбалиев, С.Даутов, А.Ганиев, Н.Колдасов, А.Суюндуков, М.Садинов, У.Сеитов и многие другие, имена которых еще предстоит выявить, как и оценить по достоинству вклад уже известных имен в развитие ногайского просвещения.

А.-Х. Джанибеков способствовал созданию среды, для взращивания местной интеллигенции – кадров для школы, культуры в целом – первых писателей, журналистов, театральных деятелей. Так закладывались на местах основы образования на ногайском языке, основы литературного творчества, готовились не только писатели, но и читатели для литературы.

Деятельность А.-Х.Джанибекова по развитию ногайского просвещения, сохранению богатства словесной культуры народа продолжили его дети – Э.А.-Х.Джанибеков, Р.А.-Х.Джанибекова, С.А.-Х.Джанибекова-Калмыкова, М.А.-Х.Джанибеков, внесшие большой вклад в развитие национальной гуманитарной науки, издательского дела, общественной жизни, культуры. Младший из сыновей просветителя Гаяз погиб под Севастополем в Великую Отечественную войну. Наследие Джанибековых – культурное богатство ногайского народа, непреходящая актуальность которого сохранится и в будущем.

«Созд казнасы» («Сокровищница слов») – главный труд А.-Х. Джанибекова – представляет собой уникальное и бесценное собрание

образцов словесной культуры ногайцев. Структура памятника отражает многообразие жанров народной литературы, историчность, философичность ее содержания.

На протяжении тридцати лет А.-Х.Джанибеков записывал варианты эпических поэм, исторических, казачьих, кобызных, обрядовых, бытовых, детских песен, пословиц, поговорок, загадок и сказок, подавляющее большинство которых по своим художественным достоинствам может быть отнесено к разряду образцовых, потому как в них отражены богатство языка, поэтики, сила традиций словесной культуры народа. Необходимость упорядочить такой большой по объему материал была в основе его работы над классификацией жанров ногайского фольклора. При этом он опирался на опыт ученых-тюркологов, разрабатывавших теоретические проблемы фольклористики. Под теми самыми терминологическими обозначениями, которые Джанибеков использовал для систематизации своих текстов, они и вошли впоследствии в ногайскую фольклористику и литературоведение, а новые научные разработки в этой сфере, появившиеся уже на рубеже XX–XXI веков, отталкиваются от принятой им жанровой классификации.

Многочисленные экспедиции, проведенные А.-Х.Джанибековым в регионах проживания ногайцев, позволили зафиксировать тексты из авторского творчества поэтов-йырав (шайирлер), задокументировать биографические сведения. Ногайский ученый-фольклорист А.И.-М.Сикалиев писал: «Находясь среди них, внешне будто ничем не примечательных певцов, А.-Х.Джанибеков не только открыл богатство народного творчества ногайцев, но и выявил целую плеяду талантливых певцов и сказителей, среди которых: Салих-йырав, Абдулкадыр Бекбав улы, Кошмамбет Элмамбет улы из Астраханской области, Баймырза Манап улы, Ажимолла Ногман улы из Дагестана, Стамбул-тарихши Отемис улы, Зейит Кайбали улы, Узликкен Амит кызы из Ачикулака, Ажи-Даут Кудайнет улы из Карачаево-Черкесии». Из «Исторического очерка ногайской литературы» А.-Х.Джанибекова наша культура узнала имена и других великих ногайских певцов прошлых столетий: Фахриддина Абушахман улы, Сыдыкбая аль-Хайдара, Арслана Шабан улы, Ахмедие Адил улы и многих других. Их творчество стало важнейшим звеном в цепи многовековой преемственности ногайского словесного искусства от Сыбыра-йырав, Шал-Кийиза, Асана Кайгылы, Досмамбета Азаулы до современных поэтов.

Значительная часть фольклорного материала «Сокровищницы слов» была собрана А.-Х.Джанибековым, в том числе при содействии его коллег (С. Даутова, З. Кайбалиева, Н. Колдасова, и др.), именно в годы его работы на Кубани и в Караногае. Здесь же А.-Х. Джанибеков на русском языке написал свои замечательные, очень информативные, даже с точки зрения сегодняшнего дня: «Очерки по истории ногайцев», «Очерки истории

ногайской литературы», «Обзор фольклора ногайцев», представил первый опыт литературоведческого анализа на примере произведения Б.Абдуллина «Байлык эсирклигинде» («В опьянении богатством»), а также автобиографическое эссе «Мое жизнеописание». Содержащийся в них материал – важный вклад в становление основ ногайской гуманитарной науки: истории, лингвистики, фольклористики, литературоведения, этнографии и художественного творчества.

В 2019 году в Москве, в издательстве «Наука» впервые в научной редакции издан архив Джанибекова – тексты памятника «Союз казнасы» («Сокровищница слов»), собранные им на протяжении длительного времени, с 1905 по 1935 годы, а также публицистическое наследие просветителя. В предисловии к своему сборнику «Авыл поэзиясы, яде Ногай эл адебияты» («Поэзия аула») он выражал надежду на то, что «придет день, когда лучшее из собранного им будет опубликовано».

Рукописный латинографический оригинал памятника был предоставлен составителям научным фондом Института языка, литературы, искусства им.Г.Цадасы Дагестанского научного центра РАН. С большой долей вероятности можно утверждать, что этот объемный сборник, состоящий из более чем полутора десятка папок на латинице и кириллице, есть большей частью транслитерация более ранних арабографических текстов собственных полевых записей А.-Х. Джанибекова, а также рукописных текстов ногайских йырав, искусство которых распространялось не только через устное исполнение сочиненных ими песен, но и через популярные в народе арабографические тептеры (тетради). В сохранившихся донные таких тептерах можно найти многочисленные списки вариантов эпоса, тексты песен и других жанров ногайского фольклора. С ними и работал во время экспедиций Джанибеков, свои записи он также вел на арабской графике, поскольку в период с 1905 по 1930 год, время его активной работы по сбору фольклора, использовалось именно это письмо. Введенная в 1928 году латиница не могла в одночасье вытеснить арабицу, которой продолжали пользоваться еще и в 30-е годы XX века.

Текст латинографического варианта «Сокровищницы слов» появился позже, поскольку на папках читаем: «Собрано в 1905–1930 годах А.-Х.Джанибековым, систематизировано в 1932 году». Надо полагать, что материал упорядочен после предварительной транслитерации арабографических записей Джанибекова.

«Союз казнасы» («Сокровищница слов») А.-Х.Джанибекова, как и все его наследие в целом – это достояние ногайской науки, образования и культуры. Год от года его значимость будет только возрастать, что доказывают предпринимаемые научным и культурным сообществом меры по увековечению вклада просветителя в духовность ногайцев: улицы,

школы, носящие его имя, музеи, бюсты и памятники, книги о его вкладе в дело просвещения своего народа.

Пожалуй, наиболее значимым выступает в этом перечне ставшее традиционным этнокультурное мероприятие «Джанибековские чтения», инициированное в начале 90-х годов прошлого века общественной организацией «Бирлик» и его руководителем Р.У.Джумановым. Вот уже около двадцати лет оно проводится на родине Джанибекова, в Астрахани.

15 ноября 2019 года в Астрахани, на улице Просветителя Джанибекова, в торжественной обстановке открыт памятник А.-Х. Джанибекову.

Имя просветителя, интерес к его наследию объединили интеллектуальные, творческие силы народа и стали за это время символом возрождения ногайской культуры в Астрахани, возвращения языка Абдул-Хамида после многих десятилетий забвения в культуру астраханских ногайцев.

Источники и литература

1. Баскаков Н.А. Абдул-Хамид Джанибеков – просветитель ногайского народа. / Джанибеков А.-Х. Ш. Союз казнасы. Сокровищница слов: – М.: Наука, 2019.
2. Викторин В.М. Джанибековский «Джиен» на Тяжке (весна 1917 г.): Истоки и начало тюркских научно-просветительских и этнокультурных объединений в Астраханском крае // Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: Прошлое, настоящее, будущее; К 100-летию первого номера газеты «Идель» и 140-летию со дня рождения А. Умерова: Сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. 19 мая 2007 г. Астрахань, 2007.
3. Джанибеков А.-Х. Ш. Союз казнасы. Сокровищница слов: на ног и русск.яз./ Сост.: Н.Х.Суюнова, Ф.А.Кусеенова, Т.Х.Джемакулов; отв.ред. С.А.Кукаева; Ин-т языка, лит-ры и иск-ва им. Г.Цадасы ДНЦ РАН; Карачаево-Черкесский ин-т гум.исследований при Правительстве КЧР. – М.: Наука, 2019.
4. Джуманов Р.У. Астраханский период жизни и творчества А.-Х.Джанибекова. Формирование просветительских взглядов. Из выступления на «Джанибековских чтениях», март, 1999 г. / Джанибеков А.-Х. Ш. Союз казнасы. Сокровищница слов: – М.: Наука, 2019.
5. Курмансеитова А.Х. Духовная культура ногайцев: от могущественного бия Эдиге до Абдрахмана Умерова. // Материалы I Междунар.науч.-практ.конф. «Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему». – Черкесск. 2014.
6. Курмансеитова А.Х. К вопросу об участии Наджипа Гасри в джадидистском движении начала XX века // Восток в исторических судьбах народов России. Тезисы V Всеросс. съезда востоковедов. – Уфа, 2006. Кн.3.
7. Курмансеитова А.Х. Газета «Идель» – печатный орган джадидистов Нижнего Поволжья // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах России. – Астрахань, 2004.
8. Просветители // Сб. статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш.Джанибекова и Т.З.Табулова. – Черкесск, 1981.

©Суюнова Н.Х.

МАКАР ЕВСЕВЬЕВ

(1864–1931)

Просветители Урало-Поволжья, рано осознав свою историческую роль и ответственность, внесли огромный вклад в культурное развитие своих народов, заложили фундамент научного исследования фольклора, этнографии, лингвистики, истории своих этносов. К числу выдающихся просветителей этого региона относятся башкир Мифтахетдин Акмулла, чуваш И.Я. Яковлев, мордвыны М.Е. Евсевьев, А.Ф. Юртов, татарин Г. Ибрагимов, мариец В.М. Васильев, удмурты Кузубай Герд и Каллистрат Жаков, калмыки Номто Очиров и Боован Бадма и многие другие. Ими определены основные направления изучения национальных культур народов Волги и Урала.

Макар Евсевьевич Евсевьев (род. 18.01.1864 г. в селе Малые Кармалы (по-мордовски Цярмун) Буинского уезда Симбирской губернии – ум. 11.05.1931 г. в Казани), учёный, просветитель, педагог. Окончил Шераутское начальное училище (1876), Казанскую учительскую инородческую семинарию (1883), историко-филологический факультет Казанского университета (1892). С 1892 работал учителем и наставником приготовительного класса Мордовского образцового начального училища при Казанской семинарии.

Формирование М.Е. Евсевьева – просветителя, педагога и ученого – происходило в русле российского просветительства второй половины XIX в. – первой четверти XX в. и связано было с его преподавательской деятельностью в Казанской учительской семинарии, бывшей в XIX в.

центром просвещения народов Поволжья. Его деятельность в должности преподавателя семинарии получила высокую оценку государства и общества. Официальный формулярный список бесстрастно отражает движение Евсевьева по «табели о рангах» – коллежский секретарь, коллежский асессор, коллежский советник. В 1904 году «всемилоостивейше пожалован» за выслугу лет орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1914 году – орденом Св. Анны 3-й степени.

Масштабная деятельность просветителя была бы невозможна вне контекста с общественными организациями, изучающими культуру народов России. Середина и вторая половина XIX в. характеризуются возникновением целого ряда этнографических обществ. Активным членом наиболее авторитетных из них – Финно-угорского общества, Русского географического общества, Общества археологии, истории и этнографии, Православного миссионерского общества – был и М.Е. Евсевьев. Наиболее близким для него стало Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Здесь он формируется как ученый-исследователь, исповедующий гуманистические и демократические принципы русской этнографии и фольклористики. В 1898 году он становится членом-сотрудником общества, а в 1914 году – его действительным членом.

Просветитель активно участвовал и в деятельности Русского географического общества, публиковался на страницах его журнала. Так, научно-просветительская деятельность М.Е. Евсевьева-ученого началась в 1892–1893 гг., когда им в журнале «Живая старина» была опубликована «Мордовская свадьба», признанная значительным явлением национальной фольклористики такой авторитетной организацией, как Русское географическое общество. В откликах отмечались актуальность и основательность проделанной работы. Так, в письме Евсевьеву от 12 февраля 1893 г. сообщалось: «Совет Императорского русского географического общества в заседании 18 декабря 1892 г. присудил Вам серебряную медаль за этнографические материалы в рукописи, доставленные отделению этнографии, ввиду выдающихся их достоинств». В это же время из-под пера М.Е. Евсевьева выходит целый ряд публикаций, среди которых – «Образцы мордовской народной словесности. Мокшанские песни» (1897).

В ходе кропотливой научной работы М.Е. Евсевьев формируется как крупный ученый-исследователь фольклора, языка мордвы. Столь неустанная работа не могла остаться без внимания. В 1910 г. просветитель был избран членом Финно-угорского, а в 1912 г. – членом Русского географического обществ. На страницах журнала этого общества «Живая старина» он опубликовал «Описание мордовской свадьбы», «Братчины и другие религиозные верования мордвы Пензенской губернии», за которые феврале 1916 г. ему были присуждены серебряная, а затем Малая золотая медали РГО. Эти работы, характеризующие духовную культуру мокши и

эрзи, выдвинули ученого в число наиболее авторитетных исследователей истории и культуры народа.

М.Е. Евсевьев уже со студенческой скамьи обнаруживает системный подход к пониманию места и роли народной словесности, его значения для формирования и сохранения моральных, нравственных устоев общества, духовного развития человека. Отсюда объяснима его тревога за судьбу устно-поэтического слова, обеспокоенность теми негативными процессами, которые разрушают духовную сокровищницу народа. В публицистических высказываниях ученый сетует на то, что «...памятники устного народного творчества, как и вещественные памятники народного быта, исчезают с каждым годом. И таким образом утрачиваются самые драгоценные материалы, всего значения которых мы в настоящее время и представить себе даже не можем». В народных сказках, легендах, песнях он сумел увидеть и открыть многие страницы тысячелетней истории родного народа. М.Е. Евсевьев-фольклорист стремился соединить актуальные вопросы устного поэтического творчества, языкознания, этнографии с проблемами истории, расселения и этногеографии мокши и эрзи. В трудах М.Е.Евсевьева отражено национальное своеобразие общественно-исторического сознания мордовского народа, его мораль, нравственно-эстетические ценности, философия и мировоззренческие позиции.

Подвижнический труд ученого надолго и всерьез оставил свои следы почти во всех сферах духовной культуры мордовского народа, в том числе и в осмыслении его устного поэтического творчества. В рукописном фонде ЦГА РМ, касающемся фольклорных материалов, насчитывается 58 дел (ЦГА РМ ФР – 267, оп.1, дела 25 – 82) с общим количеством 2565 листов. И это только малая часть из собранного ученым объемного материала по духовной культуре мордовского народа.

М.Е. Евсевьев на протяжении своей деятельности проявляет себя как ученый широкого диапазона, стремящийся соединить актуальные вопросы науки о народно-поэтическом творчестве с вопросами языкознания, этнографии и истории. Он обнаруживает системный подход в понимании роли народной словесности, его значения для формирования и сохранения нравственных устоев общества, духовного развития человека. Отсюда объяснима его тревога за судьбу устно-поэтического слова, обеспокоенность теми негативными процессами, которые разрушают духовную сокровищницу народа. М.Е. Евсевьева беспокоит то, что «...характерные культурно-бытовые черты мордовского племени исчезают с необычайной быстротой, а вместе с ними меняется и исчезает и самый язык народа, его предания, песни и сказки». Для просветителя было присуще развитое чувство ответственности за сохранение культуры своего народа. «Каждый народ, – пишет ученый, – как бы он ни был малочислен... все же составляет часть одного общего, целого, что мы

называем человечеством и бесследное исчезновение отдельного, никем не изученного племени, когда вместе с ним погибнет все его духовное богатство и все особенности его внешней культуры, явится несомненным ущербом для нации будущего, для которой каждое явление в жизни человеческих обществ будет иметь важное значение и явится предметом тщательного изучения».

В фольклорных экспедициях просветитель смог собрать богатейший материал по устно-поэтическому творчеству мордвы, создал своеобразную «энциклопедию народной жизни», состоящую из песен, сказок, пословиц, поговорок, причитаний, описаний народных игр, представлений, речевой обрядности, значение которых для разработки и развития филологии не оценимо. Результаты кропотливой многолетней работы М.Е. Евсевьева стали органической частью мордовской национальной литературы. Выделенный им «значительный фольклорно-этнографический пласт в виде народно-поэтических, образных, языковых, стилистических элементов и этнографических реалий, т.е. этно-эстетических единиц, в которых представлена поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа, активно используется и в настоящее время в структуре художественных произведений, в показе формирования национальных характеров, передаче местного колорита».

По этой причине исключительно велика роль М.Е.Евсевьева в создании жанровых форм и эстетических основ мордовской литературы. Своей просветительской и филологической деятельностью он подготовил идейно-эстетическую почву и художественную базу для родной литературы. Во многом благодаря ему мордовская литература, ранее представленная лишь церковно-миссионерскими произведениями, смогла пройти путь от букваря, религиозных переводов, фольклорных переложений до современного литературного творчества, приобрела жанровое и тематическое разнообразие, стала на уровень большинства национальных литератур страны.

М.Е. Евсевьев, обладая энциклопедическими знаниями, обширными материалами по филологии, с присущей ему щедростью делился всем этим богатством – архивными, рукописными материалами по фольклору и языку с академиком А.А. Шахматовым, сотрудничал с филологами Ф.Д. Батюшковым, М.П. Веске, финским учёным Х. Паасоненом, Д.В. Бубрихом, участвовал в совместных научных фольклористических и лингвистических экспедициях. Известный русский ученый, академик А.А. Шахматов пишет ему: «Я очень интересуюсь мордвой, свободно принимаю эрзю и печатаю сборник песен и сказок, собранных мною в Саратовской губернии. Вот, отчасти, почему меня так интересует и Ваша славная деятельность».

Обширна филологическая деятельность М.Е. Евсевьева. Просветитель успешно занимался переводческой деятельностью, участвовал в работе Переводческой комиссии Православного миссионерского общества Св. Гурия. В конце XIX – начале XX вв. он перевёл на эрзя и мокша-мордовские языки более 10 вероучительных и учебных книг, способствовавших становлению литературных языков.

Для Евсевьева-просветителя свойственна широта общественной и научно-педагогической деятельности. В мае 1917 г. им организовано Мордовское культурно-просветительское общество, он был соавтором «Обращения к мордовскому народу», членом Комитета по изучению языковых и этнографических культур народов СССР, членом президиума угро-финской секции Восточно-финского комитета АН СССР. В 20-е гг. XX в. М.Е. Евсевьев преподавал историю и этнографию мордвы, мордовские языки в высших и средних учебных заведениях Казани (Вост. академия, Вост. пед. ин-т, Казанский пед. ун-т и др.). Был инициатором и организатором Центральных курсов мордовских учителей в Москве (1926/28), первых 3-годичных курсов в Казани, краткосрочных курсов в Н. Новгороде, Самаре, Саранске, Саратове, Симбирске.

С именем М. Е. Евсевьева связан новый этап в развитии мордовской письменности, национального языкознания. На основе изучения разговорного языка он издает «Образцы мордовской народной словесности», в котором осуществлен целостный подход к изучению мордовских языков, пишет первые буквари для мордвы-эрзи и мордвы-мокши (1892, 1897), становится соавтором первого советского букваря для мордвы-эрзи («Тундонь чи» – «Весенний день»).

Центральное издательство народов СССР в 20-е гг. предоставило М.Е. Евсевьеву самые широкие возможности для издания научных трудов. В это время увидели свет «Основы мордовской грамматики», «Мордва Татреспублики», «Эрзянь ёвкст» («Эрзянские сказки»), «Эрзянь морот» («Эрзянские песни»), «Эрзянь-рузонь валке» («Эрзянско-русский словарь» (1931) и др.

Роль М.Е. Евсевьева, стоявшего у истоков национального художественного слова исключительно высока. Не случайно в 1934 году ученик и последователь Х. Паасонена П. Равила писал: «М.Е. Евсевьев, умерший в мае 1931 года, учитель семинарии, действительный член финно-угорского общества, мордвин по происхождению, может быть по праву назван Мордовским Лённротом».

М.Е. Евсевьев как просветитель явился основоположником целого ряда научных направлений, необходимых для последующего развития лингвистики, фольклористики, этнографии и литературы мордовского народа. Своими трудами, опубликованными и неопубликованными материалами, полевыми записями и дневниками, текстами устного народного творчества М.Е. Евсевьев значительно расширил и обогатил

филологию мордовского народа. Его труды и ныне являются незаменимыми по богатству, обширности и разнообразию собранного фактического материала, к которым прибегают ученые как к достоверному первоисточнику.

Научные заслуги М.Е. Евсевьева по праву получили высокую оценку общественности. Имя просветителя присвоено Мордовскому государственному педагогическому институту, библиотеке и улице г. Саранска.

Источники и литература

1. Беззубов В.И. Документы о жизни и научной деятельности М.Е. Евсевьева. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1950.
2. Беззубов В.И. Научно-педагогическая деятельность М.Е. Евсевьева. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960.
3. Евсевьев М.Е. Избранные труды: в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. – Т. 1.; 1963. – Т. 2.; 1964. – Т. 3.; 1965. – Т. 4.; 1966. – Т. 5.
4. Научное наследие М.Е. Евсевьева и современность. Сб. статей. Под ред. Е.Г. Осовского. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1993.
5. Просветители и педагоги мордовского края / Сост. М.Т. Бибин, Е.Г. Осовский. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986.
6. Рогачев В.И. Истоки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002.

©Рогачев В.И.

МАРТИНИАН ИВАНОВ

(1812 – 1876?)

Одним из активных борцов против старых порядков, отсталости во всех областях культуры, средневековой идеологии и национально-колониального гнета, за установление более прогрессивного по сравнению с феодализмом общественного строя среди башкирской интеллигенции I половины XIX века был Мартиниан Иванов (1812 – 1876?). Появление этой творческой фигуры на духовно-культурной арене Башкортостана было не случайным. В этот период в крае в связи с постепенным становлением и развитием капиталистических отношений, усилением экономических и культурных связей народов России и ростом влияния русской и через нее европейской культуры на общественную жизнь края начался процесс обновления башкирской духовной жизни, замены системы средневековой философской, этической и художественно-эстетической мысли системой нового типа, ее сближения с реальной действительностью, быстрого, даже резкого отмежевания в ней народно-демократического и религиозно-мистического направлений и усиления демократических, прогрессивных тенденций.

М. Иванов наряду с такими своими современниками-единомышленниками, как С. Кукляшев, М. Биксурин, стоял в авангарде борьбы по решению этих проблем. Среди своих единомышленников именно он начал ратовать за европейский тип культуры в башкирском обществе. В своих научно-литературных поисках он ориентировался на прогрессивную культуру русского народа, стремился развивать на ее примере свою национальную культуру, рьяно выступал за создание нового письменного литературного языка путем реформирования старотюркского письменного языка.

Документальных материалов о жизненном пути Мартиниана Иванова сохранилось очень мало. По имеющимся архивным источникам можно уверенно сказать, что он является выходцем из Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии, по неизвестной нам причине принял христианство, но до конца своей жизни жил заботами своего родного народа, не забывал свой родной язык. Об этом свидетельствуют такие факты: он поступил и окончил именно «азиатское» (восточное), а не «европейское» (западное) отделение открытого в 1825 году Оренбургского Неплюевского военного училища, куда каждый год принимали 60 башкирских, мишарских, а позже и казахских детей до 11 – 12 лет (в редких случаях – до 13 лет); после окончания этого военного учебного заведения именно он был направлен для прохождения подготовительного курса в типографию открытого в 1804 году Казанского университета с целью организации в дальнейшем в Оренбургском Неплюевском военном училище тюркоязычной типографии на арабской графике; после претворения в жизнь этого плана он держит

экзамен в Казанском университете для получения удостоверения преподавателя восточных, в т.ч. тюркских языков, и в 1832 году начинает работать преподавателем тюркского, арабского и персидского языков в родном военном училище, одновременно переводчиком восточных языков в Оренбургской губернской канцелярии; в связи с сокращением штатов после реорганизации в 1844 году Неплюевского военного училища в кадетский корпус, вернулся в родные места и начал работать приказчиком Аскинского медоплавительного завода графов Кассаковских (нынешний Архангельский район Башкортостана), во время работы здесь (1844–1875 гг.) устанавливает тесные связи с представителями местной башкирской интеллигенции и духовенства. Сохранилось несколько писем на тюркском языке М. Иванова к его другу Ишмухамету Уметбаеву, башкирскому кантонному начальнику, отцу Мухаметсалима Уметбаева, будущего видного башкирского просветителя-энциклопедиста, и ответные послания от друга, также маджия (ода) одного башкирского муллы, посвященная М. Иванову. На малой родине М. Иванов наряду с выполнением обязанностей приказчика Аскинского завода усердно продолжает работать над усовершенствованием своей «Татарской грамматики» и литературного сборника «Татарская хрестоматия», изданных им в 1842 году в Казани. В прошении Оренбургскому генерал-губернатору он просит его посодействовать ему в издании своих трудов, поскольку не имеет для этого финансовых возможностей, и подчеркивает, что «будучи выходцем из этого народа в целях его просвещения» работал над «единственными учебными пособиями... по башкирскому и татарскому наречий» (языков. – Г. К.) и хрестоматии (никак не по русскому языку и хрестоматии. – Г. К.). Не случайно М. Уметбаев называет его «самым признанном знатоком арабского, персидского и тюркского языков в этих краях». Все это дает возможность утверждать, что М. Иванов был выходцем из башкирской среды, до конца своей жизни служил его просвещению и просвещению других тюркоязычных народов, в частности – татар, казахов и мишарей.

Грамматика татарского языка (под этим названием М. Иванов и другие башкирские ученые-просветители I половины XIX века прежде всего подразумевали группу тюркских языков, в частности, башкирский, татарский, казахский) и литературный сборник «Татарская хрестоматия» Мартиниана Иванова были новым словом в истории башкирской филологической науки и художественно-эстетической мысли. «В них автор весьма настойчиво высказывает мнение о необходимости понятного башкирским и татарским народным массам письменного литературного языка. Так называемый язык тюрки он считал «книжным», сложным и непонятным для представителей «оренбургского наречия». Под этим названием М. Иванов и его единомышленники прежде всего подразумевали группу тюркских языков, в частности, башкирский, татарский, казахский. Признавая язык башкир самостоятельным языком,

он видел основу создания понятного им письменного литературного языка в их фольклоре, глубоко интересовался им и многие его образцы включил в свою хрестоматию, а в «Татарской грамматике» привел многочисленные примеры из башкирского языка, показывая особенности его фонетики и морфологии.

Следует сказать, что собирая образцы фольклора, М. Иванов обращал внимание не только на их языковые особенности, но и на их житейскую мудрость и художественную красоту. В них он видел «источник просвещения народа, воспитания у него высоких моральных качеств и эстетических чувств. Не случайно собранные им образцы фольклора принадлежат к тем его жанрам, в которых больше чем в других жанрах устного народного творчества заложена сила идейно-эстетического воздействия, проявляются находчивость и остроумие народа, его наблюдательность и жизненная философия, думы и чаяния».

Стремясь усовершенствовать старый письменный язык тюрки, осуществить качественные изменения в литературе, башкирские творческие деятели не замыкались в рамках родного языка и словесности. Они обращали пристальное внимание и на духовное богатство народов Востока и Запада, в первую очередь – прогрессивную русскую литературу. Их привлекали прежде всего ее демократический дух, совершенство и живость языка. Они выражали свое отношение к этому переводя доступные широким народным массам и по содержанию, и по форме произведения.

В этом плане большую активность проявил М.Иванов. Он перевел на русский язык довольно большое сказание «Еда кочевника» («Бадвам ашы»), рассказ «Орант» и повесть «Иван Костин» русского писателя В. Панаева, трагедию «Вольдемар» В. Печерина, а также 17 басен И. Крылова, И. Дмитриева и И. Хемницера на тюркский язык и поместил их в свою хрестоматию. Большинство басен принадлежит перу великого мастера «эзопова языка» И. Крылова. Причину своего обращения к русской литературе переводчик объясняет тем, что не нашел в творчестве восточных, в том числе башкирских и татарских писателей, таких произведений, язык которых был бы так понятен простым читателям. Его переводы в художественном отношении не претендуют на высокий уровень: и стихотворно-ритмическая форма, и содержание басен передаются языком прозы. Ведь для ученого-педагога важны были не только вопросы языковой культуры, но и идеи, заложенные в содержании произведений. Яркое свидетельство тому – переведенная им демократическая по духу небольшая повесть В. Панаева «Иван Костин» (1829). Повесть поднимает проблемы социальной несправедливости в обществе, умственного и нравственного воспитания народа. Именно злодейство, самоуправство и корыстолюбие сельского писаря, представителя царской администрации, невежество, элементарное

незнание своих прав любящих друг друга крестьянского парня и девушки приводят их к невозможности совместной счастливой жизни.

Повесть эта как творческое явление, утверждающее принцип народности, просветительского реализма в русском искусстве слова, была создана в то время, когда вопрос о судьбе российского крепостного крестьянства только стала объектом художественного исследования. Это значит, что «с первых же дней своего зарождения башкирская просветительская литература проявляла интерес к усиливающимся в русском обществе народно-демократическим, реалистическим тенденциям. С этой точки зрения литературные переводы М.Иванова представляют огромный интерес не только как факты башкирской, но и общероссийской литературной жизни той эпохи».

Обозревая вкратце творческую деятельность М.Иванова, можно сказать, что в его трудах отразились тенденции общественно-политических, этических и эстетических взглядов периода появления в башкирском крае первых ростков капитализма. Они носили просветительский характер, что в первую очередь выразилось в осуждении старых порядков, феодальной идеологии, отсталости в области духовной культуры, в стремлении к новому философскому, этическому, художественно-эстетическому, языковому самосознанию.

Источники и литература

1. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
2. Иванов М. Татарская грамматика. – Казань, 1842.
3. Иванов М. Татарская хрестоматия. – Казань, 1842.
4. Краткий очерк Неплюевского кадетского корпуса. – Оренбург, 1913.
5. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX века (XIX быуат башкорт әҙәбиәте). – Уфа: Китап, 2010 (на башк. яз.).
6. Кунафин Г.С. Башкирские просветители // История башкирского народа. В 7 т. Т. IV. – СПб.: Наука, 2011.
7. Кунафин Г.С. Башкирские просветительская литература. – Уфа: Китап, 2019.
8. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX–начала XX века. – Уфа: Китап, 2006.

©Кунафин Г.С.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

(1766–1826)

Николай Михайлович Карамзин сыграл ключевую роль не только в распространении идей Просвещения в России, но и в проведении самой просветительской работы в различных сферах общественной жизни. Чтобы понять направленность этой работы и её основные критерии, важно обратиться к истокам становления просветительской концепции Н.М. Карамзина – его знаменитому путешествию в Европу. Европейская поездка Н.М. Карамзина (1769–1790), ставшая со временем образцом для российских путешественников, утвердила его как человека Просвещения и укрепила руссоистское направление в его литературном творчестве. Путешествие позволило Карамзину взглянуть издали на состояние современного ему русского языка и убедиться в отсутствии «хорошей Российской Истории». Возможно именно это путешествие в Европу ускорило его работу по решительной реформации русского литературного языка, знаменовало собой начало постепенного поворота Карамзина от издательской и литературной деятельности к написанию российской истории, то есть, сформировало основные контуры его просветительской деятельности.

Путешествие, дорога, путь – эти понятия в России традиционно несут очень сильную социальную и культурную нагрузку. С ними связаны различного рода политические выступления, художественные картины, приговоры, реформы. Достаточно вспомнить «Хождение за три моря» Афанасия Никитина или «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, чтобы вообразить весь возможный ареал этих

понятий. Глубокое философское обобщение пути дал в своем знаменитом стихотворении «Путешествие» (1803) друг, дальний родственник и сподвижник Н.М. Карамзина поэт И.И. Дмитриев.

Николай Михайлович Карамзин совершил одно единственное заграничное путешествие – это путешествие по Европе с мая 1789 по ноябрь 1790 года. Карамзину «удается» побывать в Париже в самый кульминационный для Французской революции момент и вернуться домой уже после расправы Екатерины II с Радищевым и некоторыми близкими ему людьми из масонского сообщества, членом одного из которых он являлся. Литератор путешествовал без взятых на себя поручений со стороны и с самостоятельным финансированием. Два этих обстоятельства и сыграют важную роль в отведении от Карамзина подозрений в связях с внутренними и внешними масонскими сообществами в период «радищевской чистки».

Следы упомянутого европейского путешествия обнаруживаются на протяжении всей дальнейшей деятельности Н.М. Карамзина и более – в развитии русской культуры, поэтому столь важен анализ его «Писем русского путешественника» (далее – Письма), своеобразного итога этого предприятия. Путевые письма, или открытое письмо, были довольно распространенным литературным жанром в восемнадцатом веке. Так, вольтеровские «Письма об Англии» (1728), стерновское «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) имели широкое хождение в европейском обществе. В России весьма близко к Письмам стоят «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина, или «Записки первого путешествия», как озаглавил их сам автор для своего полного собрания сочинений. Эти письма близки по географии путешествия, по времени (1777-1778 – время путешествия Дениса Фонвизина) и интересам авторов. Кстати, в юности, во время учебы, и у Фонвизина, и у Карамзина был один и тот же педагог – И.М. Шаден, оказавший на них большое влияние; также важно, что оба автора вошли в русскую литературу как реформаторы языка и деятели, высоко ставившие идеалы просветительства и образования. Возможно, не случайно, что воспитанник Карамзина – граф П.А. Вяземский – стал впоследствии биографом Фонвизина. Однако, несмотря на отмеченные сближения, письма писателей разнятся как по форме, так и по содержанию.

Прежде всего, Письма Карамзина очень близки по духу и стилистике жанру дружеского письма. Это было отмечено еще У.М. Тоддом III. Мы видим, что автор обращается ко всем читателям, но часто именует их друзьями, создавая, таким образом, некое близкое по духу сообщество читающей публики. И хотя, по мнению У.М. Тодда III, Карамзин положил начало дружеского отношения автора к читателю только в 1794 году своей повестью «Остров Борнгольм», нельзя отрицать наличие этого отношения уже в наших Письмах. Как автор, Карамзин весьма внимателен к своим

читателям: «Нет; оставим это до другого времени; вы устали». В его Письмах часто встречаются выражения, позволяющие трактовать отношения с читателями накоротке, но без фамильярности. Так, заканчивая одно из писем, Карамзин не пускается в объяснения, а просто общается: «Более писать негде». Соединение в Письмах описания объектов, предметов, субъектов, событий путешествия с дружеским тоном, элементами приватности, обыденности, искренности, ориентации на интересы читателя превращает «Письма русского путешественника» Карамзина в подобие локального пограничного жанра, возникающего между дружеским, деловым и личным письмом или на их стыке. Возможно, именно это оказало определенное влияние на формирование и развитие дружеского письма в начале девятнадцатого века в России, благодаря авторитету Карамзина в образованном обществе.

Во-вторых, Письма, в отличие от писем Фонвизина, более значительны по охвату материала: больше тем, объектов, событий, персонажей. В своих Письмах Карамзин касается трудов и взглядов нескольких десятков европейских ученых, философов, историков. На страницах его произведения встречаются более сорока имен европейских писателей. В той или иной ситуации он упоминает более тридцати исторических и государственных деятелей. Объектами его посещения (и последующего описания) становятся магистраты, храмы разных конфессий, милиция, сады, деревни, школы, академия наук, парламенты, библиотеки, сельские трактиры, архитектурные сооружения, природные памятники.

И, наконец, то, что делает Письма несравненным образцом и классикой путевого просветительского письма – это непредвзятый и любопытный взгляд автора; его терпимость, желание быть объективным, понимающим; наличие самоиронии и чувствительности, которым он дает возможность высказаться; первенство восприятия перед анализом и сравнением.

Само европейское путешествие Н.М. Карамзина, носившее в целом просветительский характер, было тщательно подготовлено. Об этом говорит отсутствие путевой импровизации и немотивированных задержек, наличие четко заявленного центра путешествия – Швейцарии, достаточного запаса рекомендательных писем и солидного списка для посещения общественных и культурных деятелей Европы. Успеху предприятия сопутствовало несколько обстоятельств. Во-первых, достаточное финансирование путешествия. В 1789 году Николай Михайлович продал братьям часть доставшегося ему от отца имения и тем самым, не входя в долги и не будучи кому-то обязанным, обеспечил материальную часть поездки и самостоятельный маршрут. Во-вторых, он был очень образован, в совершенстве знал некоторые европейские языки, что во всех отношениях облегчало ход путешествия. Воспитанному в среде

сибирского помещичьего дворянства, которое, по словам графа В.А. Соллогуба, «считалось образованным, влиятельным и богатым», Карамзину были чужды спесь и высокомерие, что обеспечивало путешественнику коммуникацию и толерантность. Нельзя не отметить, что граф В.А. Соллогуб, небезызвестный автор «Тарантаса» и близко знавшийся с великим историком, с большим пиететом отмечал высокие качества человеческого общения как самого Н.М. Карамзина, так и его семьи: «Карамзинский круг был всегда приютом русской умственной деятельности и в то же время храмом самого сердечного радушия». По свидетельству современников Н.М. Карамзин в обществе никогда не выглядел глубокомысленным ученым или печальным меланхоликом, а был весел и свободен. Легкий характер, любопытство и внимание к окружающему миру также были «не лишними» в столь долгой поездке. И, наконец, отмечаемая многими детальная тщательность в исполнении и подготовке любых действий Николая Михайловича. Об этом говорит, например, и такая вещь, как отправленный родственникам в Остафьево уже после смерти историка полосатый жилет, сшитый Карамзиным специально для планировавшейся (за год до смерти) поездки в Италию.

Во время своего заграничного путешествия Карамзин посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию и Англию. В Письмах наибольший объем занимают послания из Швейцарии и Парижа. Швейцария – это сердце карамзинского путешествия, «страна живописной природы и земля благополучия». Уже его первые швейцарские письма отмечены эмоциональным подъемом, признанием в свободе дыхания и появлением слова «человечность». Этому отношению есть много объяснений. Еще в период службы в Преображенском полку (начало 1780-х) Карамзин перевел стихотворение швейцарского поэта Геснера «Деревянная нога» («Der holzerne Bein»). Это был его первый печатный труд, подтолкнувший к отставке и профессиональным литературным занятиям. Так Швейцария вошла в его жизнь, а «закрепилась» там навеки, конечно, благодаря Ж.-Ж. Руссо. «В пять часов поутру вышел я из Лозанны, с весельем в сердце – и с Руссою Элоизою в руках. Вы, конечно, угадаете цель сего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников». Никаких сомнений относительно двигателя путешествия – произведения Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» – не остается у читателя после чтения отрывка, начинающегося словами: «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо, и с каким удовольствием читал с вами его Элоизу». Скорее всего, образ Юлии, образ пейзажей Веве и Женевского озера был для Карамзина той призмой, сквозь которую он смотрел на европейские пейзажи, сельские поселения и сельскую жизнь. Естественно предположить, что идея «Бедной Лизы»,

исходящая, конечно, из Руссо, из его мира, обрела первоначально для писателя свою плоть в швейцарских долинах. Соответствие красоты людей красоте природы – гармония, которую он замечает и отмечает во время прогулок, определяет, по его мнению, нежность чувств и понимание «языка сердца» молодых людей. Именно этот аспект мы встречаем потом в «Бедной Лизе» и который напрочь отсутствует у многочисленных подражателей автора: в «Бедной Маше» А. Измайлова, «Обольщенной Генриетте» И. Свечинского, «Истории бедной Марии» Н. Брусилова, «Несчастной Маргарите» безымянного автора.

Что касается углубленного внимания Карамзина к Франции, то это определялось не только величиной значения французского государства, его историей и влиянием французской культуры на Европу и Россию, в частности, но и революционным состоянием общества. «Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего, некогда пышного города». Автор не дает обильного описания революционной обстановки: «Говорить ли о Французской революции? Вы читаете газеты: следственно происшествия вам известны». Однако его краткая, но емкая оценка – «Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот» – поражает горьким предвидением не только финала Французской революции, но и мрачных российских итогов декабря 1825 года.

Свое путешествие великий историк завершил в Англии. Удивительно, как завершение физического путешествия совпало с завершением «общественного» путешествия в сознании Карамзина. В последнем на вершину, или «в цель» общественного развития (путешествия), взошла не Конституция, а взошло Просвещение, которое ранее рассматривалось исключительно как инструмент прогресса. «Итак, не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум». При этом, у каждого народа, по мнению историка, свой «Палладиум»: «Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа». Нетрудно заметить, что такое заключение явилось не худшим контекстом для адаптации возвращения путешественника на родную землю.

Литературным итогом европейского путешествия Карамзина стали «Письма русского путешественника», которые он издал частями (возможно, в подражание стерновскому Тристраму Шенди) в 1791–1792 годах. Произведение было прекрасно структурировано и ввело в большую российскую литературу элементы дружеской переписки. В целом, Письма можно рассматривать как «роман о воспитании», где на протяжении путешествия герой (автор) просвещается путем гармоничного соединения трех пространств: пространства экзистенциального опыта, пространства материального опыта (природы) и социального пространства (общество, коммуникация, культура). Именно полное просвещение личности стало

приватным итогом карамзинского путешествия. Благодаря этому, ему удалось не застрять на «уровне полупросвещения» и не запутаться в ее «тине», что было, по мнению графа В.А. Соллогуба, к сожалению, свойственно большей части русского общества. Сложившийся, не без влияния путешествия, и, в каком-то смысле явившийся его результатом, стиль жизни историка можно назвать стилем просвещенного человека с большим вниманием к качеству жизни во всех её аспектах. О таком понимании Просвещения, принадлежащим «повседневной деятельности человека, гармонично существующего в кругу своих друзей или в семейном кругу, принимающего неизбежность многих человеческих проблем и верящего, что это просвещение (образованность и добродетели общежития) является единственным средством личного и общего прогресса», и формулировке Просвещения Жуковским как «искусства жить, искусства действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука промысла», очень точно отмечено У.М. Тоддом III.

И, наконец, путешествие позволило Карамзину увидеть издаലെка (большое видится на расстоянии) и зафиксировать в своем сознании языковые проблемы российского общества, а также отсутствие настоящей истории России.

Каково же значение карамзинского путешествия для русского общества и его культуры? Во-первых, прекрасно сконструированная, осуществленная и описанная в Письмах поездка стала образцом для подражания выезжающим за границу жителям России, которые часто старались повторить ее маршрут и, в особенности, его швейцарскую часть. Традиция романтического видения Швейцарии, начало чему было положено Карамзиным, ввело эту маленькую страну в большой русский художественный мир, навсегда соединив её с понятиями «гармония», «человечность». Во-вторых, введение писателем в большую литературу (в данном случае – в Письма) элементов дружеской переписки, подтолкнуло к «легализации» дружеской переписки как жанра литературы и способствовало её широкому расцвету в пушкинскую эпоху. Сами Письма, в известной степени, подняли престиж литературного произведения и занятия литературой. Даже известный факт «писания» Писем серебряным пером был трактован обществом однозначно положительно. Можно сказать, что Письма русского путешественника не просто естественно вписались в так называемое «золотое сорокалетие» русской культуры (между 1770–1810 гг.), но и подкрепили её концептуальную установку на существование идеала совершенства: духовного, физического, гражданского, государственного. В сфере личностной, но имевшей в дальнейшем большое значение для развития русской культуры, европейское путешествие укрепило руссоистское направление в литературных занятиях Карамзина, явилось для него дополнительным толчком к дальнейшей реформации русского языка. Более того, оно подготовило начало постепенного поворота

Николая Михайловича от литературной и издательской деятельности к занятиям по написанию «хорошей Российской Истории». Впрочем, как бы неистово Карамзин не любил свои исторические занятия, он не возводил их в абсолют существования. «Жить, – признавался Николай Михайлович, – есть не писать Историю, не писать трагедию и комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов». Это заключение, основанное на принципе самосовершенствования, развитии индивидуальной воли к переменам и образования, является тем просвещенческим идеалом, основу формирования которого выстлало европейское путешествие великого русского историка.

Источники и литература

1. Карамзин Н.М. Избранные труды. – М.: РОССПЕН, 2010.
2. Соллогуб В.А. Воспоминания. – М.-Л.: Academia, 1931.
3. Стричек А. Денис Фонвизин. – М.: Прометей, 1994.
4. Тодд III У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. – СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1994.
5. Шереметев П.С. Карамзин в Остафьеве 1811–1911. – М.: Новый ключ, 2003.

©Гафурова З.Р.

МУСТАЙ КАРИМ

(1919–2005)

Башкирскому народному поэту, писателю, драматургу, общественному деятелю Мустаю Кариму (Мустафе Сафичу Каримову) 20 октября 2019 года исполнилось 100 лет со дня его рождения. Ровесник своей родной республики, поэтическое слово которого созревало вместе с ней, за свою деятельность был удостоен многих высоких наград и званий: Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный поэт Башкортостана, Почетный академик Академии наук Республики Башкортостан, лауреат Государственной премии СССР, Ленинской премии, Государственной премии РСФСР имени К.С.Станиславского, Государственной премии Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева, Международной премии имени М.Шолохова, награжден двумя орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, орденом «Знак Почета», орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, орденом «За заслуги перед Отечеством» II и III степеней, орденом Салавата Юлаева.

О начале своего творческого пути Мустай Карим пишет в очерке «О себе, не только о себе...» в «Притче о трех братьях» (М., 1978), где отмечает, что его литературная деятельность началась в середине 30-х гг. XX века в бурной обстановке пишущих собратьев по перу С. Агиша, З. Бишевой, Б. Бикбая, Х. Давлетшиной, К. Даяна, А. Карная, С. Кулибая, В. Нафикова, Р. Нигмати, С. Мифтахова, К. Мэргэна, М. Хая,

М. Хайдарова, М. Хариса и др., многие из которых остались на полях сражений Великой Отечественной войны. Об этом поэт вспоминает в своем очерке «Зачислены в поэзию». Свой первый поэтический сборник «Отряд кузгалды» («Отряд тронулся») он выпустил ещё до войны совместно с В.В.Нафиковым в 1938, где авторы с юношеской пылкостью выражают готовность защищать свою советскую родину. Предвоенные стихи поэта в книге «Язгы тауыштар» («Весенние голоса»; 1941) полны оптимизма, самопожертвования и веры в победу. В военное время основными темами были борьба с немецко-фашистскими оккупантами, подвиги советских людей на фронте и в тылу, широко распространились малые жанры и письма-послания. Мустай Карим писал в основном в госпиталях и вернулся с войны «с двумя книгами стихов» («Притча о трёх братьях». М., 1978), куда вошли произведения «Декабрьская песня», «Клятва конников», «Мой конь», «Ответное письмо башкирскому народу», «Улмесбай», «Я ухожу на фронт» и др.

Послевоенный сборник стихов «Возвращение» (1947, 1994) – о радости вернувшегося с победой воина, истосковавшегося по родине, любимым, по мирной жизни. Образная нить этих основополагающих для любого человека понятий продолжается красной нитью и в последующих сборниках «Цветы на камне» (1949), «Я – россиянин!» (1956), «Лунная дорога» (1958), «Берега остаются» (1966), «Время – конь крылатый» (1976), «Жду вестей» (1975), «Реки разговаривают» (1961), «Четыре времени любви» (1980) и др.

После окончания войны Мустай Карим занимался творческой, общественной и политической деятельностью: с 1951 – председатель Правления Союза писателей Башкортостана, с 1962 – секретарь Правления Союза писателей РСФСР; был председателем Башкирского отделения Советского Комитета защиты мира, делегатом 19–24-го съездов Коммунистической партии Советского Союза, депутатом Верховного Совета РСФСР. Публичные выступления Мустая Карима «Мәңгелек көрәш» («Вечный бой»; в газете «Кызыл Башкортостан». 1946. 24 ноября), «Лицом к восходящему солнцу», «Состояние башкирской литературы и её задачи: доклад на II съезде Союза писателей Башкирии» (в сборнике «Вопросы развития башкирской литературы». Уфа, 1957), «Әзәбиәтебез матурлыгын югалтмаһын» («Пусть наша литература сохранит свою красоту»; в журнале «Башкортостан кызы». 2005. №5. С.1–4), «О переводе», «Беседа с Нафи Джусойты» и др. посвящены актуальным проблемам развития башкирской литературы, художественно-эстетическим задачам, возлагаемым на литературное творчество во имя пропаганды и формирования духовных ценностей в обществе, о тесной взаимосвязи литературы и языка, о том, что «литература – это опора языка» и наоборот, подчеркивая при этом пропагандирующую роль

средств массовой информации. Лирический герой циклов Мустая Карима «Вьетнам рядом», «Европа–Азия», «Из Кабардино-Балкарской тетради» и др. этого периода испытывает чувство гордости за свою Родину, ответственности за мир во всем мире. Евразийские мотивы и глобальный взгляд на мир в поэтическом творчестве Мустая Карима особенно ярко зазвучали в цикле «Европа–Азия». В предисловии к московскому изданию Мустай Карим писал: «Исторически суждено было моему народу оказаться на стыке двух континентов – Европы и Азии. Это не просто стык материков, это рубеж двух культур, двух судеб – европейской и азиатской. Я мечтаю, чтобы поэзия моего народа вобрала в себя цвет, пьянящий аромат, спокойную мудрость поэзии Востока, суровую правду жизни, революционную призывность, активный разум поэзии Запада» («Стихи и поэмы». М., 1958). Миротворческая миссия поэта особенно ярко выражается в стихах, вошедших в данный цикл. Мустай Карим – один из представителей тех поэтов и писателей, которые прошли тяготы военных лихолетий, своим творческим пером продолжили «воевать» за мирное небо над головой, призывали беречь его – главное богатство, завоеванное ценой многих жизней.

В 50-е гг. XX в. в литературу влилось талантливое послевоенное поколение: С.Алибай, Р. Бикбаев, Р. Гарипов, А. Игебаев, Р. Сафин, Р. Султангареев и др. Мустай Карим выступил в роли старшего наставника своих собратьев по перу, продолжил рядом с ними свой творческий путь. Страна активно восстанавливалась после военной разрухи и в литературном процессе стала актуальной производственная тематика. Пьеса Мустая Карима «Яңғыз кайын» (1950; «Одинокая береза») в данном ряду, написанная для театральной постановки, актуальна своей идеей преданности родной земле. После 20-го съезда партии (1956) в литературе стала расширяться и проблематика произведений. Переход к мирной жизни, стремление к лучшим условиям повлекли за собой и «размножение» мещанских качеств людей, в том числе и в среде чиновников от партии, директоров производственных предприятий и т.д. Новаторство Мустая Карима заключается в представлении на всеобщее обозрение критики руководителя-коммуниста в эпоху «бесконфликтности» и лакировки «запрещённых» тем в пьесах «Йырланмаған йыр» (1957; «Неспетая песня»), «Йэйәүле Мәхмүт» (1980–81; «Пеший Махмут»). Бездуховность, которая порождается потребительскими наклонностями людей, приводит к нравственному обнищанию общества, к деградации человеческой сущности до уровня манекена. Не случайно в пьесе «Пеший Махмут», которую еще предстоит «открыть» читателю и литературоведам, заключительная сцена заканчивается танцем главного героя с манекенами. В этом заключается также и провидческая способность Мустая Карима: в

современный век роботизации жизни, человеческая ценность стремится к обнулению.

В башкирской литературе 60–80-х гг. XX в. наряду с темами экологии, фантастики, науки и техники, стала активной и тема человека, общественно зрелого гражданина и углубленное исследование его характера: «“Йәшәйһе бар, һаҡла үҙенде”, – тиһең...» (1956; «Ты говоришь, чтоб я себя берё»), «Вәғзәләр бирмә» (1963; «Обещаний не давай») и др. Мустай Карим начинает воспевать человека, искать творческие подходы в реализации проблемы его сущности: «Кеше көслө. Кулда тотта олонон ул...» (1962; «О, человек могуч!...») и др. В «Притче о трёх братьях» поэт подводит определённый итог прошедшим годам, стремится показать через собственное развитие как поэта и писателя общечеловеческие истины и размышляет о роли литературы в историческом времени.

Несомненными шедеврами и рывком в развитии не только в башкирской, но и советской многонациональной литературы и театра стали трагедии Мустая Карима «Ай тотолған төндә» (1963; «В ночь лунного затмения»), «Ташлама утты, Прометей!» (1975; «Не бросай огонь, Прометей!»), «Салауат. Өн аралаш ете төш» (1971; «Салават. Семь сновидений сквозь явь»), драма «Айгөл иле» (1967; «Страна Айгуль»). Политический памфлет «Диктаторға ат бирегез!» (1980; «Коня Диктатору!») и пьеса «Кисе табын» (1992; «Вечернее застолье») представляют собой новое слово в развитии башкирской сатиры, направленной на критику общественных недостатков и человеческой духовной ограниченности. В повести «Ярлыкау» (1982–85; «Помилование»), поэме «Кара һузар» (1960; «Черные воды») яркой идейно-художественной особенностью выступает психологизм произведений. Качественно новый синтез стилей башкирской и восточной литературы продемонстрирован Мустаем Каримом в произведениях «Йылмайыу» (1960; «Улыбка»), «Сер» (1962; «Тайна»), «Алтын шәүлә» (1994; «Золотая тень»). Народные традиции и новаторство писателя ярко выразились в повестях «Озон-озак бала сак» (1972–76; «Долгое-долгое детство»), «Өс таған» (1961; «Таганок»), «Беззен өйҙөң йәме» (1947–49; «Радость нашего дома»). Особое место в поэзии занимает любовная лирика Мустая Карима – жемчужина его деятельности в этот период, она обращена не только к лирическому образу, но ко всем людям, способным делиться душевной теплотой. Высоким гимном женщине, безусловно, звучит стихотворение «Өс мөгжизә мине әсир алды...» (1977; «Три чуда пленили меня...»).

После развала СССР, как и вся трудящаяся общественность, Мустай Карим тяжело перенес так называемую «перестройку». Смена общественных идеалов, чувство безвременья, сложившиеся в 90-х гг. XX в., отразились и на взглядах писателей и поэтов. В этот кризисный период поэт испытывает чувство одиночества, потерянности во времени, ищет для

себя ответы и остается верен самому себе. В его стихотворениях этого периода «Көнгә сығһам, өрә-өрә...» (1989; «В начале дня встречает лай меня...»), «Отош уйындары уйнаманым...» (1990; «В игры азартные я не играл...»), «Замананың хакһыз язаһына...» (1992; «В несправедности дней душа моя безгласна...»), «Хаклык юллап, инде арып-талып...» (1990; «Всю жизнь взыскую правды я. И что ж?»), «Был донъяла мин азаштым, бугай...» (1990; «Не заблудился ль я на свете этом...») и др. пронизаны элегическим настроением, насыщены философскими нотами о смысле жизни и бытия, бренности мира, беспокойством за судьбу своей родины. Вместе с тем он призывает собратьев по перу сохранять чувство собственного достоинства («Һыктамағыз, етер, башкорт шағирҙары!» (1996; «Не жалуйтесь, башкирские поэты!...») и не поддаваться пессимизму. Не соглашаясь с духовным обнищанием общества, он пытается противостоять этому и едко высмеивает скупость моральных качеств в человеке: «Мунса ташы» (1991; «Баный камень»), «Мосолмандар уянды» (1994; «Мусульмане пробуждаются»). В атмосфере общественных неурядиц он стремился сохранить спокойствие духа и стал активно выступать в качестве публициста. В интервью «Если мы забудем вечную категорию – Властитель дум...» («Театральная жизнь», 1990. №10), «Я верю в незыблемость мира...» (газ. «Правда», 1994. 13 сент.) и др. Мустай Карим размышляет о вечных нравственных ценностях и свободе внутреннего духа. В своём интервью «Я верю в незыблемость мира...» поэт, критически оценивая постперестроечную ситуацию, называет одно из условий плодотворного творчества писателя его потребность обществу: «Человек наполняется не только природной энергией, но и общественной. Сегодня я не наполнен общественной, поэтому и стихов пишу очень мало». Мустай Карим видит своё призвание – быть поэтом и создавать светлые произведения для очищения общества, во благо мира на земле. О назначении поэта он говорит, что «кто назвал себя поэтом, обязан петь свою песню» («Притча о трёх братьях»). Ярко демонстрируют его гражданскую позицию и записи в дневнике. Его крылатое выражение о том, что «Литература – это духовная держава нации» («Уфа». 2006. №9), представляет поэта как человека высоких нравственных устоев, оставивший духовное наследие, которое представляет непреходящий опыт и школу для будущих поколений литераторов.

На психологию творчества поэта имело влияние и общение с видными деятелями советской многонациональной литературы: Ч.Т.Айтматовым, М.Н.Алексеевым, Н.С.Атаровым, С.А.Баруздиным, В.В.Быковым, С.П.Даниловым, М.А.Дудиным, Р.Г.Гамзатовым, С.П.Злобиным, Д.Н.Кугультиновым, Ю.Н.Кушаком, Б.Н.Лейтиным, С.И.Липкиным, М.К.Лукоциным, М.Д.Львовым, М.Д.Максимовым, С.В.Михалковым, И.П.Мотяшовым, А.И.Недогоновым, Л.И.Ошаниным,

В.Ф.Пименовым, В.Г.Распутиным, Р.И.Рождественским, Н.И.Рыленковым, М.А.Светловым, К.М.Симоновым, Я.В.Смеляковым, Л.Л.Сорокиным, А.Т.Твардовским, В.А.Трубицыным, П.С.Ульяшовым, Н.Н.Ушаковым, Я.Г.Ухсаем, А.А.Фадеевым, А.П.Филипповым, М.А.Шолоховым и др. Большое влияние оказало на поэта жизнь и творчество Г.Тукая.

О своём творческом потенциале Мустай Карим пишет критически: «5 мая 1986. У меня всегда был мал запас знаний. Я работал и работаю на пределе, без большого резерва. В этом есть что-то и хорошее: я использовал максимум своих познаний. Жил в страхе: вот-вот иссякну. Это меня подстегивало. В сущности, у интеллигентного человека должен быть большой запас образованности (именно образованности), которая способствовала бы большой активности и маневренности мысли – мысли творческой...» («Уфа». №10. 2006).

Непреходяща была и роль в создании произведений домов творчества Дубулты, Малеевки, Переделкино и др., способствовавших тесному общению писателей и развитию литературы. Личный вклад в развитие международных литературных связей был внесен Мустаем Каримом в годы Великой Отечественной войны, когда ему пришлось воевать в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, а также с послевоенной миссией мира в официальных поездках по Австрии, Вьетнаму, Германии, Италии, Камбодже, Китаю, Монголии, Сирии, Турции, Франции и др. Он лично был знаком с рядом зарубежных писателей: Гао Маном, М.Исаевым, С.Клодом, Ламаром, И.Мартиновым, П.Нерудой, Й.Тормой, То Хыу, Н.Устюном, Н.Хикметом и др.; со многими из них вёл переписку. Об этом свидетельствуют также и дневники поэта. Здесь он делится своими мыслями и размышлениями о греческой мифологии, античной литературе, произведениях О.Бальзака, И.В.Гёте, А.Данте, Л.Фейхтвангера, У.Шекспира и др. Своим творчеством они внесли вклад в обогащение мировой поэзии и литературы, служащим высшей школой мастерства для всех. Влияние зарубежной литературы на формирование Мустая Карима как писателя очевидно, одним из ярких примеров является его пьеса «Не бросай огонь, Прометей!». Художественная концепция писателя сформировалась как концепция прометеизма, об эстетических, практических функциях и задачах которого нам еще предстоит «прочсть».

По мнению Мустая Карима, основу национального искусства составляет его язык и фольклор. В формировании его творческой личности с самого раннего детства повлияло и развило его эстетические чувства деревенские посиделки, вечеринки, различные праздники, сабантуи с песнями, хороводами, танцами под гармонь и кубыз. Башкирская народная протяжная песня всю жизнь сопровождала его жизненный путь («Азамат», «Ашкадар», «Бииш», «Кахым-туря» и др.). Мустай Карим сокрушался по поводу того, что большинство современных песен имеют скудный текст и

содержание, что они, не дойдя до сердец «взрываются в воздухе». Болеала душа поэта и за будущее младенца, которому мать не поёт колыбельную песню, не протягивает нить жизни. Эту мысль, звучащую как назидание, Мустай Карим отразил в стихотворении «Бер йыр йырланган» («Эту песню мать мне пела»). Персонажи произведений посредством песен, такмаков, плясок, игры на музыкальных инструментах выражают свои чувства, изливают тяготы судьбы, радуются. Не случайно и его поэзия отличается песенностью, глубоким лиризмом и народностью, где синтезированы такмак «Йәш нефтселәр йыры» (1953; «Песня молодых нефтяников»), кубаир «Үземә кобайыр» (1999; «Кубаир самому себе»), баит «Перестройка бәйте» (1990; «Баит о перестройке»), народная песня «Урмандарга сыкхам, урмандар тын...» (1988; «В лес захожу, а там ни звука...») и др. жанры башкирского фольклора. Говоря о стиле Мустая Карима, эстонский поэт и переводчик А.Сийг отметил, что его стиль «бесхитростный, похожий скорее на народную песню». Иногда Мустай Карим использует слова народных песен в виде литературной реминисценции, усиливая эмоциональное восприятие произведения. В стихотворении «Донъяның йөзө күренмәй...» (1977; «У мира – не видать лица...») использованы строки башкирской народной песни «Томан» («Туман»): «Иртә томан, кис тә томан – /Мәңге таралмас төслә...» («С утра туман и в ночь туман, /Нет ни просвета, ни конца»), в стихотворении «Башкортостан» – песни «Урал»: «Уралкайым, һинән кыркып алһам /Ат кыуырзай яңғыз талкайың, /Тамып та ғына кала, кырккан сакта, /Яуза үлгән батырзар кандары» («Ах, мой Урал! Лозину срезал я, /Чтобы коня в дороге погонять. /Закапала с лозы убитых кровь, /И эту кровь ничем мне не унять»). Жанр ряда произведений автором определяются как песня. Среди них «Йыр» (1939; «Песня»), «Атлылар йыры» (1944; «Песня конников»), «Ялабарыу йыры» (1978; «Песнь мольбы»), «Рәхмәт йыры» (1978; «Песня благодарения»), «Илешкә йыр» (1983; «Песнь Илишу»), «Бикбулатка йыр» (1989; «Песнь Бикбулату») и др. Кулямасы, насихаты, небылицы, сказки, пословицы и поговорки определяют поэтику детских произведений Мустая Карима. Работу над созданием своих знаменитых трагедий писатель начинал с изучения древних легенд, обрядов, песен, из которых возникали очертания и плоть будущих персонажей. Комедия «Кыз урлау» (1958; «Похищение девушки»), повести «Ауыл адвокаттары» (1987; «Деревенские адвокаты»), «Долгое-долгое детство» и др. пронизаны народной поэтикой и мудростью, насыщены яркими картинами народной жизни, что и составляет по праву основу всей поэтики произведений башкирского писателя.

Критики М.Н. Ломунова, А.Хакимов, Г.Б.Хусаинов, Т.А.Кильмухаметов, Р.К.Амиров и др. также единодушно подчёркивают особый «мустаевский» стиль повествования, его мировоззрение и глубокую философичность произведений. Исследование А.Х.Хусаиновой

«Экзистенция свободы выбора», где автор обращает внимание на то, что герои произведений Мустая Карима в пограничных ситуациях для человека оказываются в полярных друг к другу позициях – каждый делает выбор относительно своих духовных качеств. Мир полярностей писателя передается в произведениях через средства художественной выразительности, особенно через антитезу и контраст, параллелизм; через соностройку малого и большого, победы и поражения, любви и отверженности и т.д. В результате чего образуются те духовные смыслы, которые хочет сказать автор: полярности раскрывают друг друга, без них не существует физический мир, они способствуют гармонизации мышления, эмоций и др. Однако, данные смыслы «уходят» далеко в многозначительность, в зависимости от состояния читателя. Если углублять размышления о духовных свойствах персонажей писателя, его лирического героя, то приходится констатировать, что у каждого из них имеется некая внутренняя свобода, степень которой определяется от сложившихся условий. Писатель при этом «выделяет» определенную часть себя, чтобы создать героя произведения и решать эстетические задачи. Данная «часть себя», внутреннее состояние поэта мы определяем как квантовое сознание творца, при помощи которого автор создаёт произведения, наполненные глубоким смыслом, художественными идеями, связывающими внутренний и внешний мир не только персонажей, но и читателей, зрителей, а также и самого создателя. В процессе чтения произведения воспринимается не только физический мир, но и образуется духовная наполненность, энергетическая «подзарядка», раскрывающая и расширяющая сознание чтеца. Творчество Мустая Карима представляет собой разнообразные мифологические и мистические прочтения. Ведь миф, благодаря своей условности, позволяет преодолевать несовместимые смыслы и содержания. Огромный духовный багаж, оставленный нам писателем, помогает обогащаться каждому, кто соприкасается с ним и при этом каждый создаёт для себя свой мир индивидуальных переживаний, способствующих познанию себя и окружающего мира.

Произведения писателя прочно вошли в золотой фонд национальной поэзии, прозы и драматургии, переведены на многие языки мира и нашли всестороннее и разнообразное воплощение во всех видах искусства, благодаря богатому наследию, обогащенности поэзии и прозы Мустая Карима средствами художественной выразительности и образности. Разными композиторами было написано свыше 200 песен на стихи Мустая Карима. В том числе композитором С.А.Низаметдиновым были созданы оперы «Черные воды» (1986), «В ночь лунного затмения» (1996), Н.Г.Сабитовым балеты «Страна Айгуль» (1971), «Прометей» (1998), М.Х.Ахметовым «В ночь лунного затмения» (1978). В Башкирском театре драмы были поставлены спектакли «Туй дауам итэ» (1947; «Свадьба продолжается»), «Яңғыз кайын» (1951; «Одинокая береза»), «Кыз урлау»

(1958; «Похищение девушки»), «Йырланмаған йыр» (1961; «Неспетая песня»), «Ай тотолған төндә» (1964; «В ночь лунного затмения»), «Айгөл иле» (1968; «Страна Айгуль»), «Салауат. Өн аралаш ете тош» (1972; «Салават. Семь сновидений сквозь сон»), «Ташлама утты, Прометей!» (1977; «Не бросай огонь, Прометей!»), «Язмыштархан узмыш бар!..» (1978; «И судьба – не судьба!..»), «Диктаторға ат бирегез!» (1981; «Коня Диктатору!»), «Йәйәүле Мәхмүт» (1982; «Пеший Махмут») и другие постановки разных лет, в том числе в различных театрах республики, ближнего и дальнего зарубежья. Жизнь и творчество поэта нашли отражение и в отечественном телеискусстве в виде документальных, художественных фильмов, телемемуаров, телепередач, телеспектаклей и др. Первый документальный фильм «Я по земле иду» (1976; авт. сцен. и реж. С.А. Мубаряков) приурочен к дате присвоения ему звания «Народный поэт БАССР». На Свердловской киностудии снят художественный фильм «В ночь лунного затмения» (1978; реж. Б.Ц. Халзанов). Режиссером Б.Т. Юсуповым в 2005 г. снят фильм «Долгое-долгое детство». В 2019 на российские экраны вышел художественный фильм «Сестренка» (реж. А.Галибин), снятый по мотивам повести Мустая Карима «Радость нашего дома» и др.

В области изобразительного искусства художниками Т.П.Нечаевой, Р.Ф.Имашевым, Г.Ш.Имашевой, Р.М.Нурмухаметовым, А.Ф.Лутфуллиным, Ю.М.Ракшой, Г.Г.Калитовым и Р.С.Зайнетдиновым, В.Э.Меос и др. созданы немало картин и портретов народного поэта. В рамках мероприятий, посвященных увековечению памяти Мустая Карима, в 2006 г. Ю.Ф.Солдатов создал скульптурное изображение писателя на мемориальной доске, а в 2019 г. в стенах БГПУ им. М. Акмуллы торжественно открыли бюст и именную аудиторию первого Почетного профессора университета Мустая Карима. Особенно ярким проектом монументального скульптурного ансамбля является работа А.Н.Ковальчука, установленного в 2013 г. в сквере им. Мустая Карима в Уфе и др. Значительный вклад в развитие башкирского литературоведения через систематизацию жизни и творчества писателя служит и персональная энциклопедия «Мустай Карим», подготовленная в ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия» (2019). Репрезентация творчества народного поэта через различные виды искусства способствует популяризации и пробуждению интереса к его наследию, к башкирской литературе и внутреннему призыву к чтению.

Мировоззрение Мустая Карима является некой путеводной нитью для современного растерявшегося общественного устройства. Например, в стихотворении «Азашыгузар» (1994; «Блуждания») он предлагает абсолютно универсальный способ человеческого бытия. Уже зрелый маститый поэт, пишет в дневниках о том, что ему в последние десятилетия писалось менее торопливо, что он не спешил угнаться за быстротечными

событиями. Поэтому и свою книгу «Ғүмер мизгелдәре» (1992; «Мгновения жизни») он называет книгой чудес. На юбилейном мероприятии, посвященном своему 75-летию, он произнес: «Я помню день и месяц рождения почти каждого стихотворения, снова ощущаю волнение, вспомнив поводы их появления на свет. Они вызваны к жизни добром и любовью, а не злобой и мстостью». Данное высказывание характеризует психологию творчества поэта и его светлые произведения, составляющие духовную сокровищницу башкирского народа и человечества. Слова Мустая Карима о том, что «о писателе нужно говорить, прежде всего, как об авторе книг, о творце» и идти к нему «от его книг, а не наоборот» звучат как его завещание.

Источники и литература

1. Абдуллина А.Ш. Мифопоэтика в повести «Помилование» М. Карима // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22.
2. Бикбаев Р. Шағир һүзе – шағир намысы. – Өфө: Китап, 1997.
3. Кильмухаметов Т. Драматургия Мустая Карима: своеобразие жанровой эволюции. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979.
4. Ломунова М., Мустай Карим. – М.: Художественная литература, 1988.
5. Мустай Карим. Жизнь и творчество / Сост.: К.Аралбай, Г.Галимова, И.Киньябулатов. – Уфа: Китап, 2000.
6. Мустай Карим. Золотое наследие /Серия видеопроизведения ТРК «Башкортостан»/Автор проекта Ш.Г.Гильманова. В 10 ч., 1976–2012.
7. Псәнчин В. Мостай Кәрим – һүз оҫтаһы. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1977.
8. Сөләймәнов Ә.М. Беззен илден йәме. – Өфө, 2007.
9. Сиражитдинова Н.М. К вопросу о психологии творчества и квантового сознания писателя (на примере жизни и творчества Мустая Карима) //Вопросы энциклопедистики. Вып. 5. – Уфа: Научно-издат. комплекс «Башкирская энциклопедия», 2015.
10. Хөсәйенов Ф. Мостай Кәрим: Шәхес. Шағир. Драматург. Прозаик. – Өфө: Китап, 1994.
11. Хусаинова А.Х. Экзистенция свободы выбора (философский анализ). – Уфа: Гилем, 2010.

© Сиражитдинова Н.М.

НИКОЛАЙ КАТАНОВ

(1862–1922)

«Наследие и судьба ученого-просветителя в значительной степени определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России на рубеже XIX–XX вв. Н.Ф. Катанов стал олицетворением двух миров – европейского и азиатского»

Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.

Николай Фёдорович Катанов – российский тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктор сравнительного языкознания, этнограф, фольклорист, общественный деятель, первый хакасский учёный, Действительный статский советник. Николай Катанов родился 6 мая 1862 г. в Тураковском улусе – степной местности в 16 км от села Аскиз на левом берегу реки Абакан, а умер 24 февраля 1922 г. в г. Казань. В автобиографии для словаря С.А. Венгерова в 1897 году Катанов писал: «Отец мой был татарин племени Сагай, а мать татарка племени Каш, колена Пюрют, отец по профессии был улусный писарь своего племени. Как я, так и родители мои – христиане православного вероисповедания. Родители и все предки исповедовали христианство, которое введено в долину Абакана в XVIII столетии, и вместе с тем открыто держались шаманских обрядов: участвовали в жертвоприношениях духам гор, воды, огня и неба и молились этим духам как покровителям домашнего скота и людей».

Род Катановых принадлежал к хакасскому сеоку (клану, дословно «кости») пурют (пюрют), относящемуся к сагайцам. По разным источникам

мать Николая Фёдоровича носила фамилию Чаптыкова или Кизекова, звали её Мария (по-хакасски Чамах). Относилась она к сеоку хасха (каш) и роду Шалошин, то есть она была качинка. Родители Катанова, придерживаясь одновременно традиционных шаманских верований и православия, не состояли в церковном браке, поэтому в метрическом свидетельстве Николай числился незаконнорожденным. Старший его брат – тоже Николай – стал впоследствии священником Усть-Есинской церкви Минусинского округа, в семье также была дочь Мария. Как и все хакасы, семья вела полукочевой образ жизни: тёплую половину года проводили на летнике в Сагайской степи, а в холодное время жили на берегу реки Абакан близ озера Саркагель.

В 1876–1884 годах Николай Катанов обучался в Красноярской гимназии, которую окончил с золотой медалью. В 1884–1888 годах учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. После окончания университета по рекомендации В.В. Радлова был отправлен в этнографо-лингвистическую экспедицию в Сибирь и Восточный Туркестан для изучения языков и быта тюркских племен. В 1889–1892 годах исследовал народы Хакасии, Тувы, Семиречья, Тарбагатая и Синьцзяня.

Полевые исследования составляли одну из важных направлений работы Н.Ф. Катанова: он собирал материалы лингвистические, фольклорные, этнографические, исторические, статистические, предметы материального быта, культовые, археологические и т.д. Во время своей первой экспедиции (1889 г.) Н.Ф. Катанов собрал огромный полевой материал (1122 песни, 160 загадок, 15 сказок, 35 мифов), причём информаторы позволяли ему фиксировать их имена и возраст, чего не удавалось ни одному из прежних исследователей. Вернувшись в Аскиз, Катанов до января 1890 года обрабатывал полевые материалы, результатом чего явились «Очерки Урянхайской земли» (опубликованные только в 2011 году) и огромная рукопись по грамматике тувинского языка, опубликованная в 1903 году.

В феврале – марте 1890 года Катанов ездил в Канскую тайгу для исследования тофаларов. Лето 1891 года он провёл в пограничном Чугучаке, изучая фольклор кыргызов и сартов. В конце 1891 года он получил паспорт, позволяющий ездить по территории Китая. Добравшись через Урумчи до Хами, в марте 1892 года Катанов приступил к изучению малоизвестных тюркских диалектов. В апреле 1892 года он вернулся в Аскиз, проведя на китайской территории около 18 месяцев. Кроме того, в апреле – октябре он провёл ещё несколько экскурсий по территории Минусинского округа. В опубликованных и неопубликованных материалах Катанова времени путешествия по Сибири и Туркестан К. И. Султанбаева выделила следующие исследовательские направления:

- язык, его всевозможные проявления в речи носителей тюркских народностей;
- фольклор, его жанры: сказки, предания, легенды, басни, сказания, песни, загадки, поговорки, пословицы, народные приметы, высказывания;
- религия, философские взгляды тюркских племен; отношение к православию;
- материальная культура, быт, предметы хозяйствования; культовые предметы и вещи;
- социально-культурные, товарно-денежные отношения племён;
- социальная структура племён, управление, их родственные, родоплеменные отношения;
- элементы психологии народов, межличностные, межэтнические отношения.

14 октября 1892 года в Аскизе в Петропавловской церкви Н.Ф. Катанов обвенчался с приёмной дочерью своего дяди Ефима Семёновича – Александрой Ивановной Тихоновой. Она окончила Минусинскую гимназию, имела способности к музыке, играла на рояле. В дальнейшем она деятельно помогала мужу с переводами и выписками. Вместе они прожили 30 лет; у супругов была единственная дочь Анна (1901–1980), ставшая учительницей. Также Катанов воспитывал сына своей сестры Марии – Николая Гавриловича Тюнестеева – и дал ему свою фамилию.

Выполнив всю программу, предусмотренную Академией наук и Русским Географическим обществом, Н.Ф. Катанов с женой 22 декабря 1892 года вернулся в Петербург. Он привёз с собой несколько томов подготовленных для печати дневников, а также огромный массив данных, на которых в дальнейшем строил все свои научные работы. Многие материалы были впервые введены в научный оборот, в частности, составлены словари и грамматики тувинского и тофаларского языков. Катанов оказался пионером в изучении уйгурских диалектов Турфанского и Хамийского оазисов.

Вернувшись в Петербург, Катанов рассчитывал занять место лектора татарского языка на Восточном факультете, но оказалось, что оно уже было отдано родственнику И.Н. Березина. Поскольку получить место в Петербургском университете не удалось, в 1894 году Катанов переехал в Казань, проработав в этом городе 28 лет до самой своей кончины. Курсы, которые он читал на историко-филологическом факультете, демонстрируют необычайную широту и разносторонность его интересов: язык казанских татар (грамматика и чтение); обозрение турецко-татарских племён (история древних и новых тюркских государств, быт племён, сообщения иностранцев о тюрках); история турецко-татарской литературы (османская, чагатайская, общетюркская); сравнительная грамматика

тюркских языков; курсы арабского и персидского языков, грамматика алтайских языков, грамматика казахского и кыргызского языков, спецкурс «Надписи на монетах Золотой Орды и надгробных памятниках Казанского и Булгарского ханств».

Менее чем через 2 месяца после прибытия в Казань Николай Фёдорович Катанов был избран секретарём Общества археологии, истории и этнографии – ОАИЭ – при университете (8 апреля 1894 года). И здесь Катанов привёл в порядок библиотеку Общества, стал редактировать его «Известия» и впервые стал публиковать там отчёты Общества и протоколы его заседаний. Из-за невозможности совмещения преподавания и занятий Обществом Катанов в 1897 году попросил освободить его от обязанностей секретаря, но уже в 1898 году был избран председателем ОАИЭ.

При всём колоссальном объёме учебной, организационной и общественной работы Николай Фёдорович находил время на собственно научные изыскания. За 1898–1908 годы он опубликовал 145 научных работ.

Среди всех трудов Н.Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» выделяется объёмом (суммарно около 600 страниц). Биограф – С.Н. Иванов – оценивал труд как определяющий для деятельности Катанова как тюрколога.

В 1903 году защитил диссертацию на соискание степени магистра – «Опыт исследования урянхайского языка», в 1907 году утверждён доктором сравнительного языкознания по совокупности трудов. В 1911–1917 годах преподавал преимущественно в Казанской духовной академии. Ординарный профессор Духовной академии с 1915 года, в 1919 году избран профессором Казанского университета по всероссийскому конкурсу, результаты которого были утверждены Наркомпросом в 1921 году.

Н.Ф. Катанов состоял членом двух иностранных обществ: Societe des sciences et lettres (Левен) и Ungarische ethnographische Gesellschaft (Будапешт), членом-корреспондентом финно-угорского общества (Гельсингфорс). В России он был действительным членом императорского Русского географического общества (с 1894), Русского археологического общества Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, туркестанского кружка любителей археологии в городе Ташкенте, был действительным членом казанского и семипалатинского статистических комитетов. В 1898–1914 годах Н.Ф. Катанов возглавлял Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и вновь стал его председателем в 1919 году. Также активно занимался общественной деятельностью, особенно в области пропаганды трезвости.

Жизненный путь и деятельность одного из ярких представителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв. профессора Н.Ф. Катанова отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения того времени. По оценке исследователей его наследия, он был ведущим ученым в области этнографии тюркских народов Евразии; хорошим знатоком современных тюркских языков; через призму его научного наследия освещалась история становления и развития тюркологии.

Его этнографические заслуги связаны с исследованием языков, традиционных и новых форм экономической, социальной жизни, быта, духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сибиряка, Поволжья, Приуралья и оказали большое влияние на развитие отечественной тюркологической этнографии. Этнографические изыскания Н.Ф. Катанова представляют собой комплексное, энциклопедическое и одновременно детально-конкретное знание о многих тюркских народах, проживавших в Российской и Цинских империях – хакасах, тувинцах, уйгурах, казахам, кыргызам, тофаларах, татарах, башкирах и т.д., формировавшееся по итогам многочисленных полевых исследований.

К сожалению, Н.Ф. Катанову не суждено было опубликовать свои материалы, ибо «После смерти Николая Федоровича в течение 3,5 десятилетий в России практически делалось все, чтобы имя его было забыто». Очень хочется верить и надеяться, что когда-нибудь бесценные материалы, собранные Н.Ф. Катановым, найдутся, будут изданы и войдут в научный оборот, а пока что «многое из этого лежит до сих пор без движения, стареет, покрывается пылью времени. Многие рукописи не перелистывались!»

Он обладал не только энциклопедическими познаниями в области тюркских языков и востоковедения, но и высокой педагогической культурой и компетентностью. Являясь сторонником русификации и считая её благом для тюркских народов, делом своей жизни он считал оказание всяческого содействия инородцам в их приобщении к европейской культуре и цивилизации. В просветительской деятельности он последовательно придерживался идей миссионерской педагогики, согласно которым сначала следовало изучить особенности языков, этнографии, истории и психологии этих народов. Центральную роль в инородческом просвещении Катанов отдавал личности учителя. По его представлениям, учитель должен быть, прежде всего, из народной среды, научно подготовленным, в отличие от миссионеров, порою имевших начальное церковно-приходское училище за плечами, в совершенстве владеть языком, уметь устно и письменно излагать содержание школьного материала на научной основе взамен учителей, прошедших курсовую подготовку и произвольно трактовавших учебный материал. С самого начала собственной педагогической деятельности Н.Ф. Катанов ставил

двуединую задачу: научности в тюркологических исследованиях и специальной подготовки российских тюркологов. Особенностью педагогической деятельности Н.Ф. Катанова являлось привлечение и применение комплекса археологических, исторических, этнографических и фольклорных сведений, добытых не только из литературных источников, но и во время своих путешествий «из первых рук».

Н.Ф. Катанов имел отношение и к башкироведению, только его материалы до сих пор остаются вне должного внимания местных исследователей. Тем не менее, в отдельных статьях башкирского исследователя А.Г. Салихова имеет место упоминание о Н.Ф. Катанове, как ученом, оказавшем огромное влияние на становление Заки Валиди как ученого. Представляют интерес также материалы по народной медицине, собранные Н.Ф. Катановым в Уфимской губернии.

С 1896 по 1898 годы – во время летних вакаций Катанов совершает путешествия в Минусинский округ и Уфимскую губернию, всякий раз тщательно обосновывая необходимость их в прошениях к ученому совету. Как пишет И.Ф. Кокова, Н.Ф. Катанов раздвигает рамки своих исследований языка, быта и верований инородцев, отправляясь два года подряд в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии, где живут крещенные татары, мешеряки, тептяри и башкиры.

В 1899 году в Казани отдельным оттиском вышла статья Н.В. Катанова под названием «Народные способы лечения у башкир и крещенных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии». Собирая в указанном уезде материалы по народной медицине, он заметил, что существует два разряда лечения: первый с помощью указаний религии (ислама и христианства), а второй с помощью указаний опыта и практики, основанных как на действительных фактах, так и на суевериях.

Изучение материала показало, что у Н.Ф. Катанова было замечательное и очень важное для исследователя качество: величайшая добросовестность, скрупулезность, точность в передаче всего увиденного и услышанного. Именно поэтому его записи как бы доносят до нас и сегодня дыхание самого народа. Их читаешь с великим интересом.

Здесь также необходимо обратить внимание на следующие слова Н.Ф. Катанова: «Перечисленных способов врачевания, применяемых большею частью простонародием, думаю, вполне достаточно, чтобы судить о том, в каком положении находится народная тюркская медицина в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Так как там священники-миссионеры европейской научной медицины не знают, а русские медики (врачи и фельдшера) не знают ни языка башкирского, ни языка татарского, при том же на деятельность каждого из них приходится громадный район, то мы вправе думать, что исследованные нами инородцы еще долго будут врачевать недужных по заветам своих старух, бабушек, тем более, что и плата им за лечение – ничтожная: 3-5, иногда 15-20 копеек. Мне многие

инородцы говорили, что очень хорошо лечат больных и угадывают их будущее черемисы и чуваша, но по незнанию языка этих инородцев, их способов врачевания я не описывал». Способы народного лечения населения Белебеевского уезда Уфимской губернии конца XIX века дошли до нас благодаря Н.Ф. Катанову. В конце его статьи имеется оговорка: «Подлинные тюркские тексты заговоров имеются у меня в изобилии, будут изданы они тотчас по приведении в порядок». Значит, есть шанс найти их.

В 1898 году Н.Ф. Катанов пишет прошение о вторичном командировании его в Уфимскую губернию, обосновывая это так: «...желал бы собрать теперь побольше сказок и рассказов мифологических, бытовых, исторических и прочих, ибо в прошлогоднюю поездку за отсутствием средств для уплаты сказочникам я смог записать только загадки, пословицы. Песни (около 1000 четверостиший) и 3 сказки и проверить тексты 61 песни и части пословиц, в весьма неудачной записи помещенные во 2 выпуске II тома «Турецкой хрестоматии» (СПб., 1890), и, во-вторых, я желал бы проверить на месте тептярские и башкирские тексты С.Г. Рыбакова, довольно плохо воспроизведенные в издании академии наук (СПб., 1897), и проверенные тексты переиздать в точной фонетической транскрипции, принятой в трудах названной Академии и нашего университета...». В результате он посещает 12 деревень, записывает материалы по всем указанным в прошении жанрам и пишет: «Все эти материалы я собирал как с целью изучения быта и верований инородцев, говорящих по-тюркски, так и с целью, главным образом, изучения языка их». Он делает выводы о сходстве и различии в языке указанных народностей, отмечает грамматические особенности и заимствования из других языков (русского, арабского, персидского), что свидетельствует о несомненной ценности проведенных исследований. Он интересовался и башкирским языком, даже составил его азбуку: «Сохранилась рукопись азбуки башкирского языка, составленная им с предисловием: «Для удовлетворения письменности башкирского языка необходимы и достаточны 33 буквы». Далее он указывает произношение букв с приложением примеров.

Таким образом, без сомнения можно сказать, что Н.Ф. Катанов внес свой заметный вклад в башкироведение как собирательской деятельностью, так исследовательской. Он же является одним из первых составителей башкирской азбуки и заинтересованной личностью в обучении башкир на родном языке, о чем свидетельствует следующий факт из книги И.Ф. Кокиной: «В Стерлитамаке я пробыл 10–13.09.1906 г., осмотрел русские классы при медресе и послушал инородцев в городских училищах. Затем...направился через горные заводы в Верхнеуральск и далее через Миасс в Уфу...По дороге я послушал уроки в разных училищах для башкир и татар, а в Серменево прожил даже три дня. Я убедился, что по языковым особенностям и по разным другим

обстоятельствам Серменево – самый подходящий пункт для центрального русско-башкирского училища...».

Научные работы Н.Ф. Катанова продолжают издаваться и переиздаваться в XXI веке. Они хорошо известны многим народам мира. По увековечиванию памяти Н.Ф. Катанова сделано следующее: в 1987 году был создан Аскизский районный краеведческий музей имени Н.Ф. Катанова; в 1994 году постановлением Президиума Верховного Совета и Совета Министров Республики Хакасия имя Н.Ф. Катанова было присвоено Хакасскому государственному университету, а Верховным Советом республики была учреждена Государственная премия имени Н. Ф. Катанова, которой награждаются наиболее выдающиеся учёные. С этого же времени в ХГУ имени Н.Ф. Катанова проводятся традиционные «Катановские чтения». В 1996 года Советом Министров Республики Хакасия были выпущены суррогатные деньги номиналом 5000 рублей, получившие в народе название «катановки» из-за помещённого на реверсе банкноты портрета учёного. В 2005 году в Казани Школьный переулок, в котором жил Н.Ф. Катанов, был официально переименован в Катановский. В 2007 году в селе Аскиз, а в 2007 году в Абакане, в сквере рядом с ХГУ им. Н.Ф. Катанова, были установлены памятники Н.Ф. Катанову. 2012 год в Республике Хакасия был объявлен Годом Н.Ф. Катанова.

Источники и литература

1. Катанов Н.Ф. К вопросу о сходстве восточно-тюркских сказок со славянскими: по сказкам, записанным Н.Ф. Катановым и И.П. Рогановичем. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897.
2. Катанов Н.Ф. Народные способы лечения у башкир и крещенных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. (Отдельный оттиск из XV тома «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии» за 1899 год).
3. Катанов Н.Ф. и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. – Казань-Абакан: Алма-Лит, 2008-2009.
4. Кокова И.Ф. Николай Федорович Катанов. Документальная повесть о выдающемся российском востоковеде. Второе издание, дополненное. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012.
5. Салихов А.Г. О роли Н.Ф.Катанова в становлении научного мировоззрения А.А.Валидова// Актуальные проблемы истории и литературы. Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа. 2002.
6. Хусаинова Г.Р. Катанов Н.Ф. и башкироведение // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов. Книга 1. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2015.

©Хусаинова Г.Р.

ГАРИФУЛЛА КИИКОВ

(1861–1918)

В конце XIX – начале XX в. в региональной печати чаще стали публиковаться произведения башкирских авторов, появлялись работы по истории, культуре, этнографии и социальной жизни башкир, предпринимались попытки создания произведений на башкирском литературном языке. Эти процессы тесно связаны с деятельностью башкирских ученых-просветителей и писателей, к числу которых относится и Гарифулла Кииков.

Гарифулла, сын известного башкирского поэта Гали Сокрия, родился 4 апреля 1861 г. в дер. Старый Чукур Татышлинской волости Бирского уезда Уфимской губернии (ныне – Татышлинского района Республики Башкортостан). Начальное образование он получил в медресе своего отца, затем учился в Апанаевском медресе Казани. В 1882 г., будучи шакирдом медресе в г. Касимове, он был призван на военную службу. Отслужив около шести лет в царской армии, он демобилизовался в чине унтер-офицера медицинской службы и вернулся продолжать учебу в Казани. Однако из-за тяжелой болезни отца осенью 1889 г. Гарифулла вынужден был оставить учебу и возвратиться домой. Вскоре он переселился в деревню Старый Курдым и до конца своей жизни, т. е. до 1918 г., жил и трудился там.

Г. Кииков оставил довольно богатое и многогранное творческое наследие: опубликовал две книги стихов, несколько публицистических статей. Остальные его произведения остались в рукописной форме.

Первая книга Г. Киикова под названием «Гайн ар-риза» («Источник

удовлетворения») была издана в 1900 г. в Казани. В ней автор повествует о жизни и творчестве своего отца. Несмотря на хвалебный тон и насыщенность религиозными мотивами, эта книга может служить ценным историческим и литературным источником. Автор приводит интересные сведения об учебе Г. Сокрыя, его паломничествах в Мекку и жизни в родной деревне. Описывая историю создания отцом произведений «Дуновение восточного ветерка» («Насим ас-саба») и «Поэтический сборник Гали» («Диван-и Галия»), сын знакомит читателей с отдельными стихотворениями из этих сборников. Восхищаясь талантом и образованностью своего отца, он пишет: «Наверное, за пять столетий среди урман-ирактинских башкир никто не достиг такого совершенства в знаниях, как мой отец». В книге можно найти немало сведений о биографии самого Гарифуллы.

В 1903 г. увидела свет вторая книга Г. Киикова – «Поэтический сборник для детей, или Рифмы для детей» («Диван-и сыбъян, яки Кафият-и сыбъян»). Она насквозь пронизана идеями просветительства и джадидизма. Автор с восхищением пишет о прогрессе науки и техники современности, о быстром подъеме культуры и просвещения в России. Обращаясь к своему народу, он призывает его пойти в ногу со временем, избавиться от всего старого и ненужного. Поэт указывает на необходимость включения в учебные программы светских предметов и обучения детей новым методом, разработанным джадидистами:

Ключ к познанию – метод джадид,
Свеча на уроке – метод джадид,
Развитие малышей, успех шакирдов,
Обучение письму – также методом джадид...

Автор заявляет, что обучение в медресе следует вести на тюркском языке, а не на чуждом простому народу арабском. Доказывая превосходство родного языка, он пишет: «Знающий тюрки – прекрасен». Он резко критикует кадимистов, которые негативно относятся к национальному языку и национальной культуре:

Возьмусь читать байты –
Скажут: «Язык его башкирский беден»;
Проявлю терпимость, спокойствие –
Скажут: «Он чванливый»;
Начну пересказывать сказания
Или читать газету –
Скажут: «Все это надоело,
Ему верить абсолютно нельзя» ...

Обращаясь непосредственно к малышам, автор пишет:

Что тебе важнее: учеба или безделье?
Хочешь быть образованным – учись,
Ходи на уроки ежедневно, не опаздывай;

Хочешь быть развитым – учись,
Запоминай все и не рви книги;
Хочешь быть счастливым – учись,
Овладевай всеми знаниями...

По своему содержанию призывы Г. Киикова созвучны главному лозунгу просветителей и выражают прогрессивную идею своей эпохи.

Небольшое стихотворение 1889 г. Г. Кииков посвятил описанию жизненного пути человека и охарактеризовал каждый из его этапов:

... В 3 года он резвится, шумит на весь дом,
В 5 лет никак не наиграется во дворе, в саду,
В 6 лет обегает все улицы и площади,
В 7 лет начнет читать «Алифбу», как Коран...
В 35 лет достигнет заветной мечты,
В 40 лет будет обладать богатырской силой...
В 90 лет бросит все занятия,
В 95 лет начнет двигаться ползком,
До 100 лет в наше время мало кто доживает,
Говорят, что живут до 105-и – но это, похоже, ложь.

Нельзя, однако, не признать, что в художественно-эстетическом отношении стихотворения Г. Киикова не были блестящими. Они написаны в традиционном стиле, и в них трудно найти что-либо оригинальное, новаторское. В отличие от своего отца, Гарифуллы больше внимания уделял конкретному содержанию произведения, а не его художественной форме.

Из творческого наследия Г. Киикова интерес представляют публицистические статьи – их всего несколько, но они дают богатую пищу для размышлений. В 1909 г. редакция журнала «Шура» пригласила читателей принять участие в дискуссии о литературном языке, Г. Кииков первым из башкирских писателей откликнулся на этот призыв и выступил в защиту своего родного языка. «У каждого народа есть свой язык, – писал он в статье “Состязание языков”. – Так почему же нам стремиться говорить на чужом языке?! Ведь если кто-либо станет говорить со своими близкими на непонятном им языке, то получится так, как будто в юасу попала полынь. Газеты и журналы можно читать везде: на улице, на поле, в поречье среди кустарников и деревьев. А раз так, то следует читать их на языке, близком и понятном простым людям, чтобы последние часто не переспрашивали, а читающий не пояснял каждый раз “то есть”, “то есть”». Башкирский язык богат, он ни в чем не уступает другим языкам, и потому башкиры вправе создать свой литературный язык и на нем организовать периодическую печать, издание книг и обучение детей в школах, – вот главная идея писателя.

Одну статью Г. Кииков посвятил памяти известного татарского писателя Каюма Насыри. Она отражает творческие связи Г. Сокрыя со

своим татарским коллегой. Как пишет автор, в 1879 г., отправляясь в хадж, отец привез его с собой в Казань, где они навестили К. Насыри. Хозяин принял их очень тепло. За чаем писатели оживленно беседовали о литературе и культуре, делились творческими планами. К.Насыри положительно отзывался о произведениях Г. Сокрыя, но призывал избегать чрезмерной арабизации языка. Узнав о том, что поэт привез сына на учебу, советовал отдать мальчика не в медресе, а в учительскую школу, ибо, как сказал он, став имамом, невозможно служить народу. Автор сообщает также о том, что в годы учебы в Казани (отец все же пристроил его в медресе) он часто посещал К.Насыри и оказывал ему посильную помощь в пропаганде и распространении его новых книг.

Г. Кииков тесно общался в том числе и с такими известными личностями своего времени, как Риза Фахретдинов и Мухамедьяр Султанов. Одно из сохранившихся писем свидетельствует о том, что некоторые книги и рукописи своего отца Гарифулла выслал Р. Фахретдинову, который намеревался написать труд по истории культуры тюркских народов Урало-Поволжья. Хранящиеся ныне в фонде Института восточных рукописей РАН письма свидетельствуют, что в начале XX в. Г. Кииков довольно активно занимался поиском и сбором арабографических письменных памятников на севере и северо-западе Башкирии. Вполне возможно, что некоторые из найденных источников легли в основу его исторических сочинений.

В статье «Состязание языков» Г. Кииков между тем сообщает о том, что за нескольких лет он написал труд по истории башкирского народа, но, поскольку текст был написан на башкирском языке, автор не осмелился издать его в Казани. К глубокому сожалению, эта работа так и не была издана и бесследно исчезла. Тем не менее, в результате целенаправленных поисков удалось выявить часть черновых записей Г.Киикова по истории башкир. Анализ этих записей, хранящихся ныне в фондах арабографических рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН и Института восточных рукописей РАН, дает возможность в определенной степени представить общее содержание и структуру сочинения Г.Киикова, названного им «История башкир и родословие ирактинцев» («Таварих-и башкордиан ва ансаб-и ирактавиан»). По содержанию и стилю изложения новонайденные записи делятся на 2 типа: в одних записях историческое прошлое народа представлено в легендарном плане, а в других – на основе документальных источников.

В тех записях, которые посвящены периодам древней истории, обнаруживается много общего с анонимной «Книгой о Чингизе» («Чингиз-наме»). Более того, в текстах имеются ссылки на это сочинение. Следует отметить, что упомянутая им «Книга о Чингизе» по содержанию несколько отличается от изданий этого сочинения 1822 и 1882 гг. Она в некоторой

степени напоминает монгольские произведения XIII в. «Сокровенное сказание» («Юань чао би ши») и «Золотая тетрадь» («Алтан дептер»), а также знаменитый труд «Собрание историй» («Джамиг ат-таварих») Рашидаддина Хамадани. Этот факт лишней раз подтверждает бытующее среди ученых мнение о том, что широко распространенная в прошлом среди башкир, татар и казахов «Книга о Чингизе» имела несколько вариантов.

В отличие от монгольских и персидских источников о Чингиз-хане, в сочинении Г. Киикова описываемые события происходят на территории Башкирии и главными героями его выступают башкиры. Отправившихся на поиски Чингиз-хана родоначальников автор называет «башкирскими биями (князьями)». В рукописи представлены древние атрибуты многих башкирских родов и племен: названы родовые деревья, птицы и кличи, нарисованы тамги. После пересказа легенд о Чингизхане Г. Кииков кратко излагает историю своего ирактинского рода и родовую генеалогию доводит до своего имени.

Рукопись Г. Киикова, названная «О башкирах. Перевод с русского», содержит много достоверных исторических сведений. В ней автор упоминает записи о башкирах средневековых арабских путешественников и географов Ахмеда ибн Фадлана, Идриси, Ибн Сагида и Димашки и называет границы древней Башкирии. Далее, опираясь на труды П.И. Рычкова, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, М.П. Красильникова и С.И. Куренкова, он достаточно подробно описывает жизнь и быт башкир, их героическую борьбу против татаро-монгольских завоевателей, характеризует материальную и духовную культуру народа. Автор пишет, что башкиры тесно общались с русскими задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству. В рукописи повествуется также об участии башкирских войск в Отечественной войне 1812 г. В последующих строках автор приводит отрывки из книги татарского историка Ш. Марджани «Муштафад аль-ахбар», где рассказывается о прошлом башкирского народа, и указывает на некоторые ошибки и недостатки в ней. Кроме того, он выборочно переписывает исторические записи своего отца и коротко комментирует их.

В новонайденных рукописях одно из центральных мест занимает проблема башкирских земель. Г. Кииков с горечью пишет о колонизации Башкирии, упоминает царские законы и указы 1818, 1823 и 1865 гг., раскрывая их реакционную сущность. Касаясь территории, занимаемой башкирами-ирактинцами, он пишет: «Наши родственники ирактинцы из нынешнего Мензелинского уезда с помощью соседних родов также получили грамоту (на владение земель) от российских правителей. Грамота составлена 16 января 1817 года, напечатана и включена в тетрадь “Межевая книга” в августе 1837 года».

Обзор исторических записей показывает, что Г. Кииков неплохо

владел русским языком, и это положительно сказалось на его творческой деятельности. В «Поэтическом сборнике для детей» поэт пишет, что выучился русскому языку во время своей службы в армии.

В творческом наследии писателя можно встретить много легенд и преданий, связанных с топонимией северо-западной Башкирии. Достойны внимания попытки Г. Киикова по-своему объяснить этимологию слов «башкорт», «Яик», «бурзян», «мишар», «венгр», «ил» («страна»), «йорт» («дом»).

Г. Кииков пробовал свое перо во многих областях. Его творческое наследие – как писателя-просветителя и краеведа – занимает достойное место в истории культуры башкирского народа.

Источники и литература

1. Гарифулла ибн Гали Чокрый. Габделкаюм Насыри // Шура. – 1913. – № 5. (на старотюрк. яз.).
2. Гарифулла ибн Мухаммедгали Чокори. Источник удовлетворения. – Казань, 1900. (на старотюрк. яз.).
3. Гарифулла ибн Мухаммедгали Чокори. Поэтический сборник для детей, или Рифмы для детей. – Казань, 1903. (на старотюрк.яз.).
4. Надергулов М.Х. Башкирские историко-литературные сочинения XVI – начала XX века (вопросы зарождения жанровой системы и традиции). – Уфа, 2013.
5. Научный архив УНЦ РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 15.
6. Фонд ИВР РАН. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 2.
7. Фонд ИВР РАН. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 62 (на старотюрк.яз.).
8. Фонд ИВР РАН. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 34; Ед. хр. 7. Л. 78–79.
9. Фонд рукописей ИИЯЛ УФИЦ РАН. Рукопись 1 а 78.
10. Фонд рукописей ИИЯЛ УФИЦ РАН. Рукопись А-78-1 (на старотюрк.яз.).
11. Языковое состязание «Шуры» / Сост. Ризаитдин ибн Фахретдин. Оренбург, 1910. (на старо- тюрк. яз.).

©Надергулов М.Х.

ВАСИЛИЙ КОБЯКОВ

(1906–1937)

Одним из активных просветителей, внесших большой вклад в становление хакасской национальной литературы и искусства, является Василий Андреевич Кобяков. Родился он 10 сентября 1906 года в улусе Оспа ныне Ширинского района Республики Хакасия. После смерти матери, в 10 лет оставшись круглым сиротой (отец умер, когда ему было семь лет), батрачил у баев. В школу пошел уже будучи подростком, когда установилась Советская власть в Хакасии. Окончив начальную школу, активно включился в работу по ликвидации безграмотности среди односельчан. В 1929 году его посылают в г. Красноярск на учёбу в советско-партийную школу, после окончания которой с ещё большим энтузиазмом принял за культурно-просветительское дело в родном районе: организует избы-читальни, самодеятельный кружок, пишет тексты для выступлений кружковцев.

В 1932 году В. Кобяков вместе с А. Топановым создает первый национальный театр в Абакане, подбирает репертуар, готовит программу концертных выступлений артистов.

Следующим этапом просветительской деятельности В.А. Кобякова является организация издательского дела в Хакасии. В 1933 году его направляют в г. Новосибирск на ответственную работу по выпуску первых книг на хакасском языке. В условиях отсутствия материальной базы, неразработанности литературного языка и орфографии В. Кобякову всё же удалось издать хрестоматии по литературе для национальных школ

Хакасии, одновременно являясь администратором, редактором, корректором, составителем и автором текстов. Именно в книгах для чтения в начальных школах, изданных в 1934 году в Новосибирске, были опубликованы первые рассказы В. Кобякова «Айдоның көргені» («Что видел Айдо»), «Кірбөке түзіргені» («Крещение»), «Пасха кізі аңмары» («Чужой амбар»). В том же году и в том же издательстве отдельной книгой выходит повесть «Айдо».

В 1935 году В. Кобяков, вернувшись в Хакасский национальный театр, активно продолжает литературную деятельность: издает сборник «Хакасия ырлапча» («Хакасия поет»), где, помимо ранее написанных песен и стихов, были опубликованы рассказы «Мылтых табызы» («Выстрел»), «Казан», «Пасха кізі аңмары» («Чужой амбар»), «Сүген» («Верша»); на первом областном литературном конкурсе получает вторую премию за рассказ «Выстрел» и отдельно также вторую премию за стихотворение. По итогам конкурса в 1935 году был издан сборник материалов первого областного литературного конкурса. В 1936 году этот сборник, дополненный новыми художественными произведениями, вновь выходит в свет, но уже под названием «Пастагы хаалаглар» («Первые шаги»). Здесь, кроме ранее изданного рассказа «Выстрел», был опубликован новый рассказ В. Кобякова «Бандиттарның унадылган ордызы» («Разгромленный штаб бандитов»). В том же году отдельной книгой выходит очерк «Партизан күннері» («Партизанские дни»), написанный совместно с Н. Райковым, о мужественном партизане-хакасе.

Жизнь замечательного и талантливого писателя-просветителя трагически оборвалась в самом расцвете сил – в 1937 году он был незаконно репрессирован. Лишь после выступления Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС с докладом, посвящённым осуждению культа личности И.В. Сталина, начался процесс возвращения многих прежде запретных имен, был реабилитирован и В. Кобяков. Впервые его имя в ряду зачинателей хакасской литературы было упомянуто в статье У.Н. Кирбижековой «Хакасская поэзия 20-х и 30-х годов», опубликованной в 1958 году в VI выпуске «Учёных записок ХакНИИЯЛИ». Большую работу по восстановлению имени репрессированного писателя проделал П.А. Трояков. Он является автором вступительной статьи о творчестве В. Кобякова, составителем первого изданного после смерти писателя сборника поэтических и прозаических произведений «Айдо», изданного в 1959 г. Именно благодаря исследованиям П.А. Троякова В. Кобяков по праву считается одним из основоположников хакасской литературы, а его произведения – классическими, хрестоматийными, лучшими образцами хакасской литературы.

Более подробно и в разных аспектах творчество В.А. Кобякова было исследовано в работах У.Н. Кирбижековой «Очерки, рассказы, повести 30-

х годов» (1970), П.А. Троякова «Очерки развития хакасской литературы» (1963), А.Г. Кызласовой «Зарождение и развитие хакасской прозы» (1980), Р.Т. Саковой «Фольклор и литература народов Сибири» (1985), М.А. Унгвицкой «Роль фольклора в развитии хакасской литературы» (1986), В.А. Карамашевой «Творчество хакасских писателей в школе» (1995) и «Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер» (1996), Л.В. Челтыгмашевой «Фольклоризм хакасской прозы 1930-1990-х гг.» (2010), в коллективных трудах «Очерки истории хакасской советской литературы» (1985) и «История хакасской литературы» (2011).

В хакасском литературоведении во всех трудах, так или иначе касающихся литературного наследия В.А. Кобякова, одинаково отмечается, что главными истоками его творчества были национальная художественная традиция и инонациональный эстетический опыт, прежде всего русской классической и советской литературы. О роли и значении этих двух традиций в формировании и развитии национальной литературы писал и сам В. Кобяков. В 1936 и 1937 годах в областной газете «Хызыл аал» выходят его статьи «Читтернің литература аралазарынаңар» («О работе молодых писателей») и «Хакас тілінең художественной произведенийерденер» («О художественных произведениях на хакасском языке»), где даётся оценка уровню произведений современной хакасской поэзии. Он констатирует, что от общего количества стихотворений, поступивших в 1937 году в редакцию областной газеты «Хызыл аал», 75% составляют «абсолютно ни к чему негодные» стихи, остальные 25% требуют значительных доработок. Отмечая, что хакасская литература в основном опирается на устно-поэтические традиции, В. Кобяков призывал молодых поэтов через обращение к творчеству А. Пушкина, М. Горького, В. Маяковского искать новые художественные формы выражения своих мыслей и идей. Данные статьи, в которых автор, критически анализируя стихи начинающих поэтов, говорит о поэтической форме хакасских фольклорных произведений и системе русского стихосложения, а также о необходимости обращения к национальным и инонациональным традициям в процессе создании стихотворных произведений, позволяют считать В. Кобякова одним из первых литературных критиков Хакасии.

В 1930-е годы В. Кобяков был известен ещё и как один из первых переводчиков на хакасский язык произведений А. Пушкина, Н. Некрасова, Д. Бедного, А. Чехова. Осваивая в процессе переводческой деятельности традиции русской и советской литературы, он учился у них приёмам создания литературного произведения как художественного единства. Влияние русской классики выразилось, как известно, в самом факте появления жанров в хакасской литературе. По справедливому мнению У.Н. Кирбижековой, «В. Кобяков одним из первых так широко раскрыл в хакасской поэзии тему культурного просветительства, используя при этом самые различные формы выражения, от народных песен до

рифмованного рассказа, от небольших четверостиший до эпических стихотворений, от сатирических и юмористических сюжетов до законченных и организованных мыслью басен». В. Кобяков является основоположником таких литературных жанров, как басня, рассказ, повесть, очерк. Именно он написал в 1937 году первую хакасскую басню «ТасхаЧах» («Сова»), которая до сих пор не утратила актуальности. Ориентируясь на формальные признаки русской басни, В. Кобяков строит своё произведение, наполненное яркой национальной образностью, народной ментальностью, лаконичностью изобразительно-выразительных приёмов. В басне действующим лицом является сова, которая, как гласит народное предание, не строит гнезд, хотя каждую ночь, дрожа от холода, дает себе слово, что утром же сошьёт гнездо. Сатирическое иносказание, олицетворение в образе совы беззаботных, беспечных людей, живущих одним днем, усиливает социальное звучание басни.

В основе поэзии В. Кобякова лежит поэтика народной песни – четырёх-восьмистрочного тахпаха. Свободно и широко используя форму тахпаха, поэт наполняет её новым содержанием, соответствовавшим общей тематике поэзии 1930-х годов: об Октябрьской революции, о Ленине, о партии, о партизанах, о труде, о колхозной жизни, о победе нового над старым. Стихотворения «Лениннеңер» («О Ленине»), «Хакас партизаннарның ыры» («Партизанская песня»), «Чазыдаңар ыр» («Песня о степи»), «Чиңіс» («Победа»), как отмечает П. Трояков, «по своей интонации были близки к народным песням, но они уже не были ограничены строгими рамками восьмистрочной строфы, а состояли из целого ряда таких строф, объединенных целостным тематическим содержанием и эмоциональным настроением».

На эстетическом опыте родного фольклора и традициях русской литературы построена и проза В. Кобякова. В 1934 году в «Книге для чтения» для третьего года обучения в начальной школе, изданной в Новосибирске, был опубликован первый его рассказ «Что видел Айдо», который затем был переработан в повесть «Айдо».

«Айдо» является первым значительным произведением хакасской прозы, отразившим процесс художественного освоения и возможности трансформации фольклорно-поэтического в литературно-реалистическое. Активное влияние традиций фольклора особенно сказалось при создании образа главного героя повести – мальчика-сироты Айдо – в разработке традиционных мотивов обездоленности героев, противопоставления героев, использовании мотива пути, встречи и других фольклорных изобразительно-выразительных приемов.

Осваивая сказочные традиции, В. Кобяков стремился к их синтезу с литературными формами. Так, главным организующим принципом стиля повести «Айдо» и ее единой художественной целостности, подчиняющей все элементы формы, становится контраст, противопоставление. На

противопоставлении, основном композиционном приеме, организующем расположение частей, элементов и образов произведения в определенной последовательности, основано художественное пространство повести «Айдо»: здесь важным в смысловом отношении является композиционное противопоставление «своего» и «чужого» пространства – «свое» воплощается в образах, близких главному герою и помогающих ему. Они, как герои волшебной и бытовой сказки, героического эпоса, олицетворяющие мудрость, силу и могущество народа, – простые пастухи и чабаны, становящиеся активными борцами за новую жизнь (Чабус, Торка). Как и в бытовых сказках, им противостоят не враждебные силы природы, а конкретные социальные типы – купцы, богачи, нещадно эксплуатирующие бедных батраков. Конфликт, основанный на реальных жизненных противоречиях и воплощенный в противоборстве представителей двух социальных классов, пронизывает структуру художественного произведения В. Кобякова. Группировка образов в сказке – бедняк, батрак, простой труженик, противопоставленные баю, – легла и в основу композиционной группировки героев повести Кобякова, но уже с той проблемой, которую они воплощают здесь, то есть проблемой социального неравенства.

Повесть В. Кобякова «Айдо» тесно связана с устно-поэтической традицией, влияние фольклорных традиций сказывается в архитектонике произведения, в основу которого положена творческая контаминация отдельных сюжетно-композиционных элементов, мотивов, образов, лексики и стилистики сказочного эпоса. Мотив встречи главного героя с разными людьми, как и сказочного героя, отправившегося в путь на поиски счастья, образует сюжет повести. В сказке сирота борется со злом, несправедливостью, в литературном произведении этот типаж, по мнению Р. Саковой, сталкивается с социально обусловленной действительностью. Превращением образа сироты в героя Айдо ранняя хакасская литература приближается к художественной системе в литературных образах. На преобразование фольклорной образной системы в литературную направлены и портрет, и пейзаж, и вещный мир, и психологизм ситуаций и характеров, и языковая «маркированность», придающая традиционной образности поэтическую свежесть.

В «Книге для чтения» для третьего года обучения вместе с рассказом «Что видел Айдо» вышел рассказ «Крещение». В центре рассказа находится образ старика Чандая, вспоминающего, как в детстве их, всей деревней согнав в реку Аскиз, крестили священники. В рассказе сатирически обрисовываются и подвергаются критике дьяконы, монахи, попы и шаманы, одурманивавшие и обиравшие народ. В. Карамашева, оценивая этот рассказ с современных позиций, пишет: «Ярко выраженная антирелигиозная направленность рассказа «Крещение», кажущаяся в настоящее время несколько преувеличенной (маловероятно, что глупость и

жадность священника и шамана столь беспредельны), объясняется и личной позицией писателя, и требованиями времени».

В хрестоматию по литературе для четвертого года обучения, изданной в 1934 году в Новосибирске, и составителем которой был сам В. Кобяков, вошёл его рассказ «Чужой амбар». Крестьяне Антон, Мычик и его сыновья, дед Хочах, Микей обмолачивают зерно богатому крестьянину Миките Саго. Закончив работу, вместо обещанной баем награды, труженики получают горькое разочарование: высчитав за молотилку и своих коней, за семенные, Микита их оставил ни с чем. Актуальная в советской литературе «тема социального неравенства, утверждение первичности классовых отношений и вторичности родственных» должны были, как отмечает В. Карамашева, «ещё раз подтвердить историческую правомерность состоявшейся коллективизации и «раскулачивания». Рассказ отличает особое изображение эмоционально-чувственной сферы, т.е. способность автора описывать различные нюансы психологических состояний, испытываемых героями за короткий отрезок времени: «упоение трудом – скверные предчувствия – радость по окончании работы – разочарование – горькая обида».

В рассказе «Верша» В. Кобякова высмеиваются бродячие монахи Апчук и Поскыр, продающие нательные кресты и деревянные иконки и пытающиеся украсть рыбу из кем-то поставленной верши. Желая полакомиться чужой рыбой, монахи, застигнутые врасплох, попадают в неловкое положение и удирают. Элементы комического, высмеивающего отрицательное и утверждающего положительное, взятые в данном случае из сказочного, ускоряли движение к реалистической художественности. Написанное на национально-художественной основе произведение В. Кобякова, отличаясь народностью мышления, сатирическим народным языком поэтических сравнений, построением живых диалогов в духе фольклора, диалектически соединяя в себе серьезное и смешное, приближало хакасскую литературу к художественности.

Рассказ «Выстрел», за который В. Кобяков, так же, как и А.И. Кузугашев за повесть «Öörлiк пүүрлер» («Волчья стая»), в 1935 году на первом областном литературном конкурсе получил вторую премию (первая премия на этом конкурсе никому не была присуждена), посвящен теме гражданской войны на территории Хакасии. Убийство Пети Сабурова, посыльного от больного коммуниста Семёна Капчигашева в штаб красных, а затем и самих братьев Капчигашевых, поднимает на борьбу против бандитов Калтына, Клада Рудакова, Халгара Капчигашева и других жителей села. Пророчески звучат предсмертные слова младшего брата Семёна Михаила, кинувшегося на врага с топором: «Ещё найдутся руки, чтобы взять этот топор!». Впервые в хакасской литературе выделенная в произведении крупным планом вещь, в частности топор, несет повышенную смысловую, идейную нагрузку, перерастая в символ. «В эту символику автор вкладывает глубокий смысл, вобравший

жизнеутверждающий оптимизм нового. Новое не глохнет со смертью коммуниста Семёна и его братьев, оно развивается, вырастая в грозную силу», – пишет У.Н. Кирбижекова. Повествование о том, как Калтын, Рудаков Клад, Халтар Капчигашев подхватывают эстафету борьбы, выроненную Михаилом перед смертью, продолжается в другом рассказе В. Кобякова «Разгромленный штаб бандитов». Халтар Капчигашев, вызволенный Кладом Рудаковым из рук бандитов, вступает в отряд красных партизан, сформированный в лыжную команду, и идущий во главе с командиром Овчинниковым в логово врага, укрывшегося в неприступной тайге на зимовку. Основу рассказов В. Кобякова составляют реальные события, связанные с борьбой против банд Соловьева и Кулакова, действовавших в притаежных районах Хакасии. В отражении темы гражданской войны и партизанского движения, в исторически достоверном отображении военных событий, в создании художественного образа Овчинникова, воплотившего типические черты отважных, принципиальных, непоколебимых «красных» командиров гражданской войны, В. Кобяков опирался на опыт советских писателей. Умение писателя соединить отдельные сцены, эпизоды в цельное повествование, реалистически описанный пейзаж, портрет героев, лирические отступления – всё это свидетельствует о росте художественного мастерства первого хакасского прозаика.

В целом, говоря о прозе В. Кобякова, следует отметить, что он первым из хакасских писателей взялся за художественное изображение в своих произведениях того, как исторические события изменяют реальную жизнь человека, передают внутреннюю сущность характера каждого человека, судьбу отдельных социальных слоев общества и всего народа. Образ современника 1930-х гг. в прозе В. Кобякова нашел отражение, прежде всего, в характерах, раскрывающихся с точки зрения их социально-политической деятельности: таковы целеустремленные, идейно убежденные Семен, Мишка, Егор, Калтын (рассказ «Выстрел»), командир партизанского отряда Овчинников (рассказ «Разгромленный штаб бандитов»), обычные труженики – Казан (рассказ «Казан»), Антон, Мычик, дед Хачах, Микей, сыновья Мычика (рассказ «Чужой амбар»). Идеологизированная сущность характера объясняется, как и во всех национальных литературах (эти процессы происходили по схожей схеме и стереотипу), особенностями эпохи, поскольку писатели передавали социальные проблемы, откликались на те или иные явления, придерживаясь жесткой и негативной позиции по отношению к образам кулаков, баев, представителей духовенства, шаманов, белобандитов.

За короткую жизнь В. Кобяков успел многое сделать для своего народа. Его талант и мастерство писателя проявились в том, что в 1930-е годы, когда у хакасов ещё не было своей литературной традиции, а единственным видом искусства слова был фольклор, он создал остросовременные произведения, поднимавшие актуальные проблемы социальной несправедливости и классовой борьбы, гражданской войны и

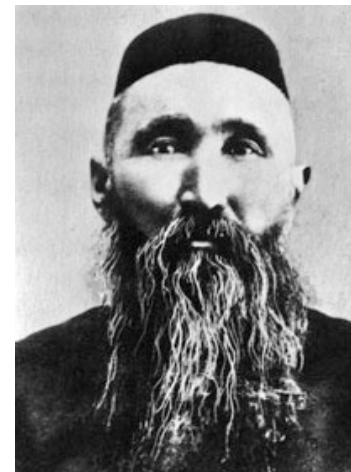
её героики, просвещения народа и обновляющейся жизни. Он был одним из тех, кто поднял духовную культуру хакасского народа на новый уровень: соединив в единый сплав национальный художественный опыт и опыт русской классической и советской литературы, он заложил основы будущей реалистической традиции в хакасской прозе. В настоящее время в Хакасии нет названных именем В.А. Кобякова населенных пунктов, учреждений, премий, памятных мест, но его имя навсегда вписано в историю хакасской литературы, как одного из самых ярких и выдающихся её основоположников.

Источники и литература

1. История хакасской литературы / Хакас. науч.-иссл. ин-т яз., лит-ры и ист. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2011.
2. Карамашева В.А. Становление хакасской прозы: жанр, проблематика, характер. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996.
3. Карамашева В.А. Творчество хакасских писателей в школе. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1995.
4. Кирбижекова У.Н. Очерки, рассказы, повести 30-х годов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XIV, серия филол. – 1970. – № 1.
5. Кобяков В.А. Айдо. Повесть, рассказы, очерк; [вступ. ст., подгот. текста П.А. Троякова]. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1959.
6. Кобяков В.А. Избранные стихи; [вступ. ст., подгот. текста М.И. Чебодаева] // Хакас кӱглерінің чыындызы. – Абакан: Хакас. отд-ие Краснояр. кн. изд-ва, 1969.
7. Кобяков Василий Андреевич // Хакасские писатели. Библиограф. Справочник / Сост. Н.Н. Таскаракова; Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1999.
8. Кобяков В.А. Хакас тілінең художественной произведениелердеңер // Ах тасхыл. Лит.-худ. альманах. – 1973. – № 21.
9. Кызласова А.Г. Зарождение и развитие хакасской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук – Уфа, 1980.
10. Очерки истории хакасской советской литературы / Хакас. науч.-иссл. ин-т яз., лит-ры и ист. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1985.
11. Сакова Р.Т. Фольклор и литература народов Сибири – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985.
12. Трояков П.А. Очерки развития хакасской литературы. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963.
13. Унгвицкая М.А. Роль фольклора в развитии хакасской литературы (Хакасская литература и фольклор). – Красноярск, 1986.
14. Челтыгмашева Л.В. Фольклоризм хакасской прозы 1930-1990-х гг. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010.

©Челтыгмашева Л.В.

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ

(1858–1931)

Необходимо учить людей трудиться, необходимо дать им образование, но всего этого недостаточно для изживания в человеке нравственного уродства. В процессе воспитания человека необходимо ввести науку совести.

Ш.Кудайбердыулы

Шакарим – великий казахский акын, проповедовавший просветительские и гуманистические идеи, прозаик, переводчик, ученый-историк, философ-мыслитель. Духовный приемник и ученик Абая, Шакарим Кудайбердиев родился в 1858 г. в Шынгыстауском районе (ныне Абайский район) Семипалатинской (ныне – Восточно-Казахстанская) области во влиятельной и богатой семье. Его отец Кудайберды – сын Кунанбая, старший брат великого казахского поэта Абая Кунанбаева. С семи лет, оставшись без отца, Шакарим воспитывался в доме великого Абая, что позволило ему приобрести столь широкий кругозор и развить творческие способности.

Юность Шакарима проходила в атмосфере, где почитали искусство слова, науку и образование, творчество любого рода и приверженность к музыке.

Будучи в Семипалатинске, повзрослевший Шакарим научился прекрасно играть на гармонии и скрипке. Он занимался также рисованием, работал с камнем, изобретал и кроил одежду, изготавливал скрипки, домбры, держал скаковых лошадей, охотился с беркутом. Известно, что он

изготовил протез для покалеченного когтя беркута из стали. В 14–15 лет Шакарим под влиянием Абая начал сочинять стихи. Темой его философствования были природа и этика, добро и зло.

Едва ему исполнилось 20 лет, как он решил заняться политикой, чтобы помочь своему народу добиться лучшей доли, он старался упорядочить взаимоотношения между родами, между разными слоями общества, хотел, чтобы в степи воцарились мир и благоденствие. На выборах Шакарим предложил свою кандидатуру и был избран в волостные правители.

Своеобразной школой для него стало знакомство со спорами и тяжбами. Многочисленные жалобы раскрыли ему, как много несправедливости в окружающем мире. Он проник в систему правления, в которой главенствующее положение занимала колониальная политика царского правительства, основанная на подавлении и ущемлении прав казахского народа.

Начало XX в. знаменовало время подъема творческой деятельности Шакарима. В 1906 г. он посетил Мекку, Мысыр (Египет), Стамбул, работал в библиотеках, пересылая по почте в Семипалатинск приобретенные книги.

Демократические взгляды, широта интересов Шакарима позволили ему в 1903–1907 гг. стать членом Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского Географического общества. Членство в этом обществе, несомненно, расширило круг его общения, укрепило его гуманистические взгляды.

Последний период его жизни совпал с революцией 1905–1907 гг., стольпинской реакцией, первой мировой войной, национально-освободительным движением 1916 г. в Казахстане, февральской и Октябрьской революциями, гражданской войной, установлением советской власти, коллективизацией.

Шакарим был свидетелем многих значительных событий и изменений, происходивших в отношениях между Россией и Казахстаном. Он участвовал в национально-освободительном движении «Алаш». Установление советской власти в Казахстане, голод 1921 и 1931–1933 гг., массовая конфискация в 1928 г. – все это оказало большое влияние на мировоззрение поэта.

В 1912–1922 гг. Шакарим жил в местности Кенконыс, целиком посвятив себя науке и творчеству. С 1922 г. он жил в местечке Шакпан в совершенном одиночестве. 2 октября 1931 г. Шакарим был безвинно осужден и тайно расстрелян. Имя великого таланта, большого ученого на долгие годы было незаслуженно забыто.

Шакарим оставил богатое литературное наследие. Написанные им произведения с 1878 по 1904 гг. вышли отдельными книгами. Кроме того,

им создано более 20 песен. Он одновременно и автор стихов, и автор музыки.

В художественных произведениях и переводах Ш. Кудайбердыулы стоял на позициях просветительского гуманизма и внес своим творчеством значительный вклад в развитие казахской литературы конца XIX – начала XX в.

Шакарим глубоко увлекся творчеством приблизительно с 1898 г., уже после сорока лет. По определенной системе стал изучать западную и восточную литературу. В эту пору он познакомился с наследием таких поэтов и мыслителей Востока, как Хафиз, Физули, Навои, а также с произведениями Дж. Байрона, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого.

Шакарим самостоятельно овладел арабским, персидским, турецким, русским языками. Полностью отдавшись наукам и знанию, он отправляется путешествовать, чтобы ближе познакомиться с народом.

Литература, история, философия, риторика, музыка, религия, естественные науки – все входило в круг интересов Шакарима и стали источником интеллектуальной глубины его творчества. Шакарим Кудайбердыулы был автором многочисленных стихотворений, поэм, повестей, переводов. При жизни поэта был опубликован сборник стихов «Зеркало казахов» (1912), много его стихов сохранилось в рукописном виде и в памяти народа. Шакарим написал сюжетные романтические поэмы «Калкаман-Мамыр», «Енлик-Кебек» (обе изданы в 1912 г.).

Кроме этого, Шакарим создал поэмы «Лейли и Меджнун», «Нартайлак и Айсулу», «Смерть Кодара», «Дума», «Жизнь забытого», роман «Адил и Мария», сборник рассказов «Сад роз» (Байшешек бакшасы), много басен, афоризмов, загадок, философской лирики.

Духовные поиски и религиозные искания Ш. Кудайбердыулы отражены в трактатах по истории и религии казахов «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханов», «Мусульманство» (1911–1912 гг., г. Оренбург). Ислам мыслитель трактатовал с гуманистических позиций, он стремился акцентировать внимание на нравственной основе религиозных идей.

Большую популярность приобрела в народе его книга «Шежіре» (Казахская летопись), изданная в Оренбурге в 1911 г., которая и поныне имеет неизмеримое историко-познавательное значение.

В его исторических, философских и публицистических трудах затрагиваются многие проблемы общественной и культурной жизни казахского народа.

Шакарим также обращался к сюжетам мировой литературы. Он перевел известный роман американской писательницы Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», рассказы Льва Толстого, а прозаические произведения А.С. Пушкина «Дубровский» и «Метель» он преподнес в поэтическом переводе.

К философской лирике и трактатам Шакарима подвели философские мысли западных философов, таких как, Платон, Демокрит, Камилл, Герберт Спенсер и многие другие.

Тридцать лет кропотливого поиска он посвятил своему трактату «Три истины», начав его в 1898 г. и завершив в 1928 г. Его размышления об осознании мира представлено тремя истинами – это материалистическое мировоззрение, теологическое миропонимание и совесть. В глубоко содержательной интерпретации этих трех истин мыслитель, обращаясь к значительным достижениям мировой науки, в конечном счете, делает соответствующие выводы, опираясь на собственные знания, разум и жизненный опыт.

В своей работе мыслитель остро ставит вопрос об Истине. Что есть Истина? К сожалению, говорит Шакарим, ни материализм, ни идеализм не приблизились к Истине. Анализируя и сопоставляя две позиции – материалистическую и идеалистическую, Шакарим предлагает свой вариант решения этой проблемы. При этом он замечает, что путь к Истине не всегда прямой, он сопряжен с многочисленными ошибками, пересмотром многих основ, ранее считавшихся аксиоматическими. Подчеркивая сложный тернистый путь к Истине, мыслитель писал: «Истину человек видит и воспринимает не просто глазами, а глазами разума...».

Творчество Шакарима уникально тем, что через свое интеллектуально-мировоззренческое видение он осмысливает важнейшие проблемы развития человечества, государства, политики и прав человека. Большое место в творчестве мыслителя занимают и проблемы социального прогресса. Следует отметить, что политические взгляды казахского мыслителя не ограничиваются рамками той эпохи, в которой он жил, а наоборот, как и идеи великого Абая Кунанбаева, его пророческие взгляды весьма актуальны и в наши дни.

Большую роль в преобразовании казахского общества мыслитель отводит науке, развитию просвещения и знания. По его твердому убеждению, наука как универсальная сфера человеческой деятельности, имеющая большое значение в преобразовании общества, способна также отрицательно влиять на весь род человеческий. Поэтому никакой демократический строй, никакое идеальное государственное устройство, форма правления не могут служить интересам всех народов, если достижения науки будут использоваться во вред человечеству и мировой цивилизации. Свои суждения он аргументирует так: «Просвещенные умы владеют тайнами ремесел, их возможности неограниченны. Но где, в каком деле используют они свои знания? Насколько я знаю, с помощью науки люди научились делать смертоносные орудия, нашли ядовитые газы, истребляют друг друга, как диких зверей, сильные превратили слабых в рабов, вся планета обгажена человеческой кровью».

Шакарим рассматривает государство как защитника интересов всех слоев общества, а правительство как орган, обеспечивающий подчинение людьми «справедливым и единым для всех законом», что означает равенство всех перед законом. По убеждению мыслителя, орган, издавший закон, обязан следить за его соблюдением.

Постепенно, по мере обогащения житейского опыта, Шакарим начал создавать произведения, в которых всё большее место занимают просветительские мотивы. В этих произведениях акын смело критиковал давние недостатки земляков, о которых говорил ещё Абай: лень, неповоротливость, благодушие, зависть, стяжательство.

Сердцевина идей Шакарима – духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Поэт не требовал революционных изменений в обществе, он надеялся преобразить человеческую жизнь через облагораживание души и духовных потребностей. Он был убежден в необходимости нравственного очищения людей для построения нового общества. Задача родителей и педагогов, по мнению просветителя, – уберечь юные души от дурных влияний. Плохие привычки легко закрепляются и от них трудно избавиться, поэтому с раннего детства надо прививать человеку правила нравственного поведения. Добродетели, напротив, требуют постоянных усилий духа воспитуемых. Отдалённость результатов, несиюминутность отдачи правильного поведения заслоняют от детей значимость моральных заповедей. Неискущённость, малый жизненный опыт подталкивает молодёжь идти на поводу у чувственных влечений и предпочитать эгоистические желания общественному долгу, – писал просветитель в философских думках «Сад подснежников». Если с детства не прививать навыки нравственного поведения и не упражнять воспитанников в правильных моральных поступках, позднее ни самые сильные внушения разума, ни требования чести и долга не в силах будут изгнать дурные навыки. Всякий обязан стремиться к достижению идеала, пусть даже и не дойдёт до цели, но находиться на верном пути – залог успеха. Нравственные нормы и правила поведения не должны быть чем-то внешним, они должны стать глубоко личностными качествами растущего человека и только в этом случае выполняют своё предназначение. Значит, главная цель нравственного воспитания и самовоспитания, согласно Шакариму, – необходимость формирования в человеке внутренней потребности к активному утверждению в себе высокой морали, духовности, религиозности.

Шакарим вслед за Абаем призывал молодежь овладеть знаниями, ремеслами, воспитывая в себе человеколюбие, гуманизм. В стихотворении «Жастарға» (Молодым) он советует подрастающему поколению не отставать от своих сверстников, не лгать, не воровать, не сквернословить, не лениться, учиться всему хорошему у молодежи передовых стран. В своих произведениях он призывает казахскую молодежь быть в передовых

рядах прогрессивной части общества. Он осуждает недостойное поведение некоторых молодых людей во взаимоотношениях со взрослыми, пренебрежительное отношение молодежи к традициям, обычаям казахского народа. При этом он часто напоминает о том, что плохие дела людей никогда незамеченными не останутся. Просветитель Шакарим указывает на необходимость справедливости и милосердия между людьми. Единственный нравственный путь, указанный поэтом молодежи – это путь справедливости и овладения знаниями. Именно такой путь спасет человека от трудностей, избавит от невежества, приведет к вершинам нравственности.

Просветитель гневно осуждает нечистоплотность, алчность в человеке, в стихотворении «Дүние мен өмір» Шакарим дальше углубляет эту идею. Он предостерегает молодежь от хитрости, злорадства, лицемерия, обмана и напоминает о том, что как хорошее, так и плохое, богатство и нищета – это все не от бога. Наоборот, все это от самого человека, поэтому человек должен неустанно работать над собой: вбирать в себя положительные качества и искоренять свои недостатки.

Говоря о наследии казахского народа, просветитель указывает на то, что наследие прошлых – это великое богатство, оно неисчерпаемая духовная пища для многих поколений. Ученый призывает молодежь изучать, понимать и применять в жизни это богатство. Далее поэт дает наставления молодежи о необходимости соблюдения норм поведения, народных традиций и обычаев, сохранять спокойствие, уравновешенность. В жизни все происходит честным трудом: и богатство, и счастье, для чего нужно не бояться трудиться. В стихотворении «Насихат» поэт указывает на то, что ключ к жизни находится в знаниях, поэтому в молодости человек неустанно должен стремиться к знаниям.

Шакарим обращает внимание на отсутствие учебно-методических материалов на казахском языке в двухступенчатых школах. Он был глубоко убежден, что основой культурного развития любой нации являются школьные учебники на родном языке, наличие художественной литературы и прессы на языке этого народа.

Долгое время его замечательные, поистине бесценные произведения, охватывающие такие отрасли знания, как филология, история, философия, психология, право были погребены коммунистической тоталитарной системой и преданы забвению. И только в 1988 г. Шакарим Кудайбердиев был полностью реабилитирован.

Благодаря стараниям известного казахского писателя и литературоведа Мухтара Магауина, который собрал из разрозненных источников и опубликовал в 1973 и 1988 гг. наследие Шакарима, творчество поэта и философа стало интеллектуальным достоянием казахского народа.

В 1989 г. увидел свет полноценный сборник мыслителя под общим руководством ученого Мухаммедрахыма Жармухаммед-улы. Первая академическая биография Шакарима была написана видным литературоведом Шамшиябану Сатпаевой. Позже русскоязычный казахстанский поэт Бахытжан Канапьянов перевёл некоторые стихи Шакарима и написал сценарий к фильму «Последняя осень Шакарима», снятого на киностудии «Казахфильм» в 1992 г.

В 2008 г. известный казахский прозаик Роллан Сейсенбаев представил новый трёхтомник Шакарима. Первый том сочинений Шакарима вобрал в себя лирику поэта-философа, отражающую взгляды мыслителя на духовное познание мира. Во второй книге собраны поэмы и проза. Третья книга – это архив сведений и фактов о жизненном пути, творческой деятельности Шакарима и сведения о его потомках.

Именем Шакарима Кудайбердиева назван Семипалатинский государственный университет имени Шакарима.

В ознаменование 150-летия поэта 2008 г. был объявлен «Годом Шакарима». В Семипалатинске состоялась международная научно-практическая конференция «Творчество Шакарима в контексте казахской и мировой культуры». На научном форуме состоялось сразу несколько презентаций – энциклопедии «Шакарим», многотомной научной серии «Вопросы шакаримоведения» и документального фильма «Земля Шакарима».

В центральном парке города был установлен памятник Шакариму скульптора Ш.-А.Валиханова.

Юбилею великого казахского мыслителя посвятили труды сразу несколько ученых – последователей творчества Шакарима. В русском переводе вышла книга «Данышпан Шакарим» академика Г. Есима – «Мудрость Шакарима», посвященная его творчеству, документальная книга «Шакарим» журналиста Д. Сейсенулы о жизни и творчестве поэта, альбом картин о Шакариме академика М.Алиякпарова, К.Олмесеков выпустил альбом с песнями Шакарима. В компакт-диск вошли ранее не известные произведения выдающегося поэта.

В 2008 г. была выпущена почтовая марка Казахстана, посвященная Кудайбердиеву.

В 2012 г. доктор исторических наук, профессор Е.Б. Сыдыков презентовал книгу «Шакарим», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». В ней с научной точки зрения и гражданских позиций проанализированы исторические, публицистические, философские труды Шакарима. Автор создал целостное жизнеописание Шакарима Кудайбердиева – феноменальной личности, поэта, философа, историка, музыканта, переводчика.

23 апреля 2015 г. в рамках Казахского фестиваля искусств в Лондоне накануне празднования Дней Абая состоялась презентация книги доктора

исторических наук, академика НАН РК Е.Б. Сыдыкова «Шакарим. Жизнь казахского поэта» («Shakarim. The life of Kazakh poet») на английском языке.

Источники и литература

1. Есим Г. Казахская философия // Мысль. – 2004. – № 7.
2. Исакова Г. Политико-правовые взгляды Шакарима и современность // Вопросы шакаримоведения: Собр. науч. трудов, Т.5. – Алматы, 2007.
3. Кудайбердиев Ш. Три истины. – Алма-Ата: Казахстан, 1991.
4. Нысанбаев Ә.Н., Барлыбаева Г.Ғ Философия Шакарима // Шәкәрім әлемі. – 2006. – №1.
5. Сыдыков Е. Шакарим. Серия: Жизнь замечательных людей. – М.: Издательство: Молодая гвардия, 2012.
6. Шакарим Кудайберды-улы. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Пер. Б. Каирбекова. – Алма-Ата: СП Дастан, 1990.

©Абдрахманова Г.С.

САЛИХЬЯН КУКЛЯШЕВ

(1811–1864)

Башкирское просветительское движение как идейное оружие зарождающейся национальной буржуазии против старых порядков, отсталости во всех областях культуры, средневековой идеологии и национально-колониального гнета, за установление более прогрессивного по сравнению с феодализмом общественного строя начало формироваться в 40-50-е годы XIX века и прошло почти вековой путь развития. Это связано с медленным и сложным развитием рыночных отношений в крае и соответственно затяжным процессом формирования башкирской буржуазии. В этих условиях башкирское просветительство развивалось довольно противоречивыми и сложными путями: формируясь под влиянием идей просвещения западного типа, оно выступало за развитие светского образования, европейских форм жизни, в то же время противостояло проникновению в край европейского, в т. ч. русского капитала, ратовало за самосохранение и развитие национальных культурных традиций.

В первой половине XIX века в Башкортостане начался процесс становления и постепенного развития капиталистических отношений, который привел к усилению экономических и культурных связей народов России, замене старого новым в сферах материальной и духовной жизни края. Активная многогранная деятельность русских ученых, писателей, краеведов, становление русско- и арабоязычной печати и книгоиздательского дела, открытие различных русских и мусульманских учебных заведений в условиях развития капиталистических отношений оказали большое влияние на рост национального самосознания башкир и других народов края. Под влиянием русской, и через нее европейской культуры и литературы развивалась и культура башкир.

Перед башкирской творческой интеллигенцией прежде всего встали вопросы реформирования старого письменного литературного языка тюрки и создания понятного тюркоязычным народам Урало-Поволжья нового письменного языка, переустройства схоластической системы просвещения в соответствии с требованиями времени, формирования у народа реалистической философской мысли, взглядов, выступающих против средневековой идеологии, духовно-мыслительного застоя, призывающих народ к активной деятельности.

Исторические факты говорят, что башкирские творческие деятели, заложившие первые камни просветительско-реформаторского движения, прежде всего выдвинули на первый план вопрос о необходимости создания нового письменного литературного языка путем реформирования старотюркского письменного языка. Они очень хорошо понимали, что без

сближения этого недоступного широким народным массам письменного языка с их разговорным языком трудно поставить на новую основу образовательно-воспитательную систему, превратить ее в передовой очаг духовно-культурной жизнедеятельности народа, формировать у него реалистический философский и эстетический взгляд на мир, а также что консерватизм в старом письменном языке сдерживает естественное развитие национального самосознания, культуры и литературы. Приверженцами этой идеи – реформирования старого письменного языка, борьбы за просвещение народных масс на понятном им языке, за новые светские знания, культуру и литературу были в основном преподаватели и ученые, работающие в среднеспециальных и высших учебных заведениях, учителя передовых мусульманских учебных заведений. Их объединяли нетерпимость к старым порядкам, превратившимся в шаблон нормативности в средневековом эстетическом и языковом самосознании, схоластической системе образования, стремление к гуманизму и свободомыслию, вера в силу знаний, дружбы народов, их культурно-экономических связей, осуждение национальной ограниченности. Значительная часть первых идеологов башкирского просветительно-обновленческого движения уже в середине XIX века начала выступать за европейский тип культуры в башкирском обществе. Они в своих поисках в основном ориентировались на прогрессивную культуру русского народа, стремились развивать на ее примере свою национальную культуру. Воспринимая художественно-эстетический опыт, исторические, философские и просветительно-реформаторские идеи русской культуры, они мечтали прежде всего о преобразовании национальной (мусульманской) школы в светскую, делали первые серьезные шаги по изучению языка, истории, литературы и фольклора родного народа. Все это в какой-то мере подготовило благоприятную почву для появления целой плеяды национальной интеллигенции (Х. Габдельсалимов, М. Карамышев, Ш. Буракаев, А. Шарипов, Ш. Шарипов, М. Муслимов, Г. Субхангулов, И. Батыршин, З. Жданов, Ш. Саглыков, Х. Хамитов, Г. Бикметов, М. Бикметов, Ш. Каипов, Х. Яушев, К. Шагиев, К. Караулов, С. Тукумбетов, А. Абдиев, Ф. Диваев, С. Диваев, И. Исмаев, М. Юсупов, А. Юсупов, С. Нигматуллин, Г. Муллагулов, К. Тасигмуллина, Г. Абдуяппарова, Х. Абдуманафова и др.), для развития демократических идей просветительского направления в общественной и научно-литературной жизни башкир.

В 40–70-е годы XIX века просветительство в башкирском обществе проявилось в основном в научно-литературной и педагогической деятельности отдельных представителей национальной интеллигенции, выступающих за реформу старого письменного языка, развитие светской науки и системы образования, за ориентацию на передовую русскую культуру. В этом отношении заслуживает большого внимания

творческая деятельность ученого-писателя, преподавателя Оренбургского Неплюевского военного училища (с 1844 года – кадетского корпуса) Салихьяна Кукляшева (1811–1864) – автора изданного в 1859 г. в Казани учебно-популярного сборника «Диван хикаяте татар» («Татарская хрестоматия») со словарем.

Документальных материалов о жизненном пути Салихьяна Кукляшева сохранилось мало. Он родился в 1811 году в семье надворного советника. В 1831 году окончил Оренбургское Неплюевское военное училище, работал в пограничной комиссии переводчиком, в 1832 году продолжил учебу в Казанской гимназии, затем на медицинском факультете Казанского университета. В 1834 году он перешел на восточный разряд отделения словесных наук, который окончил в 1836 году со степенью кандидата и в сентябре того же года начал работать старшим учителем восточных языков в Неплюевском военном училище, которое в 1844 году было реорганизовано в кадетский корпус. В 1850 году С. Кукляшев был переведен на должность надзирателя в школу для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, оставаясь одновременно преподавателем в кадетском корпусе. В 1859 году в чине коллежского советника вышел на пенсию.

О национальной принадлежности и дате смерти С. Кукляшева до сих пор ничего не было известно. В 2004 году в архиве Санкт-Петербургского филиала института Российской академии наук по изучению Востока в архивных материалах башкирского ученого-литератора Ризаитдина Фахретдинова (1859–1936) автором этих строк были найдены ценные сведения, касающиеся биографии С. Кукляшева, по которым видно, что его отец Бикташ не является выходцем из татарской дворянской династии Бикташевых, как утверждают некоторые татарские ученые-коллеги. В официальном письме Нурмухамета Мамлиева, отправленном Р. Фахретдинову в 1906 году по поводу сбора материалов для его многотомного «Асара», прямо написано, что его отец Бикташ был выходцем из башкирской среды («башкорт таифасынан»), разорившимся дворянином, и что С. Кукляшев не был ни разу женат, не было у него и своего дома, он снимал комнату в доме купца Искандера Акалаева, «расположенном напротив мечети», там же в мае 1864 года ушел в мир иной и похоронен на старом мусульманском кладбище Оренбурга.

Салихьян Кукляшев был разносторонним ученым, глубоко знавшим не только историю, язык и литературу и, прежде всего, фольклор родного народа, но и историю, словесность и поэзию ряда восточных и европейских народов. В докладной записке на имя начальника военных учебных заведений России, составленной генералом Анненковым в 1844 году в связи с осмотром Неплюевского

кадетского корпуса, говорится, что С.Кукляшев «знает языки иностранные: латинский, немецкий, французский, персидский, арабский и татарский».

В предисловии к учебно-популярному сборнику «Диван хикаяте татар» («Татарская хрестоматия» со словарем) С. Кукляшев, «знаток истории, словесности и поэзии» ряда восточных и европейских народов, ведя речь о классификации и стилях языков, делит тюркские языки (как он писал, «языки, известные под общим названием «тюрки», на котором разговаривают и пишут турецкие и татарские племена»), на чагатайскую, турецкую и татарскую группы, на простой, канцелярский и научный стили. Здесь он ориентируется на труды профессора Казанского университета И. Березина и великого ученого-энциклопедиста М. Ломоносова, в частности на его труд по теории «трех стилей». В татарскую группу тюркских языков ученый-педагог включает татарский, башкирский, казахский, ногайский, кумыкский, карачайский, каракалпакский и мишарский языки. Как видим, под понятием «татарский язык» С. Кукляшев подразумевал группу тюркских языков, прежде всего башкирский, татарский, казахский. Богатые материалы литературного, исторического, документального и другого характера в своей хрестоматии он располагает исходя из этих языковых и стилевых классификаций. Вместо понятий «канцелярский», «научный» стили ученый иногда использует термины «деловой» и «книжный». В первую очередь в качестве простого стиля он помещает в сборник образцы пословиц, поговорок, баитов, большое количество (около 35-и) сказок, народных анекдотов и сказаний, а также отрывки, возникшие на основе шежере историко-литературных сочинений («Саранбай и Зиннат-агай», «Гайса улы Абат» – «Сын Гайсы Абат» и др.). Все эти материалы отличаются идейно-тематической разнообразностью, увлекательностью сюжетов. Среди них встречаются произведения, разоблачающие жестокость и коварство правителей, скупость, невежественность, цинизм богатых и, наоборот, восхваляющие доброту, справедливость и ученость некоторых из них, гуманность, остроумие, сметливость, деловитость и другие положительные качества людей.

В своей хрестоматии в качестве примеров канцелярского (делового) стиля С. Кукляшев дает образцы разных писем и купеческих расписок. В отдельный раздел он помещает образцы «научного» (книжного) стиля. Они представляют собой стихотворения таких суфийских поэтов, как Х. Салихов и А. Каргалы. Своей хрестоматией и приложенным к ней русско-татарским словарем С. Кукляшев зарекомендовал себя замечательным знатоком языка и литературы восточных и западных народов, активным поборником идей их дружбы, развития культурных связей. В конце своей книги он в собственном переводе с русского и

восточных языков приводит отрывки из эпопеи «Шахнаме» А.Фирдоуси, басни И. Крылова и И. Дмитриева, рассказы и новеллы, освещающие проблемы нравственности, справедливости и человечности.

Вообще, хрестоматия Кукляшева отличается богатством материалов и разнообразием их тематики. Содержание многих помещенных в ней произведений, главным героем которых является простой народ, направлено на воспитание у читателей высоких моральных качеств, любви к знаниям, человечности. В своей творческой деятельности С. Кукляшев во многом следует идейным устремлениям раннего российского просвещения. В частности, опираясь на теорию «трех стилей» М.Ломоносова, классификации тюркских языков И. Березина, он фактически сумел разрушить основы нормативной средневековой эстетики и перешагнуть рамки канонической поэтики.

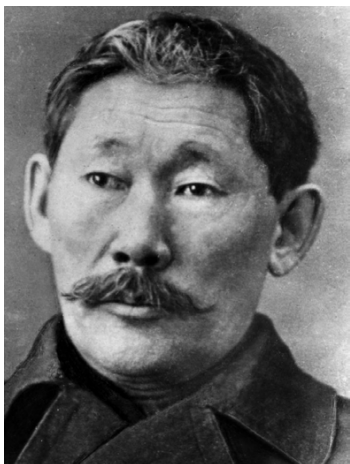
Краткий анализ учебника-хрестоматии со словарем С. Кукляшева показывает, что в его творческой деятельности отразились тенденции общественно-политических, этических и эстетических взглядов периода появления в башкирском крае первых ростков капитализма, что она носила просветительский характер и являлась значительным вкладом в развитие башкирской культуры и литературы демократического направления.

Источники и литература

1. Архив Института востоковедения. Ф. 131, оп. 1, ед. хр. 71.
2. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
3. Кукляшев С. Б. Татарская хрестоматия (Диван хикаяте татар). – Казань, 1859 (на письм. тюрк. яз).
4. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX века (XIX быуат башкорт әзәбиәте). – Уфа: Китап, 2010.
5. Кунафин Г.С. Башкирская просветительская литература (Башкорт мәғрифәтселек әзәбиәте). – Уфа: Китап, 2019 (на башк. яз.).
6. Кунафин Г.С. Башкирские просветители // История башкирского народа. В 7-и томах. Т. IV. – СПб.: Наука, 2011.
7. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX–начала XX века. – Уфа: Китап, 2006.
8. Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 1754, оп. 1, ед.хр. 68.
9. Rechens sur les dialectes musulmans. 1. Systeme des dialectes turcs // Ученые записки Императорского Казанского университета. Кн. 2, 1849.

©Кунафин Г.С.

АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ

(1877–1926)

Алексей Кулаковский – Өксөкүлээх Өлөксөй родился 4 (по н.ст.16) марта 1877 г. в IV Жехсогонском наслеге Ботурусского (ныне Таттинского) улуса Якутского округа. Отец Елисей Васильевич Кулаковский, мать Анастасия Николаевна Кулаковская (Собакина) – крестьяне среднего достатка – заслуживали уважение современников умением вести хозяйство, трудолюбием, доброжелательностью к окружающим. Их дети: дочь Матрена (1865–1900), сыновья Иван (1966–1921), Иордан (1879–1888) и Алексей – все получили домашнее образование с раннего детства. Старший сын – известный певец-сказитель – работал писарем, избирался старостой наслега, в должности головы Таттинского улуса во время гражданской войны казнен красными.

Алексей с детства отличался особенным восприятием природы, любознательностью, вниманием к мудрым старцам и талантливым сказителям. В 1890 г. окончил Чурапчинскую одноклассную школу и поступил в Якутскую духовную семинарию. Об этом периоде жизни классика в его научной биографии читаем: «Он попытался поступить в Якутское реальное училище. По воспоминаниям очевидцев, из-за сословного несоответствия и «иногo родства» у него документы не приняли. Он продолжил учебу в Якутском духовном училище, где проучился один год. Нельзя не оценить вклад Ивана Елисеевича, который в течение года обивал пороги разных учреждений, ... пока не добился разрешения небогaтому инородцу в случае успешной сдачи вступительных

экзаменов быть принятым в реальное училище. Этим старший брат сыграл решающую роль в становлении младшего брата».

После успешного окончания реального училища в 1897 г. Алексей Кулаковский работает письмоводителем, учителем в разных улусах Якутии, преподавателем педагогического техникума. Занимается сбором фольклора, изучением языка, верования, культуры родного народа, объезжая на лошадях, оленях, собачьих упряжках, пешком обширную территорию Земли Саха. В 1924–1925 годах выходит единственное прижизненное издание поэтических произведений А.Е. Кулаковского в двух книгах. В том году 31 марта он передает рукописи своих работ и изданные материалы научно-исследовательскому обществу «Саха кэскилэ». 27 мая в национальном театре Якутска состоялось празднование 25-летия литературной деятельности А.Е. Кулаковского. Вскоре после юбилейных мероприятий он выехал из Якутска в Оймякон во главе мирной делегации, чтобы остановить вооруженное противостояние, начавшееся 14 мая – последний отзвук гражданской войны. Мудрые слова Алексея Кулаковского летом 1925 г. стали поистине гуманным заключением самого трудного периода в истории Якутии. После долгой дороги на лошадях до Оймякона и обратно, что равняется более 2000 километров, 5 октября на последнем пароходе по Лене он отправился в Москву, чтобы участвовать в составе официальной делегации Якутии в работе съезда тюркологов в городе Баку. В течение трех месяцев он добирался до Москвы несмотря на болезнь и крайне тяжелое состояние здоровья. «В Москве принимал участие в мероприятиях, посвященных вопросам литературы, языкового строительства и книгоиздания». 19 января 1926 г. Он поступил во Вторую Московскую университетскую клинику. После третьей операции 6 июня 1926 г. А.Е. Кулаковский умер. Похоронен на Даниловском кладбище Москвы.

Многогранное интеллектуальное наследие Алексея Кулаковского приравнивается к началу якутской литературы, основам гуманитарных наук и естествознания, где главной идеей раскрывается значение языка в судьбе народа как одно из главных направлений продуманной им программы просветительской деятельности. В истории якутской литературы начало национальным традициям положено поэзией А.Е.Кулаковского. Рукописные варианты и списки его произведений, а также воспоминания современников подтверждают то, что А.Е. Кулаковский был широко известен народу как поэт, он читал свои произведения перед слушателями. Первые журнальные и газетные варианты его поэтических произведений подтверждают значимость имени автора, создавшего оригинальные художественные творения. Произведениями, опубликованными в составе книг, доказываются интерес к работам А.Е. Кулаковского как знатока и исследователя фольклора, культуры, образа жизни народа. Рукописные сборники со списками произведений А.Е. Кулаковского свидетельствуют о значимости автора в

среде якутской интеллигенции и приравниваются высокой оценке его творчества. В целом творчество основоположника якутской литературы представляют раздумья писателя о судьбе родного народа. В поэмах «Дары реки» (1909), «Красивая девушка» (1910), «Спор между умом сердцем» (1912), «Наступление лета» (1924) и др. его концептуальные образы выступают основой философских воззрений о проблемах жизни общества в контексте художественного восприятия времени как системы значительных исторических явлений и общечеловеческих идей.

В первой четверти XX века в России «чувство общности» проявляется в различных контекстах общественной жизни, начиная с христианских идей и натурфилософских воззрений, кончая публицистической основой диктатуры пролетариата. В этот период Алексей Кулаковский создает логическую сюжетообразующую оппозицию таких образов-понятий, как природа – человек; цивилизация – отдельная культура, образ жизни; вечные ценности – этапы или переходные моменты в жизни народа. В этом аспекте можно представить философскую поэму-размышление «Сон шамана» (1910), состоящую из девяти периодов, разделенных ритуальным восклицанием «Дом ини дом». В седьмом периоде он вещает о том, что мировая война перерастает в революцию и гражданскую войну. Наступают самые тяжелые моменты в состоянии старца-провидца: он предупреждает слушателей, что гражданская война по отношению к народу равна самоуничтожению. Драматизм в обращении к слушателям достигает здесь трагической кульминации, что автор передает и изменением ритмики поэмы. Развивая эту мысль, шаман представляет слушателям «новую партию», «партию большевиков», относительно которой подчеркивает для нее необходимость «объединить помыслы многих – в один», предугадать «горе и нужды людей», а главное – «учения своего узко понятые места» исправлять, остерегаясь «пустопорожних слов» и умея «отступить чуток». Далее идут следующие строки: «Что ж, тогда, // Через тридцать лет, // Чаемая нам улыбнется жизнь. // Спустя еще двадцать лет // словно поправится наша жизнь. // Позже, через полвека, придет // Полная счастья жизнь...» (перевод С. Поделкова).

В истории якутской литературы именно А.Е. Кулаковский открывает возможности фольклорной поэтики с целью увековечить самобытный аллитерационный стих на основе глубокого понимания народной философии. В статье о «Правилах якутского стихосложения» он утверждает: «Аллитерацией писали в Древней Греции и Риме, а в особенности древнегерманские народы. Но аллитерация якутских стихов более усовершенствованная, так как заключает в себе не по одной гласной или согласной, а по целому слогу и простирается не на две-три строчки, а на 10–20 строк».

Его стихотворения и поэмы все без исключения раскрывают авторскую идею в сочетании с постановкой актуальных проблем жизни в контексте исторического времени. При этом поэтические формы его

социальных портретов, описаний жизни, философских размышлений о судьбе, верованиях, самобытной культуре народа увековечивают исконную форму якутского стиха на уровне современных литературных норм.

В наследии Алексея Кулаковского научные труды занимают значительное место. Среди них послание «Якутской интеллигенции» (1912), перекликающееся с идеей его поэм, отличается оригинальностью и смелостью подходов к социально-историческим вопросам, связанным с естественным ходом развития общества. А.Е. Кулаковский – философ-просветитель – раскрывает в этой работе образ жизни своего народа как основу исконных духовных ценностей. Единственно верный путь национального развития по А.Е. Кулаковскому – это постепенное внедрение существенных реформ в жизни общества. Его предметные размышления о землепользовании, земледелии и скотоводству представляют не только специальные советы по организации труда, но и раскрывают проблемы экологии, на основе которых ставятся вопросы о необходимости бережного отношения к природе и социально-экономические вопросы частной собственности. А.Е. Кулаковский предлагает развитие сферы труда не только в традиционных для коренного населения направлениях, он убедительно доказывает необходимость организации эффективных форм активного участия в различных подрядных работах, включая монополии по золотодобычающему и рыбному промыслам, подчеркивает экономическую значимость сотрудничества с крупными фирмами Москвы. Во всем этом он ставит интеллигенцию надежным руководителем и организатором прогрессивных дел наравне с крупными землевладельцами и купцами, благосостояние которых «улучшается – они составляют поэтому будущее здоровое ядро якутской народности». И здесь он подстерегает самих интеллигентов от некоего еще более зловещего, чем переселение, «признака» (нарастающего классового противостояния), на фоне этого еще раз специально подчеркивает необходимость работы по поднятию культурного уровня населения края.

Другое значительное явление, связанное с представленной работой А.Е. Кулаковского то, что он в конце своего обращения «Якутской интеллигенции», на начальной странице которого ставит точную дату и место создания «1912. Май. Качикат», впервые подписывается именем «Өксөкүлээх Өлөксөй». Это для исследователей его творчества имеет принципиальное значение как прямое авторское указание – «тот Алексей, который написал поэму «Сон шамана». Таким образом, можно предположить, что величественный псевдоним поэту был дан народом, сопоставившим его с мудрым белым шаманом – художественным образом, выведенным им в его классическом произведении.

А.Е. Кулаковским обработаны и систематизированы ценнейшие источники для изучения верования якутов, представляющие народные легенды и предания историко-этнографического характера. Он собирает и систематизирует уникальные материалы по этнографии «Материалы по верованиям древних якутов». Работа, состоящая из одиннадцати разделов,

начинается с более своеобразных и особенных по значимости поверий и завершается характеристикой примет и гаданий повседневного бытования. Первый раздел – «Вселенная» – представляет описание трехъярусного мира в мифах и олонхо. В восприятии небесных светил А.Е. Кулаковский в целом не отрицает влияния античных мифов на самобытные представления якутов. Особые поверья о «сверхъестественных существах», тотемах, самобытном восприятии якутов души человека раскрываются во втором, третьем и четвертом разделах. Остальные части работы посвящены поверьям бытового и этического характера, такие как предчувствия и приметы, а также обряды, сопряженные с поверьями. В этой работе он пишет: «Характерной чертой якутской религии была утилитарная и материалистическая точка зрения. Двойственность сил природы выражена в ней довольно ярко, но без резких переходов. ...Нам, нынешним якутам, остается только удивляться – как могла создаться у такого незначительного народца, каковыми являлись наши предки, – такая религия высокого развития». В «Материалах» А.Е. Кулаковского также представляется естественная линия принятия якутами христианства.

В работах по якутскому языку и фольклору авторским кредо выступает его незыблемое убеждение в значимости языка и культуры родного народа. Собранные и систематизированные им «Якутские пословицы и поговорки» были опубликованы в 1925 г. в «Сборнике трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Переиздания и публикации отрывков из работы осуществлялись в 1945, 1946, 1966, 1977, 1979 гг. и после 2000 года, что подтверждает живой интерес научной общественности и читателей к пословицам и поговоркам А.Е.Кулаковского.

Другое исследование – «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» – можно равнять первому глубокому исследованию якутского языка носителем и знатоком его, где освещаются основные фонетические, морфологические, исторические и социальные особенности одного из древних тюркских языков на основе анализа заимствованных слов. Своеобразен и глубоко значителен сам выбор материала, где раскрываются характерные сравнительные моменты языков различных групп и на этой основе представляются естественные характеристики якутской устной речи. В этом ракурсе исследование А.Е. Кулаковского не теряет актуальности до настоящего времени – когда одна из проблем глобализации подчеркивается именно возможностью постепенного исчезновения языков не только малочисленных народов. Его положения, отраженные в данной работе приняты за теоретические основы современными лингвистами в активной общественной деятельности в области практической защиты родного языка, а именно, в стремлении к возвращению к навыкам произносить иноязычные слова по исконным закономерностям и особенностям якутской устной речи. На основе анализа особенностей изменения «чужих» слов А.Е.Кулаковский

доказывает, что «переделка эта совершается по определенным законам языка». В качестве подтверждения своих выводов он приводит примеры заимствований в русском и французском языках. Однако не исключает случаи неверного коверкания, встречающиеся и на примерах собственно якутских слов. И одной из целей своего «словарика» он отмечает необходимость «очистить перенятые слова от слишком неправильных произношений и тем упрочить за ними гражданственность навсегда».

Работа «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» является первым научным изучением якутской диалектологии с учетом культурологических аспектов исследования народной речи. В представленных трудах основной мыслью проходит идея об особенностях национального языка и принципиальное отставание для якутской письменности кириллической графики.

В письме к своему современнику он отмечает: «С совершенствованием разума язык неизбежно будет меняться. Но, во-первых, я не желаю оставить его на одной мертвой, неподвижной точке; во-вторых, изменение это движется в лучшую сторону, ибо всякое новое культурное понятие или прогрессивное изменение в языке должно обогащать его. Но из всего этого не следует делать вывод, что все древние <...> национальные слова следует стараться забыть, уничтожить...».

Значительное направление в научном наследии А.Е.Кулаковского представляет естествознание. Его работа «Виды животного и растительного царств, известные якутам» впервые была опубликована в «Известиях Якутского отдела государственного русского географического общества» в 1929 году. Она является первым опытом научной классификации видов на основе якутских названий, состоит из девяти разделов и приложения. В Предисловии А.Е. Кулаковский делает предположения об особенностях восприятия его систематизации, а также о дальнейших научных ракурсах изучения флоры и фауны Якутии. Научная скрупулезность А.Е. Кулаковского доказывается в его точных указаниях ареала распространения видов по обширной территории проживания якутов до начала XX века, что подтверждается в самом названии работы – «Виды животного и растительного царств, известные якутам». Эта формулировка указывает не на территориальное обозначение как «флора и фауна Якутии», а представляет «виды этих царств, известные якутам». Таким образом, он говорит и о других народах, которые жили в Северо-Восточном крае России. А представленные им названия и определения отчасти могут быть связаны и с древней историей народа саха, освоившего суровый климат Севера, и с известной версией южного происхождения части якутского этноса.

Результаты исследовательской работы и поэтическое творчество Алексея Кулаковского были всегда дороги для его современников и последующих поколений. Народ саха преклонялся его личности, дорожил

его именем даже в те периоды, когда его наследие официальная критика и советское руководство относили к буржуазно-националистическим категориям работ, что особенно характерно было в 1940–50-е годы. Наследие А.Е. Кулаковского поистине равняется духовному богатству народа саха: о нем пишут монографии, научные статьи, выпускаются сборники статей, на материалах его творчества защищаются диссертации, проводятся международные конференции.

Значительность научного и художественного наследия А.Е. Кулаковского подтверждается постоянным живым и деятельным вниманием к его личности. Его имя помогало сохранять верность гуманистическим идеалам в годы репрессий и диктата идеологии. Примером тому являются история создания и дальнейшая судьба книги Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» (1944); монография Е.Е.Алексеева («Өксөкүлээх Өлөксөй. Олобун уонна айар үлэтин туһунан», 1966); статьи Е.П. Шестакова – Эрчимэна, Г.С. Сыромятникова, И.В. Пухова. Особое внимание привлекают работы А.П. Слепцова, А.А. Бурцева, монографии Л.Н. Романовой (А.Е.Кулаковский и его современники»), внуки классика Л.Р. Кулаковской («Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время»).

Значение художественного и научного наследия поэта и мыслителя можно подтвердить цитатами из новых работ ведущих филологов Якутии.

Академик П.А. Слепцов: «Величие вклада А.Е. Кулаковского – основоположника и классика якутской литературы, крупнейшего филолога, этнографа и этнолингвиста первой четверти XX века – в развитие родного языка до сих пор далеко не раскрыто и не оценено. Это станет возможным только при условии и результате широких и глубоких филологических изысканий всего творческого наследия А.Е. Кулаковского совместными усилиями литературоведов, языковедов, историков культуры. В лице А.Е. Кулаковского крупнейший национальный поэт, филолог, языковед, этнограф и общественный деятель слились в одно неразрывное единство, дополняя и обогащая эти грани одной личности».

О поэме «Сон шамана» и послании «Якутской интеллигенции» академик А.А. Бурцев делает следующее заключение: «Программа А.Е. Кулаковского не только содержала идеи, близкие к взглядам русских мыслителей конца XIX – начала XX века, но и развивалась в сущности в одном направлении с учениями современных ему западных мыслителей. Одновременно с О. Шпенглером, автором трактата «Закат Европы», он прозрел надвигающийся апокалипсис, глобальные мировые катаклизмы, превращение здоровой «культуры» в кризисную «цивилизацию». Параллельно с Х. Ортега-и-Гассетом задумываясь о феномене «толпы», о современной эпохе массовых миграций и контактов, он апеллировал к новой элите («интеллигенции»), способной на его взгляд, на свободный выбор и сохранение культуры».

По приказу ректора Северо-Восточного федерального университета Е.И. Михайловой №97-ОД от 2 сентября 2010 года был создан научно-исследовательский институт А.Е. Кулаковского, который работает по подготовке академического издания его полного собрания сочинений в девяти томах. В настоящее время осуществлено издание первого и второго томов.

Именем А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй названы Дом дружбы народов в Якутске, Республиканский центр народного творчества, Жохсогонская общеобразовательная школа, улицы в Якутске, Вилюйске, в Таттинском, Усть-Алданском, Верхневилуйском, Оймяконском улусах. Памятники А.Е. Кулаковскому установлены в городе Якутске и в Таттинском улусе, установили бюст Алексея Кулаковского в Болгарии в городе Плиска, в музейном комплексе «Двор кириллицы». Автором памятника в столице республики и бюста в Болгарии является скульптор, народный художник Якутии А.А. Романов.

Указом Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева от 3 марта 1992 года учреждена Государственная премия имени А.Е. Кулаковского за выдающуюся подвижническую общественную деятельность по возрождению духовной культуры народов Якутии. Учреждена стипендия имени А.Е. Кулаковского – Ексекулях Алексея для студентов университета за значительные достижения в учебе и успехи в научно-исследовательской работе.

Источники и литература

1. Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е. Кулаковского: личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008.
2. Кулаковский А.Е. Поэтические произведения. Полное собрание соч. в 9 тт. Т. 1. / Сост. Л.Р. Кулаковская, научный ред. П.В. Максимова – Новосибирск: Наука, 2009.
3. Кулаковский А.Е. Рукописные варианты основных текстов, списки, неопубликованные произведения и dubia. Полное собрание сочинений в 9 тт. Т. 2. / Сост. Л.Р. Кулаковская, научный ред. П.В. Максимова – Новосибирск: Наука, 2018.
4. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции / Вступ. ст. В.Н. Иванов, Л.Р. Кулаковская. – Новосибирск: Наука, 2012.
5. Конаяв Н.М. Алексей Кулаковский. Жизнь замечательных людей: сер.биогр.; вып. 1341. – М.: Молодая гвардия, 2011.
6. Тимофеева В.В. Алексей Кулаковский и его эпоха в изобразительном искусстве Якутии. Национальный художественный Музей РС(Я). – Якутск, 2012.
7. Sivtseva-Maksimova P.V., Nogovitsyn A.P. The Textual Study of the Poem of A.E. Kulakovskiy “The Shaman’s Dream” in the Work of Researches // Znanstvenamisel journal. 2017. № 13.
8. Sivtseva-Maksimova P.V. Letter “to the Yakut intelligentsia” by A. E. Kulakovskiy: Setting and features of the problem of survival of indigenous peoples of the north in the early 20th century // International Journal of Environmental and Science Education. Volume 11, Issue 18, 2016.

© Сивцева-Максимова П.В.

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845–1904)

Абай (Ыбыраһим) Кунанбаев (каз. Абай Құнанбайұлы) (29 июля 1845 г. в урочище Жидебай, совр. Восточно-Казахстанская обл., Казахстан – 23 июня 1904 г., там же, жайлау Бала-шакпак, мавз. в Жидебай) – казахский мыслитель, акын, философ, композитор, просветитель, общественный деятель, один из основоположников казахской письменной литературы и её первый классик. В истории казахской литературы Абай занял почётное место, обогатив казахское стихосложение новыми размерами и рифмами. Он ввёл новые стихотворные формы: восьмистишья, шестистишья и другие. Абаем создано около 170 стихотворений и 56 переводов, написаны поэмы, «Слова назидания» («Қара сөздер»). Имя Абай, как называла его бабушка Зере, закрепилось за ним на всю жизнь. Абай Кунанбайұлы родился в горах Чингис в семье крупного казахского бая Кунанбая Ускенбаева. Семья Абая принадлежала к местной знати; дед Оскенбай и прадед Иргизбай главенствовали в своём роду в качестве правителей и биев. Начатое в детстве домашнее обучение у муллы было продолжено в медресе у муллы Ахмет-Ризы в городе Семей, где преподавали арабский, персидский и другие восточные языки, одновременно посещал русскую школу. Когда Абаю исполнилось десять лет, отец отдал его в медресе Ахмет Риза в Семее. Там он проучился три года. На третий год учебы в медресе Абай дополнительно поступил в «Приходскую школу» в этом же городе, там он учился три месяца на

русском языке. К концу пятилетней учёбы начинает писать стихи, сначала приписывая их авторство своему другу Кокпаю Жанатаеву. В 13 лет Абай стал принимать участие в работе органов степной власти и бийства. В 1875–1878 гг. был волостным управителем в Коныркокше. В 1886 году по рекомендации Е.П. Михаэлиса стал полноправным членом Семейского областного статистического комитета. В мае 1885 г. на Чрезвычайном съезде более чем 100 биев (судей) и волостных управителей 5 уездов Семейской области, проходившем под руководством генерал-губернатора Семейской области Цеклинского в местечке Карамола на берегу реки Шар, Абай был избран верховным судьей, и ему было поручено подготовить «Положение закона уголовных дел для казахов Семейя». Комиссия под руководством Абая подготовила за 3 дня и 3 ночи Положение, состоящее из 93 статей. Некоторое время Абай работал волостным управителем.

Бестолково учась, я жизнь прозевал.

Спohватился, да поздно. Вот он, привал!

Полузнайка – я мнил себя мудрецом

И заносчиво ждал наград и похвал.

Остальных мечтал за собою вести,

А они меня сами сбили с пути.

Я – один, а наглых невежд не сочтёшь,

И нелепые шутки ныне в чести.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.

Я устало пою на исходе лет.

О, каким необъятным казался мир

Той порой, как встречал я жизни рассвет!

(Перевод А. Штейнберга)

К 40 годам создаёт свои первые взрослые стихотворения. Но Абай рано начал писать стихи («Кто это – гоняющий верблюда...» – «Қим екен деп келіп ем түйе қуған...»). Стихи «Спокойней, спокойней, душа» («Сап, сап көңілім»), «Шарипу», «Абыралы», «Жаксылыку», «Просторный жайлау» были написаны в 1870–1880-е гг. Большое произведение, открывшее его поэтический дар, «Қан сонарда» было написано в 1882 г. Это стихотворение, очень динамичное по своему сюжету, отличается от утвердившихся в казахской литературе канонов, его отличает глубокий подтекст. Абай много читал мусульманскую литературу и восточных классиков, стихи Низами, Сагди, Кожа Хафиза, Навои, Физули, Жами и др., познакомился с наследием А.С. Пушкина, А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Крылова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н. Чернышевского. Из числа западной европейской литературы читал таких поэтов, как Гете, Дж. Байрон. Он перевел на казахский язык ряд художественных произведений, которые произвели на него неизгладимое впечатление. В жанровом плане лирика Абая многоаспектна, многогранна. Он – поэт, развивший новое качество в языке казахской поэзии, в словоупотреблении. Если взять такие его стихи, как «Что ты делаешь со мной»

(«Сен мені не егесін»), «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах» («Қан сонарда бүркітші шығады аңға»), «О, казахи мои, мой бедный народ» («Қалың елім, қазағым, қайран жұртым»), «Лето» («Жаз»), «Тихой ночью при луне» («Желсіз түнде жарық ай»), «Наконец, волостным я стал» («Болыс болдым, мінеки»), «И краснеть, и бледнеть» («Қызарып, сұрланып»), «Дшел я, наконец, до точки» («Кедік талай жерге енді»), «Разве не должен я, мертвый, глиною стать?» («Өлсем орным қара жер сыз болмай ма?»), «Грядущее скрыто туманом от нас» («Көк тұман – алдындағы келер заман»), то мы видим новаторское мастерство Абая. Даже его стихи, посвященные временам года, «Зима» («Қыс»), «Осень» («Күз»), «Лето» («Жаз»), «Весна» («Жазғытұры»), каждое из них и по содержанию, и по художественным особенностям, и по структуре отличаются разнообразием. Такие стихи, как «Беспокойный, бессовестный, ленивый» («Сабырсыз, арсыз, еріншек»), «А если есть в чужой стране» («Бетен елде бар болса»), «Радуется волостной» («Мәз болады болысың»), говорят о таланте Абая как поэта-сатирика. Стихи «Пока не знаешь молчи» («Ғылым таппай мақтанба»), «В приютской школе много вас» («Интернатта оқып жүр») являются прекрасными образцами поэзии. Художественное мышление Абая, его образность, способы изображения совершенно новы, индивидуальный стиль свободный, меняющийся, не повторяет устоявшиеся в поэтической речи штампы. Абай расширил содержательные возможности, тематику казахской поэзии, ввел в литературу новые жанры. Широко используя богатейшие возможности казахского устного поэтического творчества, в то же время Абай ввел в казахскую поэзию и музыку новые образы, расширил изобразительные и стилистические возможности поэтической речи. Развивая поэтическую речь казахского народа, его литературный язык, Абай поднял их на небывалую высоту. С большим мастерством перевел произведения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, обогатив тем самым казахскую литературу новыми идеями. Отобрав несколько отрывков-образцов из «Евгения Онегина» Пушкина, выпустил такие стихи: «Письмо Татьяны», «Слова Ленского». Стихи Лермонтова «Дума», «Выхожу один я на дорогу», «Кинжал», «Дары Терека», «Как часто пестрою толпою окружен», «Утес», «В Альбом» он представил как родившиеся на исконно казахской почве.

Абай также мастер басенного жанра. Он первым довел до казахского читателя басни великого русского баснописца Крылова. Абай написал поэмы «Масгут», «Искандер», «Сказание об Азиме». Все три поэмы написаны на сюжет, общий для восточных народов. Вместе с тем он перевел в стихах объемное прозаическое произведение Лермонтова «Вадим», поэму «Демон». Эти два перевода и «Сказание об Азиме» не дошли до нас в полном объеме. Известны глубиной выражения философских, художественных, общечеловеческих гуманистических, религиозных идей Абая его знаменитые «Слова назидания» («Қара сөздері»). «Слова Назидания» («Абайдың қара сөздері») – это его

выдающееся философское наследие, состоящая всего из 45 частей (глав), к ним примыкает его статья на историческую тему «Некоторые слова о происхождении казахов», «Слова назидания» Абая публикуются по последнему образцу записей, сделанных Мурсеитом в 1905, 1907 и 1910 годах. Само название «Слова назидания» говорят о том, что это отличное от стихотворного творчества произведение. Стихотворное творчество народ не называет «қара сөз», т.е. проза, как форма выражения непринужденных мыслей. В словах назидания некоторые сложные проблемы миропознания, нашедшие отражение в его поэзии, в доступной форме разъясняются. Понимание отдельных стихов Абая приходит после осознания некоторых его мыслей в «Словах назидания». Например, чтобы понять стихотворение «Аллах – сам истина, и слово его истинно» («Алланың өзі де рас, сөзі де рас») необходимо вначале прочитать «Тридцать восьмое слово». Абай, называя в словах назидания Сократа, Платона, Аристотеля хакимами (мудрецами, учеными), тем самым и себя представляет как хакима, т.е. доказывает и свою мудрость. Он не только использует понятие «хаким» но и разъясняет его. В «Тридцать восьмом слове», говоря о том, что «хакимы – это люди ищущие причину каждого деяния, поступка» он указывает и уточняет уровень авторитетности хакимства: «Не каждый ученый – хаким, и не каждый хаким ученый». Ставя хакима выше ученого, Абай дает разъяснение понятиям «наклия» и «гаклия». Гаклия – это слово мудреца, наклия – это слово ученого. В отношении стиля и содержания – это оригинальное произведение Абая являет нам своеобразный тип художественного слова. По жанру «Слова назидания» Абая схожи с «Опытами Монтеня», «Мыслями» Паскаля, «Афоризмами» Ницше, «Афоризмами житейской мудрости» Шопенгауэра, «Методами философии» Борхеса, «Притчами и изречениями» Джебрана и др. «Слова назидания» Абая переведены на многие иностранные языки, признаны в качестве одного из мировых кладезей премудрости. В перевод философского наследия великого поэта на иностранные языки большой вклад внесли Г.Муканов, С.Санбаев и другие.

«Слова назидания» – прозаическое произведение великого поэта, написанное в классическом стиле, демонстрирующее силу художественного слова, мудрый философский взгляд, особое миропознание и мироощущение. Состоящее из 46 отдельных произведений «Слова назидания» Абая тематически разнообразны. Если шесть-семь образов кратки, то некоторые с содержательной и с тематической стороны достаточно объемны. Абай в своих словах назидания обращает внимание не только на форму произведения, но очень большое внимание уделяет его глубине, логической взаимосвязи. В «Словах назидания» Абая гуманистические, просветительские, общечеловеческие мысли переплетаясь с его воззрениями на религию, выражают некий цельный философский опыт, представления казахского народа. Отдельные «Слова

назидания» Абая впервые увидели свет в 1918 году в журнале «Абай». Позднее «Словах назидания» были переведены на русский, китайский, французский и другие языки.

Абай оставил богатое музыкальное наследие, развил казахское музыкальное искусство. В настоящее время 36 набросков 27 его песенных стихов переложены на ноты. Особенность песен Абая заключается в том, что он сумел найти необходимый ритм, соответствующий только его произведениям, размерам его стихов. Например, произведения («Сегіз аяқ»), «Гибкий стан» («Бойы бұлған»), «Ты зрачок моих глаз» («Көзімнің қарасы») написаны 4,5,6,8 – сложным размером, их мотивы также отличаются своеобразием и не встречаются в народной музыке. Песни «Серватый туман» («Сұрғылт тұман»), «Я увидел как падает стройная береза» («Мен көрдім ұзын қайың құлағанын»), «Разве не должен я мертвый...» («Өлсем, орным қара жер...») и другие внесли новизну в казахское песенное творчество.

Абай был также талантливым и оригинальным композитором. Он создал около двух десятков мелодий, которые популярны и в наши дни. Некоторые свои стихи Абай Кунанбаев переложил на музыку, а песня на его стихи «Көзімнің қарасы» («Ты зрачок глаз моих») стала народной:

Ты – зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть
Столь глубок шрам от них.
И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, среди живых
Не встречал я такой!»...

Абай Кунанбаев оказал большое влияние на зарождающуюся казахскую национальную интеллигенцию конца XIX – начала XX веков. Так, руководители движения Алаш-Орда воспринимали Абая как своего духовного вождя возрождения казахской нации.

Алихан Букейханов стал первым биографом Абая. Его статья «Абай (Ибрагим) Кунанбаев» – некролог казахского народного поэта была напечатана в газете «Семипалатинский листок» в 1905 году. Затем с портретом Абая она печаталась в журнале «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества» в 1907 г.

В 1914 г. тюрколог В.В.Гордлевский выбрал в качестве видных представителей казахской литературы Абая Кунанбаева и Миржақыпа Дулатова для публикации их текстов в «Восточном сборнике», выпускаемом в честь 70-летия известного востоковеда, академика Н.И.Веселовского. В 1945 г., к 100-летию со дня рождения Абая, в издательстве «Художественная литература» вышел сборник избранных

переводов его произведений на русский язык, содержащий перевод Виктора Шкловского под названием «Назидания». Позднее этот перевод выходил в свет в 1954 и 1979 г. Также известны переводы казахского писателя Сатимжана Санбаева под названием «Слова назидания» (1970) и писателя Ролана Сейсенбаева – «Книга слов» (1992–1993).

Память о великом акыне и сегодня жива в сердцах. В Карагандинской области его именем назван город (1961), в Восточно-казахстанской области – район (1928), в Семее (1940), Каркаралинске, Жидебай (1945) есть литературно-мемориальные музеи. Для углубленного знакомства студенческой молодежи с литературным наследием Абая, а также с целью научного исследования его произведений в 1969 г. в КазНПУ (в прошлом КазПИ) при кафедре казахской литературы открыт кабинет Абая. В Алматы и других городах имя Абая присвоено театрам, улицам. Именем Абая названы пик (1932), перевал, ледник (1947). В 1993 г. изображение Абая было помещено на банкноте Национального банка Республики Казахстан номиналом в 20 тенге. Функционирует фонд им. Абая. Выпущены фильмы, написаны художественные произведения, ведутся научные исследования. Великому поэту посвящено всемирно известное произведение классика казахской литературы М.Ауезова «Путь Абая». Образ Абая послужил основой создания художественных произведений

Источники и литература

1. Абай Кунанбаев. Избранное (серия «Мудрость веков»). – М.: Русский раритет, 2006.
2. Абай Кунанбаев. Избранное / Пер. с каз. под ред. Л. Соболева. – Алматы: Худ. лит., 1945.
3. Абай Кунанбаев. Собрание сочинений (в одном томе). – М., 1954.
4. Абай Кунанбайұлы. толық жинақ / Под ред. М. Ауэзова. – Кызыл-Орда, 1933.
5. Абай. Книга слов. – Пекин, 1995. (на китайском языке).
6. Абай. Слова назидания / Пер. с каз. С. Санбаева. – Алматы, Жалын, 1979, 1982.
7. Двадцать стихотворений Абая / Сост. и пер. М. Адибаева. – Алматы, 2005.
8. Кунанбаев А. Лирика и поэмы / Под ред. Л. Соболева, предисл. М. Ауэзова. – М.: Гослитиздат, 1940.
9. Құнанбаев А. Книга слов / Пер. с каз. Р. Сейсенбаева. – Семипалатинск, 2001.
10. Құнанбаев А. Шығармаларының толық жинағы (екі томдық) – Алматы, 1954.
11. Стихи казахского поэта Ибрагима Кунанбаева / Под ред. К. Исакова). – Санкт-Петербург, 1909; Казань, 1922; Ташкент, 1922.
12. Abai. Zwanzig Gedichte. / Под ред. Г. Бельгера). – Koln, Onelverlag, 2007.

©Максат Алпысбек

СЕЙФУЛГАБИТ МАЖИТОВ

(1869–1938)

Один из основателей каракалпакской литературы XX века: поэт, прозаик, драматург, журналист Сейфулгабит Мажитов (1869–1938) – всю свою сознательную жизнь посвятил развитию народного образования и национальной печати, также вёл активную работу в различных сферах культурной жизни общества.

С.Мажитов родился в 1869 году в районе Аршан (Арский кантон – С.А.) Казанской губернии. В 1880 году его семья переехала в Актюбинскую область Казахстана, затем обосновалась в местности Таллык (1881 год – С.А.) Каракалпакстана. Сейфулгабит устроился на работу секретарем Таллыкской волости (1884–1889) и в это время встречался с известным каракалпакским поэтом Бердахом. После революции работал секретарем исполнительного комитета Кунградского района (1920), начальником отдела народного образования этого района (1921), несколько лет подряд назначался ответственным секретарем газеты «Еркин Каракалпак» («Свободный каракалпак»). Работал также в сфере водного хозяйства Кипчакского района, в 1934 году – в краеведческом музее города Турткуль. В 1938 году был репрессирован и погиб. Достоверность этих фактов подтверждается научными трудами К.Байниязова, который проводил исследования по творчеству поэта в течение многих лет.

С. Мажитов – поэт, просветитель. Он старался внедрить в жизнь правила нового периода, и это он показывал в своих произведениях.

Несмотря на то, что работал в разных сферах, С. Мажитов не переставал заниматься творчеством, составлял школьные учебники и литературные сборники, создавал произведения для взрослых и детей. Некоторые произведения С.Мажитова вошли в разработанные им «Элипбе» (1925), «Оқыў китабы» (1925), «Егеделер саўаты» (1925), «Қарақалпақ әдебиятының жыйынтығы» (1928) и сборник «Таңдамалы шығармалары» (1965). Отдельные его сборники были переизданы «Ата менен бала» (1970), «Шығармалары» (1993). С.Мажитов также активно работал в жанре драматургии. Им написаны пьесы «Соңғы селтең» (1926), «Сабақ», «Жигит болдық», «Ерназар алакөз» (1927), «Бағдагүл» (1935), «Гүлим-Тайман». Рукопись последнего сочинения С.Мажитова хранится в рукописном фонде Фундаментальной библиотеки ККО АН РУз.

Кроме известных произведений поэта, внесших большой вклад в новый мир, остаются в неизвестности рукописи его романов «Құлмурат», «Он тоғыз», «Сүйин хәм Сара».

С. Мажитов активно работал в сфере народного образования. На заседании РКП(б), организационного бюро Каракалпакского областного комитета 18 декабря 1924 года, поднималась проблема открытия национального издательства на местном языке, был рассмотрен вопрос издания школьных учебников и было принято специальное постановление. Данный вопрос ставился на обсуждение и на первом организационном съезде Каракалпакской автономной области 12–19 февраля 1925 года у правительства запрашивается помощь для издания литературы и учебников на каракалпакском языке. В 1925 году создается специальная комиссия и первые учебники на каракалпакском языке готовятся к печати в городе Ташкент. Среди документов, сохранившихся в центральном государственном архиве Республики Каракалпакстан встречаются сведения по ускоренному изданию учебников на каракалпакском языке. Согласно архивным данным, нам известно, что написание учебников на каракалпакском языке было поручено непосредственно С.Мажитову. 3 марта 1925 г. в исполнительный комитет Кунградского округа направляется телеграмма следующего содержания: «Приказываю отправить в город Ташкент Сейфулгабита Мажитова вместе с делегатами, обеспечив необходимыми средствами. Председатель исполнительного комитета области А.Кудабаев». Согласно этой телеграмме, С.Мажитову было выдано свидетельство следующего значения: «Владелец данного свидетельства С. Мажитов, согласно телеграмме представителей Каракалпакской автономной области О.Ерманова и И.Бекимбетова от 2 февраля 1925 года, отправляется в командировку в город Ташкент для работы в государственном издательстве из Каракалпакской автономной области. Исполнительный комитет Каракалпакской автономной области призывает всех организаций оказать всестороннюю помощь скорого прибытия на назначенное место этого человека. Председатель

исполнительного комитета области А. Кудабаяев, секретарь Е. Кожуров». С.Мажитов по приказу исполнительного комитета Каракалпакской области в 1925 году назначается председателем научной секции при Каракалпакской автономной области центрального государственного издательства Средней Азии в городе Ташкент. В результате оказания такого доверия С.Мажитов, имел полномочия в деле составления договоров с центральным издательством, почтой, телеграфом, а также с другими организациями.

Почему было оказано такое доверие С.Мажитову? Для этого оглянемся назад в прошлое. По имеющимся данным, С.Мажитов, организовав в 1912 году в городе Кунград джадидскую школу, стал предвестником новой эпохи, распространявшим на каракалпакскую землю идеи великого сына крымских татар Исмаила Гаспринского. В конце XIX нач. XX века на территории Каракалпакстана начались джадидские движения в городах Турткуль, Ходжейли, Кунград, Чимбай. Нашлись поддерживающие эти начинания люди и организовали школы по джадидскому методу. В этих школах преподавали такие предметы как «анна тили» («родной язык»), «бидаят жуграфия» («общая география»), «хисап жыймасы» («арифметика»), «хандесе» («геометрия»). Еще одним ярким представителем, поддерживающим эту идею был известный каракалпакский поэт и сказитель Казы Маулик (Маудит Бекмухаммед улы). Он организовал в Чимбае книжный магазин, распространял издания, пропагандирующие идею джадидизма, бесплатно кормил и учил детей по новому методу. Казы Маулик встречался С.Мажитовым, брал советы просветителя и наставника. В организации деятельности джадидских школ в Каракалпакстане внесли свой вклад и родственные народы. В самой известной джадидской школе К. Амирова в г. Кунград в 1911 году учительствовал приглашенный из Казани Ахмет Закир Батыров. В 1912 году джадидской школой в Кунграде руководил сын татарского и каракалпакского народов – Сейфулгабит Мажитов. В 1912 году в джадидской школе Чимбая, ставшей известным учебным заведением, давал уроки сын башкирского народа Аббас Амантаев. В начале XX в. в Каракалпакстане осуществляли свою деятельность свыше двадцати джадидских школ, где обучали молодое поколение представители интеллигенции родственных народов.

Известно, что на активизацию деятельности джадидского движения оказал содействие журнал русской интеллигенции «Русская мысль» (Россия), было также влияние идей «Пушкинского общества». Воодушевленный ими, С.Мажитов работал по обучению грамоте и воспитанию молодежи в духе свободы. Это мы видим в поэзии С.Мажитова и в его активных действиях по просвещению народа.

Преобладающее большинство джадидов верило в установление народного правительства вместо царской России. Одним из них был

С.Мажитов, который жил заботами народа, верил в победу октябрьской революции, наблюдал за деятельностью политиков нового правительства, одобрял цели и задачи левого крыла джадидского движения. В 1920 году он был принят в члены ВКП(б), назначен секретарем революционного совета, организованного в г. Кунград.

Новое правительство поддерживает выдающегося наставника, который неустанно трудился на пути свободной жизни народа и его просвещения. В 1921 г. С.Мажитов назначается начальником отдела народного просвещения Кунградского округа. Осознав необходимость создания учебников на родном языке, он пишет письмо в партийный комитет Кунградского района: «Знание курсантами чтения и письма – особая радость... Если бы были учебники на родном языке, то в таком случае, наша работа была бы еще результативной». Каракалпакское правительство, осознав деятельность наставника, имеющего богатый опыт в сфере образования, в последней четверти 1925 года назначает его инспектором по Ходжейлийскому округу Народного комиссариата Каракалпакстана.

С.Мажитов, во время работы начальником отдела народного просвещения Кунградского округа, собирал образцы детского фольклора для составления учебников и хрестоматий, изучал сочинения родственных народов, переводил их на каракалпакский язык. На него возлагалась большая надежда, как на известного просветителя и собирателя фольклора. Он одним из первых поднял вопрос руководству Хорезмской Народной Республики о составлении школьных учебников на каракалпакском языке. За активную работу в сфере народного образования С.Мажитова в 1924 году Хорезмская Народная Республика награждает орденом «Трудового Красного Знамени».

Руководство каракалпакского правительства, принимая во внимание многолетний опыт С.Мажитова в составлении учебников на каракалпакском языке, отправляет его в Ташкент, где он знакомится с собирателем и пропагандистом каракалпакского фольклора, известным учёным, сыном башкирского народа А. Диваевым.

Для того, чтобы оправдать особое доверие, оказанное ему и, понимая, что не только руководство правительства республики, но и весь народ ждут учебников на каракалпакском языке, С.Мажитов за весьма короткий срок составляет учебник «Қарақалпақ тилинде ӘЛИПБЕ» («БУКВАРЬ на каракалпакском языке»). В том же, 1925 году, этот учебник попадает в руки школьников. На обложке учебника были написаны такие слова: «Первый путь к знанию». В этом первом учебнике, написанном на каракалпакском языке, широко использованы фольклорные образцы, записанные С.Мажитовым. Отметим, что в «БУКВАРЕ на каракалпакском языке» наряду со сказками, загадками, скороговорками даются некоторые сведения и о детских играх.

У тюркских народов, в том числе у каракалпаков, когда ребенок только начинает выговаривать первые слова, его знакомят с родственниками, родословной. С.Мажитов также в учебнике «Букварь» знакомит детей с этническим составом каракалпакского народа. В книге даются понятия о крупных этнических объединениях (кунград, кият, кипчак, кенегес, мангыт) региона Приаралья. Конечно, это создает возможность овладения первыми этнологическими знаниями, нахождения источников о родословной своего народа, расширению кругозора учащихся.

В своем труде С.Мажитов обращает главное внимание народным сказкам, посвященным детям. Это подчеркивают педагоги-ученые Ж.Кайырбаев и А.Пазылова: «В книге имеют место сказки, пословицы и поговорки, загадки, взятые из устного народного творчества. Например: «Қазы хәм уры» («Судья и вор»), «Ата нәсияты» («Наставление отца»), «Лепсиқау ийт» («Жадная собака»), «Жолбарыс пенен кыргауыл» («Лев и фазан»), «Қаршығай хәм қораз» («Ястреб и петух») и размещены другие сказки». Он в своих произведениях высоко оценивает такие человеческие качества как трудолюбие, честность и скромность, а также уместно им раскритикованы жадность, неудовлетворенность, невежество и другие отрицательные черты характера людей. Заслуживает внимания тот факт, что в произведениях опытного наставника, а именно в конце сказок и басен в качестве заключения использованы соответствующие пословицы и поговорки. Такие как «Пайдасыз ис – паянсыз», «Қурт-кумырсқа тамақ ушын», «Жылай-жылай жап қазсаң, күле-күле суу ишерсең», «Кешке қалмай қыл талап», «Жай жатып тынбай ислесең, байға зарың түспес», «Болар бала бес жасынан...», «Қанаат қарын тойдырар, қанаатсызлық бәрін жойдырар», «Аңқаулықтан жалқаулық жаман», «Жалқаулық – әбигерлик тарттырар» и другие входят в ряд сочинений, занимающих место в золотом фонде народной педагогики.

В книге «Букварь» загадки тоже предлагаются. Например: «Там басына тары жайдым», «Ақ күшигим жууыра-жууыра бууаз болды». «Ербегей де сербегей, хәргиз үйге кирмегей» и другие загадки в каракалпакском устном народном творчестве встречаются в нескольких вариантах и некоторые из них используются в ответах детей в шуточной форме. Явление перехода от одного жанра в другой жанр в фольклорных произведениях встречается в малых жанрах и в жанровых видах, свойственных детям.

С.Мажитов создал произведения на основе образцов детского фольклора, традиции загадочного и мудрого языка народа, прятания слов в вопросах и ответах. Это мы видим в произведении «Қулақ еки, ауыз бир»:

Қулақ еки, ауыз бир,
Ол не ушын булай?
Көп тыңлап, аз сөйлеуге,
Жаратылған ол солай.

Ауыз биреу, көз екеу,
Ол не ушын булай?
Көп көріп, аз айтыуға,
Жаратылған ол солай.
Ауыз биреу, кол екеу,
Ол не ушын булай?
Көп ис қылып, аз жеуіши,
Болған ушын ол солай...

Произведения С.Мажитова для детей «Сыйыр не дейди?» («Что скажет корова?»), «Аттың ийесине сөзи» («Слова лошади своему хозяину»), «Ата нәсияты» («Наставление отца») созданы на основе фольклорных традиций.

В словесном творчестве каракалпакского народа, одним из ведущих жанров детского фольклора являются скороговорки. Они имеют важное значение в правильном произношении детьми звуков, в формировании навыка быстрой речи и в усвоении тайн словесных игр. С.Мажитов в книге «Әлипбе» («Букварь») предлагает несколько образцов скороговорок:

Кисиге сөк шөплеттирмегей,
Сөк шөплеттирсе де көп шөплеттирмегей!
Шығырды шембиреклемеге куу шаттан жас шат жақсы.
Еркек кисиге келеплеттирмегей,

Келеплеттирсе де көп келеплеттирмегей! Эти скороговорки, помещенные в книгу, являются яркими образцами детского фольклора, помогают в развитии речи, подготовке и воспитании детей к быстрому ответу и обогащению словарного запаса.

В учебнике «Букварь» не остались в стороне и подвижные игры детей. Из них: липкая игра (шүллик, кашарман), игры в мяч, кости и другие. Представляют интерес несколько видов игр в альчики. Некоторые из игр, указанные С.Мажитовым дошли до наших дней, а из игр в кости известны только названия некоторых из них. Среди каракалпакского народа до начала XX века играми в кости в основном занимались мальчики и известно более пятидесяти их видов, а в игру бекташ (игра в камешки) играли исключительно девочки.

В заключении хочется отметить, что С.Мажитов был деятельным просветителем, внесшим бесценный вклад в сферу народного образования Каракалпакстана, активным собирателем и исследователем фольклора, заложившим основы фольклористики.

Источники и литература

1. Ахметов С., Есенов Ж. Қарақалпақстан Республикасының жазыушылары. – Нөкіс: Билим, 1995.
2. Әлеуов Ө. Қарақалпақстанда тәлим-тәрбиялық ойлардың қәлиплесиуи хәм раўажланыуы. – Нөкіс: Билим, 1993.
3. Әмирлан С. Қарақалпақ балалар фольклоры үлгилериниң жыйналыуы хәм жәрияланыуы мәселелери // «Халық аўызеки дәретиушилиги – миллий хәм улыўмаинсаный қәдириятлар системасында» атамасындағы Халықаралық илимий конференция материаллары. – Нөкіс: Илим, 2015.
4. Байниязов Қ. Таң жулдызы. – Нөкіс: Қарақалпақстан, 1989.
5. Диланов Б.Г. С.Мажитовнинг ижоди ва қарақалпақ адабий тили: филол. фан. ном. дисс. ...автореф. – Нукус, 2012.
6. Камалов С., Қошанов Ә., Ҳажиев Ф. Төрткүл – Қарақалпақстанның биринши пайтахты. – Нөкіс: Қарақалпақстан, 1993.
7. Қайырбаев Ж., Пазылов А. Қарақалпақ тилинде шыққан әлипбе китаплары. – Нөкіс: Билим, 2002.
8. Qaraqalpaq balalar ádebiyatınıń antologiyası / Jlynap, baspaǵa tayarlaǵan: B.Ernazarov. – Nókis: Qaraqalpaqstan, 2018.
9. Қосбергенов Р. Қарақалпақ халқының колониал дәуирдеги мәдениаты хәм турмысы. – Нөкіс: Қарақалпақстан, 1970.
10. Мажитов С. «Гүлим-Тайман» пьесасының қолжазбасы // ӨЗРИА ҚБ Фундаменталь китапханасының қолжазбалар қоры. Р-240.
11. Мажитов С. «Қарақалпақ тилинде ӘЛИПБЕ» (قاراغالباق تىلىنىدە ئېلىپبە). – Ташкент, 1925.
12. Пахратдинов Ә. XIX әсирдин ақыры XX әсирдин басындағы қарақалпақ әдебияты тарийхы. – Нөкіс: Билим, 1996.
13. Сейтмуратов Қ. Сейфулғабит Мажидовнинг маърифий-жадидчилик фаолияти ва таълим-тарбиявий қарашлари: пед. фан. ном. дисс. ...автореф. – Тошкент, 2007.
14. Тәжимуратов Ә. Қарақалпақ халық педагогикасы. – Нөкіс: Билим, 1996.
15. Үббиниязов Ж. Қарақалпақстан XX әсир басында. – Нөкіс: Қарақалпақстан, 1972.
16. Урумбаев Ж. Очерки истории школы в Каракалпақстане. – Нукус: Каракалпақстан, 1974.

© **Амирлан С.Е.**

СТЕПАН МАЙНАГАШЕВ

(1886–1920)

Степан Дмитриевич Майнагашев родился в 1886 г. в аале Иресов Аскизской Степной Думы соединенных разнородных племен. В 1894–1895 гг. Степан проходил обучение в Таштыпской одноклассной школе, а в 1900–1902 гг. – в Аскизской двухклассной школе, в 1906–1907 гг. – в Красноярской духовной семинарии. Карьера священника не стала для молодого человека привлекательной, поэтому по возвращении домой в 1907–1910 гг. он работал в Аскизской инородной управе и убедился в «недостатке знаний» по политико-правовым вопросам. Жизнь свела его с М.Н. Богдановым, одним из руководителей минусинской землеустроительной партии, бурятом по национальности. Михаил Николаевич, выпускник Казанского пединститута, вольнослушатель Петербургского, Цюрихского и Берлинского университетов, вдохновил Майнагашева на получение дальнейшего образования. В 1910 г. молодой человек уехал в Томск, где в течение года на правах вольнослушателя готовился к поступлению в университет. Там он узнал о существовании Московского народного городского университета им. А.Л. Шанявского, который имел два факультета: научно-технический популярный и академический.

В 1911 г. С.Д. Майнагашев уехал в Москву и поступил на отделение общественно-юридического цикла академического факультета городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Его входной билет значился под номером 304. Студент неоднократно обращался со всякого рода прошениями в правление. К примеру, 14 октября 1913 г. он обратился со следующим прошением: «Ознакомившись со ст.47 Положения о городском народном университете им. Шанявского, в силу которого слушатели не пользуются особыми правами и преимуществами, присвоенными в правительственных учебных заведениях, прошу Правление зачислить меня слушателем третьего курса общественно-юридического цикла на 1913-1914 академический год». Материально-бытовое положение студента из далёкой Сибири было сложным, он испытывал определённые финансовые трудности, об этом свидетельствует его просьба отсрочить установленную плату на некоторое время: «Не имея возможности внести сразу всей установленной платы, прошу отсрочить 10 руб. 00 коп. до 15 ноября». Невзирая на трудности, С.Д. Майнагашев увлечённо занимался изучением статистики, гражданского права, французского языка. В карточке слушателя университета Майнагашев написал, что он специально «приехал из Минусинского уезда Енисейской губернии с целью учиться в университете», поэтому напротив графы «Прочие занятия» студент поставил прочерк.

Помимо основного университетского курса он с большим удовольствием прослушал курсы по организации местных кооперативных курсов. В своей анкете Степан отметил, что по роду занятий является «инструктором по кооперации уездного земства». Студент заявил, что «организаторы угадали спрос интеллигенции на знание», что «необходимы специальные курсы по пчеловодству и делопроизводству кредитных кооперативов». В конце анкеты он написал: «Курсы дали достаточную сумму материала для постройки законченного взгляда на кооперативную деятельность».

Благодаря учёбе в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, С.Д. Майнагашев установил научные связи с известными востоковедами и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Будучи студентом университета, он проявил интерес к научно-исследовательской деятельности, слушал этнолингвистические курсы известных востоковедов В.В. Радлова, Л.Я. Штернберга, А.Н. Самойловича, В.М. Ионова. А.Н. Самойлович давал студенту компетентные указания и добрые советы как во время поездок, так и при последующей обработке собранных материалов. А.Н. Самойлович стал его научным руководителем, помог С.Д. Майнагашеву установить контакты с Петербургским отделением этнографии Императорского Российского географического общества (ИРГО), а также с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. По поручению комитета в 1913 г. С.Д. Майнагашев отправился в командировку

для сбора лингвистического и этнографического материала. Результатами этой поездки стал доклад «Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племен», прочитанный в ноябре 1913 г. на заседании секции отделения этнографии ИРГО, которое вел академик В.Ф. Миллер. В докладе содержались сведения о быте сагайцев, о шамане, бубне и изображаемых на нем духах, общественных жертвоприношениях на таихах духам гор, вод, неба и земли. Степан Дмитриевич отметил, что в ходе экспедиции он встречался и беседовал с семью шаманами. Н.П. Евстафьев, один из участников работы секции, отметил, что в 1893 г. за одно лето, проведенное в среде минусинских инородцев, он составил список, включающий имена и адреса 38 шаманов, но не обнаружил его, поскольку опасался за жизнь шаманов, которых преследовали православные священники. В ходе дискуссии был сделан вывод о нетерпимом отношении к шаманам. Выступление С.Д. Майнагашева сопровождалось демонстрацией диапозитивов, фотографий и фонографических записей. Оно получило высокую оценку известных учёных и было опубликовано в «Известиях Русского комитета» в виде «Отчёта по поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 г.».

В 1913 г. С.Д. Майнагашев под псевдонимом Иресов опубликовал в иркутской газете «Сибирь» статью «Борьба с шаманством в Минусинском крае», в которой он подчеркнул, что она приобрела характер гонений и преследований. Он с сожалением отмечал, что атрибуты шаманства – бубны, изображения духов – конфисковывались и сжигались в огне, сами отправители культа подвергались телесным наказаниям. Тем не менее, подчеркивал автор, инородцы не оставили свою религию, но стали бояться открыто ее исповедовать. Исследователь отмечал, что утрата шаманами своих атрибутов, особенно бубна, вызывала стрессовое состояние, приводившее порой к смерти. Майнагашев называл шаманов наиболее впечатлительными натурами, глубоко переживающими каждое явление, так или иначе коснувшееся их сознания. Он критически относился к сторонникам насаждения христианства, которые стремились с корнем вырвать старую религию. Ученый высказывался не за противопоставление одной религии другой, а за выведение из одной религии другой, более одухотворенной. Он считал, что миссионеры имеют о традиционном мировоззрении хакасов смутное представление, а потому крайне неправильна их оценка общественных жертвоприношений как пирушек, гулянок.

В 1914 г. Русский комитет вновь отправил С.Д. Майнагашева в Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии для продолжения сбора историко-этнографических, лингвистических и антропологических материалов. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого ассигновал 100 рублей для приобретения атрибутов шаманского культа. Результаты командировки были изложены им в опубликованном «Отчёте по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов летом 1914 г.», в котором он подробно осветил все детали экспедиции. Целью

лингвистических исследований являлось выяснение особенностей формирования единого литературного хакасского языка, который складывался на основе качинского и сагайского диалектов. Молодой ученый приводил многочисленные фонетические и фразеологические примеры, иллюстрирующие данный процесс.

Этнографическая часть исследований была посвящена проблемам шаманизма у качинцев и сагайцев. Майнагашев отмечал, что у качинцев шаманские воззрения сохранились в значительно меньшей степени под влиянием православия. Он писал в отчете, что у них уже нет шаманов в полном смысле, имеющих костюм, бубен, способных совершать полную церемонию жертвоприношения. Степан Дмитриевич отмечал, что в жертвоприношении небу качинцев наблюдается обращение не только к языческим духам, но и к Кудаю (Богу), что являлось проявлением смешений двух религиозных систем. Кроме того, ученый обнаружил малоизвестные сведения о поклонении качинцев Белому духу, о девяти творцах во главе с Толы-Чаяном и о жертвоприношении земле у кызыльских племен. В ходе экспедиции он записал названия 24 сеюков (родов), легенды и предания, дающие ценные сведения об этнических процессах.

Сагайцы, по мнению этнографа, сохранили более стройные воззрения, в которых присутствует организованная иерархия духов.

Итогом экспедиции стали 50 фонографических валиков с записями призываний духов, камланий шаманов, сделанных во время посещения шести различных общественных жертвоприношений. Кроме того, было записано 50 песен, легенд и большое количество афоризмов воспитательного характера, загадок, пословиц, поговорок, было сделано 250 фотографий этнографического характера. Фотографии хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии Академии наук, а лингвистические и фонографические записи – в Институте русской литературы в Петербурге.

С.Д. Майнагашеву удалось сделать немного антропометрических измерений соплеменников, поскольку в условиях начавшейся первой мировой войны хакасы связывали их с призывом на войну, высказывали большие опасения по этому поводу и отказывались участвовать в названных исследованиях. Для Музея антропологии и этнографии были приобретены полный комплект шаманского костюма с бубном и колотушкой, принадлежности женского седла, старинная одежда и ряд других вещей. Майнагашев был приглашен отделом комиссии Географического общества по составлению этнографических карт России к составлению этнографической карты Минусинского уезда.

После окончания университета молодой человек вернулся на родину и посвятил себя в первое время обработке историко-этнографических материалов, собранных во время экспедиции. Самыми значительными

результатами стали две работы, опубликованные С.Д. Майнагашевым: «Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края» в журнале «Живая старина» в 1915 г. и «Жертвоприношение Небу у бельтыр» в сборнике музея антропологии и этнографии в 1916 г. В первой статье он подробно рассмотрел комплекс соответствующих представлений, обрядов, ритуалов. Интересны приведенные им сведения о душе и формах ее проявления: тын, хут, чула, узут, сурен. Во второй статье автор впервые на хакасском материале обратился к культу неба, бытовавшему у саяно-алтайских тюрок. Описание Тигір (небо) таиха он сопроводил шестью фотографиями с отдельными сценами обрядов. Тигір таих проводился в июньское полнолуние с участием только мужчин.

Майнагашев занимался и литературной деятельностью. В 1915 г. он опубликовал в приложении к журналу «Живая старина» переведенную на русский язык сагайскую сказку «О купеческом сыне и боярском сыне», которую записал со слов жителя аала Ирсова Корсака Сунчугашева. Кроме того, он явился автором двух пьес: «Охота на медведя» и «Свадьба», поставленных самодеятельными артистами на сцене в Аскизе. Сюжет первой пьесы посвящен культу медведя, который являлся составной частью в шаманских представлениях. Автор специально ездил в тайгу к охотникам, чтобы из первых уст услышать сведения о медведе, которому хакасы спешили выразить свое уважительное отношение во избежание бед. В языке хакасов имя животного было табуировано. В разговорах о нем говорили иносказательно: теплая шуба, короткий хвост, тухлый нос. Он считался сородичем человека, поскольку ходил на задних лапах, поднимал камни, палки. Эти представления о медведе нашли отражение в целом ряде поверий, ритуалов и запретов, особенно во время охоты на него. Текст пьесы «Свадьба» был утерян, однако его содержание сохранилось в либретто пьесы на русском языке, отпечатанном в типографии г. Минусинска. В июне 1915 г. она была поставлена на сцене городского театра. Степан Дмитриевич, искусный оратор, знакомил разные аудитории в Минусинске, Красноярске с мировоззрением своего народа, с его самобытной культурой.

В условиях социально-экономического кризиса С.Д. Майнагашев занялся правозащитной и общественно-политической деятельностью. В местной печати он опубликовал серию статей, посвященных экономическим проблемам хакасов. В статье «Очередные итоги поземельного устройства инородцев Минусинского уезда» автор подчеркнул, что проводимая землеустроительная кампания подрывает основы скотоводства как ведущего вида хозяйственной деятельности хакасов.

Статья «К вопросу о сокращении скотоводческого хозяйства минусинских инородцев» разоблачала деятельность уполномоченных по заготовке мяса для армии, которые вынуждали хакасов отдавать за бесценнок говядину, угрожая в противном случае его реквизицией. В целях защиты местных производителей от подобного рода проходимцев и дельцов

Майнагашев занялся организацией кредитных товариществ. Как инструктор Аскизского кредитного общества он ездил по аалам и разъяснял цели и задачи кредитных товариществ. За короткий срок было образовано около 40 кредитных обществ, создан первый кредитно-сберегательный банк в Хакасии. В статье «Мелкий кредит среди инородческого населения Минусинского края» Степан Дмитриевич не только излагал результаты деятельности кредитных товариществ за короткий период существования, но и определял перспективы их дальнейшей деятельности. Значительное место в статье отводилось таким проблемам культурно-просветительной работы, как организация печатного органа на родном языке, создание музея и открытие в Аскизе кинематографа.

В период свержения самодержавия С.Д. Майнагашев возглавил национальное движение хакасов, выдвинул его своевременные цели и задачи, четко сформулировал требования о национальном самоопределении хакасов. Он писал в своем обращении «Инородцам Минусинского и Ачинского уездов»: «Блеснула заря новой жизни, свободной жизни от верхов Петрограда до низин наших улусов, при свете свободы не должно быть и не будет угнетенных национальностей. Я верю, что наш народ поднимет преклоненную голову, вздохнет полной грудью. Приветствую инородцев этим переломом жизни от души, чтобы он получил начало национального возрождения хакасского народа». По инициативе Майнагашева весной и летом 1917 г. состоялись инородческие съезды, на которых был поставлен вопрос о выделении инородческого района из Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии в самостоятельное административно-территориальное образование и принято решение об их самоназвании – хакасы. Решение многих задач связывалось с созывом Учредительного собрания, с возможностью представительства в нем хакасов. С.Д. Майнагашев, как и его соратники, придавал важное значение не только вопросам народного образования, но и вопросам создания национального законодательства и суда.

Майнагашев стоял у истоков создания хакасской письменности. Он разработал один из вариантов алфавитов хакасского письма «Тадар Мичиги», состоявший из 24 букв. Данный проект был учтен в 1920-е гг. в ходе работы комиссии по созданию хакасской письменности на кириллической основе.

С.Д. Майнагашев был сторонником социалистической идеологии, которую выражала партия социалистов-революционеров. Однако отсутствие каких-либо документов о его вступлении в их партию не позволяет с полной уверенностью утверждать этот факт. Возможно, сказалась небрежность самих эсеров в оформлении партийной документации в ожесточенные годы Гражданской войны.

С.Д. Майнагашев, представитель хакасского народа, был необходим в эсеровских рядах, ведь ЦК ПСР нацеливал сибирские партийные

организации на активную пропагандистскую работу среди «инородцев». С правом решающего голоса он представлял Минусинскую группу на губернском съезде местных эсеров, проходившем в Красноярске с 28 июля по 1 августа 1917 г. Делегаты съезда обсуждали наиболее важные вопросы: организация партии в губернии, выборы губернского комитета, участие эсеров в выборах в Учредительное собрание. Среди многочисленных решений губернского съезда особо следует выделить одно: съезд принял постановление об издании листовок на «инородческих» языках. Вероятно, при рассмотрении этого вопроса было учтено и мнение С.Д. Майнагашева, представлявшего интересы хакасского населения Енисейской губернии.

В августе 1917 г. Майнагашев принял участие в областнической конференции общественных организаций Сибири наряду с представителями Иркутского бурятского национального комитета (Б.В. Вампилун), Томской организации Бунда (И.Л. Магун) и др. Конференция приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири». В обновленной программе областников, близкой к эсеровскому варианту, предусматривалась «широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, имеющим компактную территорию расселения, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территорий». В октябре 1917 г. в Томске вновь торжественно открылся Сибирский областнический съезд, в работе которого приняли участие представители шести губерний и областей. Представители коренных народов Сибири выделились в особую национальную группу и выступали отдельной фракцией, состоявшей из 33 человек. В составе этой фракции находился и С.Д. Майнагашев, представлявший интересы хакасского населения.

7–15 декабря 1917 г. Майнагашев вновь участвовал в работе чрезвычайного Сибирского съезда областников, оценившего октябрьские события как большевистский переворот, и стал членом образованной на нем Сибирской областной думы.

В январе 1918 г. Майнагашев стал участником IV Съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Минусинске, был избран в судебный отдел исполкома. Однако после свержения советской власти общенациональный съезд хакасов, состоявшийся в марте 1918 г. в с. Аскиз, предложил объявить инородческое население в составе шести волостей самоуправляемым народом. Самоуправление устанавливалось в области суда, народного хозяйства и культуры. Законодательным органом утверждалась Хакасская Степная дума, а исполнительным – Хакасская Степная управа. До выборов думы функции возлагались на членов Национального комитета, председателем управы был избран С.Д. Майнагашев. Он внес на рассмотрение съезда свой проект «Положения о суде», «выработанного применительно к установленным народным обычаям и не нарушавшего основных положений

декрета о суде рабоче-крестьянского правительства». Съезд утвердил документ на началах народного избрания судей, их несменяемости до истечения срока, гласности судебного заседания, равноправия и состязательности сторон. «Положение о суде», утвержденное съездом, объявлялось вошедшим в силу.

Минусинский совет, ознакомившись с решениями съезда хакасов о путях дальнейшего развития народа, не согласился с ними и приступил к разработке собственного варианта решения вопроса о самоопределении хакасов. Совет проигнорировал решение съезда о создании Хакасской Степной думы и управы, оставил в силе лишь «Положение о суде хакасов», принятое съездом, и утвердил его 24 апреля 1918 г. Майнагашев работал в Хакасской степной думе до ее роспуска в марте 1919 г., состоял в Сибирской областной думе до ее самороспуска в ноябре 1919 г. В сентябре 1919 г. была восстановлена советская власть в Минусинском уезде. В марте 1920 г. Майнагашев со своими братьями был арестован по обвинению в агитации и действиях против советской власти, в создании и руководстве карательным отрядом. 24 апреля 1920 г. постановлением коллегии Минусинской уездной чрезвычайной комиссии Степан Дмитриевич Майнагашев был приговорен к расстрелу. Имя «лучшего из инородцев» за отсутствием состава преступления было реабилитировано постановлением прокурора Красноярского края от 28 августа 2000 г.

Разносторонняя просветительская деятельность Степана Дмитриевича Майнагашева оставила глубокий след в истории Хакасии. Хакасы считали его своим национальным лидером, патриоты Сибири знали его как деятельного члена Сибирской областной Думы, востоковеды России – как талантливого молодого ученого-тюрколога.

Источники и литература

1. Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886 – 1920: Очерк жизни и деятельности. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета, 1999.
2. Мамышева Е.П. Общественно-политическая деятельность С.Д. Майнагашева // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998.
3. Мамышева Е.П. Некоторые дополнения к биографическим сведениям о С.Д. Майнагашеве // Интеллектуальные ресурсы ХТИ –Хакасии. Тезисы докладов II региональной научно-практической конференции. – Абакан, 1999.
4. Мамышева Е.П. О деятельности Национального комитета хакасов (1917–1920 гг.) //Ядьяр. Научно-гуманитарный и общественно-политический журнал Академии наук Республики Башкортостан. – 2000. –№4.
5. Мамышева Е.П. С.Д. Майнагашев – студент Московского городского народного университета им. Шаняевского // Проблемы сохранения и развития историко-культурного наследия народов Саяно-Алтая. Материалы региональной научно-практической конференции – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006.

©Мамышева Е.П.

ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ

(1818–1889)

«Знать роль и ценность Шигабуddина – это честь для нас, а не для него».
Исмагил бей Гаспринский

Гений Марджани и состоит в том, что он объединил в целое духовное и государственное бытие нашего народа. Он дал нашему народу понимание того, как нужно достойно жить в этом мире, чтобы не было страшно ответить за свои деяния в последние мгновения жизни (А. Хабутдинов «Марджани – татарский Геродот» // «Казанские истории», №1, 2003 год).

Его знания были истинно энциклопедическими. Деятельность Марджани была многогранна, охватывала широкий спектр различных направлений, он – просветитель, философ, историк, религиозный реформатор, этнограф, археолог, востоковед, педагог.

Шихаб ад-дин Марджани родился 16 января 1818 года (по новому стилю) в с. Ябыччи нынешнего Атнинского района Татарстана. Его жизнедеятельность можно условно разделить на два этапа: религиозно-реформаторский (до 70-х годов XIX века) и просветительский (70–80-е годы XIX века).

Характеризуя религиозно-реформаторский период, следует подчеркнуть большую роль среды, в которой рос и воспитывался будущий ученый.

Предки Марджани со стороны отца и матери принадлежали к фамилиям известных имамов-мударрисов. Первые сведения по истории Шихабуддина получил от деда Субхана б. Абд аль-Карима, который владел арабским и персидским языками.

Дед Марджани со стороны матери, Абд ан-Насир, обучал его Кор'ану, Сунне, фикху (мусульманскому праву). Отец Марджани Баха аддин получил образование в Бухаре и был там одним из уважаемых людей, которого на свои меджлисы (собрания) приглашал эмир Бухары Хайдар б. Масум. С отцом он занимался арабским языком, логикой, каламом (раздел теологической науки).

В пятилетнем возрасте Марджани лишился матери, а потом воспитывался мачехой в довольно суровой обстановке. Начальное образование он получил в медресе, где преподавал его отец, в д. Ташкичу. Юный Шихабуддин не ограничивался изучением предметов, преподаваемых там, а занимался самостоятельно в домашней библиотеке. Уже с семнадцати лет он начинает преподавать в этом медресе и, будучи неудовлетворенным учебником морфологии персидского языка, составляет свой. Оба его деда и отец, будучи людьми образованными, обладая обширными познаниями по восточной истории, философии, религии, сумели привить юному Шихабуддину стремление к учению, знанию. Полученное образование не удовлетворяет Марджани, постоянно стремившегося к получению новых знаний. В 1838 году он отправляется в Бухару для продолжения образования.

В Бухаре неудовлетворенный системой обучения в медресе он, в основном самостоятельно, занимается в богатых ценными рукописями местных библиотеках. Деньги на жизнь зарабатывает обучением детей состоятельных людей. В 1843 году Марджани отправляется в Самарканд – один из древних очагов культуры Средней Азии. Там он обучается в медресе «Ширдар», знакомится с известным историком кади Абу Саидом ас-Самарканди (ум.1848-49 г.), который, как пишет Марджани, стал первопричиной того, что он «начал интересоваться исторической наукой и приступил к исследованию исторических книг».

В 1845 году Марджани возвращается в бухарское медресе «Мир-Араб». Именно там Марджани начинает серьезное изучение культуры, истории, философии Востока. Первые свои произведения он посвятил истории тюркских народов Средней Азии.

В 1848 году, после одиннадцатилетнего отсутствия, с новым багажом знаний Марджани возвращается на родину и в марте 1850 года назначается имамом-мударрисом 1-й Казанской мечети.

В 1867–68 годах Духовное собрание мусульман Поволжья и Приуралья назначило Марджани на должность ахунда и мухтасиба Казани (одна из самых почетных религиозных должностей региона), что явилось несомненным признанием его деятельности со стороны руководства мусульман. С официальными светскими властями у Марджани также устанавливаются позитивные контакты. Он выполняет отдельные поручения казанской губернской власти: следит за изданием текста Кор'ана в казанской типографии (впоследствии выпускает книгу,

посвященную истории и принципам издания Кор'ана в России), организует сбор денег для кавказских народов, пострадавших от землетрясения, составляет отчеты о рождении, бракосочетании, смерти мусульман для государственных учреждений, участвует в судебных заседаниях при произнесении клятв мусульманами.

Со временем имя Марджани становится известным далеко за пределами Казани: в 1870 году выходит в свет его книга «Назратуль-хакк», новыми для своего времени и среды религиозно-реформаторскими идеями, принеся автору широкую известность не только на родине, но и на мусульманском Востоке.

Педагогическая работа Марджани – еще одна страница его просветительской деятельности в широком смысле этого слова.

13 сентября 1876 года в Казани открылась татарская учительская школа с восьмилетним обучением. Школа готовила учителей начальных классов из татар. Преподавание велось на русском языке, исключая урок шариата. Марджани первым из татарского мусульманского духовенства согласился на предложение инспектора школы В.Радлова преподавать в ней вероучение. На открытии школы он выступил с приветственной речью, в которой призывал татар к обучению в этой школе. В течение девяти лет Марджани преподавал в татарской учительской школе, входил в педагогический совет. Однако в результате разногласий с инспектором и некоторыми учителями вынужден был оставить преподавание. За эту деятельность консервативные круги мусульманского духовенства называли Марджани миссионером, еретиком, вероотступником.

В 80-х годах XIX века радикально расширяется собственно научная деятельность Марджани, на передний план выходят занятия философскими и историческими дисциплинами. В этот период Марджани работает над рукописным биографическим словарем «Вафиятуль-асляф ва тахийятуль-ахляф» («Подробное о предшественниках и их приветствиях потомкам»), который включает 6057 биографий ученых, писателей, философов и общественно-политических деятелей мусульманского Востока.

К «Вафиятуль-асляф» Марджани написал введение – «Мукаддима», которое тоже было издано. В нем ученый описывает историю зарождения наук на Востоке, дает их классификацию, подкрепляя ее ссылками на высказывания видных деятелей мусульманской культуры, рассматривает основные религиозные школы, направления в Исламе. По сути, это не только исторический, но и мировоззренческий труд, посвященный различным аспектам и проблемам духовной культуры Востока.

В этот период издаются наиболее значительные произведения Марджани, среди которых: «Хаккуль-ма'рифа ва хуснуль-идрак» («Истина познания и красота постижения»), 1880 г. – сочинение о мусульманском праве (фикхе), в котором ученый, в частности, излагает свои социально-политические взгляды; «Мустафадуль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар»

(«Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») 1885 г., I том – исторический труд о Волжской Булгарии и Казанском ханстве; «Китабуль-хикма аль-балига аль-джанийя фи шархиль-акаид аль-ханафийя» («Книга о зрелой философии, помогающей объяснить учения ханафитов») 1888 г. – сочинение, в котором Марджани излагает свои религиозные взгляды. Сочинения эти разительно отличались от старых строго научным характером, опорой на широкий круг национальных и зарубежных источников. Книги Ш. Марджани стали своего рода краеугольным камнем для построения национальной истории и не потеряли своего значения и сегодня.

Умственный просветительский потенциал Марджани многократно увеличили его путешествия 80-х годов по России и странам Ближнего и Среднего Востока. В поисках материала для исторических исследований Марджани посещал древние развалины Булгара, татарские, русские, чувашские, мордовские села. 31 августа 1880 года он из Казани отправляется в паломничество, в ходе которого посещает Стамбул, Измир, Александрию, Каир, Суэц и другие центры мусульманской культуры.

В Стамбуле он знакомится с автором сборника «Чагатайские и османские языки» Кудратуллой аль-Кандузи и с известным ученым Ахмадом Джаудат-пашой, снимает копии с надписей купола мечети султана Салима. В Каире навещает ученого Махмуд-бека аль-Фаллаки, снимает копии с надписей стен мечети Мухаммада Али-паши.

Просветительские идеи Марджани охватывают в 70–80-е годы XIX века самые различные стороны обновления общественной жизни татарского народа, включая в себя мысли о необходимости получения татарским населением светского образования, усвоения прогрессивного наследия прошлого (античной, арабской мысли) и настоящего (русской и западноевропейской культур). Ученого заботят и вопросы воспитания национального самосознания татарского народа, беспокоят его благосостояние, социально-экономическое и политическое положение. Считая просвещение самым мощным орудием прогресса, ученый пытался вызвать свой народ из «спячки».

Марджани – предвестник джадидского движения в России, и именно он заложил его основы – реформу преподавания в медресе, усвоение татарским народом передовых достижений мировой культуры и науки. Марджани написал более 30 произведений, большая часть которых была издана в основном на арабском языке. Только некоторые сочинения написаны на татарском языке арабским шрифтом. Не все произведения, написанные ученым, еще обнаружены. Например, «Рисалютун фи масаилин-нахв» («Трактат о вопросах грамматики»), «Ат-тахрират аль-муфрада» («Отдельные редактирования»).

Значимость деятельности и взглядов личности Марджани хранится в памяти татарского народа и по сей день. В 2002 году Институту истории Академии наук Республики Татарстан присвоено имя Шигабутдина

Марджани – «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ». Именем Шигабутдина Марджани назван издательский дом, специализирующийся на выпуске литературы по исламоведению. Его имя носит улица в Вахитовском районе города Казани, Правобережном районе города Магнитогорска. Именем Шигабутдина Марджани названа Соборная мечеть в городе Казани. Коморгузинская средняя общеобразовательная школа Атнинского района Республики Татарстан носит имя Шигабутдина Марджани.

Идейно-философские взгляды Марджани, его деятельность в качестве просветителя, педагога, философа, религиозного деятеля, историка внесли весомый вклад в развитие духовной культуры татарского общества второй половины XIX в. и останутся заметным явлением в эволюции татарской духовной культуры.

Источники и литература

1. Аблязов К.А. Историческая судьба татар: в 2-х т. – т. 2: Этническая мобилизация и возрождение национальной государственности. – Саратов: Научная книга, 2012.
2. Исаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань: Иман, 1997.
3. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) /Предисл. и пер. с араб. Д.Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
4. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель: сб. статей. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.
5. Махмутов М. И. Педагогика и ментальность татарского народа в контексте «Запад – Восток» //Очерки по истории татарской культуры в контексте «Запад-Восток». – Казань: Фикер, 2001. Султанбеков Б.Ф., Харисов А.А., Галямов А.Г. История Татарстана XX века (1917 – 1995 гг.) IV часть. – Казань: Хэтер, 1998.
6. Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Татарское книжное издательство, 1999.
7. Хабутдинов А.Ю. «Марджани – татарский Геродот» // «Казанские истории», №1–2, 2003.
8. Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации / А.Ю. Хабутдинов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003.
9. Харисов Ф.Ф. Национальная культура и образование. – М.: Педагогика, 2000.
10. Шихабуддин Марджани о себе самом /Вступ. статья и документ к публикации подготовил д. филос. н. А. Юзеев. Режим доступа: <http://posredi.ru/shigabutdin-mardzhani-o-sebe-samom.html>
11. Юзеев А.Шихаб Ад-Динг Марджани // Татарские интеллектуалы: исторические портреты: Для учителей и учащихся старших классов / Сост. Р.М. Мухаметшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань: Магариф, 2005.
12. Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани / М.Х. Юсупов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

©Хусайнова А.Я.

ШОХФУТУР МУХАББАТШОХЗОДА

(1869–1959)

По уровню социально-экономического развития и светского образования жители правого берега Пянджа почти на 100 лет опережают своих левобережных соседей, которые живут в Афганском Бадахшане. Таджикистанские памирцы обязаны своим развитием, как славным сыновьям русского народа, так и просветителям из местного населения. Русские в лице царской России после появления на Памире начали открывать здесь первые русско-туземные школы для детей. Впоследствии большевики продолжили эту гуманистическую и цивилизационную миссию. В годы советской власти русские учителя-добровольцы, оставив свои города, приезжали в горные кишлаки без элементарных удобств, чтобы преподавать детям светские предметы, знакомить их, пребывавших в изоляции от всего мира, с жизнью и культурой других народов. Наряду с русскими учителями были просветители и среди памирцев, которые готовили будущие кадры для нужд нового строя. Один из них – Шохфутур Мухаббатшохзода (1869–1959), которого местное население с уважением называло Учителем или Мастер (устод, охон).

Вся жизнь этого человека была посвящена развитию образования на Памире. Он родился в шугнанском селе Поршинёв в 1869 году в семье малограмотного дехканина. Первые азы знаний мальчик получил от отца. В отличие от других более или менее грамотных семей в доме Шохфутура, помимо традиционного исламского знания, а именно чтения и заучивания Корана, хадисов и т.д., велись разговоры о классической таджикской литературе, читали стихи Носира Хосрова, Хафиза, Саади и Бедила. Кроме

того, маленький Шохфутур изучал арифметику и астрономию. В стихах классиков будущий Мастер услышал призыв к учебе и благодаря им узнал о величии интеллекта. Вскоре Шохфутур стал хорошим каллиграфом, что для языка фарси на основе арабского алфавита было немаловажно. Весть о каллиграфическом искусстве юноши дошла до чиновников Бухарского эмирата. Его назначают секретарем при местной Шугнанской администрации Бухары. Несмотря на все трудности работы, о чем он не раз говорил своим близким, она позволяла ему быть в курсе событий как в Бухаре, так и в Шугнани. Это, безусловно, расширяло его кругозор. Теперь на всех мероприятиях, будь то свадьба или похороны, земляки просили Шохфутура рассказать о политической ситуации в эмирате. Эти традиционные обрядовые мероприятия стали первой площадкой для просветительской деятельности нашего героя. Он призывал людей учиться, потому что в массе своей население в тот период оставалось безграмотным и не готовым принимать новое мышление.

Шохфутур осознавал все пороки и неэффективность системы управления Бухары и понимал, что только учеба и просвещение помогут его народу освободиться от гнета бухарского эмира. Призыв к просветительству, особенно среди молодежи, становится его долгом.

Позже, после присоединения Памира к царской России, Шохфутур продолжил эту миссию. Появление представителей России и их деятельность на территории края, по сравнению с бесчинствами афганцев и произволом, продажностью бухарских чиновников, казались местному населению подарком небес. Русские справедливо управляли регионом, они агитировали памирцев отдавать детей в первую русско-туземную школу, с уважением относились к религиозным верованиям исмаилитов Памира. Все это привело к тому, что местное население стало с доверием относиться к новому порядку. Тщательно изучив и проанализировав ситуацию на местах, представители русской администрации попросили чиновников бухарского эмира удалиться из региона. Впервые с 1883 года, после завоевания памирских княжеств афганцами, русские содействовали возвращению исмаилитских служителей культа, которые под давлением афганцев вынуждены были бежать из родных мест. (Правда, позже большевики практически уничтожили эту религиозную элиту Памира.) Кроме того, было разрешено чтение наставлений и указов духовного лидера исмаилитов Ага Хана III. Последний не раз призывал в своих наставлениях мюридов, т.е. последователей, учиться и идти в ногу со временем.

Выше мы говорили о русско-туземной школе в Хоробе. Вот что пишет в своем письме от 2 января 1910 года основатель этой школы полковник Муханов – начальник Памирского пограничного отряда: «С минувшей осени на базарчике в Хоробе в специально отстроенном помещении открыта школа для детей туземцев. Намечанная программа включает в себя русский язык, чтение и письмо; персидский язык, чтение и

письмо; география – сведения о земном шаре и сведения о географии России, история – краткие сведения из истории России; гигиена – краткие сведения об анатомии человеческого тела, как сохранить своё здоровье, помощь в негативных случаях... Последнее посещение классных занятий школы убедило меня в том, что дело это встало, наконец, на твёрдые ноги. Дети уже начинают читать слова...»

Шохфутур Махаббатшохозода, который к этому времени уже зарекомендовал себя как видный просветитель, назначается первым учителем из местных в данной школе. А. Румянцев, один из свидетелей тех лет, так пишет о памирском учителе: «Когда в Хороге открылась первая туземная школа, на Памире не было человека грамотнее Шофетура Мухаббатшо-заде. Он стал первым учителем». Позже исследователь литературы Памира А. Абибов, анализируя культурные изменения в то время, подчеркивал: «После присоединения правобережных земель Бадахшана к царской России в областном центре для местного населения открывается школа, где Шохфутура назначают учителем. В истории края (имеется в виду Бадахшан) эта была первая школа, которая финансировалась государством, а Шохфутур был первым человеком в области, который взял на себя священную обязанность учительствовать».

В 1922 году открывается первая советская школа-интернат в Хороге. Она появляется на базе первоначальной русско-туземной школы. Здесь, помимо грамматики фарси, преподавали персидскую литературу, математику, географию и, конечно, русский язык. Шохфутура и в этом учебном заведении назначают первым учителем из местных. Книг и письменных принадлежностей не хватало. И, по словам самого Шохфутура, он из тростника мастерил перья, а из черной сажы – чернила. Поскольку нужных учебников не было, учитель вынужден был по ночам делать выписки из книг и раздавать их ученикам.

И в русско-туземной, и в школе-интернате Шохфутур проявил себя как блестящий учитель. Обе школы сыграли большую роль в просвещении памирских народов. Теперь любой родитель в кишлаке, который намеревался дать своему ребенку образование, знал, куда идти и кому доверять свое чадо. Помимо всего прочего в обеих школах впервые программа образования оказывалась шире, чем узкое религиозное обучение.

В это время Шохфутур совместно с коллегой Охон Сулаймоном Курбонмаматовым, учителем школы-интерната, трудится над «Историей Бадахшана». Эта работа охватывает историю края с конца XVIII века и до царствования Николая II. Ее можно считать первой монографией по истории региона. Написание такой истории также являлось примером просветительской деятельности. Благодаря стараниям академика Б.И. Искандарова рукопись, подготовленная двумя учителями, вышла в Москве в виде книги. В предисловии к «Истории Бадахшана» академик писал: «...рукопись содержит много ценного материала, касающегося, главным

образом, взимания феодальной ренты, купли продажи земли, продажи людей в рабство, диспотического произвола представителей господствующего класса, что несомненно, является важным для освящения социально-экономических аспектов истории главным образом западной части Памира».

К концу 1930-х годов первые выпускники школы-интерната вернулись на Памир уже в качестве учителей. Многие выпускники этой школы впоследствии стали видными партийными и советскими руководителями, деятелями науки, культуры и искусства. Шохфутур оставляет преподавательскую работу и начинает собирать этнографические материалы для первого краеведческого музея на Памире. Будучи уже пожилым человеком, он ходит по кишлакам и просит передать музею утварь, старинные ювелирные изделия, узоры, вышивки и др. Музей был открыт в 1944 году. До 1947 года Шохфутур работает директором этого музея, ставшего первым научным учреждением на территории Памира. Следует сказать, что краеведческий музей до сих пор работает в г. Хороге и является важным центром изучения истории и культуры горного края.

Другой составной частью просветительской деятельности Шохфутура было стихотворное творчество. В стихах он призывает людей быть благочестивыми, достойно встретить завтрашний день, восхваляет свет знания. До нашего времени дошло свыше 50 образцов его поэзии. Интересно, что во многих стихах он с восторгом пишет о том, как дети идут за знаниями в школу и воспевают изменивший к лучшему облик родного Бадахшана. Например:

Мужда бодо мулки Шугнон аз ситам озод шуд,
Гул намуда марду зан, хурду калон дилшод шуд.
Сар ба сар кўху даман бингар тарабобод шуд,
Ваҳ чи мамнунам, ки ин дам муждаи нав омада,
Бахти нав бар халки мо аз сўи Маскав омада.

Навчавонон ҳар пагоҳ бар сўи мактаб мераванд,
Баҳри илму баҳри баҳту баҳри матлаб мераванд,
Бо табассум, бо латофат ханда бар лаб мераванд,
Ваҳ чи мамнунам, ки ин дам муждаи нав омада,
Бахти нав бар халки мо аз сўи Маскав омада.

Благие вести, что Шугнан от ига освободился,
Расцвели женщины и мужчины, сердца их радуются,
Земля и горы, посмотри, в зелени утешаются.
Как я рад, что эти благие вести,
Из Москвы к нам поступают.
Молодежь по утрам идет в школу,
За знаниями и за новой жизнью отправляются,
С улыбкой на лице идут.
Как я рад, что эти благие вести,

Из Москвы к нам поступают.
 Поэт считает служение народу и родине своим долгом:
 Шохфутурам, ки паи манфиати халқи диёр,
 Чаҳди бисёр кунам, то ки ба дунё бошам.
 Шохфутур, во имя интересов народа и родины,
 Старайся, ведь в этом смысл жизни.

Шохфутур Мухаббатшохзода прожил долгих 90 лет и всю жизнь отдал просвещению и образованию народа. Последние годы жизни он провел в одном из высокогорных кишлаков в долине реки Шахдары. Но и туда приходили к нему люди, чтобы получить мудрый совет. Многие русские и таджикские исследователи тех лет, приезжая на Памир, первым делом торопились навестить Учителя и получить благословение на исследование. Умер он в 1959 году и похоронен на местном кладбище. Несколько лет основанный им музей носил его имя, однако по непонятным причинам местные чиновники убрали имя просветителя из названия музея. Теперь одна сельская школа носит его имя. В памяти народной Шохфутур Мухаббатшохзода навсегда останется как основоположник просвещения на родном Памире.

Источники и литература

1. Абибов А. Из истории таджикской литературы в Бадахшане. – Душанбе, 1971. (на тадж. яз.).
2. Абибов А. Россыпи клада. – Душанбе, 1972. (на тадж. яз.).
3. Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Бадахшана к России. – Душанбе, 1994.
4. История Горно-Бадахшанской автономной области. Т. 1. – Душанбе, 2005.
5. Каландаров Т.С. Шугнанцы. Историко-этнографические исследования. – М., 2004.
6. Муханов. Памирский район. – Ташкент, 1912.
7. Румянцев А. У самых облаков. – Сталинабад, 1958.
8. Терехов В.П. Государственная политика России, СССР и Российской Федерации по отношению к Памиру (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – М., 2011.
9. Худобердиев С. Охон Шохфутур // Советский Бадахшан. – 1965. – 20 июня (на тадж. яз.).
10. Шохуморов А. Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма. – М., Душанбе, 2008.
11. Шохфутур Мухаббатшохзода, Сулаймон Курбонмамад. История Бадахшана. – М., 1973 (на фарси).

Авторы выражают благодарность Назару Карамшо за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью стихов Шохфутура Мухаббатшохзода и использовать ее в своей статье. Смысловой перевод с таджикского выполнен авторами.

©Каландаров Т.С., Охониёзов В.Д.

КАЮМ НАСЫЙРИ

(1825–1902)

Имя выдающегося татарского просветителя Каюма Насыри сегодня известно каждому, кто хотя бы немного знаком с историей и культурой татарского народа. Будучи писателем-демократом, просветителем, Каюм Насыри всю жизнь отдал делу распространения среди татарского населения науки и знания, культуры и прогресса.

Габделкаюм Габделнасырович Насыров (тат. Qayum Nasiri, Каюм Насыири) родился 2 февраля 1825 года в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне Зеленодольский район РТ) в семье известного богослова и мастера каллиграфии Габденасыра бин Хусейна. Известно, что родоначальником этой старинной и очень уважаемой династии был некий Бираш баба, обосновавшийся на правом берегу реки Волги еще во времена Казанского ханства. С тех пор на протяжении нескольких столетий многие его потомки являлись признанными лидерами местных мусульман, исполняя обязанности сельских старост и указных мулл.

Дед Каюма – Хусейн бин Альмухамед, окончив прославленное медресе Сагита Ахметова в деревне Берези (ныне Атинский район РТ), во второй половине XVIII – начале XIX века был имамом в Верхних Ширданах, хорошо владел русским языком, с успехом занимался преподавательской и научной деятельностью. Он оставил ряд рукописных трудов по арабскому синтаксису и грамматике, пользовавшихся большой популярностью у шакирдов того времени.

Таким образом, судьба Каюма Насыри была во многом predetermined семейной историей и традициями, замечательным примером его предков. Освоив основы грамоты и веры в деревенском мектебе, он по совету отца в 1855 году уезжает в Казань в медресе при пятой соборной мечети, где тогда преподавал их земляк и давний друг Ахмед бин Сагит аш-Ширдани (1793–1863). Этот священнослужитель был известен не просто как прирожденный педагог и талантливый ученый, но и как прогрессивный имам, убежденный сторонник религиозного реформатора Г. Курсави. Учеба под началом такого человека помогла Каюму развить природную любознательность и критическое мышление. За короткое время он освоил турецкий, арабский и персидский языки, основы мусульманской философии и права. Большой интерес проявлял молодой человек к изучению русского языка. Вероятно, в поисках живого общения и литературы Каюм познакомился с представителями русской интеллигенции и православными миссионерами, которые вскоре сами предложили одаренному мусульманину занять должность преподавателя татарского языка в Казанском духовном училище.

В 1855 году Каюм Насыри начал давать уроки будущим христианским священнослужителям, и через несколько лет, набравшись педагогического опыта, перешел на работу в Казанскую духовную семинарию. Для мусульманина это был по-настоящему смелый, даже отчаянный шаг. Общественное мнение казанских татар в то время категорически не одобряло сотрудничество правоверных мусульман с православным государством в образовательной сфере. Желая пополнить свои знания, Каюм Насыри поступает вольнослушателем в Казанский университет. Несмотря на то, что он работал преподавателем в духовной семинарии, жил Каюм Насыри весьма скромно. В семинарии Насыри преподавал 15 лет, до 1871 года.

Уйдя из духовной семинарии, Каюм Насыри посвящает себя делу обучения русской грамоте татарских детей. Он организует школу для татарских детей, которая просуществовала до 1876 года. В том же году Насыри, ввиду разногласия с инспектором нерусских школ В.В. Радловым, оставляет школу и полностью посвящает себя литературной и научно-педагогической деятельности. В эти годы Насыри написал свои лучшие произведения.

Новый и самый важный этап в жизни просветителя начинается в семидесятых годах XIX века, когда правительство, озабочившись автономией мусульманского конфессионального образования, приняло ряд мер по его интеграции в систему государственного российского просвещения. Важнейшей задачей тогда считалось введение обязательного обучения шакирдов мектебов и медресе русскому языку, повсеместное создание светских русско-татарских школ. Реализация этих решений шла крайне тяжело, встречая сопротивление духовенства и мусульманского населения. Без того непростое положение усугублялось отсутствием

кадров национального учительства, имеющего профессиональный опыт и владеющего государственным языком.

Наверное, единственным мусульманином в Казани, способным на ведение плодотворной педагогической работы в новых татарских учебных заведениях, был Каюм Насыри. Он с воодушевлением взялся за организацию такой школы в Забулачной части города, сначала на Мокрой улице, а затем в самом сердце Старотатарской слободы, неподалеку от мечети «Марджани». Но, как это обычно бывает с первопроходцами, неутомимый просветитель вместо признания получил лишь проблемы и неприятности. Для большинства татар он так и остался «Урыс Каюм» – «Русским Каюмом», а для чиновников Министерства народного просвещения – излишне самостоятельным учителем, не желавшим заниматься откровенной миссионерской деятельностью. Насыри до последнего пытался сохранить свою школу, платил из своего скудного жалования и за аренду помещения, и за учебники и даже отдавал последние деньги бедным ученикам на еду и одежду. Однако конфликт с инспектором татарских училищ В.В. Радловым зашел очень далеко и в 1876 году Каюм Насыри вынужден был оставить учительскую работу.

Одиночество и спокойная жизнь на квартире у муэдзина Галеевской мечети на Сенной улице (ныне ул. П. Коммуны, 35) помогли заняться серьезной научной деятельностью. Именно в эти годы он создает наиболее значительные произведения в области татарского языкознания, педагогики, методики обучения, истории и литературы. Каюм Насыри пользовался огромным уважением в научном сообществе Казани и за его пределами. Результаты его этнографических и исторических исследований с большим интересом заслушивались на заседаниях Общества археологии и этнографии Казанского университета, членом которого он являлся на протяжении довольно долгого времени.

Ученый-преобразователь татарского просвещения и культуры, энциклопедист Каюм Насыри в течение своей более чем полувековой научной, литературной и педагогической деятельности издал огромное количество трудов по художественной литературе, фольклору, лингвистике, педагогике, математике, истории, географии, астрономии и другим отраслям науки. Наиболее важными в его филологической деятельности являются следующие направления: исследования по лингвистике; литературная деятельность; татарская фольклористика.

Мысль о создании грамматики татарского языка, соответствующей современным требованиям науки, не была случайной для выдающегося ученого. В течение многих лет он вел научную работу по изучению родного языка. В 1860 году в Казани вышел его труд «Кыскача татар нәхүе» («Краткая татарская грамматика»). Результатом сопоставительного изучения им татарского и русского языков явилась работа «Татарча-русча лөгәт» («Татарско-русский словарь»), опубликованная в 1875 году. Из

систематических занятий языками возникают и некоторые последующие работы Каюма Насыри: «Кавагыйде кыйраете рус» («Правила чтения русского языка»), «Нәмүнә яки әнмүзәж» («Грамматика русского языка по образцу арабской грамматики»), «Ләгәте рус китабы» («Русско-татарский словарь»). В 1895 году вышел I том, в 1895 – II том «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка»). Важно отметить, что до XIX века наблюдалась путаница в употреблении терминов «турецкие языки», «тюркские языки», «татарские языки». Именно К.Насыри предложил ввести в оборот для обозначения представителя тюркской семьи языков – татарского народа термина татарский язык. Сочетание тюркский язык, тюркские языки стал родовым и начал употребляться для обозначения представителей тюркской семьи языков.

В 1895 году типографией Казанского университета была издана грамматика татарского языка – «Әнмүзядж» (в переводе с арабского «Әнмүзәж» – «Үрнәк»). Этот лингвистический труд построен на совершенно новой основе по сравнению с грамматиками других авторов.

Интерес к изучению татарского языка возник задолго до Каюма Насыри, и татароведение в Казани имело бесспорные и признанные успехи. В истории татарской грамматики «Әнмүзядж» представляет собой важный этап – он явился первым опытом всестороннего научного исследования татарского языка. Значение этого труда заключается в том, что в нем зафиксирован и сохранен для науки огромный материал по татарскому народно-разговорному языку второй половины XIX века. Работа представляет несомненный интерес для изучения истории языка как образец научного стиля того времени. Этим исследованием, а также другими лингвистическими работами Каюм Насыри заложил фундамент всестороннего научного изучения татарского языка.

«Әнмүзядж» состоит из четырех глав: I – звуковой строй языка и имени; II – глаголы; III – буквы; IX – способы связи слов.

В разделе морфологии автор использует арабскую лингвистическую терминологию, принятую в татарской науке о языке. Части речи он делит на имя, глаголы и буквы. Различия между именем и глаголом видит в том, что «имя имеет самостоятельное значение, но не выражает времени», а глагол «имеет самостоятельное значение, но выражает время».

В основу определения частей речи: существительного, прилагательного, числительного, в одних случаях положена форма, в других – значение. Автором подробно анализируются различные грамматические категории, относящиеся к именам. Речь идет об именах собственных и нарицательных, именах конкретных и абстрактных, склоняемых и несклоняемых. При исследовании глаголов К.Насыри особую роль отводит категории залога. Примечательны слова великого просветителя о том, что даже по разнообразию форм татарского глагола можно судить о богатстве и величии татарского языка по сравнению с другими европейскими языками.

Затем выходят его книги по различным отраслям знаний, а также литературные произведения. В 1871 году он начал издавать настольный ежедневный календарь, мечтал об издании татарской ежедневной газеты. Он даже нашел название газете – «Утренняя звезда», но царское правительство не дало разрешения на издание. И хотя царские власти притесняли татар, Каюм Насыри связывал надежды развития своей нации с русским народом. Он чутко и ревниво оберегал честь и достоинство страны, татарского и русского народов. Насыри считал, что успеха в своих трудах он добился благодаря русской культуре.

Литературные произведения Каюма Насыри разных жанров («Әбугалисина кыйссасы», «Кырык бакча», «Кырык вәзир», «Фәвакиһел жәласа» и др.), его своеобразные проповеди и наставления и сегодня имеют огромное воспитательное и научное значение. Каюм Насыри стал настоящим кумиром для молодой татарской интеллигенции конца XIX – начала XX века – Г.Тукая, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Камала и других, стоявших у истоков профессиональной национальной литературы, театра, искусства и науки.

Каюм Насыри оставил глубокий след в истории татарской фольклористики. Его деятельность в этой области велась по трем направлениям. Во-первых, К.Насыри лично собирал фольклор татарского народа из первых уст, большие усилия вкладывал в издание лучших образцов. Данное направление нужно понимать в более широком смысле. Произведения, передающиеся из уст в уста, ученый систематизировал, распределил по жанрам, дал определения жанрам, привел разъяснения отдельным произведениям. Труды К.Насыри по этой части отличаются объемом и качеством материала, охватом абсолютно всех фольклорных жанров (обряды, легенды и предания, заговоры, байты, песни, загадки, пословицы и поговорки и др.).

Во-вторых, в целях распространения истории, этнографии, особенностей жизни и быта, мировоззрения татарского народа, просветитель перевел произведения народного творчества на русский язык. В-третьих, автор подробно изучил восточный фольклор и перевел многие образцы на татарский язык. Таким образом, Каюма Насыри заложил основы изучения народного творчества как самостоятельной науки.

С 1871 года Каюм Насыри издавал свой «Календарь», где увидели свет многие произведения татарского фольклора. Отношение автора к народному творчеству, определение его этической, эстетической ценности тесно связано с его просветительскими идеями.

Ученый прекрасно владел многими ремеслами: переплетал книги, делал зеркала, готовил крахмал, столярничал, хорошо знал кулинарию и народную медицину. Оказавшись разбитым параличом, ученый разработал специальные физические упражнения, стал лечить себя электротокком и в результате на время встал на ноги!

Просветитель умер 20 августа 1902 года и был похоронен на кладбище Новотатарской слободы города Казани.

В плане увековечивания памяти Каюма Насыри сделано достаточно много. К «круглым датам» выходили сборники, в которых нашло своё отражение научное и литературное наследие татарского просветителя. Издавались его труды, проводились научные конференции. «Избранные сочинения» писателя и учёного издавались неоднократно (1953, 1956, 1971, 1974–1975 годы). Отдельными книгами выходят его произведения для детей. Двухтомник Каюма Насыри вышел в 1974–1975 годах. «Избранные сочинения» в 4-х томах на татарском языке увидели свет в 2003–2006 годах.

В 1930 году одна из центральных улиц Казани – Захарьевская была переименована в улицу Каюма Насыри. В Казани в 2002 году открыт Музей Каюма Насыри в доме, являющемся памятником татарского деревянного зодчества. Решением Ученого совета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский федеральный университет» от 07 февраля 2014 г. в рамках реализации мероприятий Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы образован Научно-образовательный центр «Институт Каюма Насыри».

Источники и литература

1. Абдуллин И.А., Закиев М.З. Каюм Насыри – основоположник национального литературного языка // Советская тюркология. 1975. № 3.
2. Ахунов Азат. Каюм Насыри: долгий путь к людям. – Режим доступа: <http://kitap.net.ru/ahunov7.php>
3. Биография Каюма Насыри. Режим доступа: <http://www.kzn.ru/old/page2451.htm>
4. Каюм Насыри. Избранные произведения. Казань. Татарское книжное издательство, 1977.
5. Каюм Насыри. Эндмюзьдж. – Казан: Отв. редактор Я.С.Ахметгалеева, 1975.
6. Насыри Каюм. Сайланма эсэрлэр. 4 томда, 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.
7. Насыри Каюм. Сайланма эсэрлэр. 4 томда, 2 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004.
8. Насыри Каюм. Сайланма эсэрлэр. 4 томда, 3том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004.
9. Насыри Каюм. Сайланма эсэрлэр. 4 томда, 4том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006.
10. Садыкова Л.Р. Каюм Насыри – основоположник татарского литературного языка //Л.Р. Садыкова //Лингвистические исследования: Сборник научно-методических работ/ Под.общ. ред. Н.В. Габдреевой, Г.Ф. Зиннатуллиной. – Казань: изд-во гос.техн. ун-та, 2008.

©Халиуллина Н.У.

НИКОЛАЙ НОВИКОВ

(1744–1818)

Идеи французского Просвещения XVIII века, возникшие с появлением нового класса (буржуа), уверенно реализующего свои претензии на экономическую и политическую власть в Европе, получили достаточно широкое распространение в России в годы царствования (1762–1796 гг.) Екатерины II. Н.М. Карамзин, оценивая ее реформы, отмечает: «Екатерина II была истинной преемницей величия Петрова и второю преобразовательницей новой России».

Получив европейское образование, София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (в православии – Екатерина Алексеевна) знала и ценила труды Ш.П. Монтескье, Д’Аламбера, Д. Дидро, долгое время состояла в личной переписке с Вольтером. Пытаясь соответствовать его идеалам Просвещенного монарха, она начинает либеральные реформы, направленные на создание в России «новой породы людей» через внедрение доступного для народа образования и, в идеале, отмену крепостного права.

Несовместимость либеральных идей и принципов абсолютной монархии доказывают судьбы первых русских просветителей – А.Н. Радищева и Н.И. Новикова, с именами которых принято связывать зарождение классических идей демократии в России.

Николай Иванович Новиков родился 27 апреля (8 мая – по старому стилю) 1744 г. в поместье Тихвинское-Авдотьино Московской губернии в семье дворян среднего достатка. О детстве его сведений ничтожно мало.

Доподлинно известно, что по достижении 10-летнего возраста Коля, как многие его сверстники, был отдан родителями на воспитание в Московскую университетскую дворянскую гимназию при Московском университете. Непоседливость характера и неуемная энергия, однако, не позволили закончить обучение: на пятом году обучения Новиков был исключен из гимназии с примечательной формулировкой «За леность и нехождение в классы».

После этого недорослю оставался только один путь – военная служба: стараниями-ходатайствами отца Новиков принят в лейб-гвардии Измайловский полк. Здесь и пересеклись впервые судьбы 18-летнего юноши и Екатерины. При перевороте 28 июня 1762 г. (день воцарения императрицы на престол) Новиков пропустил заговорщиков через подъемный мост измайловских казарм, за что и был произведен в унтер-офицеры.

Молодая императрица заметила юношу, и, когда в 1767 г. ею была учреждена Уложенная комиссия, целью которой определялось устранение недостатков в законодательстве и «выявление нужд и настроений общества», Новикову было поручено ведение протоколов в комиссии по созданию проекта Нового Уложения, по мнению Екатерины, должного изменить уклад российской жизни согласно принципам европейской философии и науки, сформулированным французскими просветителями.

В 1769 г. 25-летний Новиков выходит в отставку и принимается за главное дело своей жизни – издание еженедельного сатирического журнала «Трутень». Следует отметить, что екатерининская эпоха – время расцвета российской литературно-развлекательной публицистики: «Адская почта» Ф.А. Эмина, «Всякая всячина» (автором этого журнала была сама Екатерина Великая), «Свободные часы» М.М. Хераскова, «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова (уже по названию понятно, что новиковский «Трутень» оппонировал этому изданию в первую очередь), всего – до 50 названий.

«Трутень» публиковал материалы против злоупотреблений придворных и помещиков, подкупленного неправосудия, взяточничества. Н.И. Новиков не убоился выступить и против линии самой Самодержицы Всероссийской, настаивавшей на принципах «улыбательной сатиры», отстаивая право журналистов на безоглядные обличения и титулованных особ. Впрочем, силы, очевидно, были неравны: «Трутень» начал «сглаживать» тон публикаций, затем полностью отказался от статей, посвященных Крестьянскому вопросу, а в 1770 г. перестал выходить в свет. Позже Н. Новиков издавал сатирический журнал «Живописец», в котором вместе с А. Радищевым выступал против крепостного права в России, еженедельник «Кошелек» и первый российский философский журнал «Утренний свет».

К другим заслугам Н.И. Новикова как просветителя следует отнести выпуск первого российского библио-биографического словаря «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772 г.) и многотомное издание «Древняя Российская Вивлиофика...» (издававшиеся Новиковым ежемесячно в 1773–1776 гг. памятники русской истории). Кроме того, в 1777 г. Н. Новиков выпускает 22 номера «Санкт-Петербургских учёных ведомостей», первого в России журнала «ученой и литературной критики», а в 1779 г. – 5 номеров первого отечественного «женского журнала» «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (к сожалению, издание приостановлено из-за отсутствия интереса публики и коммерческой выгоды: в России XVIII нашлось всего 53 подписчицы).

В просвещении Н. Новиков видел главное средство разрешения социальных вопросов: по его мнению, человек должен быть добродетельным и образованным, поэтому цель воспитания есть формирование активной добродетельной личности, приносящей пользу своему Отечеству и согражданам. Руководствуясь идеей народности воспитания, Новиков считал, что детям следует, прежде всего, изучить родной язык и словесность, знать историю и географию своей Родины, «элементарные основания» гуманитарных и точных наук, а также знания о природе. Абсолютно отрицая физические наказания, Новиков полагал необходимым воспитывать детей на положительных примерах, заставлять их вдумываться в мотивы своих поступков, постоянно упражняться в нравственных действиях. Реализуя свои воспитательно-образовательные принципы, в ноябре 1777 г. Н.И. Новиков открывает Училище при церкви Владимирской Божией Матери «с пансионерами и приходящими учениками, платными и даровыми» (впоследствии – Екатерининское). В 1778 г. – Александровское училище при церкви Благовещения на Васильевском острове.

Однако просветительская деятельность в условиях абсолютной монархии – дело не безопасное. В 1792 г. Н. Новиков арестован по подозрению, «не печатает ли Новиков, в противность закону, книг церковной печати» (т.е. старообрядческих). По указу Екатерины II от 1 августа 1792 г. по обвинению в «гнусном расколе, в корыстных обманах, в деятельности масонской» Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет.

Четыре с половиной года провел Н.И. Новиков в крепости, император Павел I в первый день своего царствования подписал указ о его освобождении. По свидетельству современников, вышел из заточения Новиков «дряхл, стар, согбен». Он оставил всякую общественную деятельность и до дня смерти – 31 июля (12 августа – по старому стилю) 1818 г. прожил безвыездно в родовом имении.

В СССР о Н.И. Новикове выходили книги в серии «Жизнь замечательных людей», его издательская и просветительская деятельность

изучалась в курсе русской литературы на филологических факультетах вузов. С распадом Советского Союза – в 90-х и 2000-х годах имя Николая Ивановича было незаслуженно отодвинуто на второй план, и лишь в октябре 2012 г. в Москве состоялась Международная научная конференция «Россия и гнозис: судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга», которая проходила на базе Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, где 17 октября 2012 г. был торжественно открыт бюст выдающегося русского просветителя XVIII в. Николая Ивановича Новикова.

Источники и литература

1. Добролюбов Н.А. Русская сатира екатерининского времени. Собр. соч.: в 9 т. – М.-Л., 1962. – Т. 5.
2. Западов А.В. Новиков – М.: Молодая гвардия, 1968. – (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 17 (441)).
3. Крестова Л.В. Из истории журнальной деятельности Н.И. Новикова // Исторические записки. – 1953. – №44.

©Масленников Д.Б.

ПЛАТОН ОЙУНСКИЙ

(1893–1939)

XX столетие Якутия, далекая окраина России, встречала экономическим ростом и подъемом духовных сил. Она переставала быть просто колонией, сырьевым придатком империи и просыпалась вместе со всей остальной страной. В эту пассионарную эпоху народ саха выдвинул целую плеяду замечательных мыслителей, поэтов, просветителей, таких, как Алексей Елисеевич Кулаковский – Ексеюлях, Василий Васильевич Никифоров – Кюломнюр, Анемподист Иванович Софронов – Алампа, Николай Денисович Неустроев. Их сподвижником и единомышленником был Платон Алексеевич Слепцов – Ойунский.

Платон Ойунский вошел в историю Якутии как выдающийся поэт, ученый и политический деятель, стоявший у истоков государственности автономной республики, культурного строительства, науки и просвещения.

Биографы делят жизненный и творческий путь П.Ойунского на четыре периода:

- «Время судьбы» (до 1917 г.), становление взглядов и жизненных принципов;
- «Время манифестов» (1917–1926), участие в революционных событиях, государственная деятельность, поэтическое творчество;
- «Время постижения» (1927–1934), организаторская и научно-исследовательская деятельность, творческие открытия, осознание фольклора как основы национальной культуры;

«Время прощания» (1935–1938), раздумья о правильности избранного пути, отражение мыслей о природе власти и государства в поздних произведениях.

Урожденный Платон Алексеевич Слепцов известен под двумя фамилиями: своей родной и приобретенной фамилией Ойунский, который стал его псевдонимом, происходившим от слова «ойуун» (шаман). Впрочем, он не был случайным, так как среди его предков и по отцовской, и по материнской линии были языческие жрецы-шаманы. Родился будущий поэт 11 ноября 1893 г. в 3-м Жехсогонском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинский район) Якутской области, родине известных народных сказителей-олонхосутов и первого поколения якутских писателей (А.Кулаковского-Ексекуляха, Д.Сивцева-Суорун Омоллона, Н.Мординова-Амма Аччыгыйа). Позднее в автобиографии Ойунский писал: «Я родился в семье крестьянина-средняка. Мой отец – Алексей Петрович Слепцов впоследствии стал бедняком и умер в 1916 г. Мать – Евдокия Ивановна Слепцова умерла в 1928 г. Мои родители – крестьяне (бедняки), занимались лишь сельским хозяйством. Ввиду крайней бедности моих родных я начал учиться в сельской школе лишь с 14 лет». Зато детство Платона прошло в мире необычном, овеянном мифами и легендами, в окружении нетронутой, первозданной природы. В той же автобиографии он писал: «У меня в детстве воображение было богатое, красочное, рассказывал красноречиво». Не случайно в возрасте восьми-девяти лет уже исполнял олонхо. После Черкехской школы, носящей в настоящее время его имя, Ойунский закончил в г. Якутске 4-классное училище (1911–1914), а затем учительскую семинарию (1914 – 1917).

Годы учебы стали важным этапом в формировании его личности: он серьезно увлекся историей, философией, мировой и русской литературой – Гомером, подобно которому впоследствии запечатлел эпос своего народа, Эсхилом, Шекспиром, русской классикой от Пушкина до Горького. Еще в училище П. Ойунский вместе с М. Аммосовым организовал кружок по изучению якутского языка, фольклора и истории, а в 1916 г. вступил в подпольный кружок Е. Ярославского «Первые шаги». В марте 1917 г. стал членом Якутской организации РСДП. В апреле того же года создал Союз чернорабочих-якутов, был избран членом бюро Якутского комитета общественной безопасности. С осени 1917 г. по май 1918 г. учился в Томском учительском институте, откуда был исключен за активную революционную деятельность. Там же в Томске в марте 1918 г. вступил в ряды РКП (б).

В мае 1918 г. П. Ойунский был командирован Центросибирью в Якутскую область для установления Советской власти. Участвовал во взятии Якутска отрядом А.Рыдзинского. После временного поражения Советской власти был арестован и находился в Якутской и Киренской тюрьмах. Сосланный без права въезда в Якутию, работал учителем

Казанской начальной школы Томского уезда. В июне 1920 г. П. Ойунский вернулся в Якутск в составе группы партийных и советских работников. В начале 1921 г. его избрали председателем Якутского губернского ревкома, а в мае 1922 г. назначили председателем Совнаркома Якутской АССР. В январе 1923 г. на I Всеякутском учредительном съезде Советов П. Ойунский был избран председателем ЦИК ЯАССР. Его деятельность на этих ключевых постах дала импульс развитию Якутии на многие десятилетия вперед. С середины 1926 г. по февраль 1928 г. в связи с ухудшением состояния здоровья лечился за пределами Якутии.

В 1928–1929 гг. работал наркомом просвещения и здравоохранения Якутской АССР, в 1929–1931 гг. – председателем и ответственным редактором Якутгосиздата. В 1931–1935 гг. учился в аспирантуре Московского НИИ национальностей СССР. В июне 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Якутский язык и пути его развития». В этом же году возглавил созданный по его инициативе научно-исследовательский Институт языка и культуры. В мае 1935 г. был избран председателем правления Союза писателей Якутии. П. Ойунский избирался членом ЦИК ЯАССР 1–8 созывов, депутатом Верховного Совета СССР (1937). В 1938 г. он был необоснованно репрессирован и умер в тюрьме 31 октября 1939 г. Полностью реабилитирован в декабре 1955 г.

Начало его литературной деятельности совпало с эпохой революции. Ранний П. Ойунский представлял собой тип ангажированного поэта. Его поэзия была неразрывно связана с общественно-политической деятельностью. Устанавливая Советскую власть в Якутии, участвуя в гражданской войне, создавая «Песню свободы» и «Завещание орла», он совершенно искренне верил в то, что служил идеалам социальной справедливости и интернационализма. Ему были чужды индивидуалистические настроения, идеи вождизма и трибунства. П. Ойунский выражал в своих художественных произведениях широкие демократические убеждения и чувства. В ранних стихотворениях поэт оперировал понятиями «народ», «труженики», «бедный люд», его лирический герой носил собирательный, обобщенный характер. Революция ощущалась П. Ойунским как состояние души, проникнутое правдой чувства и окрашенное надеждой на благоденствие родного народа. Революция воспринималась им как судьба поколения, исполненная решимости и бесповоротности выбора, полная отречения и жертвенности. Именно поэтому ему были близки по духу венгр Ш. Петефи и француз Э. Потье, деятели революционного движения 19 века, стихи которых он переводил на родной язык.

Перелом в мироощущении П. Ойунского происходит после поэтической драмы «Красный шаман» (1925), ставшей его «манифестом», программным произведением. Как и поэма А. Кулаковского «Сон шамана»,

драма П.Ойунского долго воспринималась в идеологизированном свете: считалось, что Красный шаман – образ революционера, едва ли не alter ego самого автора. Объективный смысл произведения искажался: герой, выступавший в статусе инфернальной фигуры, шамана-пророка, испытывая горькое разочарование из-за засилия в мире несправедливости и зла, предлагал путь спасения посредством пробуждения разума и сознания человека. Свой долг Красный шаман видел в том, чтобы помочь людям:

Бессмертный огонь разума разбудить,
Вещим языком научить говорить,
Всемогущий дух творенья вдохновить...

То есть, пафос драмы выходил за рамки политических идей и заключался в проповеди общечеловеческих идеалов и ценностей.

В лирику П.Ойунского постепенно входит устойчивый мотив прощания, образ роковой судьбы. Идея верности избранному пути («Не все ль равно?!»), печаль утраты близкого человека («Другу Феклуше») переходят в психологически углубленное раскрытие беспокойной души лирического героя, предчувствующей и предсказывающей свою трагическую судьбу. В произведениях позднего П. Ойунского уже явно проступают оппозиционные идеи. В рассказе «Александр Македонский» на историческом материале рассматриваются проблемы власти и славы, роли личности в истории, проникнутые актуальнейшим смыслом. Рассказ был написан в 1935 г., когда сложные процессы происходили как на международной арене, так и внутри страны. В Европе поднимал голову фашизм, у нас утверждался культ личности и начались репрессии. В этих условиях якутский писатель недвусмысленно осудил тиранию и жестокость. Его герой, покоривший многие страны и народы, приходит к осознанию эфемерности славы великого завоевателя и создателя мировой империи. Он сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок». В другом рассказе «Соломон Мудрый» П.Ойунский использовал библейскую образность для проповеди радости жизни, земного счастья и любви, что тоже косвенно свидетельствовало об его оппозиции антидемократическому, античеловеческому режиму. Причем негативная оценка авторитарного режима была вынесена П.Ойунским синхронно с первыми опытами порицания тоталитаризма в зарубежной литературе – романами Г.Манна «Верноподданный», А.Кёстлера «Слепящая тьма», Д.Оруэлла «1984».

В последние годы на фоне общей переориентации общественной мысли и массового сознания заметно возрос интерес к личности и творческому наследию П.Ойунского. Но при этом все еще встречаются рецидивы идеологизированного подхода к нему. Сегодня пора окончательно отказаться от стереотипов вроде «буревестник революции», «поэт-трибун» и не укладывать его целиком в прокрустово ложе

«социалистического реализма». В своих статьях и выступлениях П.Ойунский при всей приверженности принципам партийности и идейности искусства был близок к тому, чтобы ставить творческое, художественное начало вне политической практики. Так, в статье «Несколько слов об Абагинском» он специально выделил категорию таланта и призвал своих молодых собратьев по перу изучать классическую литературу, прежде всего ее художественную форму. В статье «Спекулянты от литературы», посвященной полемике со сторонниками прямолинейного, вульгарно-социологического восприятия драмы «Красный шаман», П. Ойунский снова подчеркнул особую значимость и ответственность таланта.

П. Ойунский очень высоко оценивал силу поэтического слова, его воздействие на человека. Эта мысль красной нитью проходит через все его критические работы и художественные произведения. В прощальном слове о А.Кулаковском он призывал следовать его завету – «пламенным словом» служить родному народу. В процессе работы над «Красным шаманом», по его собственному признанию, он «по-настоящему узнал волшебную силу слова, почувствовал его захватывающий дух».

П. Ойунскому принадлежат основополагающие, концептуальные суждения о путях развития якутской литературы. Одна из главных его идей, в наиболее целостной форме выраженная в докладе «Значение 100-летнего юбилея со дня смерти А.С.Пушкина и наши задачи», заключалась в необходимости овладения «всем культурным наследством прошлых эпох, великими творениями гениев человечества», к числу которых он отнес Шекспира и Пушкина, Гете и Байрона, Горького и Толстого, Роллана и Барбюса. П.Ойунский с восхищением говорил о многогранности пушкинского дарования. По его выражению, Пушкин был «создателем русского литературного языка и родоначальником новой русской литературы». Сам он тоже был синтетической, универсальной фигурой и обладал разносторонним талантом. Это не только один из зачинателей якутской литературы, но и первый якутский ученый широкого профиля, составитель русско-якутского орфографического словаря, фактически ставший основоположником якутской гуманитарной науки.

П. Ойунский был не только блестящим знатоком устного народного творчества и талантливым олонхосутом, но и исследователем якутского фольклора. Его работа «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание», написанная еще в 1927 году, представляла первый опыт комплексного рассмотрения олонхо, то есть, носила приоритетный характер и заложила основы его научного изучения. Согласно его концепции, «подлинную историю народа нельзя знать, не зная устного народного творчества». П.Ойунский воспринимал и интерпретировал якутский героический эпос (олонхо) на уровне признанных эпических памятников народов мира, постоянно соотносил эпические песни якутов о

богатырях с поэмами Гомера, Фирдоуси, Руставели и тем самым впервые ввел олонхо в мировой культурный контекст. Фольклорные традиции, сюжеты и мотивы сыграли важнейшую роль в художественном творчестве П.Ойунского. Его самые значительные произведения – поэтические драмы «Красный шаман» и «Туйаарыма Куо», эпическая поэма «Нюргун Боотур Стремительный» и повесть-предание «Кудангса Великий» – так или иначе связаны с якутской мифологией, с сюжетикой и поэтикой олонхо.

Среди них, в свою очередь, особняком стоит воссозданный П.Ойунским монументальный эпос-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», вполне соизмеримый с такими памятниками мировой литературы, как эпические поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Речь идет не только о том, что «Нюргун Боотур Стремительный» стал сегодня достоянием мирового читателя, но и о фактах типологических схождений между якутским олонхо и ранними формами эпоса народов мира, подтверждающих идею целостности мировой культуры. В частности, ученые – как российские (М.П. Алексеев, Е.М. Мелетинский), так и якутские (И.В. Пухов, Н.В. Емельянов, Е.С. Сидоров и др.), – обнаружили ряд параллелей не только между олонхо и эпическими поэмами тюркских народов, но и, к примеру, с такими памятниками, как древнескандинавская «Старшая Эдда» или кельтские саги. Это схожее дуальное «устройство» эпического мира в «Эдде» и «Нюргуне Боотуре», отражающее полярность ценностей и идеалов в мифологическом эпосе. В эддических песнях и якутских богатырских поэмах обязательно присутствует «свой» и «чужой» мир: с одной стороны, это добрые «асы» и злые великаны-«ётуны» («Эдда»), с другой – светлые «айыы», обитающие на «средней земле» и представляющие «нижний мир» демоны – «абаасы». Отдельные песни «Старшей Эдды» и олонхо («Нюргун Боотур Стремительный») содержат обширные этиологические зачины, повествующие о «ранних» временах. Эти эпические прологи изображают во многом идентичный пространственно-временной ареал: картину «первотворения», своеобразный «вертикальный» разрез мироздания, благословенную «среднюю землю», осененную могучим деревом изобилия (Аар-Лууп – в олонхо, ясень Игддрасиль – в песнях «Эдды»). В якутских олонхо мировое дерево проливает «белую благодать», образующую молочные озера, в скандинавской мифологии у его корней бьют целебные родники, а с листьев капает живительная влага. Якутское божество Улуу-Тойон, живущее у верхушки дерева Аар-Лууп, весьма напоминает скандинавского Одина, так же как белые шаманки, вестницы богов «айыы», поразительно напоминают валькирий из «Старшей Эдды».

Олонхо П.Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» присущи такие классические черты, определяющие «этикет» архаических фольклорных памятников, как параллелизмы, повторы, постоянные

эпитеты, формулы и т.д. В олонхо присутствует образ богатырской девы, распространенный в эпической поэзии ряда народов, как, например, в кельтских сагах или немецкой «Песни о Нибелунгах», и содержится мотив «героического сватовства». Кроме того, в олонхо, которые относятся к числу архаических памятников, составляющих «раннюю ступень» в истории эпоса, представлен мифологизированный образ чудесного кузнеца. Сказания о волшебных кузнецах восходят к начальной стадии развития обработки металлов, когда кузнечное дело особенно ценилось и почти граничило с магией и колдовством.

С точки зрения идейного содержания в олонхо гармонически сочетаются национальные и общечеловеческие идеалы. С одной стороны, в них провозглашается идея планетарного единства обитателей «срединного мира», их согласия, терпимости, толерантности. Кроме того, актуальной является идея гармонического бытия людей с окружающей природой. С другой стороны, сквозной мотив олонхо – взаимопомощь и взаимоподдержка людей племени «айыы», их стремление к мирной созидательной жизни, защита рода от поползновений «абаасы», злых демонов Нижнего мира. Эти идеи перекликаются с общим пафосом литературного «койне» тюркских народов – «Надписей в честь Кюльтегина», в которых речь шла о страстном призыве к князьям-каганам жить в мире, избегать кровавых битв, разрешать конфликты мирным путем. Здесь также обнаруживается идейное родство якутских олонхо с памятниками древнерусской словесности, в частности со «Словом о полку Игореве», тоже содержащем призыв к собиранию земель и народов в единый союз.

Наряду с могучей стихией устной народной поэзии, важнейшую роль в творчестве П.Ойунского сыграли традиции мировой литературы. В частности, создавая драматическую поэму «Красный шаман» и повесть-предание «Кудангса Великий», якутский поэт опирался на шекспировские трагедии «Гамлет» и «Макбет». Сходство идейного содержания произведений Шекспира и Ойунского обусловлено прежде всего сложным переломным характером исторических эпох, получивших воплощение в их творчестве. В трагедиях Шекспира отразился кризис гуманистических идей европейского Возрождения, в «Красном шамане» и «Кудангсе Великом» в условной, иносказательной форме нашли отражение сложнейшие процессы, происходившие в России и Якутии в первые десятилетия XX столетия. Типологическая общность произведений Шекспира и Ойунского во многом определялась их источниками. В основе трагедий Шекспира лежали легенда о принце Амлете, записанная датским историком Саксоном Грамматиком и «Исторические хроники» английского летописца Рафаэля Холиншеда. Ойунский использовал легенду о борьбе шамана Добуна со знатным родом богачей Оросиных и предание о Кудангсе Великом. Представляя разные исторические эпохи и

разные национальные литературы, Шекспир и Ойунский, тем не менее, обнаруживают удивительную общность взглядов по отношению к фольклору, воспринимая его прежде всего, как неиссякаемый источник непреходящих духовных ценностей, вечной народной мудрости, сохраняющей свое значение во все времена.

Общие черты присущи также главным героям этих произведений, претерпевающим сложную духовную эволюцию. Гамлет в начале трагедии, потрясенный открывшимся ему «морем зла», задумывается над тем, стоит ли жить. Но герой Шекспира, мыслитель и гуманист, считает себя обязанным «вправить вывихнутый сустав века»:

Век расшатался – и скверней всего,
Что я рожден восстановить его!

В начале драмы Ойунского Красный шаман тоже размышляет о своем предназначении, о роковой судьбе. Сначала он по-гамлетовски сомневается в том, что сможет ли

Открыть глаза угнетенным,
Незрячих заставить прозреть,
Зажечь в сердцах свободы пламя?..

Но потом он выражает веру в предсказанный ему свыше жизненный путь, принимает возложенную на него миссию борца за «бедных и сирых» и стремится к тому, чтобы его заклинания прозвучали «добрым набатом».

Значительные сходства также обнаруживает трагическая эволюция главных героев трагедии В.Шекспира «Макбет» и повести-предания П. Ойунского «Кудангса Великий». И в том, и в другом произведении раскрывается история величественного взлета и фатального низвержения выдающихся правителей. Общим местом в трагедии Шекспира и повести Ойунского является вопрос о пагубных последствиях, к которым приводит возвеличивание одного человека, пусть даже этот человек – личность исключительная, как шотландский тан Макбет и правитель якутов Кудангса Великий.

Методологическими ориентирами для интерпретации проблемы «Шекспир и Ойунский» служат теория выдающегося русского ученого-компаративиста А.Н.Веселовского о «встречных течениях», как необходимого условия для возникновения связей между литературами, а также теоретическое положение другого отечественного ученого-компаративиста В.М. Жирмунского о том, что влияние не ограничивается односторонним пассивным усвоением, но приводит к творческой переработке, в результате которого возникает совершенно новое оригинальное произведение.

Генетическая связь с устным народным творчеством обусловила характерную для П. Ойунского обобщенность художественного мышления. В своих программных произведениях – философской драме «Красный шаман» и повести-предания «Кудангса Великий» – якутский

поэт попытался в поэтической форме осмыслить современную ему эпоху вселенских катаклизмов, объять национальное бытие в целом и включить его в «макрокосм» истории. Это привело его, как и А.Кулаковского, автора поэмы-концепции «Сон шамана», не просто к сложному синтезу национальных и общечеловеческих проблем, но и к некоей новой эстетической структуре, а именно к принципу «космовидения» (Г.А.Белая), позволившему соединить локальное и универсальное в новое художественное единство. Таким образом, в плане художественном якутская литература в лице А. Кулаковского и П. Ойунского предвосхитила опыт ряда молодых литератур стран Латинской Америки и Африки, а в плане философском поднялась на новый, «ноосферный» уровень понимания бытия человека и человечества, характерный для развитых литератур Запада.

Идейно-эстетическое своеобразие искусства П. Ойунского заключается не только в глубинной связи с фольклором, в использовании многогранных образов-символов и условных форм, но и в специфическом синтезирующем характере его творческого метода, типологически близкого к методу ряда русских и зарубежных писателей XX века. В его творчестве находит реальное подтверждение современная концепция «паритетности» и «взаимодополнительности» реализма и романтизма, поэтому целесообразно говорить о естественном синкретизме творческого метода автора «Красного шамана» и «Кудангсы Великого».

П. Ойунский явился создателем якутской школы художественного перевода. Именно он первым начал перекачивать по «капиллярам» перевода в якутскую литературу «здоровую кровь» из мировой литературы. Причем первым произведением зарубежной литературы, переведенным на якутский язык, был «Интернационал», написанный в 1871 г. поэтом Парижской Коммуны Э.Потье. На рукописи перевода «Интернационала» стоит дата 7 декабря 1921 г. Но текст песни на якутском языке, напечатанный в газете «Ленский коммунар» 15 декабря 1921 г., стал известен еще до опубликования. Он получил широкий общественный резонанс, исполнением гимна сопровождалось собрания и митинги трудящихся. Очевидно, перевод был сделан с русского текста «Интернационала», принадлежавшего А.Коцу.

П.Ойунский как переводчик зарубежной литературы тяготел к поэтическим жанрам. В 1924 г. будучи на Кавказе П.Ойунский перевел на якутский язык монолог Маргариты из первой части «Фауста». Песня «Что случилось со мною», которую поет героиня Гете, относится к замечательным образцам лирики в немецкой литературе. Любовь в сознании Маргариты оказывается тесно связанной с мыслью о смерти. Какое-то смутное предчувствие заставляет ее думать одновременно о любви и о смерти. Перевод из Гете, по-видимому, был навеян образом покойной жены поэта. Не случайно П.Ойунский назвал его «Горечь утраты». Вполне логичным

выглядит обращение автора таких стихотворений, как «Песня свободы» и «Власть – Советам!», к творчеству Ш.Петефи. Его стихотворение «Королей на виселицу» привлекло П.Ойунского своим тираноборческим пафосом и возвышенным образом поднявшегося на борьбу народа. В переводе сохранена ритмическая организация оригинала: семь десятистиший-децим опоясаны в высшей степени лаконичным рефреном, звучащим как боевой призыв и напоминающим суровую формулу «Марсельезы».

Я.Неруда назвал Ш.Петефи «алмазной застежкой, которая скрепила венгерскую литературу с мировой литературой». Нечто подобное можно сказать и о П. Ойунском. Именно ему принадлежит честь включения якутской литературы в общемировой литературный поток. В его письме к М. Аммосову от 27 декабря 1917 г. содержатся такие знаменательные слова: «Якутская нация... выявит себя в истории только своей своеобразной литературой. Наша будущность в совершенном развитии этой поэзии... Наша история в том, чтобы свою литературу сделать общечеловеческим достоянием».

В республике Саха (Якутия) много делается для увековечения имени Платона Ойунского. Регулярно проводятся научные конференции, посвященные его творческому наследию. Переведены на многие языки его произведения. Имя П. Ойунского носят Саха театр, аэропорт города Якутска, улицы в столице и других городах и поселках республики. Государственная премия имени П. Ойунского ежегодно присуждается известным ученым, деятелям культуры и искусства Якутии. В 1993 г. его столетие было отмечено в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Подтверждением грандиозного размаха и общечеловеческой значимости творчества П. Ойунского служит признание ЮНЕСКО якутского олонхо «шедевром устного нематериального наследия человечества» («A Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity»). В честь 110-летия в 2003 г. именем П. Ойунского была названа малая планета диаметром пять километров, открытая в 1985 г. крымскими астрономами и зарегистрированная в каталоге Международного астрономического союза под номером 16407. В сентябре 2018 г. в Якутске состоялась Международная научная конференция «Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А.Ойунского», посвященная 125-летию выдающегося государственного и общественного деятеля Платона Алексеевича Ойунского.

Источники и литература

1. Бурцев А.А. Классики и современники. Вершинные явления и избранные лики якутской литературы. – Якутск: Сфера, 2013.
2. Бурцева М.А., Бурцев А.А. Шекспир и Ойунский. Связь времен и диалог культур. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013.

3. Гоголев А.И., Бурцев А.А. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии. – Якутск: Сфера, 2012.
4. Ойунская С.П. Светлое имя отца. – Якутск, 1999.
5. Ойунский П.А. Красный шаман / Перевод и комментарии Е.Сидорова. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004.
6. Ойунский П.А. Ньургун Боотур Стремительный / Пер. В.Державина. – Якутск: Кн. изд-во, 1975 (2-е изд. 1982).
7. Ойунский П.А. Стихотворения и поэмы. – М., 1993.
8. Ойунский П.А.: Взгляд через годы. – Новосибирск, 1998.
9. Ойуунускай П.А. Айымньылар. Сэттэ томнаах. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1962.
10. Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: Сборник архивных документов. – Якутск, 2015.
11. Платон Алексеевич Ойунский: ученый, писатель, государственный деятель. – Якутск, 2015.
12. Сидоров О.Г. Платон Ойунский. – М.: Молодая гвардия, 2016.
13. Спиридонов И.Г. Ойунский и наше время. – Якутск, 2003.

©Бурцев А.А.

СЕРГЕЙ РЫБАКОВ

(1867–1921)

Сергей Гаврилович Рыбаков (1867–1921) вошел в историю российской науки как видный исследователь духовной культуры и истории многих народов Российской империи. Его научные заслуги были по достоинству оценены уже современниками. Так, 16 января 1895 г. согласно представления Отделения этнографии Совет императорского Русского Географического общества присудил ему серебряную медаль «за труды по собиранию инородческих песен с напевами» в Уфимской и Оренбургской губерниях, а 1 января 1897 г. – малую золотую медаль за его классическую книгу «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта».

Этнографические и музыковедческие исследования С.Г. Рыбакова получили самую высокую оценку в различных энциклопедиях (хотя почему-то в третье издание «Большой советской энциклопедии» статья о нем не была включена), библиографических указателях, статьях, диссертациях и монографиях. Тем не менее, в составлении библиографии его трудов, не говоря уже об их издании, сделаны Д.Ю. Араповым и автором этих строк только первые шаги. Мало известна также пятилетняя (с 1913 по 1917 год) интенсивная деятельность ученого в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в качестве специалиста-исламоведа, результаты которой нашли отражение в десятках оригинальных опубликованных и рукописных работах.

Член-сотрудник Русского географического общества с 1896 г. С.Г. Рыбаков был не только исследователем и высокопоставленным

чиновником, но и занимал активную жизненную позицию, отстаивая подлинные и мнимые государственные интересы царской, а затем Советской России. Поэтому-то он имел полное право называть себя и гражданином. Так, его письмо от 20 апреля 1920 г. на имя Председателя ВЦИК РСФСР М. И. Калинина подписано как «гражданин Сергей Рыбаков».

Чтобы сделать достоянием читающей публики основные вехи жизни и деятельности талантливого российского ученого и просветителя С.Г. Рыбакова, ниже приводятся некоторые малоизвестные материалы к его биохронике и библиографии его трудов, почерпнутые из литературы, а также из опубликованных и архивных документов.

- 27 сентября 1867 г.: родился в Самаре в семье потомственного дворянина инспектора народных училищ Троицкого уезда Оренбургской губернии.

- 1877–1885 гг.: обучался в классической гимназии г. Троицка, которую окончил с серебряной медалью.

- 1885–1889 гг.: был студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

- 1889 г.: подал прошение о зачислении на юридический факультет того же университета, считая, что юриспруденция поможет ему разобраться с «большими» вопросами российского общества. Написал письмо известному русскому писателю Г. И. Успенскому в связи с взволновавшими студентов некоторыми литературно-публицистическими высказываниями писателя. Осенью поступает в Петербургскую консерваторию в класс теории композиции Н.А. Римского-Корсакова.

- 1892 г.: осуществил по линии Русского Географического общества научную поездку в Уфимскую и Оренбургскую губернии для «записывания песен инородцев с напевами». В Уфимском и Верхнеуральском уездах собрал более 100 лирических народных песен с мелодиями, несколько легенд, сказок, баитов, мунажатов, а также образцы поверий, суеверий, гаданий, пословиц, поговорок и инструментальных мелодий, которые легли в основу его статьи «О поэтическом творчестве уральских мусульман, татар, башкир и татар».

- 24 октября 1893 г.: написал письмо известному русскому писателю и общественному деятелю Н.В. Ремезову в связи с выходом его книги «Очерки из жизни дикой Башкирии» (М., 1887; 2-е изд. вышло в 1889 г.), в которой разоблачались деяния властей по расхищению башкирских земель.

- 1 января 1894 г.: был определен на государственную службу в Государственный контроль Департамента железнодорожной отчетности канцелярским чиновником.

- Лето 1894 г.: снова посетил Башкирию, вместе с братом Петром (1871–1918) и учителем начального народного училища А.С. Гусевым собрал богатый и разнообразный фольклорно-музыкальный материал.

- 16 января 1895 г.: Совет имп. Русского Географического общества согласно представления Отделения этнографии присудил С.Г. Рыбакову серебряную медаль за «труды по собиранию инородческих песен с напевами» в Уфимской и Оренбургской губерниях.

- Лето 1896 г.: ездил в Уфимскую и Оренбургскую губернии, где дополнял и уточнял сведения о башкирской и татарской музыке; в Тургайской области собирал образцы поэтического и песенного творчества казахов. По заданию Санкт-Петербургской Академии наук подготовил к изданию книгу «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта». Она была издана в 1897 г. и отмечена Русским Географическим обществом малой золотой медалью.

- 1898 г.: избран членом Оренбургской ученой архивной комиссии.

- Лето 1899 г.: по заданию Русского географического общества собирал, в том числе используя фонограф, памятники народного творчества в Закаспийской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областях и привез в Петербург около 100 фонографических записей музыки туркмен, узбеков, таджиков, евреев и уральских казаков. Его коллекция из 86 разных мелодий был принят в фонд Санкт-Петербургской Академии наук.

- 1 июля 1900 г.: переведен, согласно личного прошения, в Департамент Военной и Морской отчетности помощником ревизора.

- 17 сентября 1901 г.: приказом Приамурского генерал-губернатора, согласно личного прошения, переведен на службу по ведомству Министерства внутренних дел и назначен на должность крестьянского начальника в Забайкальской области, где активно участвовал в деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества.

- 1903 г.: женился на дочери коллежского советника девице Валентине Антоновне Губаревич, брак с которой оказался бездетным.

- 20 марта 1908 г.: приказом министра внутренних дел командирован в распоряжение Тургайского губернатора для исполнения должности крестьянского начальника 2-го участка Тургайского уезда и области; прибыв на место службы в г. Тургай, впервые гармонизировал несколько татарских и башкирских напевов.

- Весна 1909 г.: в очередной раз приезжал в столицу и на заседании Русского Географического общества сделал интересный доклад на тему «Киргизы Тургайской области и их песенное и музыкальное творчество» с вокальным и инструментальным воспроизведением некоторых песен и мелодий (с участием «природного киргиза»).

- 28 апреля 1910 г.: приказом по ведомству Министерства юстиции переведен на службу по ведомству этого министерства согласно прошению.

- 29 ноября 1910 г.: высочайшим приказом по гражданскому ведомству произведен за выслугу лет в надворные советники, а 11 июня 1911 г. – в коллежские советники.

- 1911–1912 гг.: успешно посещал организованные Министерством внутренних дел курсы по исламоведению при имп. Обществе востоковедения, где усердно изучал арабский и татарский языки, а также мусульманское право.

- 1912 г.: обработал 50 башкирских и татарских мелодий из своего нотного собрания и составил сборник «Песни татар и башкир в гармонизациях». Но издана была только первая его часть – 16 песен татар. Рукопись в объеме 148 стр. долгие годы хранилась в семейном архиве племянницы С.Г. Рыбакова Елены Петровны Рыбаковой-Смирновой. Ныне хранится в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УНРАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. 144 л.)

- 9 апреля 1913 г.: приказом по Министерству внутренних дел переведен на службу в это министерство и откомандирован для занятий в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ); написал ряд специальных записок по мусульманству, буддизму и язычеству.

- 4 апреля 1915 г.: назначен исполняющим обязанности помощника заведующего делопроизводством ДДДИИ по делам мусульман, ламаитов и язычников, а 4 сентября того же года переведен на должность столоначальника того же Департамента.

- 22 ноября 1916 г.: высочайшим приказом по гражданскому ведомству назначен чиновником особых поручений VI класса при министре внутренних дел, но одновременно оставлен для занятий и в ДДДИИ.

- 27 января 1917 г.: Департамент общих дел МВД начал обсуждать вопрос о награждении С.Г. Рыбакова «за выдающиеся отличия» орденом Св. Станислава 2-й степени.

- После Октябрьской революции 1917 г.: в одном из уличных боев был тяжело ранен в колено левой ноги и более двух лет пролежал в различных больницах и госпиталях.

- 20 апреля 1920 г.: написал письмо-заявление на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина с просьбой задействовать опыт его научной и административной деятельности, так как, даже не залечивши как следует рану, рвался к созидательной работе. В результате получил назначение ученым секретарем Отдела научных учреждений Академцентра РСФСР и переехал в жительство в Москву.

- Лето 1920 г.: по командировке Наркомздрава провел на Кавказе и в Крыму и лечился в госпиталях Кисловодска, Ессентуков и Краснодаре.

Осенью, поправившись, вернулся в Москву и получил назначение на должность ученого-консультанта при гуманитарной секции Научного отдела Наркомпроса. В это же время получил приглашение на работу в Башкирию для налаживания «дела изучения башкирской народной словесности».

- Весна и лето 1921 г.: активно участвовал при организации Центрального этнографического музея. В это же время вынашивал мысль об организации экспедиции по изучению этнографии и фольклора Кавказа и Крыма. Свои соображения о необходимости организации комплексной экспедиции подробно изложил в записке, получившей благоприятный отзыв такого крупного авторитета в вопросах фольклора как профессор Д.Н. Анучин. Большой интерес к его планам об экспедиции в Крым и на Кавказ проявил также известный этнограф Н. А. Янчук, работавший тогда в Румянцевском музее. По этому поводу в дневнике С.Г. Рыбакова встречаются следующие строки: «Он заинтересовался моим проектом поездки в Крым и на Кавказ к инородцам. Пригласил на службу в музыкальный отдел как знатока восточной музыки и обещал давать книги на дом, что меня устраивает».

- 14 сентября 1921 г.: Крымско-Кавказская экспедиция под руководством профессора Ч.Ф. Яковлева выехала из Москвы. С.Г. Рыбакову в составе этой экспедиции предстояло изучение этнографии и фольклора в Азербайджане, Грузии, Аджарии. Но дальше Кисловодска экспедиция из-за разрухи не поехала. В Кисловодске ученый поселился у профессора И. Нечаева, любителя истории и этнографии и имевшего богатую личную библиотеку.

- 2 октября 1921 г.: написал начальнику экспедиции И.И. Гливленко: «По части изучения местных татар и карачайцев и балкарцев я уже приступил к некоторым работам: собираю материалы по расселению этих народностей, об их языке и народном творчестве. Познакомился со знатоками быта из среды карачайцев. Вскоре отправимся в аулы...».

- 18 декабря 1921 г.: С.Г. Рыбаков последний раз записал народные мелодии. Уже несколько месяцев его подтачивала неумолимая болезнь. Еще 30 октября он писал: «Я замечаю у себя повышенную зябкость, болезненное состояние, вероятно, благодаря малокровию и катару желудка». Болезнь развивалась катастрофически быстро. С.Г. Рыбаков скончался в вагоне на руках юноши-карачайца, которого он вез в Москву, желая устроить в университет. Дата его смерти точно не установлена, поэтому в литературе встречается как 1921, так и 1922 гг. Похоронен в Риге.

- 1922 г.: издан первый посмертный выпуск обработок башкирских и татарских песен С. Г. Рыбаковым.

Источники и литература

1. Арапов Д.Ю. Сергей Гаврилович Рыбаков (Биография и список основных работ) // Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментарии и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001. Прил. 4.

2. Атанова Л.П. Музыкант-фольклорист» С.Г. Рыбаков // Собиратели и исследователи музыкального творчества башкирского народа (Машинописный текст монографии. ИИЯЛ БФАН СССР). – Уфа, 1965–1967 // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее: НА УФИЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 723. Л. 100–181.

3. Атанова Л.П. Музыкант-фольклорист» С.Г. Рыбаков // Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. – Уфа, 1992.

4. Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. – Л., 1969.

5. Атанова Л.П., Рахимкулов М.Г. С.Г. Рыбаков как собиратель и исследователь башкирских народных песен // Фольклор народов РСФСР: Межнациональные связи и национальное своеобразие. – Уфа, 1975. Вып. 2.

6. Галин С.А. Исторические песни башкирского народа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казанский государственный университет. – Казань, 1963.

7. Галин С.А. С.Г. Рыбаков – башкорт халык йырҙарын өйрәнүсе // Өзәби Башкортостан. – 1960. – № 3.

8. Галин С.А., Надршина Ф.А. (Сост.). Аннотированный библиографический указатель по башкирскому устно-поэтическому творчеству. – Уфа, 1967.

9. Дело секретарской части отделения Департамента духовных дел [иностранных исповеданий] Министерства внутренних дел о службе колл[ежского] сов[етника] Сергея Гавриловича Рыбакова // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 821. Оп. 12. Д. 488. Л. 1–75.

10. Записка С. Рыбакова о секте «ишанство» // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 635: Записки С. Рыбакова по мусульманским вопросам. 1913 г. Л. 5–16 об. (То же // Там же. Д. 637. Л. 1–19 об.).

11. Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970.

12. Киреев А.Н. Эпические памятники башкирского народа: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Институт народов Азии АН СССР. – М., 1963.

13. Лебединский Л.Н. Башкирские песни и наигрыши. – М., 1962. (2-е изд. М., 1965).

14. Надршина Ф.А. Башкирское паремическое творчество // Башкирское народное творчество. – Уфа, 1993. Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки / Сост., автор вступ. статьи и коммент. Ф. А. Надршина.

15. Нәҙершина Ф.А. Халыҡ хәтер: (Башкорт халык риуәйәт, легендаларының тарихи йерлеге, жанр узенсалектәре). Тулыландырылган икенсе басма. – Өфө, 2006. 320 б. (1-се басма. 1986).

16. Отчет имп. Русского Географического общества за 1894 год. – СПб., 1895.

17. Отчет имп. Русского Географического общества за 1897 год. – СПб., 1898.

18. Отчет имп. Русского Географического общества за 1899 год. – СПб., 1900.

19. Рахимкулов М.Г. (Сост., автор предисловия, биографических справок, комментарий и библиографии). Башкирия в русской литературе. В 6 т. – Уфа, 1993. Т. 3. (1-е изд. Уфа, 1965).

20. Рахимкулов М.Г. Братья Рыбаковы в Башкирии // Бельские просторы. – Уфа, 1982. Вып. 1.

21. Рахимкулов М.Г. Мотивы башкирского фольклора в русской литературе XIX – начала XX вв. (К проблеме русско-башкирских литературно-фольклорных связей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Башкирский государственный университет. – Уфа, 1972.

22. Рахимкулов М.Г. Страницы дружбы: Русско-башкирские литературно-фольклорные связи. – Уфа, 1972.
23. Рыбаков С.Г. Песни татар и башкир в гармонизациях // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. 144 л.
24. Рыбаков [С.Г.] // Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. – СПб., 1899. Т. 27, полутом 53.
25. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917.
26. Рыбаков С.Г. // Бернад Г.Б., Ямпольский И.М. Кто писал о музыке? Биобиблиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1979. Т. 3.
27. Рыбаков С.Г. // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. – М., 1955. Т. 37.
28. Рыбаков С.Г. 50 песен татар и башкир / Записал и гармонизировал С.Г. Рыбаков. М., 1922. Вып. 1: Протяжные песни татар (Узун куй). № 1–14 (Переиздан в 1924 г. Ныне рукопись хранится в: НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 40. 144 л.).
29. Рыбаков С.Г. К вопросу об объединении управления мусульманами в России (Служебная записка) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 636: Черновики заметок С. Рыбакова по мусульманству. 1913–1914 гг. Л. 349–353 об.
30. Рыбаков С.Г. К вопросу об устройстве духовного быта мусульман в России. 1917 г. // Там же. Д. 567. Л. 1–118.
31. Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. – СПб., 1897. IX.
32. Рыбаков С.Г. Новометодисты и старометодисты в русском мусульманстве // Мир ислама. – СПб. – 1913. Т. 2. Вып. 12.
33. Рыбаков С.Г. О паломничестве мусульман. 1911–1914 гг. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 519. Л. 1–49.
34. Рыбаков С.Г. Обзор статистических сведений о мусульманах России на 1 января 1913 г. (Начало. Рукопись) // Там же. Д. 574. Л. 532–535 об. (То же // Там же. Д. 636. Л. 64–65 об.).
35. Рыбаков С.Г. Политика европейских государств в отношении мусульман // Восточный сборник. – Пг., – 1916. Кн. 2. (отд. оттиск: Пг., 1916).
36. Рыбаков С.Г. Предстоящий созыв Особого совещания по мусульманским делам и мусульмане // Новое время. – СПб., – 1914. –24 февр.
37. Рыбаков С.Г. Русская печать о мусульманском съезде [1914 г.] (Служебная записка) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 636. Л. 133–167.
38. Рыбаков С.Г. Статистика мусульман в России // Мир ислама. – СПб., – 1913. Т. 2. Вып. 11.
39. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Машинопись. 1917 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 636. Л. 365–426 об.
40. Сальманова Л.К. С.Г. Рыбаков // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996.
41. Фархшатов М.Н. Материалы к библиографии Сергея Гавриловича Рыбакова // Урал-Алтай через века в будущее: Материалы VI Всероссийской торкологической конференции (г. Уфа, 12–14 мая 2014 г.). – Уфа, 2014.
42. Фархшатов М.Н. С.Г. Рыбаков – ученый, чиновник, гражданин (Материалы к биографии) // Духовная культура народов России: Материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию доктора филологических наук Фанузы Аитбаевны Надршиной. – Уфа, 2011.

©Фархшатов М.Н.

КАНЫШ САТПАЕВ

(1899–1964)

Каныш Имантаевич Сатпаев (12 апреля 1899 г. (31 марта) – 31 января 1964 г.) – выдающийся ученый-геолог XX века, видный казахский общественный и государственный деятель, один из основателей советской металлогенической науки, основоположник казахстанской школы металлогении, первооткрыватель Улутай-Жезказганского меднорудного месторождения – одного из крупнейших рудников мира. Доктор геолого-минералогических наук (1942), профессор (1950), первый директор института геологических наук Казахского филиала Академии наук СССР (1941–1964).

Каныш Сатпаев – основатель и первый Президент Академии наук Казахской ССР (1946–1952, 1955–1964), и действительный член Академии наук СССР, заместитель председателя национального комитета геологов СССР (1957–1964), депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР (1962–1964), лауреат государственных премий и наград.

К.И. Сатпаев родился в Павлодарском уезде Семипалатинской области (ныне поселок Тендик Баянаульского района Павлодарской области).

С 1909 по 1911 гг. Каныш Сатпаев учился в Аккелинской аульной школе, попечителем которой был сын известного бия рода Аргын Мусы Чорманова Садвакас, один из образованнейших людей того времени.

Учителя школы Бексултан Валиханов (родственник знаменитого казахского ученого Чокана Валиханова), Султан-Али Джуанышбаев, Григорий Васильевич Терентьев, внесли большой вклад в становление образовательного фундамента будущего великого ученого. В 1911 г. поступил в русско-киргизское училище в городе Павлодар, которое окончил в 1914 г. с отличием. После окончания училища К. Сатпаев отправился на обучение в учительскую семинарию в Семипалатинске, окончив которую он намеревался продолжить обучение. Следующие полтора года Каныш Сатпаев готовился для поступления в Томский технологический институт. Параллельно с учёбой К. Сатпаев работал учителем естествознания двухгодичных педагогических курсов в Семипалатинске. После чего ему, по состоянию здоровья, пришлось отложить работу и обучение.

Находясь на лечении в Баянауле, Каныш Сатпаев начал составление учебника по алгебре для казахских школ, который он завершил в 1924 году. Данный учебник стал первым школьным учебником алгебры на казахском языке.

В 1920 г. Сатпаев был назначен первым в Баянауле председателем Казкультпросвета (отдел по проведению культурно-просветительной работы среди трудящихся). Тогда же постановлением Павлодарского ревкома он был назначен народным судьёй 10-го участка Баянаульского района. На выбор профессии Каныша Сатпаева повлиял профессор из Томска Михаил Антонович Усов, приехавший в 1921 г. лечиться в Баянаул, разбудивший в молодом парне желание исследовать недра родной земли для того, чтобы преподнести их Родине. Позже академик К.И. Сатпаев напишет: «Мне выпала великая честь поднимать социалистическую индустрию..., создавать передовую науку в Казахстане».

В 1926 г. К.И. Сатпаев успешно окончил Томский технологический институт и был направлен в распоряжение Центрального Совета народного хозяйства. Таким образом, Сатпаев стал первым казахом, получившим диплом горного инженера-геолога. Осенью 1926 г. Каныш Сатпаев уехал в Карсакапай, где начал геологоразведочные работы на медном Жезказганском и угольном Байконурском месторождениях, положивших начало планомерному выявлению огромных запасов полезных ископаемых во всем Улутау-Жезказганском районе. В 1928 г. в результате упорных научных работ Сатпаев пришел к выводу о том, что жезказганский район представляет одну из богатейших медных провинций Советского государства. К концу 1931 г. в недрах Жезказгана были выявлены огромные запасы руд, благодаря которым Жезказганское месторождение заняло первое место среди медных месторождений Советского Союза. В 1932 году К.И. Сатпаев публикует первую научную монографию «Джезказганский медно-рудный район и его минеральные ресурсы». В

1934 г. на сессии Академии наук СССР К.И. Сатпаев выступает с докладом «Медь, уголь, железные, марганцевые руды и другие полезные ископаемые Джезказган-Улутауского района», в котором всесторонне обосновывает богатые перспективы Жезказганского месторождения и всего района. К 1937 году разведанные запасы меди позволили назвать Жезказган крупнейшим месторождением меди в мире и обосновать строительство здесь горнорудного предприятия. 13 февраля 1938 года вышел Приказ Наркомтяжпрома о строительстве Жезказганского горно-металлургического комбината. В 1941 году К.И. Сатпаева назначают директором Геологического института Казахского филиала академии наук СССР. В годы войны он внес значительный вклад в достижение Великой Победы.

Осенью 1943 г. за заслуги в развитии науки и большие научные достижения К.И. Сатпаев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Особое внимание он уделяет ходу проектирования и строительства Казахстанской Магнитки, Балхаша и Атасуйского горнорудного комбината. В октябре 1945 г. Правительство СССР вынесло решение об образовании Академии наук Казахской ССР. Официальное открытие республиканской Академии состоялось 1 июня 1946 г. Совет Министров утвердил состав штаба науки республики. В него вошли 14 действительных членов Академии наук и 16 членов-корреспондентов. В июне 1946 г. К.И. Сатпаев был избран первым Президентом Академии наук Казахстана. В октябре этого же года он был избран действительным академиком Академии наук СССР. Под его руководством в Академии наук Казахстана создавались научные институты и подразделения, определялись пути развития экономики и культуры, разрабатывались возможности интенсивного использования богатейших минерально-сырьевых природных ресурсов страны.

Огромную организаторскую деятельность по управлению наукой и заботу об индустриальном развитии Казахстана К.И. Сатпаев сочетает с оказанием практической помощи промышленным комплексам. По его инициативе проводятся выездные сессии Академии наук в крупнейших промышленных регионах республики – Усть-Каменогорске, Атырау, Караганде, Жезказгане, Кустанае. Были открыты новые академические институты: ядерной физики, математики и механики, гидрогеологии и гидрофизики, химии нефти и природных солей, химико-металлургический, горно-металлургический, ихтиологии и рыбного хозяйства, экспериментальной биологии, экономики, философии и права, литературы и искусства, языкознания. Развивалась молодая наука Казахстана и формировались ее научные кадры. Кроме того, К.И. Сатпаев лично руководил комплексным изучением природных ресурсов полуострова Мангышлак, исследованиями новых месторождений угля, нефти, газа, руд

черной металлургии, активно поддерживал строительство канала Иртыш-Караганда.

Диапазон интересов академика К.И. Сатпаева был необычайно широк и не ограничивался рамками естественных наук. Он был большим знатоком казахской истории, литературы, культуры, этнографии, музыки и фольклора, общеизвестны его археологические изыскания на территории Центрального Казахстана, труды по педагогике и литературе. Сатпаев одним из первых оценил значение романа М.О. Ауэзова «Путь Абая», передал 25 народных песен собирателю фольклора казахского народа А. Затаевичу, оставил множество работ о театре, искусстве, культуре, по воспитанию молодежи.

Большое внимание Каныш Имантаевич уделял и просветительской деятельности, заботясь, как и его брат, известный педагог-просветитель Абиkey Сатпаев об образовании своего народа. Как уже упоминалось ранее, он составил первый учебник по алгебре для казахских детей. Заботился он также и о подготовке кадров. При этом Каныш Сатпаев проявлял особую заботу о подготовке специалистов инженерно-технического профиля для будущего развития казахстанской тяжелой промышленности. В 1926–1927 гг. по его предложению в Карсаkпае были открыты учебные заведения по подготовке младших технических сотрудников. В 1927 г. Сатпаев отправляет 15 специалистов казахской национальности в Уральские свинцовые промышленные предприятия на повышение квалификации. В тот же период, 7 июня 1927 г. в адрес Всесоюзного центрального исполнительного комитета было направлено письмо от треста «Атбасарцветметалл» за подписью К. Сатпаева с просьбой направить в Сибирский технологический институт трех сотрудников Жезказганского металлургического комбината в целях подготовки необходимых кадров.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что К.И. Сатпаев в первую очередь был и остается крупнейшим ученым в области геологической науки. Он создал и возглавил школу металлогении в Казахстане. Разработанный им комплексный подход формационного металлогенического анализа стал основополагающим для геологической науки и практики. Он был заслуженно признан главой казахстанской школы геологов и одним из создателей науки о металлогении. К. Сатпаев оставил после себя большую плеяду ученых, воспитал целую школу металлогенистов Казахстана. В 1958 г. за разработку методологической основы и составление прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана, не имевших аналога в мировой геологической практике, группа казахстанских ученых-геологов во главе с академиком К.И. Сатпаевым была удостоена Ленинской премии. Эта работа показала роль казахстанских ученых и школы К.И. Сатпаева всему миру. Много сил и энергии отдавал академик К.И. Сатпаев становлению и развитию

международных связей Казахстана, укреплению и углублению сотрудничества казахских ученых с учеными России, Украины, Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Киргизии. Признанием заслуг К.И. Сатпаева в этой сфере стали избрание его членом Президиума АН СССР и почетным членом Академии наук Таджикистана

В 1958 г. за разработку методологической основы и составление прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана группа казахстанских ученых-геологов во главе с академиком К.И. Сатпаевым была удостоена Ленинской премии.

Каныш Имантаевич достойно представлял казахстанскую науку и за рубежом. В 1947 г. он в составе делегации Верховного Совета СССР посетил Великобританию. Как член советской парламентской группы был принят Уинстоном Черчиллем и премьер-министром К. Эттли. В 1958 г. Каныш Сатпаев в составе представительной делегации побывал в Китае, где принял участие в работе геологической конференции КНР.

Среди основных научных трудов Каныша Имантаевича можно выделить следующие работы: «Основные черты геологии и металлогении Жезказганского меднорудного района» (в кн.: Большой Жезказган. – М.-Л., 1935); «О прогнозных металлогенических картах Центрального Казахстана» (Известия АН СССР. Серия геологич. – 1953. – № 6); «О металлогенических эпохах, формациях и поясах Центрального Казахстана» (Известия АН Казахской ССР. Серия геологич. – 1953. – № 124. Вып. 17); «О некоторых специфических особенностях геологии медистых песчаников Атбасар-Терсаkканского района» (Там же. – 1953. – Вып. 18); «О специфике и основных этапах развития металлогении Центрального Казахстана» (Известия АН СССР. Серия геологич. – 1957. – № 3).

Каныш Имантаевич внес большой вклад в развитие и становление науки не только Казахстана, но и всего Советского Союза, за что и был удостоен целого ряда наград: Сталинская премия (1942); Ленинская премия (1958); 4 ордена Ленина (1940, 1945, 1957, 1963); Орден Отечественной войны 2-й степени (1945); Почётный гражданин города Жезказгана; Почётный гражданин города Сатпаева.

31 января 1964 г., в Москве, после продолжительной болезни Каныш Имантаевич Сатпаев скончался на 65-м году жизни. Он похоронен 3 февраля на Центральном кладбище города Алма-Аты.

Горестная весть о смерти К.И. Сатпаев глубоко отозвалась в сердцах его современников. Академик АН КазССР А.Х. Маргулан писал о нем: «Рано оборвалась жизнь этого замечательного человека, светоча науки и разума, друга и товарища многих. Он был гордостью своего народа, жил и трудился во имя его процветания. Служение народу он считал высшим идеалом своей жизни...». Со всех концов Советского Союза шли в Алма-Ату телеграммы. Из Москвы и Ленинграда, Киева и Баку, Еревана и Тбилиси, Ташкента и Таллина, Риги и Вильнюса, Свердловска и Фрунзе,

Новосибирска и Владивостока, Джезказган, Рудного и Каражала. Заслуги ученого отображаются в высказываниях его современников. Например, Мухтар Ауэзов говорил: «Большая особенность Каныша заключалась в том, что он и с химиком, и с биологом, и с физиком, и с медиком, да и с историком и филологом может разговаривать на их научном языке».

Благодарное общество достойно позаботилось о сохранении памяти великого ученого. Именем К.И. Сатпаева были названы город Сатпаев в Карагандинской области, Институт геологических наук Академии наук РК, Экибастузский инженерно-технический институт, Казахский национальный технический университет (с 22 сентября 1999 г.), Жезказганский горно-металлургический комбинат. Кроме того, имя ученого получили: малая планета 2402 в созвездии Тельца, открытая астрономом Н.С. Черных, минерал сатпаевит обнаруженный в ванадиевых месторождениях (цвет от канареечно-желтого, до шафранно-желтого, блеск матовый, перламутровый), канал, ледник и горная вершина Джунгарского Алатау, горная кольцевая структура – Большое кольцо Сатпаева, сорта растений и цветов: гладиолуса, сирени и остролодочника.

Память ученого сохранена в названиях улиц и школы в городах и поселках Республики Казахстан, аула в Баянаульском районе Павлодарской области. В память о нем были установлены памятники в казахстанских городах Атырау, Актау, Караганде, Павлодаре, Аксу, Алма-Ате, Баянауле, Жезказгане. В 1999 г. в городе Алматы у корпуса Казахского Национального технического университета на углу улиц Сатпаева и Байтурсынова был установлен памятник К.И. Сатпаеву, скульпторами которого являются Т.С. Досмагамбетов, архитектор А.С. Кайнарбаев.

К столетию со дня рождения К. Сатпаева национальным банком Республики Казахстан в его честь была выпущена памятная монета номиналом 20 тенге. 1999 г. был объявлен ЮНЕСКО годом К.И. Сатпаева, включив празднования 100-летнего юбилея ученого в календарь памятных и юбилейных дат, которые проводятся под эгидой этой влиятельной международной организации по вопросам образования, науки и культуры. В Баянауле на родине ученого действует музей его имени.

В городе Алматы был также создан мемориальный музей ученого, отмеченный в наследии ЮНЕСКО.

Имя Сатпаева и сегодня помогает развивать казахстанскую науку. С 2001 г. в Павлодарском государственном университете имени С. Торайгырова ежегодно проводится международная научно-практическая конференция «Сатпаевские чтения». В настоящее время установлена премия АН РК его имени за выдающиеся достижения в области естественных наук, стипендия, а также действует Международный Фонд К.И. Сатпаева. В городе Сатпаеве его именем названа детско-юношеская библиотека.

11 ноября 2008 г. в г. Томске в рамках Международного научно-практического форума «Минерально-сырьевая база Сибири: история становления и перспективы», который был посвящен 100-летию первого выпуска горных инженеров и 90-летию образования Сибирского геологического комитета, в историческом центре города состоялось торжественное открытие Аллеи геологов и памятника Канышу Иммантаевичу Сатпаеву.

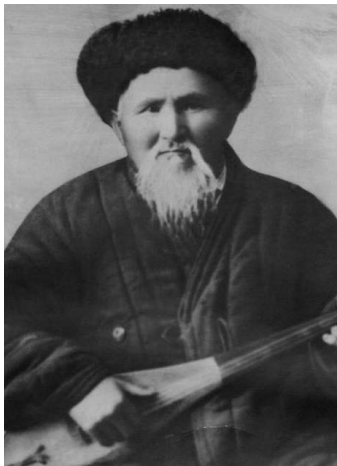
Научное наследие К.И. Сатпаева входило в сферу научных интересов многих ученых. Среди них: Г.О. Батырбеков – автор нескольких книг о К.И. Сатпаеве, один из составителей книги «Каныш ага»; Ш.К. Сатпаева и А.К. Жармагамбетов, ставшие вместе с указанным выше Батырбековым, авторами сборника воспоминаний о нем (Алматы, 1989); М. Сарсеке, усилиями которого в 1980 г. в литературной серии «Жизнь замечательных людей» была издана книга «Сатпаев», позднее он же опубликовал роман-эссе «Феномен», который также посвятил жизни и деятельности К.И. Сатпаева.

Источники и литература

1. Батырбеков Г.О. Академик К.И. Сатпаев и его современники: биография (Автобиография). – Алматы: Рауан, 1999.
2. Садықұлы Т. Қ.И. Сәтбаев Жезказған өнеркәсібінің болашағы хақында // ҚазМҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. – 1998. – №6. 66.
3. Садықұлы Т. Тарих тағылымы. – Астана: Мастер По ЖШС, 2014.
4. Сарсеке М. Феномен: роман-эссе. – Астана: Фолиант, 2009.
5. Сарсекеев М. Каныш Сатпаев / Авториз. Пер. с каз. С. Плеханова. – М.: Мол. Гвардия, 1980. (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 14 (607))
6. Сетевой ресурс – К.И. Сатпаев (1899-1964) // Официальный сайт мемориального музея им.К.И. Сатпаева в г. Алматы. – Режим доступа: http://www.heritagenet.unesco.kz/kz/participant/museum/satpaev_mus/rus/biografia.htm

©Садықов Т.С.

ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ

(1864–1933)

Токтогул Сатылганов (25.10.1864 – 17.02.1933) – кыргызский акын, просветитель, мыслитель, композитор, мастер мелодийного жанра.

Уже в 13 лет он был известен в селе как начинающий талантливый певец. Репертуар его творчества был богатый и разнообразный. В его дореволюционные произведения входили лирические, наставнические, жизненные, критические дастаны, айтыши.

Творчество Токтогула можно разделить на несколько периодов. В первом периоде звучит тема любви. В нее входят следующие произведения: «Алымкан», «Насыйкат», «Сүйүмкан», «Күлүйпа, Күлжан ашык кыз», которые отличаются содержательностью, лиричностью, музыкальностью.

В произведениях «Беш каман», «Чакырбай сүткор», «Дыйканбайдын ашындагы», «Эшен-калга», «Үйчүлүк эшен», «Муратбек» он обличал жадность и двуличие бай-манапов, высмеивал окружающих их блюдолизов и подхалимов, критиковал недобросовестных служителей религии, высказывал свои суждения о жизни народа и предназначении человека. Токтогул утверждал, что труд является основой счастья и благополучия, призывал к трудолюбию:

Эгин айдап, чөбүн чап,
Эмгегинден пайда тап.
Азамат болсон ак иштеп,
Аздыр-көптүр малын бак!

Его произведения содержат идеи всестороннего развития социально-общественных взаимоотношений, направленных на развитие дружбы народов и человечности. Токтогул любил простой народ, защищал его интересы, в песнях он высмеивал баев, манапов, подчеркивая, что они порабощают народ.

Феодалы, чтобы избавиться от него, пустили слух, что он был участником Андижанского восстания. В 1898 г., после поражения Андижанского восстания, манапы по ложному обвинению сдали акына царским властям, которые осудили его на сибирскую каторгу. В песнях «Прощай, мама!», «Прощай, народ!» он пел о том, что народ порабощен, бесправен, осуждал несправедливость баев, манапов. Так начинается второй период в творчестве Токтогула, но голос его никто не услышал. Через полтора месяца после заключения, его приговаривают к смертной казни, но затем, заменив ссылкой, отправляют в Сибирь на 7 лет. Вдали от Родины, в заключении у него появился целый цикл произведений. В произведениях «Айланган тоонун бүркүтү», «Ушундайбы сурагын?», «Азапка түштү өмүрүм», «Туткундагы арман», «Туткун ыры», «Качып келе жатканда», «Туткунда жүргөндө» Токтогул выразил недовольство не только местным феодалам, баям, манапам, но и царским властям.

Находясь в ссылке с политическими заключенными, он еще глубже осознал разницу между работниками и порабощенными. Общась с русскими, казахами, узбеками, татарами, он пел уже от имени всех народов о несправедливости властей, силе дружбы народов. Токтогул первым из кыргызских писателей понял, что русский народ добрый и великодушный:

Айдалып келип болуштан,
Агайын таптым орустан.
Жолдош кылдым орусту,
Башыма урса палицей
Орустарым болушту.

В одной из его песен говорится: «Оройлук белги болушта, окуунун кени оруста» – у истоков образования и учения стоят русские. В 1903 г. с помощью товарищей он совершил побег и с невероятными трудностями, мучениями в дороге вернулся на родную кыргызскую землю. Обращаясь к народу он пел: «Энсеген элим аманбы?», «Апакем, аман барсынбы?». В произведениях он рассказал о том, что противостояние, несправедливость манапов и баев привели его к мучительным пыткам в Сибири и в дороге на Родину.

Третий период творчества Токтогула включает в себя возвращение из ссылки и время до установления Советской власти. Мечта о свободной жизни, справедливости, суждения о значении революции излагаются в следующих строках:

Падыша залим баш болуп,
Бардык, ак сөөк жоголсо.

Мителерден кутулуп,
Биздин заман онолсо.

или:

Кабарын уккам, түшүнөм,
Аракет кылган бирөө бар.
Айтайын десем ашкере,
Чыгарбайт азыр турмуш тар.

Из ссылки Токтогул вернулся с пониманием значения революции. Великую Октябрьскую социалистическую революцию воспринял с радостью. По этому поводу он написал политические песни: «Да здравствует Советская власть», «Время», «Какая мать родила такого сына, как Ленин».

Четвертый период творчества – песни советского периода. Великая Октябрьская социалистическая революция расширила путь творчества Токтогула, обогатила тематику его произведений, углубила его содержание. Где бы ни проходили митинги, его приглашали и он всегда с удовольствием выступал перед народом, восхвалял Советскую власть, работу Компартии, идеи Ленина.

Стихотворение «Какая мать родила такого сына, как Ленин» – самое видное произведение в кыргызской поэзии. Он в нем создает литературно-художественный образ Ленина, его революционную деятельность, изменения в социально-общественной жизни, роль Ленина как вождя. Творчество Токтогула имеет большое историческое, эстетическое, воспитательное значение, потому что он вовремя отразил все преобразования в жизни.

Токтогул был мастером жанра айтыш. В наследие он оставил 30 песен из айтыш. В самом первом айтыше с Арзыматов, певцом байманаров, он ярко смог показать поработителей и поработенных. Такого же содержания было состязание с Найманбаем. Его ученики-последователи Эшманбет, Калык, Алымкул, Барпы, Коргол – продолжили традицию айтыш и приумножили этот жанр.

Токтогул с большим мастерством исполнял эпосы «Манас дастаны», «Жаныш Байыш», «Курманбек», «Шырдакбек», «Нариккан», «Кедейкан», «Сарамжы Бөкөй», «Олжобай менен Кишимжан», «Ак мөөр» и др. Эшманбет, Калык, Алымкул, отмечают, что исполнять дастаны научились у Токтогула. В 30-е годы среди народа собирали произведения Токтогула и в 1938 г. была выпущена первая книга. Затем современники и ученики, дополнив новыми материалами, выпустили двухтомник произведений Токтогула.

Токтогул композитор, комузист, исполнитель и народный юморист. Он свободно владел комузом, ловко подбирал мелодии и слаженно подбирал к ним слова: «Ак куу», «Тогуз кайрык», «Миң кыял», «Чон

кербез» и др., знаменитые мелодрамы («Ботой», «Кыз кербез», «Мырза кербез») и др. Он пел на узбекском, татарском, русском, казахском и даже исполнял их мелодии. Токтогул – автор более 60 мелодий. В 1928 году исследователь А.Затаевич 18 күү (мелодий) из уст самого акына переложил на ноты.

В 1934 г. «Московская музыкальная печать» выпустила сборник «250 күү кыргызского инструмента». Творчество Токтогула оказало большое влияние на развитие профессиональной музыки. В 30-е годы композитору Н.Раков на основе мелодий (күү) Токтогула создал лирическую симфонию, затем В.Власов создал симфонические поэмы «Акын Ленинди ырдайт», «Поэт поет о Ленине», «Токтогул». Композиторы А.Малдыбаев, В.Власов, В.Фере написали оперу «Токтогул». Композиторы Насыр Давлесов с Асанкан Жумакматов создали для кыргызского народного оркестра мелодии (күү) Токтогула. Произведения Токтогула внесли большой вклад в многонациональную культуру народов СССР. В настоящее время произведения Токтогула известны в постсоветских странах.

В 1933 г. 17 февраля Токтогул Сатылганов скончался. Его похоронили на берегу реки Узунакмат в местечке Чолпон-ата, где он родился, там установлен памятник.

Токтогул Сатылганов внес большой вклад в обогащение и развитие культурного наследия кыргызского народа. Его просветительское наследие очень высоко оценено. Видный исследователь музыки В.Виноградов вложил большой труд в исследование музыкального творчества Токтогула. В 1952 г. выпущены книги «Токтогул Сатылганов и кыргызские акыны», в 1961 г. – «Музыкальное наследие Токтогула». В 1964 г. отмечали 100-летие со дня рождения Токтогула Сатылганова. О Токтогуле снят фильм (1969 г. реж. В.Ималаев). Защищены ряд кандидатских диссертаций о просветительстве, музыкальном наследии Токтогула.

Имя великого акына запечатлено не только в сборниках его произведений, Кыргызская Республика учредила государственную премию его имени, названы ГЭС, улицы, школы, район, где он родился, в г. Бишкек установлен памятник и самая большая улица города носит его имя.

Источники и литература

1. Большая Советская Энциклопедия. Т. 42. – М., 1956.
2. Кыргыз Совет Энциклопедиясы. Т. 5. – Фрунзе, 1980.
3. Бул ким? Ал эмне? Балдар энциклопедиясы. Т. 2. – Фрунзе, 1985.
4. Тоо булбулу – Токтогул. «Мурас» фонду. – Бишкек, 2014.

©Дүйшеев Ж.А.

НИКОЛАЙ ТЕРЁШКИН

(1913–1986)

В настоящее время у народов ханты и манси уже сформировалась целая плеяда учёных: филологов, этнологов, фольклористов, экономистов, появился собственный научный центр, олицетворяющий собой обско-угорскую науку. Тем значимей сегодня для нас является фигура первого хантыйского учёного лингвиста, крупного финно-угроведа, ставшего учителем для целого поколения филологов, представителей хантыйской интеллигенции Николая Ивановича Терёшкина (1913–1986). На его родине – в Ханты-Мансийском округе – он заслуженно считается основоположником этнолингвопедагогической школы Югры.

Судьба Николая Ивановича была сложной, порой трагичной, и в то же время удивительной и богатой яркими событиями, сопряженными с определёнными вехами советской истории: становлением образовательной системы в районах Крайнего Севера, участием в Великой Отечественной войне, зарождением и развитием советского североведения и финноугроведения... Жизненный и творческий путь Н.И. Терёшкина от учителя начальных классов до крупного языковеда-лингвиста – это путь скромного труженика, неутомимого исследователя, первооткрывателя своего родного языка.

Николай Иванович Терёшкин родился 25 декабря 1913 г. в семье рыбака-охотника ханты в маленькой избушке недалеко от д. Вершина Ханты-Мансийского района. Рано осиротел. Его отец, вскоре после рождения мальчика, отправился на охоту и не вернулся. Через какое-то

время мать с сыном перекочевала на р. Назымку, но погибла на промысле, пытаясь прокормить себя и ребёнка. В трёхлетнем возрасте мальчик остался один в глухой тайге со своим псом Пакой. На воспитание маленького Колю взяла его тётя О.А. Рогина, в семье которой он жил в с. Белогорье. Рано оставшись сиротой, он испытал и голод, и холод, трудился с раннего детства, занимаясь промыслами и домашними делами.

В 1928 г. в селе построили школу, и пятнадцатилетний Николай впервые переступил её порог. Он ещё до школы брал у товарищей букварь, по которому пробовал учиться читать. В школе учились дети русских и ханты. Утром за парты садились дети, а вечером – их старшие братья, отцы и матери, которые также впервые обучались грамоте. За один год Н.Терёшкин окончил три класса начальной школы.

Он поступил на подготовительное отделение Тобольского педтехникума, а через год стал его студентом. В 1932 г. в Остяко-Вогульске (в настоящее время – Ханты-Мансийск) открылось национальное педагогическое училище, куда был переведён Н. Терёшкин с группой других учеников. Будучи студентом, он уже преподавал хантыйский язык в советской партийной школе. Округ испытывал острую нехватку преподавателей, в том числе и со знанием хантыйского языка. Поэтому в 1935 г. Николай Терёшкин в числе лучших студентов училища досрочно сдаёт государственные экзамены за четвёртый курс и получает диплом учителя начальных классов и хантыйского языка. Это был первый выпуск из восьми учителей Остяко-Вогульского педагогического училища. Первый его директор С.Ф. Пестов обратился к выпускникам со словами напутствия нести народу свет научных знаний, вести большую воспитательную работу в самых отдалённых таёжных уголках округа. Н.И. Терёшкин был направлен работать учителем в Полноватскую хантыйскую национальную школу. После года работы молодой учитель был командирован на учёбу в Ленинградский институт народов Севера на Северо-Азиатский семинар с вузовской программой. На способного студента, прекрасного знатока родного языка обратили внимание специалисты по финно-угорским языкам. В 1940 г., успешно окончив институт, он поступает в аспирантуру.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Н.И. Терёшкин был призван в армию. В годы войны воевал в районе Пулковских высот на Ленинградском фронте. До прорыва блокады командовал взводом разведчиков. Был тяжело ранен и демобилизовался в звании младшего лейтенанта.

Институт народов Севера в годы войны был эвакуирован в город Омск, туда после лечения и уехал работать Н.И. Терёшкин. Он преподавал хантыйский язык в Омском педагогическом институте, в котором в годы войны занимались эвакуированные из Ленинграда студенты. После войны студенты северного отделения были переведены в Ленинградский

государственный университет им. А.А. Жданова. В 1948 г. Н.И. Терёшкин окончил аспирантуру по специальности «Угорские языки», его руководителем был выдающийся советский финно-угровед, профессор Д.В. Бубрих. По окончании аспирантуры Терёшкин был приглашен в Институт языкознания АН СССР, где проработал 34 года.

Супругой Н.И. Терёшкина стала Т.Д. Кугаевская. Она организовывала первые национальные школы в Сургутском районе Ханты-Мансийского округа, учила детей и их родителей. Первое знакомство Николая Ивановича и Таисии Дмитриевны состоялось в годы их учёбы в педучилище: она тогда только поступила учиться, а он его уже заканчивал. Повторно встретились уже много лет спустя, в начале 1950-х, когда Терёшкин был в одной из своих научных экспедиций по Ханты-Мансийскому округу.

Сын Н.И. Терёшкина – Сергей Николаевич Терёшкин, как и его отец, – филолог, исследователь саамского языка.

Первым научным наставником Н.И. Терёшкина стал немецкий финно-угровед Вольфганг Штейниц, который в годы политэмиграции (1934–1937 гг.) работал в Ленинграде в Институте народов Севера. Позднее судьба сведёт их в 1953 г. А в 1968 г. В.Штейниц вместе с академиком П. Аристэ выступит в качестве официального оппонента кандидатской диссертации Н.И. Терёшкина. О сотрудничестве Терёшкина и Штейница писала Р.-Л. Винклер: «...оба обогатились друг у друга знаниями, хотя расстояние между ними, время и политическое положение в обеих странах не могло не отразиться в их стремлениях и работе...».

В 1937 г. будучи студентом Института народов Севера под руководством своего преподавателя – немецкого учёного В. Штейница Н. Терёшкин перевёл на хантыйский язык повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель». Книг для чтения на родных языках в те годы не хватало, литературы на хантыйском языке ещё не было, и переведённая на хантыйский язык книга сразу же после издания становится библиографической редкостью.

По воспоминаниям С.Н. Терёшкина, будучи уже известным учёным, Николай Иванович говорил: «Я – ханты. Для меня хантыйский язык родной. Но учился я хантыйскому языку у немецкого учёного Вольфганга Штейница. И обучение шло на высочайшем профессиональном уровне». И традицию такой исследовательской и преподавательской работы Николай Иванович Терёшкин продолжил в последующей научной и педагогической деятельности, «такие же слова... я слышал однажды от студентов ханты, которые учились когда-то у Н.И. Терёшкина... Приехали студенты ханты, прекрасно знающие язык, учиться на Северное отделение Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена. Пришли на лекцию по хантыйскому языку и думают: «Ну чему ещё нас тут могут научить. Мы и так хантыйский язык знаем». Но тогда Николай Иванович взял мел и стал

писать на доске по-хантыйски, объясняя грамматику, удивились студенты: «Как много надо ещё учиться, чтобы также уметь преподавать свой родной хантыйский язык». Я был потрясён, когда услышал те же слова... И понял: «Вот она, научная преемственность... Вот она, традиция исследования и преподавания языка. Вот они – бывшие студенты и настоящие учителя, преподаватели, учёные, продолжающие эту традицию».

В послевоенный период, с 1947 по 1957 гг. и в 1959 г. состоялось несколько длительных командировок Н.И. Терёшкина в Ханты-Мансийский округ в целях сбора лингвистического и этнографического материала по местам расселения хантов.

Вот как вспоминал Н.И. Терёшкина его ученик и последователь, выдающийся педагог, писатель, заслуженный деятель культуры России, член Союза журналистов РФ, автор-составитель 9 учебников грамматики хантыйского языка и книг для внеклассного чтения в национальной школе, учебника хантыйского языка для педучилищ А.М. Сенгепов: «Я познакомился с Николаем Ивановичем в 1947 году в Ханты-Мансийском педагогическом училище, и с того времени он постоянно интересовался моей судьбой. В те далёкие послевоенные годы у нас не было ни одного специалиста по хантыйскому языку. Приезжая в научные командировки в округ, Николай Иванович обязательно встречался со студентами, знающими родной язык».

Очень важное место в научной деятельности Н.И. Терёшкина занимал сбор произведений устного народного творчества. Он стоит в ряду первых собирателей хантыйского фольклора из числа представителей самого народа. Очевидно, начало собирания хантыйского фольклора Н.И. Терёшкиным относится ещё к довоенному периоду – времени его учёбы в Институте народов Севера и поступления в аспирантуру. Но основной фольклорный материал, записанный у хантов разных регионов, собран им главным образом в годы работы в Институте языкознания АН СССР. Большую часть собранного фольклорного материала составили записи произведений северных хантов на среднеобском и казымском диалектах, а также восточных – ваховском, сургутском и салымском. Фольклорные записи Н.И. Терёшкина сделаны от разных исполнителей: от детей – сказки о животных, небольшие рассказы, загадки; обрядовые песни исполняли чаще женщины; сказки ему рассказывали женщины и мужчины преклонного возраста. Из большого числа исполнителей, от которых были записаны образцы фольклора, Н.И. Терёшкин выделял наиболее талантливых сказителей: А.П. Уткина, А.А. Киприянова, С.П. Анкатшупова. Все они были людьми преклонного возраста, от 60 до 80 лет.

Результатом экспедиционных работ Н.И. Терёшкина явилось первое описание грамматического строя восточных диалектов хантыйского языка: сургутского, ваховского, васюганского. В 1959 г. он закончил работу по

описанию сургутского диалекта хантыйского языка. В 1961 г. в издательстве АН СССР вышел его научный труд «Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект)». Готовились к изданию вторая часть – очерки грамматики сургутского диалекта и третья часть – морфология западнохантыйских диалектов. Опубликовать их Н.И. Терёшкин не успел.

Известен Н.И. Терёшкин и как составитель первых учебников и методических пособий по хантыйскому языку. По поручению Министерства просвещения РСФСР, им впервые были составлены буквари на ваховском и сургутском диалектах хантыйского языка. Он являлся одним из ведущих лекторов по проблемам развития, изучения и исследования хантыйского языка и методики его преподавания и изучения в национальных школах.

В 1968 г. Н.И. Терёшкин защитил кандидатскую диссертацию «Ваховский диалект хантыйского языка». Исследуя грамматический строй хантыйского языка, он впервые в истории науки дал обстоятельное описание восточной группы диалектов хантыйского языка.

В этом же, 1968 г., Н.И. Терёшкин совершает трёхмесячную научную командировку к хантам Шурышкарского (Ямало-Ненецкий округ), Ханты-Мансийского и Сургутского районов (Ханты-Мансийский округ) в целях изучения лексикологии западных диалектов хантыйского языка для составления диалектологического словаря.

Обстоятельным исследованием является работа Н.И. Терёшкина «Именное склонение в обско-угорских языках», где рассматривается падежная система во всех диалектах хантыйского и мансийского языков в сравнении с падежной системой венгерского и других финно-угорских языков.

По просьбе финно-угорского общества Финляндии Н.И. Терёшкин перевёл нерасшифрованные тексты на иртышско-кондинском диалекте хантыйского языка, записанные финским учёным К.Ф. Карьялайненым в конце XIX века.

В 1981 г. в издательстве «Наука» в Москве выходит академический «Словарь восточно-хантыйских диалектов». Этот большой диалектологический словарь является настольной книгой многих современных исследователей. Вот как отзывался об этой работе известный педагог, исследователь ненецкого языка, профессор кафедры уральских языков Института народов Севера РГПУ им.А.И. Герцена, автор 32 ненецких учебников М.Я. Бармич: «Когда я беру в руки великий труд Николая Ивановича Терёшкина «Словарь восточнохантыйских диалектов», честно говоря, у меня дыхание останавливается, слов не хватает, чтобы восхититься его творением, его сочинением. Мне трудно представить, сколько человеческой энергии, сколько труда, сколько любви к языку, родному народу вложил в этот научный «кирпич» Николай Иванович.

Ценность «Словаря...», мне думается, ничем не измерить. «Словарь...» – памятник его великого труда, сотворённого при жизни, его научное произведение, завещанное своему хантыйскому народу, его потомкам, многочисленному финно-угорскому научному обществу. Думаю, ими «Словарь...» будет оценен сполна».

Многие годы Н.И. Терёшкин преподавал хантыйский язык в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена на отделении народов Севера. Им подготовлена целая плеяда специалистов-филологов.

«В отношении чужья языка народа он был, наверное, самым талантливым, умным специалистом. Он знал все языки своего народа, а не только язык какой-нибудь деревни. В первые годы создания письменности он писал книги на казымском диалекте, затем начал писать учебники на среднеобском, после – на сургутском и ваховском диалектах. Вот это и есть, наверное, чужь языка – знать в совершенстве свой язык и любить свой народ», – писал о Н.И. Терёшкине А.М. Сенгепов. Он также вспоминал: «Как учёный он был на редкость серьёзный, вдумчивый, очень осторожный и строго относящийся к своим обязанностям человек. Я видел перед собой пример большой трудоспособности, точного и внимательного исполнения любого поручения»; «он старался непринуждённо воспитывать в нас вкус, добрые чувства не только к учительскому труду, но и к науке, любовь и уважение к своему народу, его языку, культуре, искусству».

Как считает одна из учениц и последователей Н.И. Терёшкина – организатор и первый директор НИИ возрождения обско-угорских народов (современный ОУИПИИР), автор многих учебников, учебных и справочных пособий по хантыйскому языку для школ, автор и ответственный редактор учебника хантыйского языка для педучилищ, кандидат педагогических наук Е.А. Нёмысова: Николай Иванович Терёшкин – это учитель, духовный отец, наставник, побудитель, определивший для себя задачу изучения почти неисследованного родного хантыйского языка, заложивший традиции «в качестве вперед ведущего наставника тропы этнолингвопедагогической школы», и эти традиции, «продолжаются его учениками и последователями, вперед идущими...».

Имя Николая Ивановича Терёшкина, первого учёного-ханты, останется в вечной памяти народа, которому он посвятил свою жизнь.

Источники и литература

1. Бармич М.Я. Первый из первых: Николай Иванович Терёшкин (воспоминания о моём защитнике, о моём помощнике) // Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвопедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

2. Вахрушева М.П. Первый из ханты // Просвещение на Крайнем Севере. – Л., 1967. Вып. 15.

3. Величко Н.И. Николай Иванович Терёшкин – сын Югорской земли // Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвепедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

4. Винклер Р.-Л. В. Штейниц и Н.И. Терёшкин – страницы их совместной работы по архивным записям // Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвепедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

5. Волдина Т.В. Вклад Н.И. Терёшкина в изучение хантыйского фольклора // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов (филологические науки). 2-5 февраля 2000 г. – Саранск, 2000.

6. Каксин А.Д., Сенгепов А.М. Николай Иванович Терёшкин (1913-1986) // Вестник угроведения. М.: Изд-во «ИКАР». – 2005. – № 1.

7. Нёмысова Е.А. Сын Югорской земли // Ленинская правда. –1983. – № 246. 24 дек.

8. Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвепедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

9. Пуртова Т.В. Терёшкин Николай Иванович // Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвепедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

10. Терёшкин С.Н. Николай Терёшкин и Вольфганг Штейниц // Николай Иванович Терёшкин – основоположник этнолингвепедагогической школы Югорской земли: к 100-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Нёмысова, З.С. Рябчикова. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2014.

©Волдина Т.В.

АЛЕКСАНДР ТОПАНОВ

(1903–1959)

Александр Михайлович Топанов – поэт, драматург, просветитель, один из основоположников национальной литературы и театрального искусства Хакасии. Это был человек одарённый и бескорыстно служивший искусству и своему народу. Родился А. Топанов 27 сентября 1903 г. в с. Усть-Фыркал (ныне Ширинский район Хакасии). Мать умерла, когда ему было 8 месяцев. Отец Александра, Михаил Павлович Топанов, в детстве был отдан на воспитание в семью местного священника Иоанна Данилова, чья вдова и воспитала Шурика после смерти матери. Начальное образование получил в церковно-приходской школе. В 11 лет поступил в Красноярское духовное училище, но в связи с революцией 1917 г. учёбу не завершил. В 1920 г. А.М. Топанов семнадцатилетним юношей по своей инициативе обучал грамоте местных жителей у себя дома. Позднее его ученики, получив дальнейшее образование в Абакане, Минусинске, Красноярске, возвращались специалистами: бухгалтерами, юристами, учителями. В тот же год он был мобилизован в ряды Минусинской уездной рабоче-крестьянской милиции. Служил рядовым, а затем стал командиром отделения конного резерва. Участвовал в работе частей особого назначения. В 1921 г. совместно с представителями хакасской молодежи прошёл трёхмесячные курсы учителей в городе Минусинске, работал учителем в школе, а затем – председателем местного общества потребкооперации.

В 1924 г. А.М.Топанов в родном селе организовал кружок художественной самодеятельности, где ставили спектакли на злободневные темы, организовывали концерты с участием народных певцов и сказителей. Александр Михайлович обладал удивительным качеством вдохновлять на творчество других людей, передавать им активное творческое настроение. Его обаяние, умение убеждать помогали собирать вокруг себя единомышленников. Своими творческими увлечениями, одним из которых был театр, Александр Михайлович заражал и других. Кружок стал своеобразным народным театром, а впоследствии и основой для создания профессионального национального театра в Абакане, первым художественным руководителем которого стал А.М.Топанов. По воспоминаниям одного из друзей детства А.М.Топанова, Н.И.Кокова, первоначально у Топанова родилась идея создания театра в Хакасии. В воспоминаниях он писал: «Однажды к ужину к нам зашел А.М.Топанов... Во время беседы возник интересный разговор о создании в Хакасии своего театра. Беседовавшие говорили, что первые русские театры начинали свою работу с малого. Великие русские артисты многие были выходцами из простого народа» и что среди хакасского народа тоже есть талантливые люди.

С переездом в 1926 г. в с.Усть-Абаканское (ныне город Абакан) Александр Топанов работал в Хакасской литературно-издательской коллегии при отделе народного образования по изданию художественной и учебной литературы. А. Топанов переводил литературу с русского на хакасский язык, активно участвовал и в организации работы только что начавшей издаваться газеты на хакасском языке «Хызыл аал» («Красное село»). На страницах газеты, которая вела огромную идеологическую и просветительскую работу, он опубликовал первые свои литературные сочинения: стихи «Хакас чирі» (Хакасская земля), «Тайга» (Тайга), «Өксіс» (Сирота), «Ағбан» (Абакан). Также Топанов публиковал статьи, освещавшие работу Переводческой комиссии при Литературно-издательской коллегии, вёл беседы с читателями о пользе образования, обучения и создания хакасско-русского словаря.

Культурно-просветительскую роль газеты «Хызыл аал» в жизни хакасского народа высоко оценил историк В.А.Асочаков, который писал: «Велика была роль газеты в осуществлении мероприятий по культурному строительству. Много внимания она уделяла ликвидации неграмотности среди взрослого населения, работе школ, культурно-просветительских учреждений. Издание газеты содействовало становлению хакасского литературного языка. Газета явилась одним из организаторов издания первых литературных произведений на хакасском языке».

С 1927 по 1931 гг. А.М.Топанов наряду с К.Тодышевым, К.Самриным, А.Казанаквым работал над созданием учебников для хакасских школ. В 1927–1929 гг. руководил хакасской секцией в

Центральном издательстве народов Востока СССР в Москве. Это были годы учебы и накопления опыта по написанию и изданию первых учебников на хакасском языке. Изданные в этом издательстве первые художественные произведения на хакасском языке – сборник стихов «Книга песен», пьесы «С грамотой без нужды», «Бабий выигрыш» А.М.Топанова – также носили просветительский характер.

Произведения раннего творчества, переводы А.М.Топанова вошли в первые учебники на хакасском языке, составленные А.М.Топановым, К.К.Самриным, К.С.Тодышевым, Т.Н.Балтыжаковым и др. Так, для учебника К.С.Тодышева «Давайте учиться» (М., 1928) А.М.Топанов написал стихотворение «Минің ирте кўскүде чуртазым» («Моя жизнь ранней осенью»), в котором поэт маленького читателя приобщает к правилам гигиены, закаливанию и здоровому образу жизни.

Эти и другие стихотворения А.М.Топанова в свое время были незаменимым материалом для пропаганды школьного образования среди народных масс, они отражали исторические события в жизни страны, служили не только литературно-текстовым, но и информационным материалом для первых учебников на хакасском языке. Актуальным и популярным в те годы стал переведенный А.Топановым на хакасский язык «Интернационал», текст которого многократно включался: в 1929 г. – в учебник К.Самрина, А.Топанова, Т.Балтыжакова «Наа чол» («Новый путь»), в 1931 г. – в учебник для взрослых Т.Балтыжакова «Первая книга после букваря», затем – в учебник И.Кокова, Т.Балтыжакова «Наа чол» (Новосибирск, 1932) и др. Данные учебники были написаны на латинском шрифте в связи с латинизацией 1928 г.

В литературу Александр Топанов пришёл под псевдонимом Топану. В первый сборник «Книга песен» (М., 1928) вошли четверостишия, песни и одноактные драматургические произведения. В первых стихах поэта Топанова выражалась безграничная любовь к родной земле. Лирический герой Топанова с открытым сердцем встречал и прославлял новую жизнь, верил в изменения, прощался с мрачными картинами прошлого. Стихотворение «Тайга» представляет собой одно из первых произведений пейзажной лирики в хакасской поэзии. Образцы пейзажной лирики А.М.Топанова пронизаны патриотическими мотивами, поэт воспевает родную Хакасию, величественную, с бескрайними степями и могучими горами с белоголовыми вершинами.

Несомненно, лучшие стихотворения А.М.Топанова относятся к пейзажной лирике. И, несмотря на то, что их написано не так много, в них всегда присутствует живой отголосок явлений жизни. Корни его творчества заключены в народной поэзии, и недаром поэт в выразительных средствах стилистически и лексически тяготеет к народному языку. Автор смело включает слова и обороты качинского диалекта, в современном

языке ставшие архаизмами, и русскоязычные слова, активно входившие в то время в хакасский язык.

Топанов – поэт с обострённым чувством природы. Воспетые им Енисей, Абакан, Белый Июс, горные вершины, тайга особенно дороги ему. Они окружали его с детства, формировали его характер, навсегда запечатлелись в его сознании. По словам В. Шаламова, «чувство природы, свойственное поэту-лирику, есть всегда чувство родной природы» и «внимательная любовь, знание родных мест». Именно присутствие в душе поэта Топанова этого особого чувства родной природы подарило нам образы ласкающих взор ковыльных степей, мохнатых одеяний вечнозеленых елей и беспокойных, могучих рек Хакасии.

Поэма «Кин Алып» (1941–1942) стала одним из первых образцов хакасской поэмы, в которой автор особое значение придаёт национальному колориту и утверждает героику борьбы трех поколений богатырей за свою землю и свой народ. Возвышенная патетика поэмы А.М. Топанова связана, прежде всего, с традициями народного эпоса, где героика составляет преобладающее эмоционально-смысловое начало. В поэме автор активно использовал стиль героического сказания – алыптыг нымах, поэтому и заглавие поэмы связано с именем богатыря Кин Алып. Имя богатыря Кин созвучно с хакасским названием реки Енисей (Ким), что указывает на происхождение богатыря. Так же, как и в эпосе, автор рисует борьбу с врагами не одного поколения богатырей: богатыря Кин Алып и его сыновей – Чарых Чылтыс (Яркая Звезда) и Молат (Стальной), а также сына Чарых Чылтыса – Тимир Мирген. Их имена также напоминают имена богатырей из эпоса – Хан Хылыс, Таптаан Молат и др. Сыновья побеждают врага, выполнив наказ состарившегося отца. Поэт восхваляет подвиг во имя Родины. В поэме А. Топанова прослеживается стремление показать масштабность событий государственного, а в какой-то мере и мирового значения: здесь отражены события первой мировой войны, органично сливающиеся с темой и мотивами Великой Отечественной. Создание А.М. Топановым такого крупного поэтического произведения (1001 строка) свидетельствует об особой творческой психологии автора, близкой к психологии сказителей-хайчы, которым свойственно особое гиперболизированное восприятие предметов, явлений окружающей действительности. Без сомнения, А.М. Топанов – творческая личность, с эпическим мышлением, он в своём арсенале имел много эффективных словесных формул, умозаключений и народных средств сатиры и юмора, позволивших показать масштаб событий, картины сражений, человеческую мудрость и все отрицательные черты человеческого характера.

Молодые годы А.М. Топанова пришлись на первую треть XX века и совпали с такими катаклизмами столетия, как первая мировая война, революция, гражданская война, тяжело отозвавшаяся на его семье,

коллективизация; события, связанные с национальной автономией хакасов, культурные и социально-экономические преобразования, репрессии. В этой атмосфере бурных политических, социально-экономических, культурных преобразований эпохи и шло формирование личности Топанова. Живому и органичному восприятию способствовал не только юный возраст, но и присущее целому поколению национальной интеллигенции особое ощущение своего предназначения, ответственности перед своим народом и осознание того, что во многом они были первыми, т.е. основоположниками художественной литературы на родном языке, театра, непосредственными участниками создания алфавита, учебников, словарей, газеты, книжного издательства.

В 1940 г. А. Топанов написал несколько одноактных пьес на военную тему на хакасском языке – «Чиит матыр» (Юный герой, 1941), «Хан үчүн хан» (Кровь за кровь, 1942), «Молат чүректер» (Стальные сердца, 1942), «Родина үчүн» (За Родину, 1942), «Хакас чонның оолгы» (Сын хакасского народа, 1943), «Хызыл Дондагы матырларга» (Краснодонцы, 1944), «Өс алганы» (Месть, 1945); на русском языке – «Как прусак попал в просак» (1941), «Как в России прусак второй раз попал в просак» (1942–1943). Поэтика одноактного произведения представлялась наиболее динамичной для передачи событий войны и героического пафоса времени. При этом автор располагал небогатым материалом для военных пьес – чаще это были газетные материалы и новости, сообщаемые по радио.

Борьба против фашистов пробуждала в каждом народе его национальное достоинство, его национальную гордость. В созданной в 1941 г. пьесе «Чиит матыр» (Юный герой) А.М. Топанов показал борьбу молодых людей с фашистами – хакасской девушки и украинского парня, оказавшихся в первые дни войны в оккупированной немцами Белоруссии. Отважной девушке удаётся выйти к партизанам. Стойкость и готовность к самопожертвованию во имя победы – вот главная тема драмы «Юный герой».

Пьесы А.М. Топанова военных лет создавались и ставились оперативно, были несовершенны в композиции, в раскрытии конфликтов и характеров. В них на первый план выдвигался пафос героизма через утверждение величия подвига героя, стремящегося к осуществлению гуманистических принципов. В центре другой пьесы «Сын хакасского народа» автор показал молодого хакаса Тюримова Кая, командира артдивизиона, в образе которого воплощены лучшие качества борца за Родину. В пьесе Тюримова окружают такие же отважные солдаты разных национальностей. По сути, это было создание образа коллективного героя, собирательного портрета воюющего народа. В. Зорин отмечает, что «А. Топанов ярко показывает героическую, священную борьбу Советского Союза с немецкими захватчиками. В пьесе масса моментов, глубоко и

убедительно показывающих силу патриотизма и братской дружбы народов нашей родины».

Пьесы военных лет отражали реальные события и их важнейшей чертой, как и в 20-е гг. XX века, была оперативность. Они воодушевляли зрителей, прославляли подвиги земляков на фронте. «Они сыграли важную социальную роль в контексте эпохи, но, к сожалению, из-за художественного несовершенства не стали заметным явлением в хакасском театре», – отмечает С. Тарбанакова.

Позднее, в начале 1950-х гг., когда творчество А. Топанова подверглось жесткой критике и было признано «безыдейным, не отвечающим установленным партией нормам», пьесу «Краснодонцы» называли «жалкой пародией на «Молодую гвардию» А. Фадеева, хотя роман А. Фадеева вышел в 1946 г. Также критиковали пьесы А. Топанова периода зарождения хакасской литературы. За пьесу «С учением без нужды» автора обвиняли в «пособничестве кулакам». Не всегда критика была справедлива. Естественно, что пьесы 1920–1930-х гг. не отвечали требованиям 1950-х в плане «соответствия критериям партийности» литературы, когда порой проявлялась недооценка художественности, но в своё время одноактные пьесы А.М. Топанова имели большой сценический успех и воздействие на зрителя. Художественный уровень военных драм А. Топанова неодинаков, однако они сыграли важную роль в развитии хакасской драматургии. Несмотря на несовершенство, многие пьесы А. Топанова явились фундаментом, на котором впоследствии выросли новые пьесы, вошедшие в историю драматургии и театра. Безусловно, эти произведения не претендовали на художественное совершенство и глубокое обобщение событий войны. В целом драматургическое творчество А.М. Топанова 1940-х стало важнейшим фактором культурного единения населения Хакасии в военное время.

Сегодня трудно представить хакасскую драматургию без музыкальной комедии «Алахтыртхан Хорхло» («Одураченный Хорхло») – главного литературного детища А.М. Топанова. Работа над комедией была начата осенью-зимой 1941 г. и завершена к весне 1942 г., 22 мая 1942 г. состоялась премьера.

Идея написания комедии в год начала войны пришла во время вечерних репетиций в театре. А в основу музыкальной комедии А.М. Топанова легла реальная история похищения невесты старым баем. Вдохновителями А. Топанова были режиссеры Н. Зингеровский и И. Самохвалов, с которыми драматург обсуждал все свои замыслы. Трудно переоценить роль комедии в военные годы. Комедийное во многих своих гранях присутствовало, как известно, в обрядовых играх и произведениях фольклора. Многие фольклорные жанры, проникнутые юмором, стали и предпосылкой возникновения жанра комедии. Формы народного смеха питали первые ростки национальной комедиографии и остаются

неиссякаемым источником творческой энергии национальных драматургов на протяжении всей её истории. По мнению М.М. Бахтина, «смеховые обрядово-зрелищные формы по своему наглядному, конкретно-чувственному характеру и по наличию сильного игрового элемента близки к художественно-зрелищным». И в процессе становления национальной драматургии комедия как жанр занимает особое положение, поскольку это один из наиболее подвижных и динамичных жанров.

Постановка «Одураченного Хорхло» принесла успех театру, и актеры с этим спектаклем объездили всю Хакасию. Восторженные отзывы зрителей неоднократно заполняли газетные страницы. По замыслу автора, это должна была быть музыкальная комедия с обилием лирических песен и звучанием народных музыкальных инструментов. Действительно, песни и музыка в пьесе, способствуя раскрытию национальной психологии, придают комедии особый колорит, потому что песня является неотъемлемой частью культуры народа, выразителем его ума и чувств. Здесь исполняются и тахпахи, и лирические песни, и горловое пение – *хай*. В форме диалога звучат лирические импровизированные песни (*тахпаху*) в момент особого душевного подъема, например, влюблённых героев. Так, песня Порчо («Песня девушки») после постановки комедии получила большую популярность. Пьеса характеризуется особой яркостью образов и живым взаимодействием с фольклорной эстетикой, изобилием песен и народного юмора. Драматический конфликт комедии о хакасской деревне конца XIX в. строится на противостоянии простого народа и баев. Бай Хорхло, встретив на празднике юную Порчо, делает ей предложение выйти за него замуж, но, получив отказ, грозит похитить ее. Авантюра с похищением невесты – вот главное событие, «несчастье», вокруг которого и развиваются все события в комедии А. Топанова. Фольклорный мотив похищения невесты героем, показ свадебного обряда стали основным объектом комического. Комедия А. Топанова связана с фольклорной эстетикой и поэтикой не только на уровне сюжета, но и поэтики заглавия, имен персонажей (главный герой и некоторые другие персонажи комедии носят имена героев сказок и преданий). Один из героев А. Топанова во многом уподобляется фольклорному герою: он охотник и может добыть мяса для всей деревни, ведет борьбу с баями, заступаясь за народ. Герой комедии фактически совершает поступок, подобный поступку Акуна в драме М. Кокова – освобождает любимую из рук похитителя, что, в свою очередь, генетически связано с действиями героя волшебной сказки. Мотив поиска похищенной невесты восходит одновременно и к сказке, и к преданиям и говорит об определенной готовности героя к жизненным испытаниям.

Мастерство драматурга А. Топанова проявилось в эстетике смеха, в умении передать особенность народного юмора, в обрисовке характеров героев, в яркости языка персонажей комедии. В основе раскрытия

характеров баев А. Топанов широко пользуется комедийными приёмами, показывая их хвастливость и глупость, что проявляется во внешнем виде, походке, поступках и речи. Бай Хоох, пытаясь доказать своё превосходство над народом, выходит побороться с молодым парнем Чанаром и проигрывает, но при этом не хочет отдавать prosperousного коня. Весельчак Чанар разблачивает бая и выставляет его на посмешище перед народом. Молодежь в лице Чанара, его друга Ожена, Порчо и Чибек привлекает своим оптимистическим отношением к жизни, остроумием, смекалкой и находчивостью. Неоднократный розыгрыш бая (подмена невесты) стал ключевым моментом комедии «Одураченный Хорхло». Комедийность образа бая создается контрастом видимости его «всемогущества» с его положением после «женидьбы» на своей старой батрачке, а затем и на сварливой и расчётливой мачехе невесты, когда он публично осмеян и унижен.

В образе охотника Ожена драматург воплотил лучшие черты народного героя. Как и в фольклоре, герой А. Топанова обладает всеми качествами охотника, который, как и фольклорный герой, гиперболлизирован (он мог добыть мяса для всей деревни), ведёт борьбу с жестоким баем, выступая за народ.

Пьеса характеризуется яркостью образов, цельностью характеров, национальной самобытностью, активным взаимодействием с фольклорной поэтикой, особой массовостью сцен, изобилием песен и народным юмором, что, в свою очередь, свидетельствовало как о творческой эволюции драматурга, так и об утверждении жанра комедии в хакасской драматургии. Комедия А.М. Топанова «Одураченный Хорхло» явилась комедией нового художественного уровня, по сравнению с одноактными пьесами 1930-х, в ней драматург заложил основы жанра, которые получат развитие в хакасской комедиографии в последующие годы.

Интерес к комедии А.М. Топанова со стороны режиссёров сохраняется и в данное время. Несколько поколений актёров Хакасского национального театра создавали на сцене незабываемые образы героев А. Топанова. Так, в 2002 г. режиссером Ю. Нестеровым к 100-летию А.М. Топанова и 60-летию со дня первой постановки комедии был поставлен «Одураченный Хорхло». Это седьмая по счёту постановка комедии А.М. Топанова, которая в 2004 г. в Казани на VIII Международном фестивале театров тюркских народов «Науруз», посвященном 1000-летию Казани, была отмечена дипломом и получила специальный приз «За создание музыкального образа». Комедия А. Топанова «Одураченный Хорхло» наряду со стихотворениями «Песня тракториста», «Осень», «Дорогая гостья» входит в школьную программу для обязательного изучения в хакасских школах.

С 6 ноября 1931 г. жизнь и творчество А. Топанова тесно связаны с хакасским национальным театром. За три года работы в театре А. М.

Топанов заложил основы развития национального театра. В годы работы в театре он вокруг себя собрал действительно преданных энтузиастов. Театр объединил целую плеяду творческих людей. Здесь начинали своё творчество и росли профессионально первые национальные драматурги (А.М. Топанов, М.С. Коков), ставшие легендой хакасского театра актеры А. Тодикова, Е. Начинова, К. Чаркова, А. Шурышев, В. Килижеков, И. Коков, М. Кильчичаков и многие другие. Через сцену осуществлялось эстетическое и этическое воздействие русской и мировой классики на зарождающуюся национальную интеллигенцию. Здесь на более высоком художественном уровне, чем в кружках самодеятельности, ставились первые пьесы на хакасском языке. Хакасский национальный драматический театр впоследствии многие десятилетия был единственным театром, на сцене которого ставились пьесы, вошедшие в историю театра и драматургии.

Хакасский театр – это детище А.М. Топанова, в нём он находил особую радость и вдохновение, создавая спектакль за спектаклем, открывая сезон за сезоном, раскрывая актёрские таланты своих земляков, а почестей и лавров, как и многие его сподвижники, он не ждал. И сегодня, спустя более восьмидесяти лет, ясно одно: главным двигателем его творческой деятельности была преданная любовь к искусству, культуре своего народа, стремление открыть её для других народов.

А.М. Топанов наряду с Т. Балтыжаковым, Т. Бытотовым, А. Казанаквым, В. Кобяковым, К. Майтаковым, К. Самриным и многими другими представителями первого поколения хакасской интеллигенции внёс весомый вклад в дело просвещения своего народа. Изучению жизни и творчества А.М. Топанова посвящены отдельные работы П.А. Троякова, М.А. Унгвицкой, Е.А. Абдиной, книга воспоминаний дочери писателя Т. А. Топановой-Куратовой, сборники, статьи и монография Н.С. Майнагашевой и др. В Хакасском краеведческом национальном музее им. Л.Р. Кызласова (г. Абакан) имеется фонд А.М. Топанова, где хранятся фотографии, рукописи, документы и личные вещи писателя.

В память об Александре Михайловиче Топанове в 2001 г. его имя присвоено Хакасскому национальному драматическому театру, а также средней школе в селе Топанов Ширинского района Республики Хакасия.

Источники и литература

1. Абдина Е.А. Анымхохтар, чазыларым, ырым паза испессер (О А.М. Топанове). – Агбан: Хакас книга издательствозы, 2005.
2. Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937). – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1983.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.
4. Зорин В. Сын хакасского народа // Советская Хакасия. – 1943. – 7 ноября.

5. Майнагашева Н.С. Жизнь и творчество Александра Михайловича Топанова. – Абакан, 2013.

6. Топанов А. Ыгредиг пџлиинџ тџлбесчџ комиссиязыныџ тогызы // Хызыл аал. – 1927. – №1.

7. Топанов А. Ыгредиг пџлиинџ тџлбесчџ комиссиязыныџ тогызы // Хызыл аал. – 1927. – №4.

8. Топанов А.М. Алаахтыртхан Хорхло // М.С. Коков, В.А. Кобяков. Хызыл чазы. Чоохтар, стихтар, пьесалар. – Абакан, 1982.

9. Топанов А.М. Голос Хакасии. Сборник стихов на хакасском языке / Сост. Н.С. Майнагашева. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2003.

10. Топанова Т.А. Александр Михайлович Топанов. – Абакан, 2009.

11. Трояков П.А. Очерки развития хакасской литературы. – Абакан, 1963.

12. Унгвицкая М.А. Роль фольклора в развитии хакасской литературы. – Красноярск, 1986.

13. Шаламов В. Двадцатые годы // Собр. соч. в 4-х т. / сост., подг. текстов и примеч. И. П. Сиротинской. – М.: Худож. лит.: ВАГРИУС, 1998. – Т.4.

©Майнагашева Н.С.

КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ

(1901–1938)

Богата и щедрa кыргызская земля. И живет на этой земле мудрый, щедрый, терпеливый народ. У каждого народа есть личности, которые внесли огромный вклад в становление, развитие и укрепление государства. Среди них особую строчку занимают просветители, благодаря которым народ достиг современного уровня культуры и образования, науки и техники. Есть личности, чей персональный вклад настолько значителен и огромен, что невозможно оценить в определенных рамках. Таким человеком для кыргызского народа явился Касым Тыныстанов.

Касым Тыныстанов – поэт, драматург, фольклорист, педагог, языковед и литературовед, переводчик, видный государственный деятель, создатель грамматики кыргызского языка, первый кыргызский профессор и, наконец, первый министр просвещения, а также один из основоположников кыргызской государственности.

Касым Тыныстанов родился в 1901 г., в селе Чырпыкты Иссык-Кульского района. Читать и писать на арабском языке Касыма научил отец. С 1909 по 1912 гг. он учился в мусульманской школе, получив первые истоки знания у сельского муллы. Начиная с 1913 по 1914 гг., отучился в узбекской начальной школе в селе Сазановка (нынешнее Ананьево), куда тоже было трудно попасть. Только отдав целый годовой доход отца – шесть рублей, удалось устроить сына в русско-туземную

школу в городе Каракол, где Касым обучался с 1914 по 1916 гг. Чтобы прокормиться, Касым после учебы работал, он понимал, что в семье обстановка и так тяжелая. В 1916 г. народ, в результате неудавшегося восстания против царской России, бежал в Китай, чтобы спастись от уничтожения. Среди беженцев был и Касым вместе с родителями, на родину они вернулись только через год. Тыныстанов остался в Караколе для дальнейшего обучения, но спустя полтора года он убедился, что не сможет там получить достойного образования. В поисках подходящего учебного заведения в сентябре 1919 г. из Каракола Касым пешком уходит в Алматы, где получает направление для учебы в Ташкент. В Ташкенте он поступил на подготовительное отделение казахско-киргизского института просвещения, жил в общежитии для приезжих студентов. В 1924 г. окончил Казахско-киргизский институт просвещения. Был членом партии Алаш. Именно в эти годы он становится автором многих стихов.

В 1923 г. К.Тыныстанов составил реформированный киргизский алфавит на основе арабского, на котором в 1924 г. вышла его книга для чтения «Окуу китеби», а позднее ряд букварей. Составить первоначальный алфавит для любого народа – большая проблема, требующая глубокого знания грамматики этого языка, кропотливого труда и огромного количества времени. В 1923–1924 гг. был членом Кара-Киргизской научной комиссии. В этом году вступил в ряды коммунистической партии. В 1924 г. был назначен секретарём, а в 1925 – председателем Киргизского областного отдела Академического центра Научной комиссии Туркестанской республики. С августа 1925 по 1927 гг. Тыныстанов работал в газете «Эркин-Тоо». В 1926 г. участвовал в I тюркологическом съезде в Баку, где выступил с докладом о переводе киргизской письменности на латинский алфавит. Его доклад под названием «Основные принципы создания нового алфавита» стал первым научным открытием в киргизской лингвистике. Стихи Тыныстанова стали печататься в начале 1920-х гг. в казахских газетах, издающихся в Ташкенте. Первый поэтический сборник «Касым ырларынын жыйнагы» («Сборник стихотворений Касыма») был издан в 1925 г. в Москве. Касым Тыныстанов был первым среди киргизских литераторов, который перевел на киргизский язык партийный гимн «Интернационал» и басни И.А. Крылова. В 1927 г. Тыныстанов был назначен народным комиссаром просвещения Киргизской АССР. В 1930 году стал научным сотрудником, а позднее и директором Киргизского института культурного строительства. Параллельно с 1932 г. преподавал в Киргизском педагогическом институте, сначала доцентом, а с 1936 – профессором. В этот период Тыныстанов написал и издал ряд работ по киргизскому языкознанию. Касыма Тыныстанова не зря называют основоположником киргизской грамматики, будучи студентом младших курсов КазИнПроса, он работал над созданием первоначального киргизского алфавита. Он разработал основные принципы современной киргизской орфографии и первые учебники по грамматике киргизского языка, такие как

«Книга для чтения», «Букварь для взрослых», «Наш язык», «Родной язык: словообразование и орфоэпия», «Морфология киргизского языка» и «Синтаксис киргизского языка». Касым хотел, чтобы киргизы вошли в мировое информационное поле, стали образованными, а наша страна стала развитой и сильной.

К.Тыныстанов является основоположником киргизского письма, он был одним из первых, кто отредактировал арабский алфавит под киргизский язык. Он разработал основные принципы современной киргизской орфографии, первые учебники по грамматике киргизского языка («Учебное пособие» (1924), «Букварь для взрослых» (1926), «Наш язык» (1927), написанные по латинской графике «Родной язык» (1928), «Морфология киргизского языка» (1934), «Синтаксис киргизского языка» (1936), наряду с этим составил терминологию по киргизскому языкознанию).

В 1932 г. К.Тыныстанова назначают исполняющим обязанности директора киргизского культурного строительства и директором музыкального драматического театра, на сцене которого были поставлены его пьесы «Коз коргондо» («Когда глаза видят»), и «Академиялык кечелер» («Академические вечера»). Через месяц-два в газете «Правда» появляется статья о том, что «Касым Тыныстанов протаскивает на сцену советского театра бай манапскую идею», что он «противник революции», «националист и носитель буржуазной идеи». С этого момента для Касыма наступают «черные дни». Несмотря на это, Касым неустанно работает. Он разрабатывает в 1933 г. «Киргизскую терминологию по языкознанию», в 1934 г. «Проект новой орфографии киргизского литературного языка» и т.д. Но и в этих трудах начали находить «политические намеки и ошибки». И в 1935 г. его исключили из весоюзной коммунистической партии большевиков ВКП(б). Политическое гонение усиливалось и 1 августа 1937 г. его арестовали. Ему предъявили следующее обвинение: «Отец К. Тыныстанов был раскулачен в 1931 г.; он в Красной Армии не служил; состоял в контрреволюционной националистической партии, до 1924 г. был одним из активных идеологов Алашордынской партии, в 1924 г. вступил в ВКП(б) с целью использования звания члена партии для антисоветской буржуазно-националистической борьбы против партии, будучи литературным работником, в своих произведениях, учебниках протаскивал буржуазно-националистическую идеологию, в учебнике «Родной язык» (Эне тилибиз) поместил пословицу «если в яме у тебя хлеб, то во дворе будет скот». Будучи директором Кирнацтеатра, использовал театр для этой же цели («Академические вечера», 1932), будучи автором терминологического словаря, допустил грубые политические извращения в переводах терминов «боец» – «чоро», что означает феодального дружинника, «революция» – «озгоруш», что означает реформа, «совет» – «кенеш», что означает советоваться, феодальный сход, «диктатура» – «бийлик», что означает приговор феодальных судей... Вел борьбу против

молодых пролетарских писателей, относясь к ним пренебрежительно. Одновременно с этим создал группировку среди литературной молодежи, организовав вокруг себя Турусбекова, Элебаева, Абдукаимова и др.»

5 ноября 1938 г. военная коллегия Верховного суда СССР Касыма Тыныстанова приговорила к расстрелу и через месяц приговор привели в исполнение. А 1 октября 1958 года этот же суд из-за отсутствия вины восстановил К.Тыныстанова в рядах ВКП(б) посмертно. Обратимся к архивным материалам: «После того, когда ЦК КП Киргизии 22.01.1958 г. посмертно реабилитировал в партийном отношении Тыныстанова К., группа ученых и научных работников Института языка и литературы, госуниверситета и Академии наук Киргизской ССР тт. Б. Керимжанова, Ш. Уметалиев выступили со статьями на страницах газет о том, что Тыныстанов К. был первым профессором-киргизом, являлся крупным языковедом, создателем оригинальной школьной киргизской грамматики и синтаксиса, принципы которой сохраняются до наших дней, что Тыныстанов был первым создателем латинизированного киргизского алфавита и орфографии, что следовало бы переиздать его отдельные научные труды, а не предавать их забвению». Решение о реабилитации имени К.Тыныстанова вышло под грифом «секретно», поэтому народ не знал о данном решении. И лишь 29 декабря 1988 г. решением Центрального Комитета коммунистической партии Киргизской ССР имя Касыма Тыныстанова было полностью реабилитировано.

Сегодня именем Касыма Тыныстанова названа улица в столице Кыргызстана г. Бишкек, школа в его родном селе и Иссык-Кульский государственный университет. Его труды переиздаются.

Источники и литература

1. Абдыкадыров Т.А., Джумалиев С.Р. Баялы Исакеев: судьба и время. – Бишкек, 1998.
2. Абдыкеримов А. Сакен Сейфулин – Касым Тыныстанов (сравнительно-историческое освещение) // Профессор К. Тыныстанов уулунун 90 жылдык маракесине арналган республикалык илимий-теориялык конференциясында жасаган докладдар менен баяндамалардын тезистери. 17–18 окт., 1991 ж. – Б., 1991. – Т.1.
3. Алексеев Е. Кыргызстан. Трагические дни. – Бишкек: Илим, 1997.
4. Бектенов З. Замандаштарым жөнүндө эскерүү: адабий эскерүүлөр. – Бишкек, 1996.
5. Великая личность. Воспоминания. – Бишкек: Учкун, 1996.
6. Джаныбеков Ч. Касым Тыныстанов: жизнь и творчество. – Б.: «Бийиктик», 2003.
7. Карымшакова Г. Становление и развитие культуры Советской Киргизии (1918 -1929 гг.). – Фрунзе, 1960.
8. Тыныстанов Д. Касым, Боталы, Далил – Тыныстанов. – Б.: ОсОО «Дакс», 2005.
9. Шараф Г.К. К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта. – Казань, 1926.

©Кадыркулова У.К.

ШОКАН УАЛИХАНОВ

(1835–1865)

Вопросы просветительства, развития культуры, образования были актуальны во все времена. В средние века на Востоке, в новое время на Западе появляется блестящая плеяда интеллектуалов, патриотов, людей, обеспокоенных просвещением масс.

Везде в мире это было активизацией национальной интеллигенции, подвижнической деятельности лучших умов народа, их чаяний о необходимости перемен, демократизации жизни.

Важнейшей особенностью Просвещения в нашей стране было то, что оно возникло, помимо объективных процессов, и как отражение последствий включения Казахстана в состав Российской империи.

Казахские просветители Шокан Уалиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, другие выступали против тотальной безграмотности, были сторонниками внедрения передовой зарубежной, в т.ч. и русской культуры и науки в Степи. При этом просветители отнюдь не были склонны к идеализации европейской и русской общественной жизни. Они хорошо знали реакционную роль царизма, душившего всякую прогрессивную мысль и остро реагировавшего на малейшее проявление антиколониального, демократического движения.

Великие просветители высказывались против невежества, за распространение знаний в обществе, против колониального угнетения, деспотизма правителей, за демократические преобразования.

Выдающимся казахским просветителем второй половины XIX в. стал ученый, политик, человек многогранных талантов, великая историческая личность – Шокан Уалиханов. Получивший, мировое призвание, он прожил короткую, но яркую жизнь.

Шокан Уалиханов обогатил науку ценными исследованиями по истории, этнографии, культуре, экономике и физической географии Казахстана, Кыргызстана, Центральной Азии, Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Родословное древо его уходило корнями в глубь столетий. Он был потомком Чингисхана и его старшего сына Джучи. Правнук знаменитого хана Абылая и внук последнего казахского хана Уали, он родился в 1835 году в семье старшего султана Аман-Карагайском округа Шынгыса Уалиханова, в верховьях реки Тобол, на территории современной Костанайской области Казахстана.

При рождении мальчику было дано мусульманское имя Мухаммед-Канафия. Позже придуманное его матерью ласковое обращение Шокан (Чокан) закрепилось как официальное имя.

До 12 лет Шокан учился в частной школе и был знаком с мусульманским религиозным учением. Здесь он научился читать и понимать восточную поэзию, любовь к которой сохранил на всю жизнь. Наряду с этими занятиями Шокан любил рисовать, и рисование во многом помогало ему в дальнейшей научной работе.

Осенью 1847 года Шокана отдают в Омский кадетский корпус. В кадетском корпусе учащиеся получали знания, кроме военных, по многим общеобразовательным дисциплинам. Со времени обучения в кадетском корпусе на всю жизнь подружились Чокан Уалиханов (как писали в русской транскрипции) и Г.Н. Потанин. Впоследствии известный ученый, географ и исследователь Центральной Азии и Сибири.

В Омске Уалиханов выучил немецкий и французский языки, много читал, демонстрировал выдающиеся способности к научным исследованиям. Во время учёбы в корпусе у него появилась страсть к путешествиям и мечта открыть европейцам, другим народам глаза на богатую культуру народов центральной и южной Азии, открыть миру тогда ещё неизведанный азиатский регион.

Неизгладимое впечатление произвела на Шокана встреча с выдающимся русским писателем Ф.М. Достоевским и его другом, борцом против царского самодержавия С.Ф. Дуровым, оба они, отбыв сроки каторжных работ и тюрьмы, находились под строгим надзором полиции.

О дружеских отношениях, сохранившихся на всю жизнь у Достоевского к Шокану Уалиханову, свидетельствует ряд писем, написанных в разное время.

После окончания кадетского училища в 1853 году Ш. Уалиханов был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г.Гасфорда.

В его обязанности входили и функции историографа области, что поспособствовало его научным исследованиям истории, географии и экономики тюркских народов и стран.

В 1855 году Шокан Уалиханов сопровождает Гасфорта в поездке от Омска до Заилийского Алатау.

Эта поездка послужила началом познания жизни простого народа, дала возможность сбора и записи большого количества исторических преданий, легенд и песен. Эрудиция и способности, проявившиеся в деле, послужили начальству основанием выдвижения кандидатуры Уалиханова по возвращению к награде. Отмечено было и то, что он пользуется особым уважением в Степи.

Параллельно с исполнением обязанностей адъютанта, Ш.Уалиханов занимался научными исследованиями истории казахского народа, родного края. Одним из его капитальных трудов того времени является работа об исследовании родословной казахов, в котором молодой ученый сопоставил сведения из восточных писаний, русских летописей и казахских народных преданий. Хотя данный труд так и остался незаконченным.

Под влиянием настоятельных советов Ф.М. Достоевского и географа П.П. Семенова-Тян-Шанского Ш. Уалиханов приступает к энергичному сбору материала по истории, этнографии, устному народному творчеству казахов, их быта и культуры в целом. В результате в течение сравнительно короткого времени из-под его пера выходит целый ряд замечательных статей и заметок.

Среди работ, написанных ученым с начала 40-х до середины 50-х гг., особый интерес представляют такие, как «Предания и легенды большой киргиз-кайсацкой орды», «Тенгри», «Образец причитаний», «Песня об Аблае», «О формах казахской народной поэзии», «Киргизское родословие», «Исторические предания о батырах XVIII века» и др.

Летом 1856 г. в составе экспедиции Ш. Уалиханов совершил путешествие на озеро Иссык-Куль. Эта поездка оказалась для него весьма полезной. Он собрал интересный материал о жизни киргизского народа, записал и впервые перевел на русский язык цикл сказаний из жемчужины устной поэмы «Манас». Этот перевод получил в свое время восторженные отзывы известных востоковедов, не утратил он своего значения и по сей день.

Во время путешествия Ш. Уалиханов вел тщательные записи своих наблюдений, которые были затем сведены им в единый «Дневник поездки на Иссык-Куль», оказавшийся, как впоследствии выяснилось, поистине бесценной научно-исследовательской работой о различных сторонах киргизской общественной жизни. В своем «Дневнике» автор не ограничивается систематизацией и анализом фактического материала. Он отразил в нем свои убеждения, философские взгляды на тяготы жизни людей.

По возвращении из поездки Уалиханов подготовил обширную историко-этнографическую и социально-политическую работу под названием «Записка о киргизах».

Несмотря на свою содержательность и информационную ценность, она не была опубликована при жизни автора и увидела свет лишь в 1968 г. Примерно в это же время им были подготовлены «Заметки по истории южно-сибирских племен». Кроме того, по итогам поездки осенью 1856 г. в город Кульджу он составил хронологический сборник «Западный край Китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 года)» и др.

Знаменательные события в жизни Ш. Уалиханова, принесшие ему мировую славу, произошли в 1858–1859 гг. Именно в это время он подготовил и совершил свое знаменитое путешествие в Кашгар, загадочную и таинственную страну, когда со времени известного Марко Поло не ступала нога ни одного европейца. Попытка немца Адольора Шлагинвейта (1829–1857) проникнуть в Кашгар, предпринятая им как раз накануне прибытия сюда Ш. Уалиханова, закончилась трагически.

И в это суровое время казахский просветитель не только сумел под видом торговца проникнуть на территорию Кашгарии, но и собрать богатейший материал по истории, географии, народонаселению, экономическому положению и политическому состоянию этого края. Пребывание в Кашгарии длилось без малого полгода (с 1 октября 1858 г. до середины марта 1859 г.) и потребовало от путешественника колоссального напряжения моральных и физических сил, проявления недюжинной энергии, мужества, находчивости и смекалки. И все эти качества он проявил в должной мере.

Весной 1859 г. Ш. Уалиханов возвратился на родину. После короткого отдыха в Омске и в своей родной степи Ш. Уалиханов был вызван в Петербург.

Официально Ш. Уалиханов был прикомандирован к департаменту Генерального штаба, с середины 1860 г. был зачислен также на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Здесь он подготовил обширный отчет о своей поездке в Кашгар. Впоследствии этот отчет получил мировую известность под названием «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 годах» и вскоре переиздан на английском языке. Работа содержит богатейшие научные данные, не утратившие своего значения и по сей день.

Составление карт Средней Азии и Восточного Туркестана, подготовка к изданию трудов Риттера, сотрудничество в издании энциклопедии (где впервые была опубликована его известная статья «Аблай», 1861), изучение восточных рукописей, чтение лекций по истории Востока в Русском географическом обществе – всё это составляло содержание его жизни в Петербурге.

Впервые именно Ш. Уалиханов ввел в научный оборот кашгарские рукописи «Тазкира-йи Богра хан», «Тазкира-йи ходжаган», первым в мире исследовал «Тарих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати.

Тогда же Уалиханов, предположительно, ездил в Париж для встречи с издателями оппозиционной газеты «Колокол» – Герценом и Огаревым. Аргументом в пользу этого может служить то, что, начиная с 1861 года, в этой газете были напечатаны статьи о Казахстане, явно написанные Уалихановым.

К лету 1860 г. ввиду тяжелой болезни Ш. Уалиханов вернулся в свои родные места. Но преодолевая все трудности, он продолжал собирать материалы жизни своего народа. Особый интерес он проявлял к произведениям устного народного творчества. В его юрте бывали известные казахские сказители, певцы, импровизаторы, из уст которых он записывал древние легенды, предания, сказки и другие произведения народного творчества. Насколько позволяло здоровье, он выходил в народ и даже стал принимать участие в политической борьбе.

В 1862 г. искренне желая показать на деле, какую пользу могут принести народу люди, воодушевленные идеей прогресса, он выдвинул свою кандидатуру на пост султан-правителя Атбасарского округа. Об этом он писал Ф.М. Достоевскому, что хотел посвятить себя работе на пользу соотечественников, защитить их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. При этом, он желал своим примером показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель.

Несмотря на жестокое поражение, которое он нанес своим соперникам на выборах, царские власти не утвердили его в должности султан-правителя.

В это же время, с 1862 до начала 1865 года он написал целый ряд работ. Среди них «Следы шаманства у киргизов» (1862), «Записка о судебной реформе» (1864), «О мусульманстве в степи» (1864), «О кочевках киргиз» (1864) и др.

Весной 1864 г. Ш. Уалиханов принял участие в военной экспедиции генерала Черняева. Этот эпизод оставил в его душе глубокий след и заставил пересмотреть свое отношение к официальной политике царизма.

Цель экспедиции состояла в том, чтобы обеспечить переход в Российское подданство южных окраин Средней Азии и Казахстана. Генерал Черняев не проявил терпения и попытался ускорить ход событий путем применения неоправданно жестоких мер военного подавления. Это вызвало справедливое возмущение казахского просветителя, и он вместе с группой русских офицеров, явно недовольных действиями Черняева, решительно порвал с ним и вернулся в свой родной край. Он уезжает в аул султана Тезека, расположенного в районе хребта Алтын-Эмель, где стал ждать дальнейшего хода развития событий.

От суда его спасли мировая известность, исключительный авторитет среди казахов. Возможно, не рискуя еще больше усугубить положение в период завоевания края, командование отступилось.

Вероятно, уже в этот период Уалиханов чувствовал себя очень плохо и не мог перенести походной жизни. Оттуда, из аула Тезека, он написал

последнее, прощальное письмо отцу о том, больше не суждено повидаться ему с дорогими сердцу людьми.

Скончался он в апреле 1865 года в том же ауле в урочище Кочентоган, ныне Алматинская область. В 1988 году здесь был построен мемориальный комплекс «Алтын-Эмель» с мемориальным музеем.

Оценивая деятельность Шокана Уалиханова от имени Русского географического общества и от ученых России, крупный ученый-востоковед Н.И.Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд».

Научное и просветительское наследие Ш.Уалиханова охватывает весьма широкий круг проблем истории Казахстана и других народов Центральной Азии. Это и вопросы образования казахского народа, социальная и политическая история Казахстана XVII – первой половины XIX вв., история духовной и материальной культуры народов обширного региона. Он внес конкретный вклад в изучение географии, этнографии и фольклора народов всей Центральной Азии, Восточного Туркестана, Южной Азии.

Труды Шокана Уалиханова были дважды переизданы в Казахстане.

Творческое наследие Ш.Уалиханова постоянно привлекает внимание самого широкого круга исследователей.

Память о великом человеке, ученом, просветителе Шокане Уалиханове жива в народной памяти. Его именем назван ведущий государственный университет Акмолинской области в городе Кокшетау. Имя Уалиханова присвоено Кадетскому училищу Министерства Обороны Республики Казахстан.

Именем Шокана Уалиханова также названы – Институт истории, археологии и этнологии НАН РК, школа № 68 и улица в центре Алматы, вершина хребта Заилийского Алатау (4234 метра).

Практически в каждом городе Казахстана, а также в Омске (Россия) есть улица Шокана Уалиханова или школа, названная в его честь.

Во всех регионах Казахстана установлены памятники и бюсты Шокану Уалиханову. В 2004 году открыт памятник в Омске на улице Уалиханова, у здания консульства Республики Казахстан.

Источники и литература

1. Бейсенбайұлы Ж. Шоқан (серия «Гибратты ғұмыр» – «Личность и время»), на казахском языке. – Алматы, 2009.
2. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1961 – 1972, 1984 – 1985.
3. Сабит Муқанов. Промелькнувший метеор. Роман-трилогия. – Алма-Ата, 1967.
4. Стрелкова И.И. Валиханов. – М., 1983.

©Бердагулова С.К., Шаяхметов Н.У.

АБДУРАХМАН УМЕРОВ

(1867–1933)

В российской мусульманской общине А.И. Умеров был известен как автор религиозных научных трудов и учебников по арабскому языку для тюркоязычных школ, издатель, редактор газеты «Эдил» («Идель»), владелец собственной типографии и новометодного медресе. Абдурахман Исмаилович Умеров (1867–1933) родился в г. Астрахани, ногаец из рода найман. Исмаил – отец Абдурахмана дал сыну начальное образование в лучших мусульманских школах Астраханского уезда, потом отправил его на учебу в медресе «Галия» Шигабуддина Марджани в Казани. А. Умеров с отличием окончил медресе (1888) и работал преподавателем в этом учебном заведении, в 1892 г. вернулся в г. Астрахань.

Абдурахман Умеров был в числе прогрессивных мусульман, поддерживавших просветительские идеи Исмаила Гаспринского, он открыл в Астрахани новометодное медресе «Низамия», располагавшееся на городской стороне Царева (Тиек), на самом берегу «канавы». В классах была установлена мебель «европейского образца», и приобретены наглядные пособия. В медресе А.И. Умеров преподавал высшие мусульманские науки, он еще работал в новометодном медресе при мечети № 6, мектебе для девочек в Цареве при мечети № 8 и в русско-татарском начальном училище № 2 г. Астрахани.

Делегаты III съезда российских мусульман (Нижний Новгород, 1906 г.) поставили вопрос об обновлении учебных программ для мектебе и медресе, а также предлагали наряду с богословскими дисциплинами

включить в школьные программы изучение светских дисциплин. Было принято решение о переводе учебных заведений российских мусульман на единую программу обучения.

А. Умеров для реализации решений мусульманского съезда организовал собеседование с преподавателями астраханских мусульманских школ о переводе на единую программу обучения, предварительно получив разрешение (18 апреля 1909 г.) астраханского губернатора. Он поддержал реформу школьного образования, выдвинутую Исмаилом Гаспринским и делегатами мусульманского форума, в работе которого он участвовал.

Первые книги А. Умерова вышли в свет в казанских типографиях. Особенно популярными в мусульманской школе стали учебники А. Умерова по грамматике и синтаксису арабского языка, первая из них была издана девять раз, вторая два раза. Первое издание грамматики арабского языка вышло в 1896 г. в Казани в типографии Б.Л. Домбровского. Учебники Абдурахмана пользовались большой популярностью в российских мусульманских учебных заведениях. Книга А. Умерова «Кыссаи ал-анбийя» («Сказания о пророках»), изданная пять раз, была широко распространена среди мусульманских читателей.

Астраханские мусульмане в 1906 г. организовали исламское общество «Джамияти-Исламия» во главе с А.И. Умеровым, деятельность общества была направлена на развитие сети новометодных школ, издательского дела и периодической печати. Абдурахман открыл типографию (1907 г.) в своем доме (Астрахань, Царевская слобода, 14-я Поперечная улица, дом №13), установил 6 «типолитографских машин-станков» с арабскими, русскими и латинскими шрифтами. А.И. Умеров объединил типографию и книжный магазин с читальным залом в одну фирму «Типография «Торгового Дома Умеров и К^о».

Известный издатель выпускал учебно-методические пособия, религиозные книги, художественные произведения, календари, газету «Эдил» («Волга»), журнал «Магариф» и др. В начале XX века среди читателей восточной литературы наблюдается большой интерес к исторической теме, в типографии А. Умерова были напечатаны книги Сеида Мухаммеда Мухаммедова «Тарихи Сейид-заде» (Астрахань, 1908. 1000 экз.) и Жиганшах бин Абдул Жаббара «Астрахань тарихи-и» (Астрахань, 1908). Первое из этих изданий посвящено истории ислама и родословным астраханских мусульман, второе освещает историю Астрахани.

Абдурахман Умеров наряду с учебной и религиозной литературой выпускал и художественные произведения. Книга турецкой писательницы Ф.С. Сулеймановой «Три рассказа» («Оч хикайя» Астрахань, 1909. 2000 экз.) издана в переводе на ногайский язык. Вышел в свет сборник стихов «Диван-е Магтымгулы» (Астрахань, 1912. 2000 экз.) известного

туркменского поэта Махтума Кули, составитель и издатель книги – Абдрахман Ниязи.

В типографии «Торгового Дома А. Умерова и К^о» вышла книга Яруллы Муради «Тукаев в Уральске» (1913 г.). Среди книг, напечатанных в типографии Абдурахмана, привлекает внимание комедия Г.Н. (фамилия не указана) «Астраханда иймам, муьхарир уа муаьлимлер меджелеси» («Собрание мулл, редакторов и учителей в Астрахани»). Книга издавалась дважды – в 1909 и 1910 гг. (тираж двух изданий – 2000 экз.). Сагид Рамеев перевел на нижневолжский вариант тюрки драму Льва Толстого «Живой труп» и опубликовал её в газете «Эдил», А. Умеров издал драму Л. Толстого отдельной брошюрой (Астрахань, 1911. 2000 экз.).

Русские издатели в 1912 г. в честь 100-летия победы в Отечественной войне 1812 года выпустили серию книг, Абдурахман Умеров перевел и издал брошюры Н. Дугинского «Император Александр Благословенный и Отечественная война» и Е. Поселянина «За веру, царя и Отечество».

Абдрахман Ниязов выпустил два календаря «Необходимый каждому карманный календарь» на 1909 и 1910 годы, А. Умеров издал календарь на 1912 год («Койын дефтери». Астрахань, 1911). В них были напечатаны как григорианский, так и мусульманский календари.

На протяжении всей своей жизни А. Умеров собирал ногайские фольклорные памятники в Нижнем Поволжье и Приуралье, собранный материал он предполагал издать в нескольких книгах. Он выпустил сборник «Ногай жырлары» («Ногайские песни». Астрахань, 1912). Ногайские исторические поэмы (дестаны), подготовленные к публикации А. Умеровым, из-за его ссылки в Казань не были напечатаны. А.И. Умеров в 1896–1917 гг. издал более 60 книг, их общий тираж более 130000 экз.

В российской мусульманской общине А. Умеров был широко известен как редактор и издатель газеты «Эдил» («Волга». 1907-1914 гг.), входившей в пятерку лучших восточных газет России. Первоначально «Эдил» печатали в типографии П.Г. Никифорова, и первым редактором и издателем был Загидулла Шарифуллин. С декабря 1907 г. издателем «Эдил» стал Абдурахман Умеров и начал печатать газету в собственной типографии, с 1910 г. он был и редактором газет. Когда А. Умеров отсутствовал в Астрахани, то функции редактора газеты временно исполнял Абдрахман Ниязов. В редакции газеты работали Абдрахим Басыров, член правой крайней партии, и Сагит Рамеев, социал-революционер, бежавший от преследования жандармерии из Казани (27 января 1907 г.) в Астрахань.

На страницах «Эдил» печатались многие прогрессивные мусульманские деятели: Абдрахман Ниязов, Абдул-Халим Басыров, Сагит Рамеев, Камаль Башир, Габдулла Биги-Мостакаев. Цензура (1912 г.) отметила, что в «Эдил» издали статьи мусульманских женщин. Известный

тюрколог Заки Валиди Тоган опубликовал первые научные статьи в газете «Эдил» и считал, что своими статьями заявил о себе как исследователь древней истории тюрков и ислама.

Газета «Эдил» поощряла развитие театрального дела, открытие библиотек и читален, распространение в Нижнем Поволжье новометодных школ и русских одно-двухклассных училищ, обучение мусульман в светских учебных заведениях.

Редактор А. Умеров полагал, что «газета «Эдил» – это газета литературная, экономическая <...> сторонник прогресса в просвещении и культуре, печатается на тюрки». Царская цензура причисляла «Эдил» к «умеренно либеральным» и «строго прогрессивным, националистическим» газетам восточной печати, в которой уделялось большое внимание развитию школьного образования. Тем не менее, редактор газеты «Эдил» неоднократно платил штрафы.

В типографии А. Умерова печатали журнал «Магариф» (1908), издатель Абдрахман Алиев, редактор Мухаммед-Садык Рахимкулов. С июля 1909 г. А. Алиев стал редактором журнала.

В российской мусульманской общине А. Умеров имел обширный круг общения, у него дома были гости из Приуралья, Поволжья, особенно много знакомых из Северного Кавказа, в их числе аварцы, ингуши, чеченцы, лезгины, кумыки, даргинцы, лакцы и др.

На формирование мировоззрения А. Умерова оказал большое влияние известный татарский богослов Шигабuddin Марджани. Абдурахман одним из первых его учеников обратился к изучению творческого наследия своего учителя и написал научный труд о его жизни и деятельности. А. Умеров общался с известными просветителями Исмаилом Гаспринским, Загиром Рамиевым, Фатихом Карими, Муссой Бигиевым и многими другими.

Дагестанские просветители Мухаммад-Мирза Мавраев и Абусуфьян Акаев совершили путешествие в Поволжье (1900 г.) в городок Каргалы, близ Оренбурга, в пути они останавливались в Астрахани у А. Умерова. Общение Абусуфьяна и Абдурахмана продолжалось в течение длительного времени. Между ними была активная переписка, в 1920-х гг. сотрудники НКВД изъяли личный архив писем А. Умерова, в том числе письма А. Акаева. Издатели А. Умеров и А. Акаев, участвовавшие в просветительском движении российских мусульман во главе с Исмаилом Гаспринским, встречались на праздновании 20-летия газеты «Терджиман» (1903 г.) в Бахчисарае. Во время путешествия на Кавказ (1925 г.) Абдурахман Умеров с сыновьями Абдул-Хамидом и Абдул-Рашидом был в гостях у Абусуфьяна Акаева в Дагестане в селении Нижнее Казанище.

Абдурахман с семьей известного тюрколога З.В. Тогана был знаком лично и посещал их дом в Приуралье, а Заки Валиди был несколько раз в гостях у А. Умерова. Об этом общении З.В. Тоган вспоминал: «Во время

учебы в медресе Марджани в Казани ногаец Гумеров был шакирдом моего дяди Хабибназара; когда я был маленький, он однажды появился в нашем ауле, и они с моим дядей муллою Вали и отцом посетили все места верховья Ак-Идели и русла Яика, указанные в ногайских дастанах (эпос). С тех пор они состояли в переписке».

Заки Валиди неоднократно был в гостях у Абдурахмана в г. Астрахани, ему оказывали гостеприимство, угощали национальными блюдами, для развлечения гостя приглашали известных ногайских певцов (йырав).

А. Умеров сообщил юному Заки Валиди, что его род ведет свое начало от астраханских ногайцев. З.В. Тоган разыскал свою родословную и отметил: «...мы являемся ногайцами, присоединившимися к юмартынским башкирам и что, совершив в 1908–1909 годы путешествие к астраханским ногайцам, мне удалось обнаружить и доказательства, подтверждающие данный факт».

После Октябрьской революции, когда З.В. Тоган был вынужден скрываться от НКВД, он обратился к А. Умерову с просьбой помочь выехать за границу. Об этом Заки Валиди писал: «29 июня 1920 г. я бегу <...> от Ленина. Я рассчитывал добраться из Москвы через Астрахань и Баку до Ашхабада, затем вновь вернуться в Баку и там принять тайное участие в работе съезда народов Востока».

В Астрахань к А. Умерову приехал человек с запиской от З.В. Тогана, объяснивший положение, в которое попал Заки Валиди. Абдурахман помог старому знакомому, его друзья встретили З.В. Тоган в порту и отвезли в Бузен в дом друга муллы, человека по имени Гузаир. А. Умеров радушно встретил З.В. Тоган и нашел ему проводника, чтобы он смог нелегально покинуть РСФСР навсегда. После долгих странствий по восточным странам Заки Валиди Тоган стал жить в Турции. Абдурахман Умеров, рискуя собственной жизнью, оказал бескорыстную помощь З.В. Тогану.

Когда Абдурахман Умеров и муфтий Ризаэддин Фахреддин приехали на Всемирный исламский конгресс (1926 г.) в Стамбул, Заки Валиди пригласил их в гости. Если учесть, что все эмигранты были под контролем службы безопасности СССР, то общение с опальным З.В. Тоганом не могло обойтись без последствий для его гостей.

Как в царской России, так и в СССР жизнь и деятельность А.И. Умерова всегда находилась под контролем надзорных органов. В начале XX века в Российской Империи мусульманские просветители, борющиеся за развитие культуры, литературы и искусства, обвинялись в панисламизме и пантюркизме, высылались в порядке 34-й статьи «Положения об охране под надзор полиции». В 1911 г. обвинения в панисламизме были предъявлены и представителям прогрессивной творческой интеллигенции Астраханской губернии. Цензор восточной печати Исхак Искендеров в

секретном донесении сообщил о политической неблагонадежности А. Умерова в департамент Астраханской жандармерии, что послужило предлогом для заведения уголовного дела. Агмулла Насыбулин и крестьянин Пермской губернии Сабирзан Волков обвиняли А. Умерова в распространении идей панисламизма и пантюркизма среди мусульман Нижнего Поволжья.

В ходе проведения следственных мероприятий астраханский департамент жандармерии фактов, подтверждающих антиправительственную деятельность Абдурахмана Умерова, не выявил. Даже обыск в доме А. Умерова не производили, так как знали, что материалы, доказывающие его преступные деяния, не выявят. Несмотря на это, дирекция народных училищ Астраханской губернии отстранила А.И. Умерова от должности преподавателя в русско-татарском училище и заведования женским мектебе при мечети № 8 Ему было предложено выбрать место для отбывания ссылки и покинуть Астрахань. А. Умеров в феврале 1914 г. выехал в ссылку на 4 года в Казань.

«Эдил» был в числе популярных периодических изданий России и как полагает Р. Амирханов относился «к либерально-демократическому крылу» восточной печати, тем не менее цензура в 1914 г. запретила его издание.

А. Умеров в годы ссылки в Казани в типографии «Умид» (1914–1916 гг.) издал седьмое-девятое издания учебника грамматики арабского языка «Муаллим сарфи лисан ал-араб».

Вернувшись из ссылки, А. Умеров продолжил активную общественную деятельность, в 1917 г. астраханские мусульмане избрали его мухтасибом (духовное лицо, пресекающее публичное нарушение мусульманской морали и наставляющее на путь истинный). А. Умеров участвовал в работе всероссийских мусульманских съездов.

После установления советской власти в Нижнем Поволжье все личное имущество А. Умерова было конфисковано: десять домов в г. Астрахани, располагавшиеся на Цареве и Мало Царевской, стоимостью 20000 рублей, а также типография, книжный склад, книжный магазин с читальным залом, фруктовый сад в селе Сеитовка в три десятины стоимостью пять тысяч рублей. В связи с этим А.И. Умеров с семьей был вынужден арендовать частный дом в г. Астрахани по «ул. Ходяты Эмельбекле в доме №19».

В начале 1920-х гг. прошлого века в регионах проживания советских мусульман закрыли учебные заведения (мектебе и медресе), ликвидировали институт кадията (судопроизводство по шариату). В связи с тем, что советская власть закрыла частные типографии и ликвидировала народное образование мусульман, А. Умеров после возвращения из казанской ссылки не имел возможности для возобновления научно-педагогической и издательской деятельности.

В доме А. Умерова в 1920-1930 гг. неоднократно проводились обыски, изымалось личное имущество, в том числе книги, рукописи и личная переписка и др. Сотрудниками Астраханского губотдела ОГПУ (9 августа 1930 г.) в квартире Абдурахмана Умерова были изъяты: карманный календарь (1 шт.), фотографические карточки (39 шт.), переписка разного содержания (64 п.л.), рукопись «История ногайцев» (1 т.), автобиография А. Умерова на арабском языке, письма в двух книгах с Мусой Бигеевым, религиозная книга Мусы Бигеева, рукопись «Ахкам Шаргия» (шариат), выписки из религиозной книги «Ахкам Шаргия» – 4 экз., сборник на арабском языке.

А.И. Умеров и члены его семьи оказались в числе тех советских граждан, чьи юридические права были ограничены, в годы сталинских репрессий родственники, соседи и знакомые боялись общаться с теми, кто входил в список лиц, «лишенных прав».

В советской историографии Абдурахман Умеров показан как яркий панисламист и пантюрист, ставший в оппозицию советской власти. Между тем, факты свидетельствуют о том, что А.И. Умеров был в числе прогрессивных мусульманских деятелей, в его новометодном медресе изучали светские дисциплины, русский язык и русскую литературу. А.И. Умеров был бескорыстным и милосердным мусульманином, он оказывал помощь всем нуждающимся. Российские мусульмане с особой теплотой писали о днях, проведенных в гостях в доме А. Умерова, особо подчеркивали его высокую эрудицию и гостеприимство.

На рубеже XIX – начале XX вв. А.И. Умеров внес значительный вклад в развитие духовной культуры не только ногайцев, но и всех российских мусульман. В мусульманской общине А. Умеров пользовался большим авторитетом, за безупречную репутацию и высокую эрудицию его избрали председателем Мусульманского Собрания г. Астрахани и Астраханской губернии, удостоили звания мухтасиба (профессора) и присвоили почетное звание – ахун. А.И. Умеров был участником просветительского движения российских мусульман, внес значительный вклад в расширение сети новометодных школ, становление издательского дела и периодической печати.

В настоящее время в г. Астрахани открыли музей А.И. Умерова, его творческой деятельности были посвящены научно-практические конференции астраханских общественных организаций ногайцев «Бирлик» (2002 г.) и татар «Дуслык» (2007 г.). В годы перестройки астраханская областная общественная организация татарской культуры начала печатать газету «Идель» («Волга»).

Изучению творчества Абдурахмана Исмаиловича Умерова посвящены статьи Д.М. Шихмурзаева и С. Рахимова. Издательская деятельность А. Умерова исследована в научных трудах А.Г. Каримуллина и А.Х. Курмансеитовой, научно-педагогическое воззрение просветителя

изучил И.С. Рахимов и др. Особенно ценным является издание научно-биографического сборника «Абдурахман Умеров», включающего редкие архивные документы и воспоминания сына, Абдулгамида, и современников ногайского просветителя.

На сегодняшний день для востоковедов большую ценность представляет рукописное наследие А.И. Умерова, особенно важно выявить и издать рукопись «История ногайцев», коллекцию ногайских фольклорных памятников, автобиографию и другие неопубликованные научные труды. Жизни и творческой деятельности А.И. Умерова, внесшего значительный вклад в духовную культуру российских мусульман, необходимо посвятить комплексное междисциплинарное монографическое исследование.

Источники и литература

1. Абдурахман Умеров: Научно-биографический сборник /сост.: С. Рахимов. – Казань: Рухият, 2002.
2. Амирханов Р. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2002.
3. Заки Валиди Тоған. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры /пер.: В.Б. Феонова. 2 кн. – Уфа: Китап, 1998. – Кн. 2.
4. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974.
5. Курмансеитова А.Х. Газета «Идел» – печатный орган джадидистов Нижнего Поволжья //Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах России. Астрахань, 2004.
6. Курмансеитова А.Х. Дружеские связи Абдрахмана Умерова и Абусуфьяна Акаева в начале XX века //Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность. – Махачкала, 2012.
7. Курмансеитова А.Х. Издательская деятельность астраханских исламских обществ //Восточный архив. – 2008. – №17.
8. Курмансеитова А.Х. Традиции куначества у [н]огайцев //Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения «Культура народов Кавказа и Центральной Азии». Санкт-Петербург. 13-15 мая 2013 г. – СПб., 2013.
9. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века): монография. – Черкесск: КЧИГИ, 2009.
10. Рахимов И.С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова: 1867–1933: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2013.
11. Рахимов С. Кем был А. Умеров? //Коммунист Приволжья /орган Приволжского РК КПСС и район. Совета народных депутатов Астрахан. обл. – 1988. – 22 июля.
12. Шихмурзаев Д.М. Умеровтинь яшав йолы //Шоьллик маягы /орган Ногайского района РК КПСС и район. Совета народных депутатов Дагестанской АССР (а. Терекли-Мектеб). – 1987. – 12 февраля.

© Курмансеитова А.Х.

МУХАМЕТСАЛИМ УМЕТБАЕВ

(1841–1907)

Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев – башкирский поэт-просветитель, публицист, переводчик, ученый-энциклопедист и общественный деятель родился 22 августа 1841 года в д. Юмран-Ибрагим Юмран-Табынской волости Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне Кармаскалинский р-н РБ) в семье кантонного начальника.

Начальное образование М. Уметбаев получил в своей деревне, в 1852 году поступил в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, где овладел русским, арабским, персидским, тюркским и французским языками, изучал историю, географию, математику, русскую и восточную литературу, искусство, каллиграфию, архитектуру и военное дело. В 1860 году поступил в Башкирское войсковое управление Юмран-Табынского кантона переводчиком. В 1864 году был назначен писарем мирового посредника Кармаскалинской волости, в 1869 году избран старшиной этой волости, где работал до 1879 года. В 1879–1880 годах работал преподавателем русского языка и математики в медресе г. Стерлитамака. В 1880 году поступил на службу в Оренбургское магометанское Духовное собрание в Уфе, где работал переводчиком до отставки в 1899 году. Одновременно был преподавателем в Уфимском детском приюте. В 1887–1889 годах занимался делами вакуфа (имущества) в Крыму. Вел общественную работу в Уфимском земстве как гласный, в 1883 году избран членом Оренбургского отдела Русского географического общества, был членом комиссии по празднованию 300-летия Уфы, столетия со дня

рождения А.С. Пушкина. С 1884 году – коллежский секретарь, с 1892 года – титулярный советник. Решениями Правительствующего сената награжден орденом Св. Станислава III степени, двумя серебряными и одной бронзовой медалями. В 1899 году М. Уметбаев по состоянию здоровья подает в отставку. Его 38-летний самоотверженный труд царское правительство оценило мизерной пенсией (59 руб. 40 коп. в год). Болезнь и тяжелые условия жизни постепенно подтачивают здоровье М. Уметбаева. 28 июля 1907 года перестало биться сердце видного ученого-просветителя, писателя и общественного деятеля.

В формировании мировоззренческих взглядов М. Уметбаева как крупного общественного деятеля, мыслителя, ученого и литератора, кроме тех социально-экономических и политических условий, в которых он жил и творил, огромную роль сыграли чрезвычайно богатый по содержанию и по форме фольклор и многовековая письменная литература башкирского, татарского и других тюркоязычных народов, а также творчество великих поэтов, ученых и мыслителей Востока. Он был хорошо знаком с произведениями и научными трудами Ибн Фадлана, Рашидаддина, Ибн Халдуна, Абулгази Бахадура, Низами, Хафиза, Навои, особенно интересовался творчеством Фирдауси и Саади. Но решающую роль в его творческом становлении сыграла европейская, особенно русская культура и литература, общественная и научная мысль. М. Уметбаев с любовью и уважением относился к произведениям И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, с увлечением читал К.Д. Ушинского, А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, интересовался взглядами (особенно этическими) русских революционеро-демократов.

Следует сказать, что достижения мировой и русской научной мысли, культуры и литературы М. Уметбаев усваивал творчески, свою концепцию природы, общества строил применительно к своей эпохе, к нуждам реальной жизни родного края, своего народа.

Миропонимание М. Уметбаева довольно сложно и противоречиво. Природа в его понимании существует объективно, независимо от нас, и человеческий ум, который он считает плодом упорного труда и воспитания, может познать ее. Явления природы он рассматривает в постоянном движении и развитии, во взаимной связи и зависимости. В этом отношении М. Уметбаев диалектик. Но, несмотря на то, что проблема развития ставится им вполне сознательно, он все же ограничился лишь стихийно-диалектическими высказываниями. Он не поднялся до понимания того, что содержание процесса развития заключается в борьбе противоположностей. Он видел, как на глазах изменяется мир, но не мог себе представить, как возник мир, какая сила приводит его в движение. Его мысль была бессильна дать ответ на эти вопросы. Тогда он поневоле искал первопричину всего сущего вне природы, т. е. пытался доказать, что мир

объективен, но создателем его является бог. Его толкования явлений природы носили деистический характер.

Основанные на такой философии общественно-политические взгляды М. Уметбаева также противоречивы и ограничены. Он не дошел до понимания того, что развитие общества определяется не случайными факторами, а обуславливается внутренними законами развития способа производства и борьбы противостоящих сил. Процесс самого движения и развития представлялся ему как постепенное количественное накопление, что привело его к реформистской позиции. Он придавал исключительно большое значение роли просвещения в общественной жизни. По его мнению, причины многих общественных зол кроются именно в невежестве народных масс и поэтому дело общественного прогресса необходимо начать с распространения наук, просвещения народа, ибо только просвещенный народ в состоянии развивать свою экономику и культуру.

И все же во взглядах М. Уметбаева на общество есть свое «рациональное зерно». Поднятые им идеи, предложенные им мероприятия, несомненно, способствовали росту самосознания народа, вселяли в него надежду на освобождение от двойного гнета, способствовали укреплению дружбы народов. Так, объективно помогая духовному росту родного народа, он подготовил благоприятную почву для борьбы за преобразование общества на подлинно демократической основе. В этом и состоит главное значение просветительских идей М. Уметбаева.

М. Уметбаев оставил богатое и многогранное научно-литературное наследие. Значительную часть его составляют труды, посвященные истории и этнографии башкир. Многие из них отличаются глубиной мысли, научной выверенностью, что свидетельствует о большой наблюдательности и проницательности их автора. Такие историко-этнографические очерки и статьи М. Уметбаева, как «Башкиры», «Светлые и мрачные дни башкирского народа», «Родословная Кесе-Табьнского рода», «Несколько слов о башкирах и торгаутских калмыках», «О башкирском восстании 1755 года», «Башкирский курут», «Башкирский курмач» и другие выгодно отличаются от работ предшествующих ему башкирских и татарских историков и этнографов. В них отчетливо заметно стремление автора изучать историю, материальную и духовную культуру родного народа на строго научной основе, не следовать механически различным легендам, преданиям и мифологическим сказаниям. Основу разработки истории Башкортостана и башкир М. Уметбаев видел только в синтезе и координации многочисленных и даже весьма различных по характеру восточных, западных и русских источников с данными местных материалов – историко-литературных сочинений (таварихов) известных и анонимных башкирских и татарских ученых-писателей, фольклорных произведений и шежере.

М. Уметбаев внес весьма существенный вклад в разработку истории родного края и народа с древнейших времен и до конца XIX в. Его историко-этнографические труды включают в себя довольно широкий круг проблем. В них он стремится осветить такие сложные вопросы, как этногенез, этнонимия, территория расселения, язык, родоплеменной состав башкир, хозяйство, социально-экономические отношения в средние века. Ученый особенно большое внимание уделил освещению переломных и решающих этапов в историческом развитии родного народа. Так, одним из первых среди башкирских историков он более детально разработал вопрос о присоединении Башкирии к Русскому государству. Его он считал актом добровольным, прогрессивным и назвал «светлым днем» в истории своего народа. Выступая против шовинистической политики царизма, буржуазных деятелей культуры, он стремился объективно показать такие события из жизни двух народов, которые способствовали их сближению. Через его труды башкиры познакомились также с замечательными страницами истории Рима, Египта и других стран мира.

Надо сказать, М. Уметбаев старался по мере возможности охватить различные отрасли науки и культуры. Считая, что «у каждого народа должны быть свои Карамзины», он выступал с призывом перестроить школьное дело, быт народа на европейский лад, в условиях господства над умами людей религиозного мусульманского мировоззрения обращался к различным светским наукам и старался дать ответы на вопросы, диктуемые самой жизнью. В его книге «Яджарь» («Памятки», 1897) и неопубликованных записях можно встретить методические рекомендации по преподаванию языка, литературы, истории и математики, много наблюдений и теоретических мыслей, объясняющих содержание не только этих, но и ряда других отраслей знаний, в частности, философии, географии, астрономии, медицины. И всегда М. Уметбаев выступает за знание, обогащенное практикой. Поэтому ни интересные сообщения о гигантских деревьях, животных и «удивительных птицах», ни новости науки и техники не остаются вне его внимания. Он познакомил башкир с великим ученым-астрономом Н. Коперником, славным мореплавателем Х. Колумбом, с Гутенбергом, впервые в истории человечества раскрывшим тайны книгопечатания, видным врачом Арно, создателем способа приготовления спирта.

Особенно заметный след оставил М. Уметбаев в области филологии, прежде всего в языкознании и фольклористике. Он последовательно выступал за демократизацию литературного языка того времени, так называемого «тюрки», малодоступного простому народу. Ученый хорошо понимал, что без этого невозможно приобщение родного народа к культуре и различным наукам, к духовным ценностям других народов, и отдал много сил для создания понятного башкирам литературного языка, для разработки его теоретических основ. В 1901 году вышла его «Краткая

татарская грамматика», к созданию которой он пришел, имея довольно богатый опыт и как лексикограф («Персидско-русский словарь», «Персидско-татарско-русский словарь»), и как грамматист («Персидская грамматика», записи по русской грамматике), и как фонетист («Символы веры и правила быстрого обучения чтению»), и как лексиколог («Из Бабурнаме», «Об историческом происхождении имени Диларач бике» и др.). Грамматика М. Уметбаева явилась одним из первых образцов систематического изложения фактов конкретного языка в истории башкирского языкознания. По своей структуре и концепции она принципиально отличалась от татарских грамматик дореволюционного периода. Как справедливо отмечают такие тюркологи нашей страны, как А. Кононов, Т. Гарипов, ориентация в ней резко изменена в пользу русской грамматической традиции. Подтверждается это словами самого автора. «Эту книгу, – пишет он, – я написал для башкирских и татарских братьев на основе строго научных данных, следуя взглядам ученых Запада». В ней М. Уметбаев широко использует фактический материал башкирского языка и стремится раскрыть его характерные черты, впервые разрабатывает грамматические термины на родном языке. Во многих случаях факты башкирского и татарского языков он разбирает в сопоставлении с русским языком. В этом отношении труд М. Уметбаева можно считать одним из первых удачных опытов сравнительно-сопоставительного изучения неродственных языков в башкирской лингвистике.

Фольклор М. Уметбаев считал зеркалом народной души и ценил его как неиссякаемый источник изучения истории и духовной культуры народа. Руководствуясь выдвинутым передовыми умами русского народа принципом о том, что для просвещения народа необходимо как можно больше использовать фольклор, он усердно собирал различные эпические сказания, легенды, образцы обрядовой поэзии. Им записаны и опубликованы на родном и русском языках также отрывки эпоса о Мурадъм батыре, многочисленные пословицы, поговорки и загадки, идейно-эстетическое содержание которых направлено на восхваление гуманизма, патриотизма, просвещенности, трудолюбия, бескорыстия и других основ нравственного совершенства человека. М. Уметбаев высоко ценил роль и значение народной педагогики в вопросах воспитания.

Значительны заслуги М. Уметбаев и в развитии башкирской литературно-критической мысли. Большое внимание М. Уметбаев уделял также изучению истории башкирской литературы. Особого внимания, например, заслуживают в этом отношении его работы «Башкирь» и «Материалы к истории г. Уфы», в которых автор излагает некоторые свои наблюдения по устнопоэтическому творчеству башкир и дает довольно подробную характеристику некоторым его традиционным формам, в частности, кубаирам и историческим песням.

В истории башкирского искусства слова М. Уметбаев выделяет два направления – изустную поэзию, представленную творчеством известных сэзнов, и письменную литературу. В последнюю он включил такие произведения светского и религиозно-дидактического характера, как «Тахир и Зухра», «Книга о Малике», «Сейфуль-Мулук», «Юсуф и Зулейха», сочиненный «на тюркском наречии в стихах искусным поэтом». Он очень высоко оценивал значение института сэзнов в истории башкирской художественной культуры, очень тепло отзывался, например, о педагогической, научной и литературно-художественной деятельности Хуснетдина Жданова, о поэзии Мифтахетдина Акмуллы, в котором видел своего единомышленника и называл его «знаменитым поэтом». Как библиограф М. Уметбаев оставил ценные сведения о жизни и творчестве Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, Х. Салихова – поэтов предыдущего поколения.

М. Уметбаев интересовался не только духовным богатством своего народа, но и творчеством великих писателей мира. В этом отношении примечательна его статья «Великий поэт Александр Пушкин». В Пушкине Уметбаева привлекало человеколюбие, отсутствие национальной ограниченности. Подчеркивая роль его поэзии в жизни русского и других народов России и ее мировое значение, он писал, что «слава А. С. Пушкина перешла границы своей обширной родины и коснулась слуха и сердца всего человечества», что «все написанное им может быть с пользой и удовольствием прочтено всеми людьми, без различия рас и верования, ... и мы должны читать и понимать его прекрасные творения!» Для него Пушкин – это тот «вдохновенный певец, дивным даром которого русская речь стала действительно прекрасной и мощной».

В истории башкирской национальной культуры М. Уметбаев оставил глубокий след не только как ученый, но и как поэт, публицист и переводчик. Его стихотворения и публицистические статьи были близки башкирскому народу своим жизненным материалом. Они проникнуты демократическими, просветительскими идеями, чувством горячей любви к родной земле, к своему народу и ненависти к его угнетателям, к власти имущим. В них нашли отражение насущные и жизненно важные стороны башкирской действительности второй половины XIX в., думы и чаяния народа, злободневные проблемы всенародного значения. Судьба народа, природа и человек, смысл его жизни, воспевание любви, облагораживающих человека высоких моральных качеств, и, наоборот, критика нравственной нечистоплотности, раздумья о просвещении и воспитании, об общественно-политической жизни своего времени – вот основные мотивы поэзии и публицистики М. Уметбаева.

В ряде стихотворений М. Уметбаева тесно переплетаются философские, этические и религиозные воззрения. Особенно отчетливо прослеживается это в таких его ранних произведениях, как «Благоденствие», «Завещание и назидание», «Назидание», «Плачущий

ребенок» и др. Исходя из мысли о том, что место человека в обществе и его достоинство не определяются богатством, поэт страстно призывает свой народ к просвещению, трудолюбию, воспитанию в себе чистых, бескорыстных моральных качеств.

Моя душа никогда не останется нераскрытым бутонем,

Пока не перестанет течь кровь в моих жилах;

Моя душа никогда не отвыкнет от брэнной жизни.

Пока не увижу конца невежеству, – такими словами он и сам вступает в борьбу против неграмотности и бескультурия. Защищая идею примата народного интереса над личным, идею бескорыстного служения народу, поэт хочет, чтобы каждый человек, имеющий хотя бы малейшее образование, в своей личной жизни, деятельности и поступках был примером для других. Расцвет культуры родного народа, его будущее он тесно связывает с деятельностью отдельных образованных личностей.

В саду науки ты большой ученый,

Окажи нам помощь, открой свой секрет.

Светлеют лица вкусивших твой плод, –

пишет поэт, например, в своей мадхьи «Моему учителю Мирсалиху Биксуруну».

Призывая сородичей к просвещению, неустанному труду, воспитанию в себе высоких моральных качеств, М. Уметбаев для этих целей старался использовать религию и нередко прибегал к ее помощи:

Слушайте, братья, хотя бы в знак уважения,

Как образуются жемчужины в раковинах, –

так начинается его стихотворение-назидание «Голос ишака». В нем речь идет о том, что человек должен владеть такими «равными жемчужинами» моральными качествами, как сдержанность, вежливость и человечность. Оказывается, для этого он, прежде всего, должен выполнять «указания бога» и не забывать, что «способность говорить красиво» – дар божий. В произведении «Назидание» поэт также советует людям всегда помнить, что «в мире науки есть и путь религии». Подобные мотивы можно встретить и в его дидактических стихотворениях «Завещание и назидание», «Благоденствие» и элегии «Плачущий ребенок». В них поэт надеется на помощь обездоленным со стороны бога и каких-то благородных «сильных, богатых» людей. Он советует людям быть терпеливыми, не жаловаться на свою горькую судьбу, ибо достичь желаемого, утвердить себя в этом мире возможно лишь стойко перенося все трудности и невзгоды.

Часть ранних стихотворений М. Уметбаева проникнута духом монархизма. Так, в мадхях «В день коронации», «Площадь Ходынский поле в Москве» он восхваляет личные качества нового самодержца России Александра III, считает его великим посланником бога, святой душой,

призванной для установления между народами благополучия и справедливости.

Однако сущность поэзии М. Уметбаева определяется не теми произведениями, которые написаны в духе религиозной морали и монархизма, а стихотворениями, проникнутыми демократическими идеями, духом патриотизма, чувством горячей любви к родной земле и своему народу. В них нашли свое отражение реальная жизнь народа, его прошлое и настоящее. Их лирический герой – гуманная личность, делящая горести и радости своего народа, заботящаяся о его судьбе.

Главная особенность этих произведений заключается в том, что они вошли в национальную литературу с башкирской тематикой. В них Уметбаев выступает прежде всего поэтом-историком, поэтом-этнографом, рассказывающим об истории, общественном положении, обычаях, материальной и духовной культуре своего народа. Стремясь показать в своих произведениях процесс и причины неимоверного обнищания сородичей, поэт обращается к героическому прошлому своего народа, к его традициям и устнопоэтическому творчеству. При этом он неизменно следует правде жизни, оперирует только документальными фактами, достоверными научными данными. Поэтому многие его стихотворные произведения скорее несут познавательную, нежели художественно-эстетическую нагрузку («Лесник», «Прошедшая жизнь», «Как в старину провожали девушек-башкирок», «Путешествие в Крым», «Правда о земле башкирской» и др.).

Одой-мадхией «Юмранский род», элегиями-марсиями «Жалоба», «У двери» и басней «Ремень и Лыко» начинается другая, особенно тесно связанная с жизнью и судьбой башкирского народа, страница поэзии М. Уметбаева. В сущности, они были первыми яркими образцами гражданского проникновения башкирской поэзии прошлого столетия в народную жизнь, в социально-политическую атмосферу своего времени с подлинно демократической позицией. В них отчетливо заметны страстный гуманизм, патриотизм, широкая эрудиция поэта-просветителя, его тесная связь с простым народом. «Я хожу бедного народа», – пишет он о себе, и за этими словами угадываются его гордость и бескомпромиссность, сознание сопричастности к многострадальной судьбе народа. Поэт стремится постичь духовное содержание лирического объекта, внутреннюю сущность явлений. Поэтому описательность, умозрительность в этих произведениях уже уступают образности, чувственным ассоциациям. Так, в мадхии «Юмранский род» поэт с душевной теплотой и гордостью живописует чудесные места родной природы. Но прекрасная Агидель, озера, лежащие «словно белые колпаки», «луга широкие, где соколы играют», величественные леса были для него не только предметом любования и восхищения, но и местом проживания народа, источником его существования. И поэтому, видя хищническое разграбление колонизаторами

природных богатств края, он не может не беспокоиться и не тревожиться за судьбу своего народа:

Будешь горевать из-за каждого деревца,
Которое не найдешь, когда оно потребуется.
Сегодня, завтра и ежедневно
Будешь горевать, если ты мужчина.
В стране, когда-то обильной
Скотом, пчелами и лесами,
Под охраной армии и закона,
Водворились промышленники и купцы,
Когда же не стало башкирских лесов,
Подчалки и баржи опустели,
Однако додумались и принялись
Закупать уже корье, птиц да яиц...

(Перевод самого М. Уметбаева)

Горечь человека, бессильного перед варварским истреблением источника жизни народа, особенно сильно проявляется в произведении «Жалоба». В ней поэт приемом контраста описывает печальные картины когда-то богатой и пленительной природы родного края. Однако он не делает определенных выводов из перечисленных фактов, не дает должной оценки хищническим поступкам царских колонизаторов, не осмеливается открыто заявить, что все это – результат государственной политики самодержавия.

Произведением «Ремень и Лыко» М. Уметбаев показал себя начинателем басенной традиции в башкирской литературе. Именно эзоповская форма позволила ему еще более заострить и развить те социальные мотивы, которые дали о себе знать уже в его произведениях «Жалоба», «Юмранский род», обобщить их в виде двух противостоящих друг другу сил общества и правдиво показать социальное положение, классовую природу этих сил – угнетателей («увешанный золотом и серебром... благочинный Ремень») и угнетенных («тонкое как шелк Лыко»).

Значительную часть поэзии М. Уметбаева составляет интимная лирика, отличающаяся от абстрактно-идеалистической любовной лирики поэтов-суфистов реальным содержанием, утверждающим земную любовь и глубоко волнующим читателя. В стихотворениях «Другу», «И еще», в поэме «В одном городе видел я красавицу» поэт стремился решить тему любви в философском плане, связывая ее с концепцией личности вообще. Для него понятия «любовь», «гуманность», «доброта» неотделимые друг от друга категории. В понимании поэта «любить» – это значит, в лице любимого в первую очередь видеть человека, верного друга. В любовных переживаниях его лирического героя обнаруживаются такие психологические моменты, такие отзвуки сокровенного, искреннего

чувства, которые направлены на утверждение земной любви и глубоко волнуют читателя, порождают у него ответное беспокойство и соучастие. И это поднимает любовную лирику М. Уметбаева по сравнению с интимной лирикой его предшественников на более высокую ступень общественной значимости.

Вся богато одаренная натура М. Уметбаева – его страстный гуманизм, широкая эрудиция, убежденность в своих взглядах – особенно ярко раскрывалась в публицистике. С первых дней публицистической деятельности, стоя на позициях передового демократа-просветителя, он смело выступил в защиту родного народа, подверг уничтожающей критике недостатки в законе о продаже башкирских земель, административный бюрократизм, измышления идеологов царизма о том, будто башкирский народ «по своей природе ленив и не способен к интеллектуальной деятельности», открыто писал о тех фактах и явлениях, которые считал причиной, сдерживающей его прогресс («Уршакский мост», «Богатеет или разоряется народ?» и др.). Публицист последовательно выступил против шовинистической, дискриминационной политики царизма; факты национального притеснения считал антигуманным явлением, искоренение которого, по его мнению, во многом способствовало бы свободному и всестороннему развитию культур всех народов и народностей, населяющих Россию, на основе равноправия и братского содружества. Но на своем горьком опыте он постепенно убеждается в невозможности этого в условиях тогдашней России и приходит к выводу, что «литература и просвещение проявляются больше в той нации, где имеется свое правительство, которое способствует и поощряет только свою национальность».

М. Уметбаев был сторонником всего нового, ясно сознавал преимущества капитализма перед феодально-патриархальными устоями общества. Он, конечно, прекрасно видел и все самые неприглядные стороны новых порядков, которые разрушали веками устоявшиеся и пустившие глубокие корни в сознании народа обычаи и традиции, посягали на такие самые дорогие и святые понятия, как честность, доброта, гуманность, и устанавливали хищнические методы хозяйничанья. Тем не менее, он приветствовал приход капитализма, его обновляющую, цивилизационную роль. И в дальнейшем развитие нации рассматривал в тесной связи с вступлением ее на путь капитализма. В этом отношении М. Уметбаев является прямым продолжателем идей своего учителя М. Биксурина, который ратовал за внедрение в производство достижений науки, развитие торговли, рациональное использование природных богатств, за освобождение от экономического и культурного застоя, от национальной обособленности.

М. Уметбаев искренне верил в способность родного народа перейти на более высокую ступень социально-экономического и культурного

развития. Разрабатывая в публицистических произведениях («Общественные порядки», «В российском цирке», «Первое товарищество», «Развивать народное просвещение и др.) теоретические и практические предложения для подъема его жизненного уровня и культуры, он пришел к глубокому убеждению, что возможности достижения этой цели тесно связаны с укреплением русско-башкирского содружества, приобщением башкир к передовой европейской культуре и науке («Впечатления от Москвы», «Впечатления от Петербурга», «Удивительные вещи в Петербурге», «О философии» и др.). Например, в статье «Упорядочить народное образование» публицист, используя яркие факты, меткие сравнения, показывает, что главный недостаток в деле народного образования заключается в отсутствии в школах и медресе «европейских наук», в том, что учебные программы основаны на русификаторской политике царизма, и приходит к выводу, что улучшение школьного дела надо начинать с «предварительного обучения детей наукам на своем языке», «распространения европейских наук» среди башкир и «ознакомления их с современностью». Исходя из этого, он предлагает переводить и печатать учебники и наглядные пособия, издавать газеты на родном языке.

Неотъемлемую часть научного и литературного наследия М.И. Уметбаева составляют переводы. Его переводческая деятельность является самой яркой страницей в истории связи башкирской культуры и литературы с восточной и западной культурами. Им переведены с русского и восточных языков на понятный башкирскому читателю татарский язык, выполняющий в данное время роль письменного литературного языка и для башкир, ряд популярных брошюр, различные научные статьи, сказка «О трубе, паласе и яблоке» из «Тысячи и одной ночи», и, наоборот, на русский язык многочисленные образцы башкирского, татарского, арабского, турецкого фольклора, свои научные труды, стихотворные и публицистические произведения, а также та часть периодической дидактической поэмы «Анваре Сухейли» (XV в.), где речь идет о творчестве великого Фирдоуси.

Особенно большой вклад внес М. Уметбаев в укрепление и развитие русско-башкирских литературных связей. Его переводы поэтических произведений гения мировой поэзии А.С. Пушкина «Романс», «Наслаждение», «Делибаш» и поэмы «Бахчисарайский фонтан» явились смелым и значительным шагом вперед в башкирской переводной литературе XIX в. Они были первыми образцами стихотворного перевода из русской классической поэзии в истории не только башкирского перевода, но и перевода тюркоязычных народов России.

Творческая деятельность М. Уметбаева оставила глубокий след в истории башкирской общественной мысли, культуры и литературы. Весь многогранный талант он посвятил служению родному народу. Страстный

поборник всего нового, он призывал свой народ к просвещению, усвоению культурных достижений народов Запада и Востока и на их примере развитию своей национальной культуры, ратовал за установление европейских форм жизни. Особенно большой вклад внес он в изучение истории, языка, фольклора и литературы родного народа. Велика его роль в демократизации литературы и письменного литературного языка. Он приблизил башкирскую литературу к реальной действительности своего времени, своего народа. Эти его усилия во многом помогли башкирскому народу обрести свое национальное лицо, увидеть себя, познать свое историческое прошлое и почувствовать свои потенциальные возможности. В этом – в демократизации общественной, научной и литературно-художественной мысли в крае – его огромная заслуга перед родным народом. Многогранное научное и литературное творчество М. Уметбаева явилось основной отправной точкой для дальнейшего развития башкирской национальной культуры и литературы.

Источники и литература

1. Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
2. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX века. – Уфа: Китап, 2010. (на башк.яз.).
3. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX веков. – Уфа: Китап, 2006.
4. Кунафин Г.С. Просветитель и писатель М.Уметбаев. – Уфа: Китап, 1991. (на башк.яз.).
5. Уметбаев М. Ядкар. Стихотворения, публицистические, историко-этнографические произведения, переводы, образцы народного творчества. – Уфа: Китап, 2011. (на башк.яз.).

©Кунафин Г.С.

РИЗАИТДИН ФАХРЕТДИНОВ

(1859–1936)

Продолжателем идей башкирских просветителей, особенно М.Уметбаева был Ризаитдин Фахретдинов – один из широко эрудированных ученых и писателей, довольно полно отобразивших в своем творчестве башкирскую общественную мысль, особенности культурного и литературного движения в Башкортостане, да и во всем Урало-Поволжском регионе на стыке XIX – XX веков.

Ризаитдин Фахретдинов родился 4 января 1859 г. в д. Кичучат Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне Альметьевский район Татарстана) в семье башкирского муллы, вотчинника Фахретдина. Начальное образование получил в своей семье и медресе соседних деревень, продолжил учебу в медресе д. Нижние Шыршылы, где проучился десять лет. В последние годы учебы он начинает изучать русский язык. Способному и старательному шакирду поручали и преподавание в нижних классах. В то же время он с вдохновением начинает заниматься творчеством. В 1887 г. друг за другом были изданы его труды «Подарок близким друзьям» («Аль-тухвват аль-анисия»), «Книга о склонениях по падежам. Морфология» («Китабе ат-тасриф. Гилме сарыф»). А через год издаются его популярные книги «Вводная книга в мусульманскую юриспруденцию» («Китабе мукаддима. Ат-тахрир аль-мосфа») о делении наследства по законам шариата, а также «Книга, достойная внимания» («Китабе аль-игтибар»), сразу ставшая популярной среди общественности.

В 1889 г. Фахретдинов отправляет свой новый труд в Петербург с просьбой о его издании, но рукопись из 152 страниц остается без движения в архиве цензуры. В нем автор поднимает вопросы реформирования системы образования. По его мнению, чтобы поднять культуру, образованность народа, помимо законов шариата дети должны обучаться алгебре, геометрии, химии, астрономии, ботанике, философии, географии и другим наукам. Особо подчеркивает, что дети должны изучать литературу, что нужно открывать библиотеки, издавать газету для тюркских народов Урало-Поволжья.

В 1891 г. Р.Фахретдинов в качестве казия (судьи) начинает работать в Духовном управлении мусульман в Уфе. Здесь для него открылись большие возможности для занятий научной и творческой деятельностью. Он начинает писать одно из самых объемных и значимых произведений – «Асар». Первая часть этого библиографического сборника печатается в 1900 г. в Казани, вторая – в 1901 г., третья – в 1903 г., четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая части – в 1904 г. в Оренбурге. За очень короткое время Р.Фахретдинов, литературно обработав, выпускает с комментариями книги «Путешествие Марджани» и «Путешествие Исагила», создает учебники, научно-методические труды, популярные брошюры («Мышление», «Саидовский посад», «Воспитанная мать», «Воспитанный отец», «Воспитанный ребенок», «Воспитанная женщина», «Этика студенчества», «Наука о морали», «Семья», «Наставления I. Мальчикам», «Наставления II. Девочкам», «Наставления III. Взрослым», «Знаменитые женщины» др.), проникнутые идеями просветительства, реформирования системы образования и воспитания. Он подходит к этой проблеме как к важной, социально значимой и требующей участия не только учителей, членов семьи, но и всего общества.

Р.Фахретдинов возлагал большие надежды на знание, науку, мораль и культуру, ошибочно предполагал, что, развивая и совершенствуя их, можно построить справедливое и счастливое общество. Исходя из таких принципов, он призывал соотечественников овладевать знаниями, перенимать лучшие традиции и обычаи других народов, бороться против безнравственности, воспитывать детей на принципах честности и справедливости, давал много советов в этом направлении. Имя Фахретдинова становится известным во всей Восточной России, он считается очень авторитетным ученым. Но религиозным деятелям со старыми взглядами не нравятся его творческие искания, критические, рациональные мысли, направленные на развитие просвещения, пропаганда изучать светские науки. И они начинают писать жалобы на него в органы власти. Все это и старые порядки, господствующие в управлении, очень утомляют Фахретдинова. И он после Первой российской революции, как только начинаются буржуазные реформы в стране, без всякого сожаления официально отказывается от своего высокого сана и делает большой шаг в

сторону светских, мирских дел: 20 мая 1906 г. оставляет Уфу и начинает работать в качестве второго редактора газеты «Вақыт» («Время») в Оренбурге. Здесь он полностью погружается в творчество, показывает себя способным организатором, талантливым журналистом. Его вскоре приглашают на работу главным редактором в открывающийся журнал «Шура» («Совет»). На этой должности он проработал десять лет – с начала 1908 г. до конца 1917 г. За это время журнал «Шура» завоевывает популярность в восточных областях России, в нем находят отражение сложные общественно-политические, культурные и научно-литературные стороны жизни того времени. Благодаря Р.Фахретдинову «Шура» становится авторитетным органом печати культурно-просветительского, научного, научно-педагогического и методического направления. Например, в нем увидели свет более 550 материалов по вопросам воспитания и образования. Журнал также внес большую лепту в развитие башкирской и татарской литературы. В нем активно печатались М.Гафури и Г.Тукай. Впервые увидели свет произведения будущих видных башкирских и татарских писателей Дардманда (З.Рамиева), Ш.Бабича, Г. Ибрагимова, Ш. Камала, М. Файзи и др. В течение 1912, 1913 и 1917 г. главный редактор издает рукописи знаменитого башкирского поэта-простветителя М. Акмуллы. Он много сил приложил и к пропаганде русской литературы. В рубрике «Русская литература» увидели свет статьи о М.В. Ломоносове, Н.В. Гоголе, Л.Н. Толстом, А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове и другие переводы на татарский язык их произведений.

В Оренбурге Фахретдинов находит время и для работы над своим главным произведением – «Асар». В 1918 г. он сумел издать II том этого труда, а III и IV тома остались в рукописном виде.

Начало XX в. в России ознаменовалось революционными событиями. Но многогранное творчество Р.Фахретдинова оставалось в рамках просветительства. Причины жизненных неурядиц, отсталость народа он по-прежнему видит лишь в необразованности, некультурности населения. Просветитель не представляет, что жизнь народа можно изменить революционным путем. Мало того, он думает, что «исправив нарушенные основы ислама», приспособив их к новым условиям жизни, можно заставить религию «служить нации», поэтому резко критикует фанатизм, клерикалистические учения. Он уже опирается на научно-технические достижения, призывает людей верить не в темные силы природы, а в науку и знания.

Такие взгляды Р.Фахретдинова не нравились духовенству, догматикам. На него пишут жалобы в Духовное управление, даже в Москву П.А. Столыпину, вешают ярлык «известного в губернии панисламиста и пантюркиста». Он попадает под надзор полиции.

Февральские и Октябрьские события ученый принял, с некоторой опаской, но и с радостью. В статье «Правительство сменилось» («Шура»),

1917, № 9) он подчеркивает, что «вчера рабы и слуги сегодня равноправные люди, делающие свои дела по своим желаниям», что «знамя народного правительства – свобода, равенство, справедливость, забота о народе», а в конце статьи восклицает: «В добрый час!» Позднее, в годы ожесточенной борьбы за советскую власть, в объемной рукописи «Утешение» он заявляет, что большевизм порожден именно по вине алчных и порочных богачей.

В 1917 г. на мусульманском съезде в Москве Р.Фахретдинова вновь назначают казием Духовного управления, а в 1922 г. – муфтием этого управления. Несмотря на это, он продолжает заниматься литературным творчеством, общественной работой, поддерживает связь со многими научными организациями, видными учеными страны. Осенью 1925 г. его как авторитетного ученого, специалиста в области культур Востока приглашают в Ленинград на 200-летний юбилей Академии наук СССР. Там он встречается с академиком И.Крачковским, другими учеными-ориенталистами из Индии, Швеции, арабских стран, посещает музеи и архивы, научные библиотеки. Через пять лет к нему обращается с письмом академик А.Самойлович с просьбой, чтобы Р.Фахретдинов предоставил материалы из личного архива в Академию наук. В ответ на эту просьбу ученый часть своих рукописных трудов отправляет в Академию. К нему подходили даже с просьбой о том, чтобы он продал свои рукописи для Венской академии наук. Но он не поступился совестью и до конца остался патриотом своей Отчизны, сыном своего народа. Умер ученый и писатель в Уфе 12 апреля 1936 г.

В истории башкирской общественной мысли и культуры Р.Фахретдинов оставил глубокий след не только как журналист, педагог и моралист, но и как ученый-энциклопедист широкого профиля, изучающий многие отрасли науки: историю, этнографию, эпиграфику, археологию, нумизматику, географию, медицину, философию, юриспруденцию, искусство, языки, литературу. Прежде всего, его интересует состояние исторической науки в Башкортостане. Его тревожит равнодушное отношение сородичей к изучению своей истории, языка и духовной культуры, он печалится, что в родном крае очень медленно развиваются науки, а некоторые отрасли вовсе не сформированы, пишет об этом с волнением и тревогой в своих трудах, особо останавливаясь на проблемах истории, археологии, текстологии, биобиблиографии, литературы и фольклористики.

В изучении прошлого народа ученый видит источник роста самосознания, развития народа по пути прогресса, освобождения его от пут застоя, старых порядков, стереотипного мышления. Он отдал много сил и времени для сбора и изучения местного фольклора и письменных памятников старины и других материалов, способствующих объективному

освещению социально-экономического, материального и духовно-культурного положения народа в различные периоды его истории.

Ради справедливости надо сказать, что Р.Фахретдинов в своей научно-литературной деятельности был далек от понимания истории с позиций социальных и национальных противоречий, общественно-политического неравенства. Хотя он ратовал за то, что должна быть написана объективная гражданская история народа, но в своих трудах дает очень поверхностные, без всестороннего анализа описательные сведения по социально-экономическому положению родного края и других стран. Повествуя о жизни многочисленных личностей, оставивших след в истории народов, он увлекается описанием их биографий и деятельности, делая основной упор на освещение роли этих деятелей в развитии литературы, науки и просвещения. Как он писал, «несчастлив тот народ, у которого нет писателей и ученых; беззащитен тот народ, который забыл о своих знаменитых личностях; бездуховен тот народ, у которого нет своей литературы». В своей многогранной деятельности он старался дать историческую оценку жизни и трудам сотен общественных, научных, религиозных деятелей, поэтов и писателей прошлых веков – выходцев из тюркского мира, особенно из Урало-Поволжского региона: Якуба бин Нугумана, Алдара Исекеева, Тажетдина Ялыгулова, Габденнасыра Курсави, Шамсетдина Заки, Утыза Имяни (Г.Усмана (Усманова), Хибатуллы Салихова, Абельманиха Каргалы, Менди Кутуша-Кипчаки, Мифтахетдина Акмуллы, Шигабетдина Марджани и других. Кроме этого, ученый-энциклопедист занимается сбором и изучением рукописных памятников, дает советы по их сбору и изучению, текстологической обработке, говорит о роли библиотек, в их хранении, делится мыслями о состоянии в крае песенно-музыкальной культуры, об особенностях башкирских песен и мелодий, башкирской кухни и одежды, о деятельности мектебов и медресе. Эти материалы и сегодня имеют большое значение, так как в них накоплены бесценные материалы по истории башкирской общественной мысли, культуры, просвещения, науки и литературы.

Особую страницу в творчестве Р.Фахретдинова занимают его мысли о проблемах формирования национального письменного литературного языка. В то время, когда одни предлагали принять литературным языком для тюркских народов России язык османских турков, другие – общий искусственный язык, созданный на основе слияния нескольких тюркских языков, третьи – татарский язык, четвертые, твердившие, что «они не татары и не башкиры, а мусульмане», – арабский язык, Фахретдинов организовал в 1910 г. на страницах «Шурь» своеобразное «языковое соревнование», где на суд читателей были вынесены взгляды и суждения представителей каждого направления. Из этого «языкового соревнования» он делает определенные выводы и приходит к такой мысли, что литературный язык каждого народа должен основываться на своем

территориальном национальном языке, который постоянно обогащается за счет лексики тех народов, с которыми он общается. Он прямо подчеркивает, что «народы, у которых нет своего особого языка, самостоятельными народами не считаются. Беречь родной язык – святая обязанность каждого человека». Он ратует за бережное отношение к национальному достоинству, языку, культуре каждого народа. Печатавая богатый материал в сборнике «Асар» и журнале «Шура» по истории, культуре, быту, языкам и литературе, обычаям народов России, зарубежных стран, особенно Востока, знакомит читателей с их экономическими, культурными, научно-техническими достижениями, тем самым вносит большой вклад в развитие в Башкортостане, и вообще в Урало-Поволжском регионе, научной и художественно-эстетической мысли, прогрессивных культурных традиций. Ученый написал и опубликовал около 1 500 научно-популярных очерков и статей о великих философах и теологах, ученых и писателях, государственных и военных деятелях, изобретателях и путешественниках, живших в разное время в разных уголках земного шара и оставивших глубокий след в истории общественной, художественно-эстетической, научной мысли всего мира.

Тот факт, что в «Шуре» наряду с материалами о передовых нациях печатались статьи об истории, этногенезе, быте, обычаях и традициях, языке и литературе таких малочисленных народов и народностей, как чуваша, болгары, караимы, буряты, удмурты, мари, мордва, латыши, эстонцы, показывает, что Р. Фахретдинов в национальном вопросе стоял на объективной исторической позиции, был широко образованным интеллигентом-гуманистом и интернационалистом, высоко ценившим дружбу между народами и немало сделавшим для этого.

Р. Фахретдинов оставил заметный след в истории башкирской общественной мысли и культуры не только обширными научными исследованиями, публицистическими статьями, но и художественными произведениями, которые дали мощный стимул для формирования широкомасштабных эпических жанров, для поднятия прозы на профессиональную высоту и развития в ней реалистических творческих принципов. Писатель добивается в прозе довольно полного освещения жизни родного народа, существующих порядков, положительных и негативных общественных явлений на высоком художественном уровне. Через своих героев он стремится поставить и решить такие важные проблемы своего времени, как приобщение народа к передовой европейской культуре, распространение светских знаний, воспитание высоких моральных качеств, эмансипации женщин, справедливости и равенства между людьми. Но он не поднимается до показа жизни героев через общественно-исторические, социально-экономические обстоятельства, до глубокого проникновения в социальную суть жизненных явлений и широкого их обобщения. Например, героиня его

повести «Салима, или Целомудрие» («Салима, яки Гиффат», 1899) предстает перед нами как идеал женской красоты и духовного совершенства, как всесторонне образованная, воспитанная девушка-мусульманка, владеющая европейскими языками, глубоко интересующаяся историей, культурой и литературой многих народов Запада и Востока. Салима с уважением и пониманием относится к доброму, скромному и воспитанному шакирду-спутнику, живущему жадной отдавать свои силы и знания родному народу. Вскоре они влюбляются друг в друга и создают счастливую семью. В своей повести писатель придает исключительно важное значение воспитанию просвещенности, гуманности, доброты и других добродетелей. Своих героев он наделил всеми лучшими чертами, которые можно найти в людях. Салима и юноша-башкир абсолютно свободны от нравственных пороков, по сути, они служат рупором просветительской идеи автора: лишь образованные и высоконравственные люди в этом мире смогут обрести счастье.

В повести «Асма, или Проступок и наказание» («Асма, яки Гамал яза», 1903) Р. Фахретдинов развивает в основном эту же идею. Но в ней, в отличие от повести «Салима, или Целомудрие», действуют не только идеальные герои, но и целая галерея отрицательных образов, обрисованных с большим мастерством. Это ревностные поборники старины Хикмат-хаджи, Бикбулат-мулла и мюрид Муса, разные проходимцы, дельцы типа старухи Хамиды, Зайнуш-абыстай и содержательницы публичного дома. В их характерах писатель в обобщенном виде показывает все пагубные стороны пережитков прошлого, обнажает самые темные, порой даже отвратительные стороны жизни, тормозящие общественный прогресс. Данной категории людей в повести противопоставлены сторонники нового, прогрессивного. Они наделены безупречными качествами, являются носителями истинно народной культуры и духовности. Среди них особенно запоминаются образы Габбаса-муллы, его жены Гайши-абыстай и их дочери Асмы, а также трудолюбивых, добрых и умных стариков Юсуфа, Ахмета и Салима. Примечательно то, что в отличие от прозаических произведений этого периода, в которых главными образами выступают представители имущих классов, преимущественно – муллы, в повести Р. Фахретдинова многие положительные персонажи взяты из среды простого народа. Так, в образах Салима-бабая, сэсна-кураиста, «занимательной книги... народа» и Ахмета-агая олицетворяются мудрость и талант народа.

Занимательный, приключенческий сюжет повести «Асма, или Проступок и наказание» ярко показывает, что назначение литературы Р. Фахретдинов видит в исправлении нравов, в воспитании образованного, добродетельного человека, что и определило его творческие принципы. Большое значение придавал писатель роли окружающей среды в формировании личности. Однако понятие среды у него ограничивалось

рамками семьи и школы. Он мало затрагивал экономические и социально-политические основы общества, в решении волнующих проблем полагался лишь на самоотверженную деятельность, доброту и щедрость отдельных просвещенных личностей и богачей. Поэтому его концепция человека по своей природе очень противоречива. Он, с одной стороны, рассматривал человека как продукт среды, продукт воспитания, а с другой – возлагал на человека всю ответственность за его поведение, счастье человека объяснял в связи с его нравственными качествами, просвещенностью. Получается «заколдованный круг» идейно-эстетических взглядов: «мнения людей определяются средой; среда определяется мнениями».

В произведениях Р.Фахретдинова высоконравственное неизбежно берет верх над порочным, хорошо воспитанные, волевые и просвещенные люди всегда обретают счастье, а невежественные и злые в конечном итоге оказываются опозоренными. Не случайно повесть «Асма, или Проступок и наказание» кончается торжеством хорошего и наказанием противного. Только Габбас-мулла и его дочь Асма, шедшие по жизненному пути честно и мужественно, добиваются счастья и становятся «отцом и матерью нации». Писатель заканчивает повесть поучительными словами, вынесенными, впрочем, в ее подзаголовок, который в какой-то мере напоминает название известного произведения Ф.М. Достоевского: «Люди, хорошие они или плохие, согласно своим проступкам получают и наказание».

Повести Р.Фахретдинова очень скоро привлекли к себе внимание общественности как новое явление в башкирской литературе того времени. Например, корреспондент венгерской газеты «Слово» Урсын, который побывал в Башкортостане, в путевых заметках «Из путешествия на Дальний Восток» отмечает: «Самый известный из башкирских прозаиков – Ризаитдин Фахретдинов. Его произведения – очень хорошая сатира на обычаи башкир и татар. Он сторонник европейского просвещения». Великий татарский поэт Г.Тукай также очень высоко ценил творчество писателя, его творчеством интересовался и пролетарский писатель М.Горький.

В рукописном архиве Р.Фахретдинова наряду с полуфантастической «авантюрой повестью» «Отважная женщина» сохранился сборник энциклопедического характера под названием «Утешение», который состоит из воспоминаний, путевых заметок, бесед-диспутов, драматических сценок, сказаний («Тетрадь воспоминаний Сакины», «Путешествие Наримана», «Я и Гусман», «Хасан и Хусаин», «Званный обед в городе Казани» и др.), не увидевших свет в свое время. В них автор продолжает те же просветительские идеи, что были в его повестях «Салима, или Целомудрие», «Асма, или Проступок и наказание».

Литературная деятельность Р.Фахретдинова стала так называемой школой на пути развития башкирской прозы. Своими произведениями,

освещающими на довольно высоком художественном уровне общественные порядки, феодально-религиозные предрассудки, духовный застой, царившие тогда в Башкортостане, поднимавшими во всей остроте проблемы женской эмансипации, свободной любви и брака, прославившими труд, просвещение и нравственное совершенство, прозаик вносит весомую лепту в развитие башкирской общественной и художественной мысли. Многогранная научная, литературная и журналистская деятельность Р. Фахретдинова дала мощный импульс для развития общественных, научных, этических и эстетических взглядов башкир и других тюркских народов в конце XIX и начале XX вв.

Источники и литература

1. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX – начала XX веков. – Нефтекамск: РИО БашГУ, 2006.
2. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX века. – Уфа: Китап, 2010. (на башк.яз.).
3. Кунафин Г.С. Духовное сияние времен. – Уфа: Китап, 2006. (на башк.яз.).
4. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX веков. – Уфа: Китап, 2006.
5. Кунафин Г.С. Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX веков. – Уфа: ГУП Полиграфкомбинат, 2014. – (на башк.яз.).
6. Литературное наследие башкирского и татарского народов и творчество Р.Фахретдинова: Материалы Межрегионального симпозиума. – Уфа: Гилем, 2006.
7. Фахретдинов Р. Асар (Произведения). Книга вторая. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009.
8. Фахретдинов Р. Асар (Произведения). Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006.
9. Фахретдинов Р. Болгарские и казанские тюрки. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. (на тат.яз.).
10. Фахретдинов Р. Избранные произведения. – Уфа: Китап, 2009. (на башк.яз.).
11. Фахретдинов Р. Исследования и материалы. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1988. (на башк.яз.).
12. Янбаев И.К. Восточные эпические традиции и книги «Асар» Р. Фахретдинова. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. (на башк.яз.).

©Кунафин Г.С.

АБДУРАУФ ФИТРАТ

(1884–1938)

В кругах узбекских джадидов выделяется многогранностью дарования Абдурауф Фитрат (1884–1938) – филолог, поэт, писатель, драматург, журналист, общественный деятель.

Он родился в Бухаре в 1884 году в семье известного просвещённостью торговца Абдурахимбая. Мать его была образованной женщиной, знатоком поэзии. Юный Абдурауф получил образование в старомодной школе, затем обучался в знаменитом на весь мусульманский мир медресе – «Мир Араб». Он знал в совершенстве арабский, персидский, и родной узбекский языки, был знатоком истории и литературы, изучал богословие и философию.

В 1909 г. бухарские джадиды отправили на учёбу в Стамбул группу одарённой молодёжи. Среди них был и Абдурауф Фитрат. Стамбульский период – время изменения мировоззрения Фитрата, оно становится более прогрессивным, шире и глубже охватывающим мир. Именно здесь впервые увидела свет книга, запрещенная эмиром. Она называлась «Спор о джадидизме и других вопросах, затеянный в Индостане бухарским мударрисом и чужеземцем» и затрагивала проблемы будущего родного края, реформы образования и просвещения, реконструкции административной структуры власти. Это произведение Фитрата оказало большое влияние на рост сознания национальной интеллигенции, на становление мировоззрения молодёжи. Оно было написано на персидском языке и переведено на узбекский Хаджи Муином, а в 1911 г. опубликовано в «Туркистан вилояты газеты».

Фитрат пробует силы во всех жанрах литературы. Так, в 1910 г. выходит в свет книга персидских стихов «Сайха», а в 1912 г. – «Повесть о путешественнике из Индии». На родину он возвращается в 1913 г. и сразу же оказывается в центре культурной и политической жизни города. Джадиды Бухары разделяли две основные точки зрения: одна группа считала, что к прогрессу нужно идти через просвещение масс и реформу образования, а вторая – через реформу власти и государственной системы. В 1917 г. была создана революционная партия «Молодые бухарцы», Фитрат стал одним из влиятельных её деятелей. Одновременно он активно выступал в средствах массовой информации, выражая через них свои взгляды на судьбу народа и родины.

С апреля 1917 г. в Самарканде издаётся газета «Хуррият», Фитрат активно сотрудничает с её редакцией, а впоследствии и возглавляет её. На страницах этой газеты было опубликовано пророческое высказывание Фитрата: «В России явилось новое чудовище – большевик!», и здесь же Фитрат приветствовал рождение Кокандской автономии в ноябре 1917 г.

В 1921 г. он вновь возвращается в родной город и принимает активное участие в деятельности правительства Файзуллы Ходжаева. Однако вскоре он вынужден был выехать в Москву, где устроился научным сотрудником в Институт языков Востока. Он жил в Москве 1923–1924 гг., получил здесь ученое звание профессора. Вернувшись из Москвы, Фитрат преподает в университетах и институтах Бухары, Самарканда, Ташкента, ведёт обширную деятельность педагога и учёного. Он пишет стихи, пьесы, монографии, статьи. В сборнике «Молодые узбекские поэты» (1923 г.) публикуются стихи Фитрата, выделяющиеся своей искренностью, реалистичностью и простотой. Таковы его стихи «История моей любви», «Я вновь плаю», «Снег». Есть в лирике Фитрата и откровенно идеологические стихи, например, «Родине учителей», «Восток», «Звезда Миррих», где поэт открыто говорит о попорченной чести Родины, призывает соотечественников стремиться к знаниям, поискам истины, борьбе с насилием и несправедливостью. Его произведения «Конец света», «Бунт сатаны против Бога», «Зайд и Зайнаб» и другие были с интересом приняты узбекским читателем.

Большой вклад внёс Фитрат в развитие языкознания и литературоведения. Его перу принадлежат «Грамматика узбекского языка», «Грамматика таджикского языка», «Основы литературы», «Об арузе», «Образцы классической узбекской литературы», «Общий взгляд на узбекскую литературу периода после XVI века», «Чагатайская литература». Труды Фитрата-филолога представляют научную ценность и по сегодняшний день. Пытливый ум и широкие интересы его проявились в трактатах об истории национальной музыки, истории шахмат, о суфизме и богословии.

Среди многих творений Фитрата выделяется аллегорическая трагедия о событиях времен проявления последнего представителя династии Аштарханидов «Абдулфайзхон» (1924 г.), в которой мы усматриваем намёк на так называемое басмачество. Фитрат выступает против несправедливости, насилия и жестокости, которые всегда ведут к трагедии. В независимом Узбекистане пьеса Фитрата на современной сцене засверкала новыми гранями и прозвучала в унисон с духом времени.

Имя Фитрат означает – врождённый талант, самородок, Абдурауф Фитрат был обладателем многогранного таланта, самородком, чьё истинное значение непреходяще. Навсегда будут сиять путеводной звездой для узбекского народа его слова: «Общеизвестно, что основой движущей силой развития каждой нации является развитие науки». Абдурауф Фитрат был расстрелян 4 октября 1938 г., а в 1957 г. реабилитирован.

Источники и литература

1. Икрамов А. Избранные труды в 3-х томах. Т.1. – Ташкент, 1972-1974.
2. Каримов Э. Развитие реализма в узбекской литературе. – Ташкент, 1975.
3. Қосимов Б. Миллий уйғониш («Национальное возрождение»). – Ташкент: «Маънавият», 2002.
4. Пясовский А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. – М., 1958.
5. Раджабов Ш. Джадидизм в Туркестане (1905-1917 гг.). Тезисы дисс.канд.ист.наук. – Л., 1937.
6. Ташкулов Д. Основные направления политико-правовой мысли народов Узбекистана во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – Ташкент, 1995.
7. Халимов С. Из истории узбекской и таджикской литературы второй половины XIX – нач. XX вв. в Самарканде: автореферат дис. ...канд. филол. наук, – Ташкент, 1970.
8. Хўжаев Ф. Избранные труды в 3-х томах. Тт. 1-3. – Ташкент, 1970-1973.

©Кадиров М.

МИХАИЛ ЧЕВАЛКОВ

(1817–1901)

М.В.Чевалков (1817–1901) – основоположник письменной алтайской литературы – прошел религиозно-нравственную и филологическую школу Алтайской духовной миссии, сам стал миссионером-просветителем, главным переводчиком миссии, участвовал в научных экспедициях по Алтаю, собирал фольклорные материалы. Его филологическая одаренность начала проявляться в 16-летнем возрасте, когда М.В. Чевалков делал первые шаги на стезе переводческой деятельности. Так получилось, что Чевалков с детства знал русский язык благодаря русскому другу Якову и младшему брату Андриану, который учился в православной миссии у о. Макария Глухарева. О.Макарий, видя сметливость мальчика, взял Киприана, по крещении – Михаила, на обучение в миссию. Переводческая деятельность юного М.В. Чевалкова началась случайно: по просьбе о.Макария он точно перевел на алтайский язык слово «ибо».

В миссии сложились благоприятные условия для литературного роста М.В. Чевалкова, он прошел прекрасную филологическую школу, участвуя в переводе на алтайский язык «Вечной книги» – Священного Писания. Как отмечает Б.Я. Бедуров, «...работа над переводом на родной язык Священного писания – великого литературного памятника всех времен и народов – исподволь подготовила Чевалкова к занятиям литературным творчеством».

Христианская культура глубоко захватила М.В. Чевалкова. Он испытал столь сильное влияние деятелей православной миссии, что и сам

пошел по стопам своих наставников. М.В.Чевалков начал вести подвижническую жизнь, перенес много испытаний, горя, забот, тягот, много послужил распространению христианства на Алтае, преодолевая отчуждение и непонимание не только среди чужих, но и в своей семье. Деятельность его была разносторонней.

В 1860 г. М.Чевалков познакомился с ученым-лингвистом, ориенталистом В. Радловым, представлявшим Российское Географическое Общество. М. Чевалков оказал немало услуг В. Радлову в первой его экспедиции по Алтаю как знаток алтайской культуры и искусный переводчик. И неудивительно – к тому времени М. Чевалков был «хорошо известен как толмач и знаток Алтая широкому кругу людей – от чиновников и миссионеров до исследователей и путешественников», и В. Радлов «обретал в лице М. Чевалков вполне грамотного и способного человека, компетентного помощника при сверке и обработке собранных материалов».

М. Чевалков активно помогал собирать и описывать фольклорные материалы, много общался с такими известными деятелями-просветителями Алтая, как В. Вербицкий, Г. Потанин, Н. Ядринцев и другими.

М. Чевалков прослужил в православной миссии 25 лет и в 1863 г. был награжден императором Александром II золотой медалью.

Как «толмач», он принял немалое участие в 1864 г. в дипломатической деятельности русского правительства. С.С. Каташ отмечает: «Чевалков блестяще выполнил миссию государственной важности, вырвав чуйцев из-под протектората Китая. Чем значительно ускорил решение вопроса о юридическом оформлении теленгитов подданными России. Дальновидность его усилий была доказана всем ходом последующих событий. Теленгиты были освобождены от непомерных податей китайскому двору. Добровольное вхождение алтайцев в состав России явилось актом огромного политического значения». Дипломатической миссией руководил петербургский чиновник А.Г. Принтц.

Когда М. Чевалков путешествовал с Принтцем по Алтаю, он все время проповедовал Слово Божие, ведь он был воспитанником о.Макария Глухарева. И проповедническая деятельность его не осталась без последствий. В 1870 г. епископ Томский и Семипалатинский Платон рукоположил М. Чевалкова во диаконы. А через 7 лет, в 1877 г., М. Чевалков удостоился священнического сана и до конца своей подвижнической жизни оставался верен избранному пути.

М. Чевалков был не только переводчиком. На протяжении почти сорока лет многотрудной жизни он постоянно обращался к литературному творчеству, причем создавал произведения разных жанров – басни, поучительные стихи, обрабатывал фольклорные материалы.

Первым литературным опытом М. Чевалкова стало произведение, известное под названием «Чоболкоптун журуми» («Жизнь Чевалкова»). Идею написать жизнеописание подал М.Чевалкову В. Радлов, который предполагал

использовать сочинение М. Чевалкова как один из источников своей книги «Образцы народной литературы тюркских племен». Он думал почерпнуть у М. Чевалкова новые для себя слова и выражения и фольклорные материалы.

В 1894 г. в журнале «Православный Благовестник» был помещен перевод на русский язык произведения М. Чевалкова, который был сделан священником православной миссии о.Макарием Невским под заглавием «Памятное завещание». 74-летний М. Чевалков создал вторую редакцию автобиографии, внося существенные изменения в текст. Во-первых, он переадресовал свое сочинение: первый вариант был написан в виде письма В. Радлову, а второй вариант посвящен детям, поэтому о.Макарий Невский назвал его завещанием. Во-вторых, М. Чевалков в новую редакцию включил, естественно, описание событий, происшедших после 1864 года почти за 30 лет. Оригинал этого произведения под названием «Ундулбас кереес» не найден, и мы можем судить о нем только по имеющемуся переводу о.Макария Невского.

«Памятное завещание» М. Чевалкова соотносится с типичными агиографическими мотивами – мотив раннего покаянного чувства, молитвенных слез, духовной жажды, тяготения к духовному учению, постоянного самоосуждения и другие. В «Памятное завещание» М. Чевалкова включается житийный сюжет и герои агиографических сказаний, возникают параллели с житием священикомученика Киприана и мученицы Иустины. В произведении М. Чевалкова каждый факт, каждое событие имеют двойное значение: внешнее, житейское, биографическое и тайное, мистическое, когда факт предстает как проявление видов Промысла, божественной «икономии».

В «Памятном завещании» М.Чевалкова звучат житийные предзнаменования, предсказания свыше, вводится встреча Киприана с юродивым – «дурачком Евсеем», который сначала безмолвно, а потом и словесно намекает на будущее главного персонажа. Прямые или косвенные, молчаливые или словесные предсказания юродивых часто встречаются в агиографической литературе. Далее в повествовании по мере углубления героя в сущность христианской веры все большее место занимает такой неотъемлемый элемент жития, как чудеса и видения. Все основные события жизни Михаила сопровождаются знамениями и помощью свыше, так, например, изображаются два прямых вмешательства свыше святителя Николая Чудотворца, приходящего на помощь Михаилу в трудные моменты жизни. Михаилу является «в тонком мире» даже его первый духовный наставник о. Макарий Глухарев, призывая подвижника к мужественной борьбе с демоническими силами. Следующее чудо явно напоминает образы и символику десятой главы Апокалипсиса.

М.В. Чевалков получает дар Святого Духа, видимо, дар проповедовать и обращаться в христианство, подобно тому как в Апокалипсисе описывается получение Иоанном Богословом величайшего пророческого дарования. Знаменательно и то, что после описания этого чуда М.В. Чевалков начинает

постоянно обращаться к теме миссионерской проповеди. Для агиографии характерно повторение чудес, знамений, символических видений из Священного Писания. Вообще, М.В. Чевалков имел ясное представление о житийной литературе, так как сам занимался ее переводом. Один из существенных мотивов агиографии – поношение и осмеяние подвижника со стороны чужих и близких. М.В. Чевалков приводит ряд эпизодов своей биографии, когда он терпел «скорби за Христа» от родственников – алтайцев-язычников. Из всех искушений герой повествования выходит победителем.

В «Памятном завещании» М.В. Чевалкова, кроме многочисленных агиографических мотивов, тем, образов, присутствуют и черты других жанров древнерусской духовной литературы. В частности, часть «Памятного завещания», в которой создается образ отца Макария Глухарева, явно напоминает столь популярные на Руси патерики – сборники коротких рассказов о жизни монахов, известных своими подвигами благочестия. Рассказы – воспоминания Чевалкова о своем первом наставнике созвучны различным видам патериковых рассказов: рассказам, в которых многообразно воспроизводится ситуация – авва и его ученик или ученики, рассказам, описывающим поучительные поступки и назидания аввы по отношению к разным монахам и мирянам. Отец Макарий предстает в «Памятном завещании» как мудрый, справедливый, праведный и иногда суровый авва. Герои патериков, духовные наставники спасали души всех приходящих часто чудесами и приличествующими случаю назиданиями из Священного Писания. Так, в Киево-Печерском патерике есть рассказ о св. Григории-чудотворце. В одном из них святой Григорий усыпляет воров, пришедших украсть его имущество. Потом пробуждает их и отпускает. Узнав о грозящем ворах наказании, выручает их из беды, отдав властелину книги. «Другие же книги блаженный продал, а деньги роздал убогим. Чтобы, – говорил он, – опять кто-нибудь не впал в беду, думая украсть их». Господь сказал: «Не собирайте сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Где сказано: сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Отец Макарий не совершает чудес, но также использует каждый случай для духовного вразумления. Поучения его представлены в виде серий коротких эпизодов. Интересно, как, например, о.Макарий учит старика Табакаева. «Этот старик после приготовления к причащению к Святой Тайне, стоя в церкви, увидел таракана, ползущего по полу, пошел за ним и задавил его. Отец Макарий, увидевши это, прогневался и сказал старику: Это Божье создание. Оно идет для своей надобности, а ты, разумный человек, не заботясь о себе, зачем сделал злое дело? Поговей еще неделю, а потом приступи к причащению Святой Тайне. И старик это исполнил». Так нередко заканчивались поучительные рассказы патериков –

после краткого описания происшествия следовали часто комментарии на основе ветхозаветных и евангельских писаний.

Отец Макарий изображается как человек, стяжавший дары благодати. Так, в частности, в «Памятном завещании» есть эпизод, в котором он являет дар пророчества. О.Макарий долго увещевал и уговаривал креститься некоего Бориса Кочаева. Борис возненавидел его. «Однажды, когда Борис сидел у дверей своего дома, пришел к нему отец Макарий и, севши возле него, по обычаю начал говорить ему о Боге, Борис, ненавидя его, говорил ему напротив. Отец Макарий долго сидел и говорил с ним. Не убедив его, отец Макарий сказал: «Я желаю тебе добра, чтобы на твою голову снизошла благодать Господня. Много раз беседовал я с тобой, но ты, кажется, не желаешь сей благодати Божьей. Теперь не я, а ты будешь виноват. Мне Бог повелел говорить тебе. И я много говорил тебе о Боге, о его правде, о благодати, обо всем говорил тебе. Ты говоришь: слух мой не принимает таких слов; теперь вместо счастья от Бога придет к тебе несчастье, вместо милости падет на голову твою гнев Божий». Сказавши это, он погладил его по голове и ушел». И действительно, предсказание отца Макария исполняется: через месяц Борис теряет четыреста рублей денег, через два дня у него вымирает весь скот – 110 голов, и Борис Кочаев в один год превращается из богача в бедняка. Он переселяется в Бачат, теряет там последнее имущество, возвращается в Улалу и здесь, убедившись в конце концов в правоте о.Макария, принимает крещение. Патерики полны рассказами о наказании, вразумлении и спасении грешников.

Эти мотивы характерны и для житий, однако патериковое начало преобладает в описании поступков и поучений о.Макария. Об этом свидетельствует отсутствие цельного жизнеописания, которого и не мог написать Чевалков; дробление повествования об отце Макарии на короткие рассказы и завершенность каждого отдельного эпизода из жизни монаха.

Способ создания образа-характера в большей степени связан с главными принципами художественного письма авторов житий. Как отмечает Д.С. Лихачев: «Этот способ характеристики человека чрезвычайно далек нашему художественному сознанию; он целиком объясняется художественным сознанием своего времени: индивидуальность человека абстрактна и неясна, характер человека еще не различается, – поэтому сравнивается в человеке не сам человек, а лишь его дело, деяния, поступки, подвиги, – по ним он судится».

Отсюда такое пристальное внимание, которое уделяют агиографическим действиям, поступкам». Так и в «Памятном завещании» личность о.Макария Глухарева раскрывается через его действия, поступки, хотя остается до конца не выявленной. Выделяются те из его действий, которые указывают на его духовные дары, веру, силу духа, непоколебимость и другие черты, которые характеризуют его исключительно как пастыря,

духовника, индивидуальные же особенности его характера не представлены в «Памятном завещании» М.В. Чевалкова.

Однако «Памятное завещание» – произведение многоплановое, содержащее в себе разные пласты повествования. С одной стороны, в «Памятном завещании» есть элементы бытового описания, элементы реалистические, этнографические, элементы автобиографии как жанра светской литературы. С другой – образ главного героя жизнеописания агиографичен, к нему прилагается житийная мера личности.

Алтайская литература развивалась в совершенно иных условиях. До XIX века существовала лишь устная народная поэзия, в алтайской литературе не было длительного развития жанровых структур, в частности, например, жанров духовной литературы, с самого начала первые алтайские писатели испытывали сложные влияния – сильнейшее воздействие духовной литературы, влияние научно-этнографической очерковой литературы, классической русской литературы. И М.В. Чевалков не мог воспринять жанры в чистом виде, испытывая многообразные влияния. Поэтому в «Памятном завещании» есть разного рода наслоения – попытки углубления во внутренний мир в духе психологизма русской литературы Нового времени, этнографические описания. Однако вместе с тем житийное начало выражено в «Памятном завещании» настолько глубоко и сильно, автобиографизм так явно подчинен идее христианского возрастания души в вере и богопознании, «Памятное завещание» так густо наполнено традиционными житийными мотивами, ситуациями, чудесами, видениями, характерными для житийных произведений.

Источники и литература

1. Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. – Л., 1974.
2. Бедюров Б.Я. Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза. – Горно-Алтайск, 1990.
3. Каташ С.С. Литературные портреты. – Горно-Алтайск, 1978.
4. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания. – М.-Л.: АН СССР, 1962.

©Чинина Э.П.

АНДРЕЙ ЧОЛДАК-ООЛОВИЧ АШАК-ООЛ

(1960–2014)

Андрей Чолдак-оолович Ашак-оол родился 29 июня 1960 года в селе Ленинка Пий-Хемского района Тувинской Автономной Области (ныне Республика Тыва). После окончания средней школы №2 города Кызыла поступил в Красноярский государственный педагогический институт на исторический факультет по специальности «преподаватель истории».

Трудовая деятельность как историка началась с 1981 г. в Тувинском республиканском краеведческом музее имени Алдан-Маадыр (ныне Национальный музей Республики Тыва) в качестве старшего научного сотрудника. Именно в это время он выбирает объектом исследования традиционное земледелие тувинцев конца XIX – начала XX в., о чем увлеченно рассказывал посетителям музея во время проведения тематической экскурсии в зале «Дореволюционная Тува».

Решив посвятить себя полностью тувинской науке и досконально исследовать проблему изучения земледелия в Туве с древнейших времен, А.Ч. Ашак-оол переводится в 1982 г. в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ныне ТИГИИ) и работает в качестве младшего научного сотрудника в секторе истории и этнографии. Руководитель научного учреждения Ю.Л. Аранчын, ныне покойный, заметив стремление молодого ученого к знаниям, перевел его на должность старшего научного сотрудника, несмотря на то, что молодой специалист не имел ученую степень. В 1983 г. А.Ч. Ашак-оол возглавил этнографическую экспедицию ТНИИЯЛИ. Научным консультантом

являлась известная ленинградская ученая – этнограф В.П. Дьяконова. Полевые работы проводились в Улуг-Хемском и Каа-Хемском районах, где были собраны вещественные этнографические предметы по русскому и тувинскому быту, которые по описи были сданы в Тувинский республиканский краеведческий музей.

С 1991 по 2000 гг. А.Ч. Ашак-оол работал на ответственных должностях республиканских учреждений: старшим научным сотрудником Республиканского научно-методического центра, начальником отдела по делам религий Администрации Президента и Правительства Республики Тыва, ведущим специалистом Управления биологических ресурсов и информации Министерства природы Республики Тыва, начальником отдела научно-технической информации и экологического образования Государственного комитета по охране окружающей среды.

С 2000 года начинается научно-педагогическая деятельность А.Ч. Ашак-оола в Тувинском государственном университете. Преподавательская работа совмещается с продолжением исследований своей заинтересованной темы по традиционному земледелию. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Земледелие Тувы с древнейших времен до монгольского завоевания (с конца III тысячелетия до н.э. по XIV в. н.э.)» на заседании регионального диссертационного совета при ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» По мнению диссертанта, актуальность исследования заключалась в том, что земледелие сыграло существенную роль в становлении и развитии «кочевой цивилизации». В его автореферате отмечено, что «практика земледелия, в частности, система ирригации, требовала более слаженной организации общественных работ, способствовала возникновению древнейших государств и «речных цивилизаций» в долинах Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Хуанхэ и Енисея. В средние века земледелие стало основой могущества древнеуйгурского и древнекыргызского каганатов Южной Сибири и Тувы».

А.Ч. Ашак-оол впервые изучил в истории Тувы земледелие древних и средневековых скотоводческих племен Тувы, сыгравших существенную роль в их общественном развитии. Выводы автора интересной работы имеет большое практическое значение, так как он считал, что можно восстановить и ввести в хозяйственный оборот заброшенные древние оросительные каналы в начале XXI века, ведь это не требует привлечения больших финансовых затрат и фермерским хозяйствам это по плечу. Тем более в средневековье отсутствовали машинно-уборочные системы, все полевые земледельческие работы проводились вручную. Теоретическое исследование Андрея Чолдак-ооловича реализуется на практике: разработано учебно-методическое пособие «История земледелия древней Тувы (конец III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) для студентов исторического и сельскохозяйственного факультетов Тувинского

государственного университета. Интересен проект А.Ч. Ашак-оола по теме «Выявление, изучение и паспортизация средневековых и традиционных оросительных каналов тувинцев конца XIX – начала XX вв. в долине реки Демир-Суг Улуг-Хемского кожууна Республики Тыва», поддержанный РГНФ в 2010 году. Исследование проводилось с известным российским археологом Вл. А. Семеновым и тувинской ученой Л.Д. Чадамба. Плодотворны его исследования по истории земледелия Тувы, апробированные во многих научных конференциях в виде докладов и в научных трудах Тувинского государственного университета. Андрей Чолдак-оолович основал учебно-научную лабораторию «Археология, этнография и историческое краеведение», где под его руководством студенты исторического факультета работали по таким исследовательским проектам, как «Памятники истории и архитектуры Кызыла», «Палеоэтнография: одежда людей скифского и древнетюркского времен», «История кочевых цивилизаций народов Центральной Азии и Тувы (вопросы происхождения пастушества, проблемы седентеризации в Туве).

Результатами поисковой работы Лаборатории стало следующее: это создание библиотеки для будущего музея, рукописного фонда, личный архив историка-архивиста В.А. Дубровского и народного учителя Республики Тыва, ветерана Великой Отечественной войны В.Л. Биче-оола, сбор видеофильмов о Туве, фотоматериалов по археологии и истории Тувы, в том числе по городу Кызылу, артефактов уйгурской крепости Пор-Бажын, древних каменных орудий труда из местности Вавилинский затон и фрагментов керамики и окислов железа из окрестностей озера Сватиково.

В 2009 г. А.Ч. Ашак-оолом была разработана концепция комплексного развития музея «История и материальная культура народов Центральной Азии». По мнению основателя музея, «Тува – неотъемлемая часть степного Востока и таежной Сибири, расположена на границе южносибирской тайги и засушливых монгольских степей, что наложило отпечаток на особенности исторических судеб местных племен и народов. Она всегда была контактной зоной соприкосновения и встреч различных хозяйственно-культурных типов. Граница леса, степи и гор была достаточно прозрачной, интенсивный культурный обмен не приводил к кардинальным изменениям, хозяйственно-культурные новшества усваивались очень поверхностно, в меру собственных потребностей. Поэтому общество кочевников базировалось на традициях в природопользовании, хозяйствовании, образе жизни, материальной и духовной культуре, изучение которых имеет важное научное, образовательное и музееведческое значение.

Постоянная смена внешних влияний, политических и культурных ориентаций, доминирующих этносов и этнических групп приводила к тому, что история региона приобретала прерывный характер. Она как бы

распадается на отдельные, нередко очень яркие эпизоды, завершившиеся с прекращением действия вызвавших их к жизни факторов.

Единственной связующей основой и реальным наследием, переходящим от одной эпохи к другой, оказывается сама территория, ее геополитические и природные особенности, связанные, в частности, с приуроченностью к различным природным границам, рубежам, контактными зонам. Ярко выраженная зависимость от природных факторов, по-видимому, является одной из весьма существенных черт местной истории. Возможно, такое объяснение дало название музею – «История и материальная культура народов Центральной Азии».

Экспозиция создана А.Ч. Ашак-оолом совместно с автором данных строк по тематической структуре, состоящая из двух разделов: археологии и этнографии. По первой теме в витрине экспонировались предметы каменного века из коллекций археолога и геолога В.И. Кудрявцева, фрагменты плоских камней с петроглифами от К. В. Чугунова, материалы уйгурского городища Пор-Бажин. Представлен сбор предметов древнекаменного века, и древнеуйгурского городища Пор-Бажин А.Ч. Ашак-оола. Создан интерьер юрты, где с помощью преподавателей и студентов собрано внутреннее убранство традиционного жилища.

А.Ч. Чолдак-оол – автор учебно-методических работ по истории Тувы и по историческому краеведению, а также практикумов по музееведению Тувы и по истории России с древнейших времен до конца XVI в. для студентов исторического факультета Тувинского государственного университета.

Ежегодно руководил археологической практикой студентов исторического факультета, которые участвовали в раскопках древних курганов в различных районах Тувы совместно с учеными из Института истории материальной культуры РАН Вл. Семеновым и М. Килуновской. Особенно запоминающимся являлось участие в международных исследованиях древнеуйгурского городища Пор-Бажин в 2007–2008 гг., инициатором и вдохновителем которых являлся Герой России, Президент Русского Географического Общества С.К. Шойгу.

Ученый участвовал в подготовке природоохранных документов по включению Убсунурской котловины в Список Памятников Природного и Культурного Наследия Человечества ЮНЕСКО и в проведении социологической экспедиции по проекту «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» в 2003 г.

Деятельность А.Ч. Ашак-оола отмечена многими Почетными грамотами ТувГУ, а в 2009 г. за большой вклад в развитие науки и многолетний добросовестный труд – Почетной Грамотой Законодательной палаты Великого хурала Республики Тыва и наградами Правительства Республики Тыва, Общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы.

Андрей Чолдак-оолович Ашак-оол – основатель Музея истории и материальной культуры народов Центральной Азии ТувГУ. Он внес значительный вклад в комплектование фондов музея, на основе собранных материалов была создана экспозиция по археологии и этнографии Тувы. В результате его усердных стараний создана библиотека музея, рукописный фонд. Он собрал артефакты уйгурской крепости Пор-Бажин, древние каменные орудия из местности «Вавилинский затон».

Если бы не тяжелая болезнь, которая прервала его яркую творческую жизнь в 15 июня 2014 г., А.Ч. Ашак-оол продолжил бы начатую экспозиционно-выставочную работу. Он мечтал о том, чтобы в исследовании археологии Тувы участвовали студенты Тувинского государственного университета. С этой целью он неоднократно выезжал в ведущие университеты Сибири, устанавливал научные связи с отечественными учеными. Результатом его хлопотливой работы является введение профиля «археология» по направлению «история» на историческом факультете. В перспективе планировал открыть магистратуру по направлению «археология».

Сегодня музей «Истории и традиционной культуры народов Центральной Азии им. А.Ч. Ашак-оола» при историческом факультете зарекомендовал себя только с положительной стороны, о чем свидетельствуют записи в книге отзывов. Как любой музей, он выполняет основные социальные функции: документирования, исследования, хранения, образования и воспитания. В музее проводятся занятия со студентами: это ознакомление с содержанием экспозиции и рассказ по комплектованию фондов музея. Одной из главных задач музея – это привлечение студентов к непосредственному участию в создании новых экспозиций, их разделов или выставок, приобщение к сохранению исторической памяти своего народа и культурным традициям. Так, в 2015 г. создана новая экспозиция «Археология Тувы», которая состоит из следующих разделов: популяция человека в древности и средневековье, эпоха камня (палеолит, мезолит, неолит), эпоха палеометалла (энеолит, бронзовый век, раннежелезный век), загадочный Пор-Бажин, археологическая карта РТ, исследователи археологии Тувы.

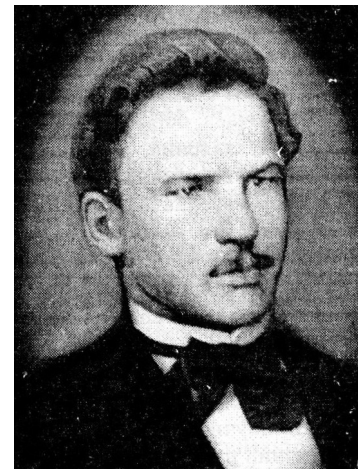
Конечно, центральное место в музее занимает раздел экспозиции, посвященный жизни и научно-преподавательской деятельности ученого. В книге отзывов музея профессор, доктор исторических наук Н.И. Дроздов оставил такую запись: «С великой благодарностью был несколько дней в музее, где читал лекции по археологии. Музей создал мой ученик по историческому факультету Красноярского педагогического университета Андрей Ашак-оол. Спасибо за память, что сохраняется в музее».

Источники и литература

1. Ашак-оол А.Ч. История земледелия древней Тувы (конец III тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э.) /Учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. – Кызыл, 2009.
2. Ашак-оол А.Ч. К вопросу об изучении тувинского земледелия//Проблемы истории Тувы. – Кызыл, 1984.
3. Ашак-оол А.Ч. Полевые исследования 1983 г. в Туве//Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. – Черновцы, 1984.
4. Дыртык-оол А.О. Деятельность музеев Тувы в области комплектования этнографических фондов// Сборник материалов IV Центральноазиатских исторических чтений. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2018.
5. Дыртык-оол А.О. Становление музея «История и материальная культура народов Центральной Азии» ТувГУ и его перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – №2 (22).
6. Дыртык-оол А.О. Университетский музей как хранитель социальной памяти // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юбилею ТувГУ. – Кызыл, 2015.
7. Дыртык-оол А.О. Экспозиционно-выставочная работа в университетском музее // Научные труды Тувинского государственного университета. Выпуск XVI. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной Году Экологии в Российской Федерации и Году молодежных инициатив в Туве. 21 октября 2017 г. – Кызыл, 2017.

©Дыртык-оол А.О.

АВКСЕНТИЙ ЮРТОВ

(1854–1916)

Значительный практический вклад в развитие грамотности, становление просветительства, формирование литературных мордовских языков внес предшественник просветителя М.Е. Евсевьева А.Ф. Юртов.

Авксентий Филиппович Юртов (род. 20.02.1854 г. в с. Калейкино Акташской волости Мензелинского уезда Оренбургской губернии в крестьянской эрзя-мордовской семье – ум. 01.05.1916 г. в с. Андреевка Булгаковской волости Уфимского уезда Уфимской губ., ныне Республика Башкортостан), просветитель, педагог, переводчик.

Окончил Казанскую центральную крещено-татарскую школу. После открытия Казанской инородческой учительской семинарии Юртов в 1872 г. становится одним из первых учащихся этого учебного заведения. Уже в годы учебы в семинарии он показал себя талантливым учеником, склонным к научной работе. В 1876–1883 гг. работал в семинарии учителем мордовской начальной школы.

По поручению директора училища Н.И. Ильминского А. Юртов переводит на мордовский язык церковные книги, собирает фольклор: записывает сказания, мифы и легенды, свадебные причитания и песни, сказки, пословицы и поговорки. Им сформирован целый блок произведений многожанрового мордовского фольклора. В 1877 г. под псевдонимом «Ав-й Юртов» опубликовал статью о погребально-

поминальных обрядах мордвы Уфимской губ. Занимался составлением эрзя-мокшанско-русского словаря.

В 1884 г. А.Ф. Юртов издает «Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки» на основе буквенно-графической системы русского языка, который явился первым опытом эрзянского алфавита и имел колоссальное практическое значение для преподавания в начальной мордовской школе.

Букварь, созданный по концептуально-методологическим принципам, учитывающим специфику контингента учащихся, слабо владеющих русским языком, состоял из мордовского и русского разделов. Это была первая книга для мордовских детей, по которой можно было заниматься на родном языке. Деятельность А.Ф. Юртова имела значительный размах. Он переводит на эрзянский язык «История Ветхого Завета» (Казань, 1880), «Великие праздники» (Казань, 1881), «Евангелие от Матфея» (Казань, 1882) и другие религиозные книги. При переводе он стремился максимально приблизить сухой церковный текст к живому разговорному эрзянскому языку. Просветитель профессионально занимался литературной обработкой текстов, переводом религиозной литературы для чтения крестьянами.

В 1882–1883 годах А.Ф.Юртовым были собраны и составлены «Образцы мордовской народной словесности» в двух книгах, включающих в себя эрзянские и мокшанские песни, сказки, пословицы, поговорки. Эти работы выдвинули А.Ф. Юртова в число основателей национальной фольклористики, письменности. Специалисты по истории мордовских языков, в частности А.П. Феоктистов считает, что ему принадлежит «важная роль в упорядочении письменной формы эрзя-мордовского языка и в формировании орфографии» при подготовке «Образцов».

Русский ученый, современник А.Ф. Юртова И.Н. Смирнов, автор исследования «Мордва», высоко оценивая достоинство этих книг, называл «Образцы» «одним из крупнейших вкладов в русскую литературу о мордве».

А.Ф. Юртов неоднократно привлекался Братством св. Гурия в качестве эксперта и переводчика религиозной литературы и проявил себя как специалист, хорошо разбирающийся во всех нюансах переводов. В качестве такого примера можно привести участие А.Ф. Юртова в анализе и оценке перевода Краткого Катехизиса на эрзянский язык, сделанного в 1788 г. по указанию И. Дамаскина. В своем отчете он указывал, что текст «отличается удачным большею частью подбором мордовских слов для выражения христианских понятий. Но синтаксическая сторона в этом переводе не правильна: часто формы грамматические стоят не на месте, особенно же недостаток этого перевода в том, что он слишком буквально следует порядку и расположению слов в русском тексте...».

При создании «Букваря для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки» А.Ф. Юртов учел все изъяны и недостатки переводов вероучительных и учебных книг для мордвы. Он принципиально по-

новому организует эту книгу: наряду с церковными в нее включает произведения устного народного творчества. Автор ввел в книгу две старинные мордовские песни-сказания – «Васюта» и «Ракша ды Карциган», в которых в образной форме показал борьбу добра и зла, где побеждают силы, олицетворяющие гуманистические и духовные начала.

Небольшой объем книги предопределил существенное сокращение песен, которые подверглись значительной литературной обработке. А.Ф. Юртов сделал это без ущерба для художественно-смысловой ценности произведений. Так, песня «Васюта» приобрела характер одической хвалебной песни, в которой дается характеристика высоким духовным началам и достоинствам личности.

А.Ф. Юртов, чья жизнь была тесно связана с извечными духовными ценностями крестьянства, удачно переработал народную песню «Карциган ды Ракша», повествующую о благородстве, доброте защитников народа. Небольшая по объему (всего 38 строк), песня, тем не менее, дает представление о морально-нравственных устремлениях мордовского народа, показывает его любовь к труду, оптимизм, веру в будущее. Знание языка, особенностей мордовского фольклора, приемов литературной обработки позволили составителю создать из фольклорного материала динамично организованное, емкое по смыслу фольклорно-литературное произведение, близкое и понятное детям.

Кроме произведений, песен-сказаний в букварь включены десять нравственно-назидательных миниатюр, подобных домостроевским наставлениям, сообщающих о нормах поведения, соответствующих христианской морали.

Здесь же мы находим глубокое по смыслу, афористичное высказывание о книгах и о ценности книжных знаний: «Как приятно слышать речи умного человека, так же приятны слова хорошей книги». Эти миниатюры, пронизанные духом древнерусской книжности, определяют тот круг общечеловеческих ценностей, к которым автор считал нужным приобщить эрзянских учащихся. Используя арсенал художественных приемов, характерных для книжных текстов, А.Ф. Юртов воплотил их в своеобразных назиданиях-притчах, придав им лаконичную форму литературных миниатюр. Поставив в центр судьбу человека, взаимодействующего с многообразием окружающей действительности, автор предлагает варианты поведения, апробированные тысячелетней человеческой практикой.

Первый в истории национальной словесности двухтомник материалов устного народного поэтического творчества «Образцы мордовской народной словесности» А.Ф. Юртов подготовил при непосредственном участии своих учеников М. Евсевьева и Ф. Стрелкова. В этих книгах наряду с загадками, пословицами, поговорками даны песни. «В хорошем ритмико-смысловом подстрочном переводе», которые позволяют «знакомиться не только с содержанием мордовской песни, но во многом и с ее формой». Благодаря А.Ф.

Юртову мордовские и русские читатели получили возможность «сравнительно полно познакомиться с мордовской народной песней разных жанров». По словам проф. А.И. Маскаева, «Образцы» – первая книга, вошедшая в оборот русской фольклористической и этнографической науки». Тексты и книги, подготовленные А.Ф. Юртовым, дают возможность утверждать, что он был не только в числе основоположников мордовской письменности, но и участником формирования начальной стадии мордовского литературного процесса. Благодаря А.Ф. Юртову, а потом и М.Е. Евсевьеву удалось заложить основы общепринятой письменности на базе русского алфавита, создать цикл переводных произведений и фольклорных переработок, на основе которых впоследствии разворачивалась деятельность мордовских литераторов.

После ухода из семинарии А.Ф. Юртов работал учителем в училищах с. Ст. Бесовка (с 1883), Ст. Бинарадка (с 1889) Самарской губ., где профессионально использовал родной язык в ходе педагогической деятельности.

В 1891 г. Юртов принял сан священника, после чего был определен в Михаило-Архангельскую церковь мордовско-чувашского села Андреевка. Прирожденный педагог продолжил просветительскую деятельность: основал 3-х классную ЦПШ (1895). Юртов был неординарным человеком, увлеченным, творческим педагогом, любил свое дело, крестьянских детей. Педагог совместно с крестьянами рядом со школой разбил сад, в котором проводил с детьми занятия на природе. А.Ф. Юртов был педагогом и организатором образования по призванию, активно способствовал открытию земской школы (1906) и библиотеки для крестьян (1912).

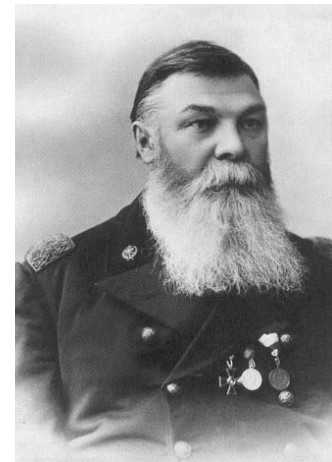
Сочинения А.Ф. Юртова: Погребальные обряды и поверья мордвы Уфимской губернии // Изв. Казанской епархии. – 1877. – № 8; Букварь для мордвы–эрзы с присоединением молитв и русской азбуки. – Казань. 1884; Образцы мордовской народной словесности: песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. /Сост. А.Ф. Юртов. Вып. 1. – Казань: Тип. губерн. правления, 1882; Образцы мордовской народной словесности: сказки, загадки. /Сост. А.Ф. Юртов. Вып. 2. – Казань: Тип. губерн. правления, 1883.

Источники и литература

1. Авксентий Юртов: Сб. статей, документов и материалов. – Саранск, 2004.
2. Ильминский Н.И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1883.
3. Мокшин Н.Ф. Сон ульнесь васенцеке // Сятко. – 1993. – № 7-8.
4. Осовский Е.Г. Юртов А.Ф. // Мордовия: Энцикл.: в 2-х т. – Т. 2: М-Я. – Саранск, 2004.
5. Рогачев В. И. Истоки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002.
6. Феокистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских эпистолярно-литературных языков (ранний период). – М.: Наука, 1976.

©Рогачев В.И.

ИВАН ЯКОВЛЕВ

(1848–1930)

«50 лет тянул к свету свой народ...»

В статье, основанной преимущественно на опубликованных материалах и источниках, раскрывается жизнь и общественная деятельность выдающегося чувашского педагога и просветителя Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930), известного в стране и мире как теоретика и практика двуязычного начального обучения в дореволюционной России.

Как известно, так называемые инородцы составляли более половины населения Российской империи (57%), которые веками были лишены возможности обучаться на родном языке. Во второй половине XIX столетия в связи с проведением великих буржуазных реформ актуализировалась «инородческая» проблема – какими средствами и методами воздействовать на эту часть населения с целью развития их духовных и материальных сил, а также вовлечения в орбиту рыночных отношений. Невежество, бедность, нищета, социальные болезни, незнание русского языка и культуры стали главными барьерами в использовании их в качестве рабочей силы на фабриках и заводах, налаживании торгово-экономических связей между городом и деревней.

В первое время выход был найден в организации для нерусских народов Поволжья удельных школ с обучением на русском языке. Однако эти учебные заведения не соответствовали уровню поставленных задач, поскольку обучение детей неизвестного учебного материала шло через неизвестный русский язык. Такая практика, основанная на отрицании родного языка в школьном обучении, сопровождалась физическим наказанием учащихся, насильственными действиями и укоренению мысли,

что дети «инородцев» ленивы, упрямы, не хотят и не способны учиться, непригодны для культурного развития.

Летом 1866 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой совершил инспекционную поездку по губерниям Казанского учебного округа. В своем выступлении в актовом зале Казанского университета он отметил, что «обитающие в большом числе почти во всех губерниях этого округа инородцы остаются и доселе в том же невежественном состоянии, в котором они находились несколько столетий тому назад и притом в полнейшей отчужденности от русского элемента... в среде этих инородцев не последнее место по своей многочисленности и невежеству занимают чуваши... Я знаю, что скорых успехов здесь ждать невозможно, но была бы большая заслуга положить начало просвещению этих восточных племен, а за ними и Дальнего Востока».

Практика показала, что начальная школа без национального элемента не способна приобщить инородцев к русской культуре и языку. Поэтому обострилась проблема создания особой системы школьного образования для инородцев. Востребованным оказался опыт сельских учителей и священников, использовавших в процессе обучения и воспитания детей их родной язык. В 1867 г. Святейший Синод разрешил в приволжских епархиях «назначать священников к инородцам из их же среды». В том же году совет Братства святителя Гурия принял решение создать для чувашей школы по образцу крещенотатарской школы Н.И. Ильминского в Казани. Такая практика способствовала признанию роли родного языка в церковной проповеди, в обучении детей Закону Божьему, что в конечном итоге усиливало борьбу с язычеством. Сама практика показала, что дело церкви и школы составляет единое целое и неразделимое, объединение их усилий способствует процессу сближения инородцев с русскими.

В марте 1870 г. Государственным Советом России были утверждены «Правила об образовании инородцев, населяющих Россию». Согласно документу, инородцы первоначально могли учиться на родном языке в различного типа школах и учительских семинариях. Для обучения детей национальных меньшинств в начальной школе на родном языке предписывалось подготовить учителей из среды самих же инородцев, создать и издать учебники и книги религиозно-нравственного содержания.

Эти благоприятные условия были использованы И.Я. Яковлевым для осуществления мечты всей жизни – просвещения и повышения благосостояния родного народа. Чуваша исторически тесно были связаны с Россией, их будущее он видел в сближении и тесном слиянии с русским народом. Основным средством улучшения жизни народа, его духовно-нравственного развития он считал образование и просвещение, приобщение к русско-православной культуре. Поэтому необходимо открывать школы в местностях с чувашским населением, строить

православные церкви, переводить на чувашский язык книги религиозно-нравственного содержания, создавать учебники, художественную и другую литературу для детей и взрослых на чувашском языке, готовить учителей и священников со знанием родного языка. Только при этих условиях чуваша могут сохранить себя как народность. В целом идеи И.Я. Яковлева объективно оказались созвучны духу времени и требованиям российского общества.

Разумеется, о жизни и деятельности И.Я. Яковлева и его Симбирской чувашской учительской школы опубликованы сотни статей и книг, десятки монографий и диссертаций как в России, так и за рубежом. К числу наиболее солидных относятся исследования В.Д. Дмитриева, Г.Н. Волкова, И.А. Маркелова, Н.Г. Краснова, С.С. Спиридонова, Е.В. Владимирова и др. В них нашли отражение различные аспекты многогранной просветительской и общественно-политической деятельности чувашского педагога и патриарха.

Иван Яковлевич Яковлев родился 13 (25) апреля 1848 г. в неприметной чувашской деревне Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Тетюшский район Республики Татарстан). Известно, что его мать скончалась через три дня после рождения сына. Новорожденного сироту усыновил удельный крестьянин той же деревни Пахом Кириллов. Свое имя и фамилию мальчик получил в честь крестного отца – крепостного крестьянина Ивана Яковлева. Детство мальчика проходило в заботах: он был подпаском и целые дни проводил в поле с пастухом Хакимом, который учил его говорить по-татарски, вить кнут, играть на флейте, плести лапти. В книге воспоминаний «Моя жизнь» Яковлев писал о себе: «В детстве я был хилым, тщедушным мальчиком – плохо питался. Мясо употребляли очень редко. Главным образом пища была растительная – суп и хлеб с солью».

Симбирская губерния, как и любая губерния Российской империи, нуждалась в грамотных людях для управления местностями и сбора налогов. Писари, приказные головы, землемеры формировались из числа крестьянских детей в приходских училищах. Ежегодно приказной голова вместе с приходским священником составляли список детей для обучения. Крестьяне считали для себя тяжелой обязанностью отдавать детей на обучение, поскольку это не только лишало их рабочей силы, но и оборачивалось дополнительными расходами по содержанию детей в частных квартирах, обеспечению их приличной одеждой и обувью. Поэтому крестьяне предпочитали откупаться от направления детей в сельские удельные училища.

Летом 1856 г. заведующий Бурундукским уездным училищем священник А. Баратынский приехал в деревню Кошки-Новотимбаево для набора учеников. Он приказал старосте набрать восемь мальчиков, преимущественно из состоятельных семей. Их родителям удалось

откупиться: сумма выкупа в среднем составляла 10–25 руб. за одного ученика. Понятно, что приемные родители не могли заплатить столь солидный выкуп за мальчика и в деревенский список внесли лишь одного Ивана Яковлева, который по требованию священника был доставлен прямо с поля. Крестьяне были довольны: их детей оставили в покое, «а Ивану все равно, у него нет родителей, пусть выручит наших детей и успокоит матерей». Так Иван стал учеником удельного училища, который в целом сыграл позитивную роль в его судьбе.

Обучение в Бурундукском училище велось исключительно на русском языке, поэтому на первых порах было тягостным для нерусских детей. К тому же в учебном заведении применялся Белл-Ланкастерский метод обучения: старшие ученики, проинструктированные учителем, обучали младших. Заведующий Бурундукским училищем законоучитель и священник А.И. Баратынский не признавал дидактических правил и считал, что «...в первый год незнающие или плохо знающие по-русски чувашлята должны, между прочим, выучить повседневные молитвы с голоса, Символ веры и 10 заповедей по книге наизусть, когда они еще не умеют читать».

Следствием взаимного обучения и незнания русского языка была зубрежка предметов, обстановка вражды и национальной розни. Иван Яковлев с горечью рассказывал о времени пребывания в училище и о том незавидном положении, «в каком находились малолетние воспитанники, отданные на полный произвол безнравственных, некультурных старших». Но пытливый юноша не сломался и многое постиг сам. К тому же он около двух лет жил в русской семье Г.И. Мушкеевых, которые научили его изготовлению несложных орудий труда, а также русскому языку.

Благодаря трудолюбию и незаурядной памяти в последнем учебном году И. Яковлев по успеваемости стал самым первым учеником и поэтому заведующий училищем А. И. Баратынский назначил его старостой класса. С этого времени прекратились издевательства старших над младшими учениками. Летом 1860 г. И. Яковлев блестяще окончил удельное училище. Правда, он вспоминал: «При выходе из Бурундукского училища я плохо усвоил русский язык, будучи в состоянии вести по-русски лишь самый простой, несложный разговор. Катехизис Филарета знал наизусть, безошибочно пересказывал на уроках и на экзамене, но из этого катехизиса ровно ничего не понимал».

Осенью того же года он стал учеником землемерно-таксаторских классов при Симбирской мужской гимназии, где готовили сельских мерщиков, чертежников и таксаторов. Открытие этих классов было вызвано предстоящей отменой крепостного права в России. Весь учебно-воспитательный процесс в классах осуществлялся на русском языке, что стало основной причиной отсева многих учащихся. Но по совету священника А.И. Баратынского летом 1861 г. И. Яковлев все свободное

время использовал для освоения русской речи: разговаривал сам собой на русском языке, на том же языке думал и молился. Позитивное влияние на юношу в освоении русского языка и русской культуры оказала семья отставного полковника С.Д. Раевского, которая проявила огромный интерес к одаренному чувашскому мальчику. Впоследствии он с теплотой вспоминал об этой семье: «Я происхожу из удельных крестьян Сибирской губернии, чувашенин по происхождению, но воспитан в русской семье, прошел русскую школу».

В апреле 1864 г. И. Яковлев успешно окончил землемерно-таксаторские классы и получил свидетельство частного землемера и таксатора. По успеваемости и прилежанию он был в числе лучших выпускников. В мае он был утвержден Департаментом уделов сельским мерщиком с жалованьем 120 руб. в год и направлен в Сызрань. Ежегодно с ранней весны и до поздней осени по делам службы И.Я. Яковлев ездил по разным уездам и подолгу жил среди русских, чувашей, татар, мордвы. В этих разъездах многое ему пришлось увидеть, пережить, встретиться с произволом, несправедливостью, жестокостью, отпадением инородцев в магометанство. «Все эти явления глубоко врезались в мою душу, как человека, воспитанного на православно-христианских и русско-патриотических началах», – вспоминал он.

Однообразная служба мерщика не могла удовлетворить растущих духовных запросов 16-летнего юноши и мешала реализации его детской мечты – поступить в гимназию. Поэтому И.Я. Яковлев обращался в разные правительственные инстанции с просьбой уволить его со службы. Увольнение состоялось лишь через девять месяцев в ноябре 1866 г. благодаря личному вмешательству в его судьбу покровителя – генерал-майора С.Д. Раевского и первого учителя А.И. Баратынского, имевших в столице влиятельные связи. Причем Яковлев уволился без всякого выкупа, тогда как по законам удельного ведомства он должен был прослужить 10 лет, а в случае досрочного освобождения – компенсировать все расходы, связанные с обучением в учебном заведении удельного ведомства.

Землемерно-таксаторские классы приравнивались к четырем классам гимназии и назывались низшими. Яковлев намеревался поступить в пятый класс, для чего в свободное от службы время усиленно изучал русский, немецкий, французский и латыньский языки, математику и историю. А всего он сдал 17 вступительных экзаменов по разным предметам и летом 1867 г. был зачислен в Симбирскую мужскую гимназию. Педагогический совет гимназии в марте 1868 г., через полгода после зачисления, принял решение: «...освободить от платы за обучение ученика V класса Яковлева Ивана, отличившегося при бедности отличными успехами и поведением, исправностью в отношении посещения уроков».

В годы учебы в гимназии Яковлев загорелся идеей обучения нерусских детей грамоте для поступления в учебные заведения. С этой целью летом 1868 г. он выехал в Симбирский и Буинский уезды, чтобы набрать учеников. Но удалось уговорить лишь одного – Алексея Рекеева, ставший его первым учеником. Сам еще ученик гимназии Яковлев, одновременно становится и учителем. На втором году обучения в гимназии Яковлев считал себя вполне подготовленным в организации частной школы. Он блестяще учился в гимназии, одновременно руководил созданной им самим же школой-общезитием из 10-15 учащихся. 28 декабря 1868 г. стало днем основания национальной школы по подготовке кадров интеллигенции из чувашей. Всех учащихся гимназист содержал на свои скудные средства, добывая их частыми уроками. Посильная помощь в содержании учащихся поступала и от инспектора народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянова, дружба с которым продолжалась с 1869 по 1886 гг., а также от уездных земств и по подписным листам от состоятельных лиц города.

В июне 1870 г. И.Я. Яковлев окончил Симбирскую мужскую гимназию первым учеником с золотой медалью. Именно в этот период происходит формирование его личности под влиянием русской общественно-политической мысли и освободительных идей польского помещика О.Л. Косинского, отправленного в ссылку в Симбирск после подавления польского восстания 1863 г. Постепенно И.Я. Яковлев пришел к выводу, что народ можно вывести из темноты и невежества путем просвещения. Чувашаи, как и их соседи, должны учиться у русских, знать их язык, чтобы приобщиться к великой русской и передовой мировой культуре, духовно объединиться вокруг русского народа. В 1870 г. он писал: «Любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чувашаи были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом». Яковлев понял не только историческую необходимость духовного и культурного сближения чувашей с русскими, но и начал искать пути реализации этой идеи. Средством приобщения чувашей к русской культуре должны были стать, по его мнению, родной язык, национальная письменность и школа на родном языке.

К реализации этих проектов И.Я. Яковлев приступает после поступления в 1870 г. в императорский Казанский университет. Высокая плата за обучение и плохие материальные условия затрудняли поступление в университет молодым людям нерусской национальности. В судьбе студента «чувашенина Яковлева» в этот период деятельное участие приняли директор Симбирской мужской гимназии И.В. Вишневский и попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков. Благодаря их усилиям он был не только освобожден от платы за обучение в университете, но ему назначили стипендию «по 200 рублей в год из сумм

Министерства народного просвещения до окончания им университета». Таким образом, для Ивана Яковлева в университете создались благоприятные условия не только для учебы, но и общественно-просветительской деятельности.

Еще в годы обучения в Симбирской мужской гимназии И. Яковлев приступил к созданию частной школы, а в период обучения в Казанском университете – нового чувашского алфавита и изданию книг, включая букварь. В эти годы он находился под сильным влиянием видного тюрколога профессора Казанского университета Н.И. Ильминского, педагогическая и просветительская деятельность которого была направлена на распространение православия среди нерусских народностей. Именно он убедил студента И.Я. Яковлева в необходимости перехода от подготовки в частной школе отдельных чувашских юношей для поступления в учебные заведения к созданию национальной школы в целях просвещения всего чувашского народа.

Реализацию данного проекта он начал с создания чувашского алфавита и издания букварей. Первый вариант чувашского алфавита состоял из 47 букв и оказался неудачным. Затем И.Я. Яковлев усовершенствовал и создал окончательный вариант алфавита из 25 букв на основе русской графики. В 1872/1873 учебном году он на свои средства выпустил «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» с чувашской и русской частями, что было важно для приобщения чувашских детей к образованию и русской культуре. Двухязычные буквари И.Я. Яковлева стали главным учебником для изучения чувашского и русского языков. В отчете Казанского учебного округа за 1872 г. отмечалось: «В чувашских школах введен составленный Яковлевым букварь, который приносит большую пользу ученикам-чувашам на первых годах обучения».

И.Я. Яковлев оказался первым из инородцев, который помог Российскому государству в распространении русско-православного просвещения среди чувашского народа. В созданной им Симбирской чувашской школе уже обучалось 45 учащихся, среди которых чувашаи, русские, татары и мордва. Поэтому в начале 1871 г. благодаря участию инспектора народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянова Министерство народного просвещения приняло на свой бюджет Симбирскую чувашскую школу, в 1872 г. – одобрило создание нового чувашского алфавита, а опубликованные на нем буквари и учебники рекомендовало использовать в школах. Симбирская чувашская школа готовила воспитанников к учительской работе в чувашских селениях и деревнях. Несмотря на травлю со стороны представителей чиновничества, духовенства и дворянства, обвинявших Яковлева в сепаратизме, национализме, в создании чувашской школы в русском губернском городе и прочих грехах, им была начертана магистральная линия развития чувашской письменности и грамотности. Чувашский язык на базе

«яковлевского» алфавита постепенно становится языком школы, церкви и государственной жизни.

В студенческие годы И.Я. Яковлев продолжал работать также как частный учитель. В 1872–1873 учебном году, например, он давал уроки русского языка дочери инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа В.В. Радлова, ставшего впоследствии ученым с мировым именем.

По окончании университета в августе 1875 г. И.Я. Яковлев был назначен исправляющим обязанности инспектора чувашских школ Казанского губернского округа, куда входили школы Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской и Вятской губерний. Он в течение 28 лет вплоть до 1903 г., до ликвидации этой должности, заботился о чувашских школах Поволжья и Приуралья, о просвещении нерусских народов Востока России. «Приходя в близкое соприкосновение с чувашами, нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю бедноту и скудость материальную, а более духовную», – писал патриарх. И.Я. Яковлевым и его учениками в Поволжье и Приуралье был открыто более 400 чувашских школ, построено десятки новых школьных зданий. Инспектор И.Я. Яковлев открывал также школы для русских, мордвы и марийцев. При многих школах имелись образцово поставленные земельные участки и ремесленные мастерские, что способствовало налаживанию качественного обучения и воспитания учащихся. Благодаря его неутомимой деятельности к 1917 г. грамотность чувашского населения Поволжья и Приуралья превысила 12%.

Параллельно он руководил Симбирской чувашской школой. В апреле 1877 г. по многочисленным ходатайствам И.Я. Яковлева Министерство народного просвещения официально разрешило готовить учителей для чувашских школ в центральной Симбирской чувашской школе. Это – единственное профессиональное учебное заведение в Поволжье и в истории чувашского народа. Выпускники Симбирской школы пользовались теми же правами и льготами, что и выпускники учительской семинарии и уездного училища, включая отсрочку от воинской повинности и освобождение от натуральных налогов.

И.Я. Яковлев внутри знал о тяжелом положении женщины в деревне, считал несправедливым оставить женщин-чувашек в невежестве. В 1870 г., еще будучи студентом университета, И.Я. Яковлев загорелся идеей просвещения чувашских женщин, на организацию для них особых школ. С этим проектом он не раз безрезультатно обращался в Казанский учебный округ и в Министерство народного просвещения.

В 1878 г. И.Я. Яковлев снова поднял вопрос о просвещении чувашских женщин, для чего предлагал открыть при Симбирской чувашской школе женское отделение с курсами двухклассного училища. В том же году, не дожидаясь официального разрешения, начал набор

девушек в будущее женское училище. Все расходы по содержанию учебного заведения он принял на себя вплоть до 1881 г. Так по инициативе И.Я. Яковлева в Симбирске возникла чувашская женская школа, заведование которой он поручил супруге Екатерине Алексеевне, урожденной Бобровниковой, приемной дочери Н.И. Ильминского. Первые десять лет она была единственной учительницей и воспитательницей в женском училище. Таким образом, женское отделение (училище), открытое в 1878 г., стало первым чувашским женским учебным заведением в дореволюционной России. Из его стен вышли много учительниц для чувашских школ, а наиболее одаренные студентки получили высшее образование на Петербургских, Московских женских курсах и в педагогическом женском институте.

Симбирская чувашская школа стала кузницей учительских кадров для сельских школ. И.Я. Яковлев плодотворно занимался разработкой методологии обучения в национальной школе, составлял и выпускал учебники и учебные пособия, организовал перевод на чувашский язык учебной, художественной, сельскохозяйственной, медицинской, религиозной и другой необходимой литературы. В школу принимались «крещеные и некрещеные чуваша, русские, крещеные татары без ограничения возраста, как правило, с 11 до 18 лет. В первый год обучение велось на чувашском языке, а на старших курсах – на русском языке. Учебный план школы предусматривал изучение русского и церковнославянского языков, арифметики, Закона Божьего и др. В школе действовало четыре хора учительской семинарии: мужской, женский и два смешанных, три оркестра – духовой, струнный и симфонический.

Помимо художественной подготовки будущие учителя изучали пчеловодство, животноводство, овощеводство, хмелеводство, земледелие, осваивали трудовые навыки в учебных мастерских. Поэтому И.Я. Яковлев в ноябре 1894 г. представил в Министерство земледелия проект организации в Симбирске низшей сельскохозяйственной школы. Министерство одобрило этот план и 1 октября 1896 г. в г. Симбирске была открыта сельскохозяйственная школа (училище).

Симбирская чувашская учительская школа по успеваемости и прилежанию учащихся, соединению их обучения с производительным трудом занимала одно из первых мест в Казанском учебном округе. Поэтому попечитель округа выделил 450 руб. на поездку учащихся Симбирской чувашской школы в Нижний Новгород на Всероссийскую художественно-промышленную выставку в 1896 г. На ней школа представила свои экспонаты: учебные программы, тетради, отчеты о состоянии фермы, фотографии, предметы рукоделия учащихся – вышивки, женские платя, женские пояса, женские головные уборы, полотенца, вышитые чувашским швом и др. Неподдельный интерес к пению учащихся школы проявили губернатор Нижнего Новгорода Н.М. Баранов и министр

финансов Российской империи С.Ю. Витте. Министр попросил спеть хор «Спаси, Господи» и «Отче наш» по-чувашски и «Спаси, Господи» по-славянски, а также указал место, где «они должны стоять во время посещения выставки их императорскими величествами и что петь». Все было сделано так, как просил министр С.Ю. Витте. 19 июля 1896 г. хор учителей и учащихся школы исполнил «Спаси, господи, люди Твоя» и псалом по-чувашски, когда мимо павильона проходила императорская свита во главе Николая II и его супруги. После лучшие учащиеся школы во главе И.Я. Яковлевым и других учителей побывали не только в Нижнем Новгороде, но и в Москве, Казани, Костроме, Ярославле.

Кстати, император Николай II знал И.Я. Яковлева лично, а не только по отчетам симбирских губернаторов и министров народного просвещения. Первая их встреча состоялась, как уже отмечалось, летом 1896 г. на всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, а вторая – в мае 1905 г.: Яковлев был приглашен в Санкт-Петербург для участия в работе Особого совещания по образованию восточных «инородцев» России. По окончании совещания все его участники были приглашены Николаем II на прием. И.Я. Яковлев стоял четвертым, за ним остальные 40 членов комиссии. «Государь задал мне несколько вопросов: «Вы перевели книги на чувашский язык? Какие книги? Где служили? Сейчас вы инспектор Симбирской чувашской школы? Все заметили, что государь со мной говорил 8 минут, т.е. дольше, чем с кем-либо другим», – вспоминал он.

В 1908 г. широко отмечалось 40-летие Симбирской чувашской учительской школы и 60-летие ее основателя И.Я. Яковлева. Более 400 приветственных телеграмм и писем со всех концов России поступила в адрес комиссии по празднованию юбилея школы. Характерным для всех писем и статей было признание огромных заслуг школы и И.Я. Яковлева в распространении грамотности и научных знаний среди народов Поволжья. Действительно, за 40 лет из квартирной школы она превратилась в целый комплекс учебных заведений: в учительской школе, мужском и женском начальных училищах, женских педагогических курсах обучалось 273 учащихся. В распоряжении учебных заведений находились более 300 гектаров земли, большая животноводческая ферма, пасека, сад, огород, питомник, учебно-производственные мастерские. Крестьяне, приезжавшие в губернский город, приобретали в школе семена, рассаду овощей, саженцы фруктовых деревьев.

Уникальная система просвещения, разработанная И.Я. Яковлевым, была положена в основу новых Правил для нерусских школ Востока России, утвержденных 1 ноября 1907 г. Эти правила установили четырехлетний срок обучения в национальных начальных школах со значительным расширением сферы применения в них родного языка как орудия мышления и познания, средство духовного развития

подрастающего поколения. Особенность его образовательной системы и практики состояла в превращении школы в действенный социально-культурный центр с учителем во главе. В то время как основная идея профессора Казанского университета Н.И. Ильминского заключалась в превращении сельской школы в миссионерский очаг со священником во главе. С целью эффективного внедрения своей системы в практику народного образования И.Я. Яковлев совместно с земскими деятелями и своими учениками в 1882–1916 гг. организовывал временные педагогические курсы и съезды, в работе которых принимали участие русские, чувашские, марийские, мордовские, удмуртские, татарские и калмыцкие учителя. Всю педагогическую систему И.Я. Яковлева пронизывают идеи дружбы народов, демократизма, гуманизма, вера в духовные силы народа. В ее системе огромное значение придавалось трудовому обучению и воспитанию учащихся.

Многолетний добросовестный труд И.Я. Яковлева на ниве просвещения народа и на благо России не остался незамеченным обществом. Он был награжден пятью орденами и четырьмя медалями. В 1904 г. заслужил высокого чина действительного статского советника, стал выслужным потомственным дворянином.

Необходимо заметить, что претворение в жизнь великой цели национального подъема и просвещения народа, осуществление замыслов и проектов И.Я. Яковлева наталкивалось на огромные трудности и сопротивление чиновников в центре и на местах. Представители дворянства и духовенства, попечители Казанского учебного округа постоянно обвиняли его в национализме и сепаратизме, в стремлении к отторжению чувашей от русских и т.д. Демократический характер Симбирской чувашской учительской школы, защита национального языка и культуры стали предметом особого надзора со стороны Казанского учебного округа и духовного ведомства. Первоначальное обучение на родном языке в национальных школах многими инспекторами народных училищ Казанского учебного округа рассматривалось как нечто антирусское и вредное для высших интересов России.

И.Я. Яковлев намеревался организовать чувашскую гимназию в Симбирске за счет доходов, полученных главным образом от деятельности учебно-производственных мастерских (изготавливались оконные рамы, мебель, классные доски и пр.), а также фермы. И.Я. Яковлев разработал также проект преобразования учительской школы в семинарию, женских педагогических курсов в гимназию. С другой стороны нависла реальная угроза над учебным заведением. В 1916 г., когда министром народного просвещения стал бывший попечитель Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкий, ярый враг «инородческого» просвещения, был разработан проект закрытия Симбирской чувашской учительской школы. Но этим планам не суждено сбыться: помешала первая мировая война, затем

февральская и октябрьская революции, которые смели не только царских министров, но и их планы.

В первые годы революции И.Я. Яковлев занимался переводом на чувашский язык Конституции РСФСР, принятой в 1918 г. Он принял образование Чувашской автономной области в июне 1920 г. В приветствии первому съезду Советов Чувашской автономной области отметил: «Позволю себе выразить пожелание, чтобы работа над чувашской культурой развивалась в строгом согласии с державными интересами и идеалами великого русского народа, совершающего ныне мощный поворот в сторону демократизации своего общественного и политического строя». Он считал, что действенным средством освобождения народа от социально-экономического и политического гнета являются просвещение и проведение демократических реформ, а не революции и насилие.

Но местные коммунисты считали И.Я. Яковлева чуть ли не противником революции. В газетах Симбирской и Казанской губерний появились публикации с обвинениями И.Я. Яковлева в русификации чувашей, измене их национальным интересам, также ультимативные письма с угрозами. В апреле 1918 г. И.Я. Яковлев был отстранен от руководства семинарий. Тогда в ситуацию решительно вмешался и спас председатель Совнаркома В.И. Ленин, который отправил в Симбирск телеграмму: «Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет проработавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни».

Но ни вмешательство В.И. Ленина, ни заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского не могли защитить И.Я. Яковлева от нападков местных коммунистов, среди которых было немало выпускников «яковлевской» школы. По ложным обвинениям в контрреволюционной деятельности его неоднократно вызывали в следственные органы, лишили членов семьи водопроводной воды с целью заставить покинуть занимаемую квартиру. В целом были созданы невыносимые условия для работы и жизни в Симбирске. В 1922 г. 75-летний И.Я. Яковлев вынужден был покинуть Симбирск, где для родного народа в свое время зажег светоч просвещения. Умер в Москве 23 октября 1930 г., похоронен на Ваганьковском кладбище.

Итак, в формировании личности И.Я. Яковлева многое сыграла семья. Если семья чувашского крестьянина Кириллова дала ему путевку в жизнь, то семьи Мушкеевых и Раевских приобщили к русскому языку и культуре. А семья польского помещика О.Л. Косинского пробудила в чувашском мальчике чувства национального самосознания. Среди

чувашей первым гимназистом и студентом университета был И.Я. Яковлев.

Его мировоззрение и педагогические идеи начали складываться в период буржуазных реформ 1860–1870-х гг., трансформировались в условиях капитализма и советской действительности. Противоречивость его взглядов обусловлена той эпохой, в которой ему пришлось жить, творить и действовать за развитие просвещения бесправных и угнетенных народов Поволжья. И.Я. Яковлев разработал уникальную систему образования и воспитания молодого поколения нерусских народов–христиан Поволжья, основанной на принципах двуязычия. Она включала в себя первоначальное обучение на родном языке в первых двух классах с переходом в дальнейшем на двуязычное обучение (на русском и родном языках), четырехгодичный срок обучения в начальных школах вместо трехгодичного в русских школах, шестилетний в двухклассных училищах, подготовку кадров учителей для национальных школ главным образом из представителей коренной национальности, издание учебной и духовной литературы на родном языке, открытие и строительство сельских школ.

Огромной заслугой И.Я. Яковлева является создание чувашского алфавита на основе кириллицы – новой чувашской письменности, издание книг учебной, художественной, исторической, сельскохозяйственной, медицинской, музыкальной, религиозной и другой литературы на чувашском, а также русском и татарском языках. Среди них литературный сборник «Сказки и предания чуваш» (Симбирск, 1908), «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним» в двух томах (Симбирск, 1908, 1912). И.Я. Яковлев выпустил чувашские буквари разных вариантов 33 раза.

В его просветительской деятельности важное место занимала переводческая работа. Вместе с преподавателями и учениками Симбирской чувашской учительской школы он переводил на чувашский язык и издавал учебные пособия Л. Толстого, Ф. Петрушевского, Ф. Баранова и других, произведения русских и зарубежных писателей. В 1911 г. его заботами был издан на чувашском языке Новый завет, за что Британское и иностранное библейское общество в Лондоне приняло его в число своих почетных членов.

Основанная им Симбирская чувашская учительская школа с женскими педагогическими курсами при ней подготовила более 1,2 тыс. учителей для работы в национальных школах, среди которых до 25% составляли русские, украинцы, мордва, марийцы, татары и представители других национальностей. Эта школа выпускала учителей с отличной профессиональной подготовкой с глубокими знаниями по гуманитарным и естественным наукам, педагогике, психологии, в совершенстве владеющих родным и русским языками, преданных благородному делу просвещения народа. Из стен школы И.Я. Яковлева вышло первое поколение

выдающихся чувашских педагогов, деятелей науки, культуры, художественной литературы и искусства, видных государственных и военных деятелей.

В своем завещании чувашскому народу, написанном 4 августа 1921 г., И.Я. Яковлев пожелал соплеменникам стать высокообразованной, культурной, деятельной, нравственно чистой, дружной и преданной России нацией. «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ... Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью... Кому выпало счастье получить образование, помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам... Долг работать над просвещением чувашей лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их среды... Берегите семью: в семье опора народа и государства», – завещал И.Я. Яковлев.

Разумеется, чувашаи должны молиться об И.Я. Яковлеве и свято выполнять его завещание родному народу. Поскольку со слов епископа Чебоксарского и Алатырского о. Савватия, И.Я. Яковлев «был послан самим Господом Богом для спасения многострадального, трудолюбивого чувашского народа». Выполнение завещания патриарха несомненно способствует подъему образования и культуры чувашского народа.

24 июня 1997 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление «О праздновании 150-летия со дня рождения И.Я. Яковлева». В документе подчеркивалось о неocenимом вкладе чувашского просветителя и гуманиста в приобщении коренных народов Поволжья и Урала к достижениям мировой цивилизации, общероссийской значимости его педагогического и духовного наследия. Такова заслуженная оценка многогранной и многотрудной деятельности И.Я. Яковлева на ниве просвещения и духовного подъема народов России.

Источники и литература

1. Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность. Сборник статей. – Чебоксары, 2006.
2. Износков И. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. – М., 1909.
3. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Изд.2-е доп. – Чебоксары, 2007.
4. Труды историко-археологического института. Т. XVI. Материалы по истории народа СССР. Вып. 6. – М.-Л., 1936.
5. Яковлев И.Я. Воспоминания. 2-е доп. изд. – Чебоксары, 1983.
6. Яковлев И.Я. Материалы к истории Симбирской чувашской школы. – Симбирск, 1915.
7. Яковлев И.Я. Моя жизнь. – М., 1997.
8. Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. – Чебоксары, 2004.

©Орлов В.В.

ЯНОШ АПАЦАИ ЧЕРЕ

(1625–1659)

Янош Апацаи Черё – педагог-просветитель, первый венгерский энциклопедист, основоположник образования на родном языке – является одним из самых выдающихся личностей трансильванской культуры. Его имя неразрывно связано с городом Клуж-Напока (Cluj-Napoca; венг.: Kolozsvár), так как тут он провёл самую плодотворную часть своей жизни, тут и похоронен.

К сожалению, биография Яноша Апацаи Черё не вполне известна и не дошёл до нас ни один правдивый его портрет, ничего не известно о его родителях. Но тем не менее, он, по словам его ученика Миклоша Бетлена «открыл для Трансильвании дверь к настоящим наукам».

Известно, что он родился в калвинистской секлерской семье, по всей вероятности, в 1625 году в селе Апаца (Aráca), где он получил основное образование на латыни.

Не известно также, в каком возрасте он начал учёбу в городе Коложваре. (Надо упомянуть, что в это время в городе существовала калвинистская средняя школа.) В первые школьные годы большое влияние на развитие будущего учёного оказали взгляды его преподавателя Андраша Порчальми (Porcsalmi András), который внушил своему ученику идею важности усвоения энциклопедических знаний и эмпирических наук.

Апацаи переехал учиться в город Альба-Юлия (Alba Iulia, венг.: Gyulafehérvár), в высшее учебное заведение, основанное Габором Бетеном (Bethlen Gábor). Тут он учился с 1643 по 1648 год, во время правления князя Дьёрдя Ракоци I (I. Rákóczi György), получив потом и стипендию от государя. Епископ Трансильвании Иштван Катона Гелеи (Geleji Katona István) заметил незаурядные способности молодого студента и отправил его в 1648 году в Голландию, в одно из самых разитых государств того времени, в Утрехтскую академию.

Надо добавить, что большое влияние на его развитие оказал в годы студенчества в Дьюлафехерваре и Генрих Бистерфельд (Bisterfeld Henrik), сам учившийся в Голландии и в Англии, которого из-за проведённых опытов по физике и химии, местные жители считали колдуном. Генрих Бистерфельд был сторонником пуританской идеологии, развития логики, вызвав неодобрение местных, более консервативных представителей реформатской церкви. Он внушил своему студенту веру в прогресс и просвещение.

Кроме Утрехтского университета, Апацаи учился и в Лейденском, Гардервийкском университетах, хотя изначально он поступил в Франкерейский университет, где стал он изучал восточные языки в течение шести месяцев.

В Гардервийском университете он защитил в 1651 году свою докторскую диссертацию, став первым доктором наук Гардервейкского университета (факт, подтверждённый документами). Темой его диссертации послужил первородный грех человека и работа состояла из 20 глав. Вернувшись в Утрехт, он женился на Алетте ван дер Мэт (Aletta van der Maat), дочери местной состоятельной семьи.

Так показалось всем, что он останется в Утрехте преподавать в университете, но он решил вместе с женой вернуться на родину. Уже в Голландии начал работу над главным произведением – Венгерской Энциклопедией (Magyar encyclopaedia). Там же он начал её издавать уже в 1653 году.

В Голландии Апацаи, познакомился с материалистическими и рационалистическими тезисами Бэкона и Декарта, с энциклопедическими усилиями Воеция. Их просветительские идеи обратили внимание молодого учёного на отсталые культурные отношения Трансильвании. В Голландии Янош Апацаи Череш изучал не только научные дисциплины. Он задумался и об огромной разнице между западным бытом и трансильванскими обстоятельствами, пришёл к выводу, что недостаточно только жаловаться, надо действовать. Необходимо уточнить, что его, кроме высокого жизненного уровня в Голландии, покорила и доступность образования в этой стране, применение на практике достижений науки, обучение на родном языке.

После того как он вернулся на родину вместе с женой, стал преподавать в Дьюлафехерваре риторику, логику и древнегреческий язык. В своей вступительной речи он ярко выступал против догматизма и схоластики, вызвав как одобрение, так и сопротивление со стороны профессуры. Неодобрителем его передовых идей оказался и Исаак Басириус, бывший священник казнённого английского короля Карла I. После острого конфликта с Басириусом в присутствии князя Дьёрдя Ракоци II, 20 ноября 1656 года его принудили покинуть Дьюлафехервар. Потеряв поддержку князя Дьордя Ракоци II, по хлопотам вдовы Дьордя Ракоци I и матери князя, он смог продолжить свою преподавательскую деятельность, став директором менее престижной Коложварской реформатской школы. Тут для него начался самый плодотворный период его просветительской деятельности.

В Коложваре новаторские идеи Апацаи, его эрудированность вызвали уважение и поддержку. Введение обучения на родном языке с начального этапа образования и его бесплатность на всех уровнях, от начальной школы до высшего считаются самыми передовыми, опережавшие на несколько столетий своё время, идеями Апацаи. Он был инициатором создания в Венгрии трехступенчатой школьной системы (начальная, средняя и высшая школа).

Апацаи работал над планом создания современного трансильванского университета, чтобы таким образом способствовать формированию местной интеллигенции. К сожалению, из-за конфликта с Османской империей, проблема улучшения образования отошла на задний план.

Среди самых известных учеников Апацаи следует упомянуть имя Миклоша Бетлена (Bethlen Miklós) и Ференца Папаи Парис (Pápai Páriz Ferenc).

Янош Апацаи Череш умер в возрасте 33 лет в 1659 году. Идея великого венгерского-трансильванского просветителя о том, что образование человека надо начинать на его родном языке является по сей день актуальной, но в его время она казалась весьма удивительной. И мысль его о бесплатности начального образования была очень передовой, если учитывать, что она стала одним из прав человека лишь в XX веке.

Венгерская Энциклопедия является главным произведением Яноша Апацаи Череш. Она способствовала формированию научной терминологии на венгерском языке.

Энциклопедия была создана на венгерском языке, несмотря на то, что автор прекрасно владел латынью и европейскими языками. Источниками его работы послужили произведения самых известных учёных: Декарта, Рамса, Скрибония, Феннера. Несмотря на её недостатки, Венгерская Энциклопедия Апацаи считалась важным синтезом научной информации XVII века.

Первая глава Венгерской энциклопедии посвящена началам науки, содержит теорию познания и метафизику Декарта. Во второй и третьей главах автор описывает логику как науку на основе спекулятивных методов Амезиуса и Рамуса. В четвёртой главе находим математические знания того времени. В пятой главе представлена геометрия того времени. Шестая глава посвящена астрологии. Седьмая глава трактует проблемы наук о живой и неживой природе. В восьмой главе речь идёт о технических и сельскохозяйственных знаниях того времени. В девятой главе находим описание истории человеческой. Десятая глава содержит проблемы прикладной философии, этики, политологии, педагогики. Последняя глава трактует вопросы теологии. В этой главе находим перевод автора из работ Амезиуса.

Другие опубликованные произведения Яноша Апацаи Череш:

1. Disputatio theologica, continens introductionem ad philologiam sacram, quam favente Deo Opt. Max. sub praesidio D. Gisberti Voetii SS. Theol. Doct. ejusdemque facultatis in inclytâ Acad. Ultraject. Profess. ac ibidem in ecclesiâ pastoris vigilantissimi. Ventilandum proponit, Johannes Tseres Apatzai Transylvanus. Ad diem 23. & 27. Martii horâ locoque solitis. Ultrajecti [Utrecht]: Ex officina Joannis à Waesberge. 1650. – Собрание учений Воеция – учителя Арацаи, с замечаниями Апацаи.

2. Disputatio theologica inauguralis de primi hominis apostasia, quam sub auxilio omnipotentis Dei, ex autoritate clarissimi doctissimi & celeberrimi viri D. Gisberti Ab Isendoorn Academiæ Hardervicenaе, quae est Ducatus Gelriae et Comitatus Zutphaniae, p. t. rectoris magnifici, ibidemque philosophiae professoris primarii, nec non medicinae licentiatii, amplissimique senatus academici consensi ac venerandae facultatis theologicae decreto, pro doctorali in theologia gradu consequendo ventilandam proponit Iohannes Tsere Apatzai Transylv. Ad diem 22. Aprilis. Hardervici. Hardervici [Harderwijk]: Typis Egberti Arnoldi a Nunspeet. 1651.
3. Magyar logicska, melyet a kitsindedek számára irt Apatzai Janos, egy a' tudomány dolgában meg kívántatott tanatstsal egyetemben [Маленькая венгерская логика для детей]. Fejervarat [Gyulafehérvár]: Maior Marton. 1654. В приложении: Tanács, melyet Joachymus Fortius ad Apáczaи János által egy tanulásba elcsüggedt iffjunak [Советы от Яноша Апацаи молодому обескураженному ученику] – A humanista Joachim Fortius Ringelbergius 1529-ben kiadott tanulás-módszertani és erkölcsi útmutatójának tömörített átdolgozása Обработка учений Йоакима Форциуса Рингелбергского (Joachim Fortius Ringelbergius) с 1529 года.
4. Johannis Apatzai: Oratio de studio sapientiae, in qua artium et scientiarum omnium utilitas, earumque ortus et ab Adamo ad Hebraeos, ab Hebraeis ad Chaldaeos, ab his ad Aegyptios, ab Aegyptiis ad Graecos, a Graecis ad Arabas et Latinos progressus et inter eos cultura promotioque breviter perstringitur, ob hancque causam harum linguarum necessitas probatur. Postremo modus ostenditur, quo gens Hungarica hujus Sapientiae non tantum particeps fieri, sed brevi illas omnes si non superare, aequare saltem potest: Habita, cum rectorum in [...] collegio Albensi susciperet [...] MDCLIII mense Novembri. Ultrajecti [Utrecht]: Ex Officina Joannis a Waesberge. 1655[!1653].
5. Disputatio philosophica de mente humana. Varadini [Nagyvárad]: Apud Abrahamum Kertesz Szenciensem. 1658.
6. Disputatio de politia ecclesiastica. Claudiopoli: k. n. – Известный по сведениям Петера Бота, потерянный дискуссионный очерк.
7. Catechismus secundum dogmata Calvinii. Amstelodami: k. n. 1658.

Память о великом трансильванском просветителе увековечена в названиях учебных и культурных заведений, как например, Средняя школа им. Яноша Апацаи Черы в г. Клуж-Напоке (Румыния), Средняя школа им. Яноша Апацаи Черы в городе Залаэгерсэг (Венгрия), Педагогический Институт им. Яноша Апацаи Черы в г. Дьёр (Венгрия), Культурный центр им. Яноша Апацаи Черы, г. Печ (Венгрия). Несколько начальных школ носят его имя в Венгрии. В городе Гардервийке (Голландия) поставили ему мемориальную доску. В его родном селе поставили его бюст в 1975

году (скульптор: Елена Гарига). В V квартале города Будапешт существует улица Апацаи. Могила Апацаи находится на центральном кладбище города Клуж-Напоки. Поэт Лайош Априли (Áprily Lajos) посвятил жене Апацаи Алэitte ван дер Мэт прекрасные стихи «Весна на кладбище Хажонгард» («Tavas a Házsongárdi temetőben»).

Источники и литература

1. Bán Imre, Apáczaи Csere János Magyar Enciklopédiája (Első tudománytárunk megjelenésének 300. Évfordulójára), in *Irodalomtörténet*, 41 évf. 1-2 sz. 1953. Pp 146–166.
2. Deák Árpád: Apáczaи Csere János iskolánkba költözött. Elhangzott 1995 május 24-én, Apáczaи Csere János születésének 370 évfordulóján, a szoboravató ünnepségen. Megjelent: Apáczaи csere János elméleti 339ikipe évkönyve, 1995-1996. 11 o.
3. Fábián Ernő, Apáczaи Csere János, Kolozsvár, Dacia Könyvkiadó, 1975.
4. Fehér Katalin: „Megnyitá a valóságos tudományoknak ajtaját” Apáczaи Csere János évfordulójára, in *Neveléstörténet*, 2 évf. 1-2sz., 2005. Pp 182–186.
5. Fodor László: Apáczaи Csere János jelentősége az erdélyi 339ikipe nevelés történetében. A kolozsvári Apáczaи Csere János elméleti 339ikipe évkönyve, 1999-2000. Pp 10–11.
6. Gyalui Farkas, Apáczaи Cseri János életrajzához és műveinek bibliográfiájához, Kolozsvár, Ajtai Nyomda, 1892.
7. Szigeti József: Előszó. In : Apáczaи Csere János: Magyar logikácska, Bukarest, Kriterion Könyvkiadó, 1975.
8. Янош Апацаи Черы [электронный ресурс] // http://www.dates.gnpbu.ru/0-5/Apazai_Csere/apazai_csere.html [29.06.2019].
9. Апацаи Черы, Янош [электронный ресурс] // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
©Барталиш Ю., Лакатош А.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Гаухар Сатыбалдиновна – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Алпысбес Махсат Алпысбесұлы – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Амирлан Сейдин Елсуйер улы – старший научный сотрудник Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук (Нукус, Узбекистан)

Артур Лоранд Лакатос (Artur Lóránd Lakatos) – доктор исторических наук (PhD), научный работник Румынского института эволюции и стратегии (IRES) Русского культурного центра Университета им. Бабеша – Бойаи (Клуж-Напока, Румыния)

Асирдинова Толкун Жолдошбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кыргызского языкознания Исык-Кульского государственного университета имени К. Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан).

Бердагулова Сагинтай Кенесовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан-Елбасы (Нур-Султан, Казахстан).

Бурцев Анатолий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор. Академик Академии наук Республики Саха (Якутия) (Якутск, Россия).

Ванюшев Василий Михайлович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Почетный профессор Удмуртского государственного университета, народный писатель Удмуртии (Ижевск, Россия).

Волдина Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия).

Гафурова Зинаида Рузвиновна – ст.преподаватель кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва, Россия).

Давлеткулов Ахмет Хажмухаметович – доктор философских наук, профессор кафедры башкирской литературы и культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

Дугаров Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия).

Душшеев Женишбек Аманисакович – кандидат исторических наук, профессор, директор Института непрерывного открытого образования Международного университета им К.Ш. Токтомаматова (Жалал-Абад, Кыргызстан).

Дукенбаева Задаш Оразгаликызы – доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Дыртык-оол Анна Оюновна – кандидат исторических наук, заведующая отделом истории Национального музея республики Тыва (Кызыл, Россия).

Кадыркулова Упел Керимбаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Исык-Кульского государственного университета имени К.Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан).

Кадыров Мухаммад – кандидат философских наук, доцент кафедры восточной философии и культуры Ташкентского государственного института востоковедения (Ташкент, Узбекистан).

Каландаров Тохир Сафарбекович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

Каленова Тенгеш Серикбаевна – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Кунафин Гиниятулла Сафиулович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заведующий кафедрой башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

Курмансеитова Аминат Хасановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ногайского отдела Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (Черкесск, Россия).

Лаврова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Майнагашева Нина Семеновна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).

Мамышева Елена Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия).

Масленников Дмитрий Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

Надергулов Минлегалли Хусаинович – доктор филологических наук, заведующий отделом литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).

Номогоева Виктория Владимировна – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия).

Орлов Виталий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, проректор по научной работе Института государственного администрирования (Москва, Россия).

Охонидзов Варка Дустович – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан (Хорог, Республика Таджикистан).

Рогачев Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института им М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия).

Садыков Тлеген Садыкович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан).

Санжиева Татьяна Ефремовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия).

Сейтмететова Сельвина Алиевна – старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»; младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Бахчисарай, Россия).

Сивцева-Максимова Прасковья Васильевна – доктор филологических наук, профессор, директор Института А.Е. Кулаковского Северо-Восточного федерального университета им.М.К. Аммосова (Якутск, Россия).

Сиражитдинова Нафиса Миндияровна – кандидат филологических наук, научный редактор отдела энциклопедистики

Государственного автономного учреждения Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия» (Уфа, Россия).

Соегова Айна Мурадгелдиевна – преподаватель Туркменского национального института мировых языков им. Довлетмаммеда Азади (Ашхабад, Туркменистан).

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, заведующая ногойским отделом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при правительстве КЧР (Черкесск, Россия).

Фархшатов Марсиль Нуруллович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).

Халиуллина Нурия Усмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, методист НОЦ Института Каюма Насыри в г. Уфе (Уфа, Россия).

Харунова Марианна Монге-Байыровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия).

Хусаинова Алина Ямилевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Хусаинова Гульнур Равиловна – доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия).

Челтыгмашева Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия).

Чинина Эльвира Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия).

Шарипова Зайтуна Яхиевна – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Республики Башкортостан и Российской Федерации (Уфа, Россия).

Шаяхметов Нурбек Уахапович – доктор исторических наук, профессор ТОО «Astana IT University» (Нур-Султан, Казахстан).

Юдит Барталиш-Бан (Judit Bartalis-Bán) – доктор филологических наук (PhD), старший преподаватель, руководитель Русского культурного центра Университета им. Бабеша – Бойаи (Клуж-Напока, Румыния)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
АКМУЛЛА.....	5
ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН.....	13
ИШЕНААЛЫ АРАБАЕВ.....	20
ЮРИЙ АРАНЧЫН	23
МУХАММЕДКУЛИ АТАБАЕВ	32
АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ.....	38
ДОРЖИ БАНЗАРОВ.....	45
МАХМУДХОДЖА БЕХБУДИ.....	54
МИРСАЛИХ БИКСУРИН.....	58
МИХАИЛ БОГДАНОВ	63
ГРИГОРИЙ ВЕРЕЩАГИН	70
ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ	79
МАЖИТ ГАФУРИ	85
БОРИС ГОЛОВИН	93
АБДУЛ-ХАМИД ДЖАНИБЕКОВ	97
МАКАР ЕВСЕВЬЕВ.....	106
МАРТИНИАН ИВАНОВ	112
НИКОЛАЙ КАРАМЗИН.....	116
МУСТАЙ КАРИМ.....	123
НИКОЛАЙ КАТАНОВ.....	133
ГАРИФУЛЛА КНИКОВ.....	141
ВАСИЛИЙ КОБЯКОВ	147
ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДИЕВ	155
САЛИХЪЯН КУКЛЯШЕВ	163
АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ.....	168
АБАЙ КУНАНБАЕВ.....	176
СЕЙФУЛГАБИТ МАЖИТОВ.....	182
СТЕПАН МАЙНАГАСHEB.....	189

ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ.....	197
ШОХФУТУР МУХАББАТШОХЗОДА.....	202
КАЮМ НАСЫЙРИ	207
НИКОЛАЙ НОВИКОВ	213
ПЛАТОН ОЙУНСКИЙ.....	217
СЕРГЕЙ РЫБАКОВ.....	228
КАНЫШ САТПАЕВ.....	235
ТОКТОГУЛ САТЫЛГАНОВ	242
НИКОЛАЙ ТЕРЁШКИН.....	246
АЛЕКСАНДР ТОПАНОВ.....	253
КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВ.....	263
ШОКАН УАЛИХАНОВ.....	267
АБДУРАХМАН УМЕРОВ	273
МУХАМЕТСАЛИМ УМЕТБАЕВ	281
РИЗАИТДИН ФАХРЕТДИНОВ	293
АБДУРАУФ ФИТРАТ.....	302
МИХАИЛ ЧЕВАЛКОВ	305
АНДРЕЙ ЧОЛДАК-ООЛОВИЧ АШАК-ООЛ.....	311
АВКСЕНТИЙ ЮРТОВ.....	317
ИВАН ЯКОВЛЕВ	321
ЯНОШ АПАЦАИ ЧЕРЕ.....	335
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	340
СОДЕРЖАНИЕ	344

Научно-популярное издание

Выдающиеся просветители Евразии

Редактор Т.В. Подкопаева

Технический редактор И.В. Пономарев

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 14.12.2020.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. – 22,68. Уч.-изд. л. – 21,1.

Тираж 100 экз. Заказ № 753.

Отпечатано: ИП Копыльцов П.И. Заказ № 193.

394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д.27 кв. 56

Тел.: 8 950 7656959, e-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru